ТРАГЕДИЯ И ПРОЗРЕНИЕ

АКИМАТ СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ
ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ ВЕТЕРАНОВ
СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРАГЕДИЯ

И

ПРОЗРЕНИЕ

г. Петропавловск
2002 г.

Библиотека центральная
Библиотека
Северо-Казахстанская область

63.3 (2Каз)
Т65

Т65 **Трагедия и прозрение** - сборник архивных материалов и воспоминаний жертв голода и политических репрессий. – **Петропавловск, 2002 г. – 316 с.**

Публикация книги осуществлена в год 10-летнего юбилея Независимости Республики Казахстан и посвящена светлой памяти погибших от политических репрессий, выжившим в тяжелейших условиях тоталитарного режима, их потомкам.

Книга содержит воспоминания жертв политических репрессий и их родственников, новые архивные материалы.

Адресована широкому кругу читателей, всем тем, кому небезразлична история родного края и своего народа.

Т $\frac{0503020905}{00(05)-02}$

ББК 63.3 (2Каз)
ISBN 9965-00-473-0

© г. Петропавловск
2002 г.

ОҚЫРМАҒА

Алдыңыздағы кітап 30-шы және 50-ші жылдардың бас кезеңіндегі саяси қуғын-сүргіннің құрбаны болған біздің солтүстікқазақстандық жерлестерімізге бағышталған. Біздің облыста ашаршылықтың, саяси қуғын-сүргін тимеген ауыл, село, қала жоқ та шығар. Қуғын-сүргінге тұтасымен халықтар ұшырады. Біздің облыс жер аударылып, ата мекендерінен қуылып келген Қиыр Шығыс корейлерінің, поляктардың, Еділ бойы неміс терінің, чечендердің, ингуштардың және басқа халықтардың пана тапқан жеріне айналды.

Жан күйзелген, азап шектірген жылдарды еске алу оңай емес. Бірақ бұл керек. Қоғам қанды террордан жазықсыз жапа корген өзінің азаматтарын ұмыт қалдыра алмайды. Тоталитарлық тәртіштің өз халқына қарсы жасаған қылмыстарын да ақтауға не кешіруге болмайды.

Атың өшкір ГУЛАГ зұлматынан тірі қалып, аман оралғандар бірен-саран ғана. Солардың екеуі ғана табылды. Алайда "халық жауларының" балалары тірі. "Арнайы қоныс аударушылар" тірі. Олар аза тұтады. Көз жастары құрғаған жоқ. Көп дүниені олар ұмытпаған.

Қолыңыздағы кітап негізінен солардың естеліктерінен құралған.

Өткендегі қылмыстар туралы шындық мұндайлардың қазір де, болашақта да қайталанбасына кепіл болмақ. Жүгенсіздік пен зорлық-зомбылыққа жол жоқ деген сөзді адамдар кесіп айтуға тиіс.

К ЧИТАТЕЛЮ

Книга эта посвящена памяти наших земляков-североказахстанцев – жертв голода начала 30-х годов и политических репрессий 30-х – начала 50-х годов. Вряд ли есть село, аул, город в нашей области, которых не

коснулись голод, политические репрессии. Репрессиям подверглись целые народы. Наша область стала местом ссылки, спецпереселения корейцев Дальнего Востока, поляков, немцев, чеченцев, ингушей и других народов.

Вспоминать о гнетущих, горьких годах тяжело, но необходимо. Общество не может предать забвению своих граждан, безвинно пострадавших от кровавого террора. Нет оправдания преступлениям тоталитарного режима против своего народа. Об этом можно сказать словами поэта:

И нельзя промолчать,
Как нельзя допустить
Повторения прежних кошмаров,
От которых и волосы дыбом встают
У того, кто услышал хоть раз
О печальной судьбе миллионов.

Единицы уцелели и вернулись из ГУЛАГа. Из них сегодня удалось разыскать в нашей области только двоих. Но живы дети так называемых "врагов народа". Живы многие бывшие спецпереселенцы. Они скорбят, слезы не высохли. Они помнят.

Книга эта в основном состоит из воспоминаний и рассказов об их судьбе. Правда о преступлениях прошлого – одна из гарантий, что подобное не повторится в настоящем и будущем. Люди должны сказать решительно: "Нет произволу и насилию!".

I. СТРОГО ДОКУМЕНТАЛЬНО
(исследования историков, краеведов)

ҚАСІРЕТ ПЕН ҚАЙҒЫ ЖЫЛДАРЫ
Магазов Қ.

Сталинизмді алғашқыда жасқаншақтай айыптаудан қоғамдық сана 90-ыншы жылдардың басында тарихи өткенімізді тануымыз жалған болып келгенін мойындауымыз керек. Советтік идеологтар еліміздің дамуын боямалап көрсетіп, шындықты халықтан жасырудан айнымады.

Иә, бесжылдықтардың ұлы құрылыстары тұрғызылып, мыңдаған заводтар мен фабрикалар бой көтерді, өнеркәсіптің жаңа салалары пайда болды. Бүкіл елді жаппай электрлендіру, тегін білім беру, тегін медициналық қызмет көрсету жүзеге асырылды. Ғасыр басында артта қалған патшалық империя советтік кезеңде ұлы державаға айналды. Бұл өткенді көксеу емес, тарихи шындық.

Сонымен бірге 30-шы жылдардың соңында шаруаларды жаппай қуғын-сүргінге ұшырату, террор, тұтас халықтарды депортациялау орын алғаны да шындық.

Барлық оқулықтарда, ғылыми еңбектерде коллективтендіру маңызы жағынан Октябрь революциясынан кейін екінші революция, коллективтендіру шаруалар мәселесін шешудің үлгісі деген тұжырымдама орнықты. Ал шын мәнісінде колхозшылар кедейшілік, құқықсыздық жағдайында болды. Олардың СССР азаматтарының паспортын алуға, кәсіптік одақтарға бірігуге құқықтары болмады. Белгіленген еңбеккүн минимумын орындамағаны үшін колхозшылар жұмысынан шығып қалатын. Хрущев тұсында жеке меншік мал санына шек қойылып, үй іргесіндегі учаске көлемі белгіленді. Осылайша репрессия колхозшылардың қыр соңынан қалған жоқ.

Ауыл шаруашылығы билік басындағылардың тұрақты эксперимент аймағына айналды. Колхоздар мен совхоздарды қайта ұйымдастырудың, ірілендіру мен бөлшектеудің қаншамасы өтпеді десеңізші. Ауыл шаруашылығын көтеру жөніндегі шаралар туралы СОКП Орталық Комитеті мен Совет үкіметі қабылдаған

қаулыларда қисап жоқ. Сонда да қалаған нәтижелерге қол жеткізілмеді. Мұның тамыры шаруаларды жер қожасы құқығынан, өз еңбегінің жемісіне өзі ие болу құқығынан айырған 20-шы, 30-шы жылдарға кетеді. Коллективтендіру, оның сорақы салдары тарихымыздын ең қасіретті парақтарының бірі болып табылады.

1. КОЛЛЕКТИВТЕНДІРУДІҢ КЕСАПАТЫ

20-шы жылдардың екінші жартысы мен 30-шы жылдардың басы бұрынғы Совет Одағында ескіні қирату және жаңа, социалистік өндірістік қатынастарды күшпен енгізу жылдары болды. Сол жылдардағы терең өлеуметтік-экономикалық дағдарыстың себебі де осы еді. Әсіресе, ауыл-селолар қасіретті жағдайды бастан кешірді. Тап ретінде кулактар мен байларды жою негізінде күшпен таңылған жаппай коллективтендіру деревнядағы өндіргіш күштерді қиратты. Елде азық-түлік жетіспеді, халықты жабдықтаудың карточканың жүйесі енгізілді. Осы жағдайда Сталиннің назарына Қазақстан ілігіп, ол азық-түлік дағдарысын соның есебінен бәсеңсітуді ұйғарды. Бұл үшін Сталин шаруалардың қарсылығын жою қажеттігін түсінді.

Оған ауылды социалистік қайта құру жоспарын мүлтіксіз орындай алатын, сөйтш, Ресейдің орталық аудандарын азық-түлік қорымен қамтамасыз ететін адам керек еді. Т. Рысқұлов, С. Сәдуақасов, А. Байтұрсынов, Ә. Бөкейханов сияқты республиканы басқаруға толық қабілеттері бар қазақ халқының кошбасарларына Сталин сенбеді. Таңдау фельдшер Филипп Голощекинге түсті. Ол ВКП/б/ Қазақ өлкелік комитетінің бірінші хатшысы қызметінде республиканы 1925-1933 жылдары басқарған, қазақ халқының ұлттық мүдделерінен алыс адам еді. Сталин қателескен жоқ. «Ауылдағы экономикалық жағдайларды өзгерту керек, - деп жазды Голощекин Сталинге, егер бұл азамат соғысы болса, біз оны жақтаймыз. Қаннан қорықпай, құрбандықтарға бару керек».

Голощекиннің сөздері оның қанды істерімен қабысып жатты. Оның билеп-төстеуі кезеңіндегі халық қасіретінің тереңдігі мен ауқымын ұзақ жылдар бойы бұрынғы облыстық партия комитетінің арнаулы сақтау орындарында қатаң тыйым салумен сақталып келген құпия архив материалдары айғақтады. Архив парақтарынан Голощекин құйыршықтарының шаруаларды қалай қорлағанын, қазақтарды қазақтарға қалай айдап салғанын,

құрал-саймандарды, малды күшпен тартып алып, қоғамдастырғанын, тікелей ауыл-селоларда қалай сот құрғанын, мыңдаған шаруаларды Арал теңізіне қалай айдағанын айнытпай аңғаруға болады. Аштықтан денелері күп болып іскен, оліп бара жатқан балалардың, жас аналардың, қариялардың күрсінісі естіледі, өліктерге толы орны ғана қалған ауылдар көзге елестейді.

Голощекин өзінің залым ойларын күштеп коллективтендіру, күштеп отырықшыландыру, кулактар мен байларды жою жолымен іске асырды.

Қазақ интеллигенциясының өкілдері қазақ халқының отырықшылануын қолдамай, оз ұсыныстарын жасады. Мәселен, «ұлтшы» ретінде 1929 жылы тұтқынға алынған Ахмет Байтұрсынов терғеуде өзі және озінің жақтастары отырықшыландыруға қарсы еместігін айтқан. Бұл үшін қазақтарға алдымен жер бөлініп беріп, жұмысын жүргізу керек. 1929 ж. Санақ бойынша Солтүстік Қазақстан облысында (ол жылдары Петропавл округі) 36 мың қазақ қожалығының 98% көшпенді және жартылай көшпенді болған. Шаруашылық жүргізудің дәстүрлі формасы көшпенді мал шаруашылығы болған, ол үлкен шығымсыз арзан мал онімдерін берген.

Голощекин қазақтар тұрмысының әлеуметтік-экономикалық сипатын мойындамаған және оның көңіл-күйіне қарай ҚазЦИКтің екінші сессиясы жаппай коллективтендіру негізінде қысқа мерзім ішінде жаппай отырықшыландыру туралы шешім қабылдаған. 1930 ж. 19120 қазақ қожалығы отырықшыландырып, колхоздарға біріктірілген. Қазақ өлкелік партия комитетінің шешімімен округ территориясында ірі отырықшы пункттер қазақ қалашықтары - Өрнек, Майбалық, Баян, Қарағаш және басқалар құрылған. Олардың әр қайсысында үш мыңдай адам болуы жоспарланған. Олардың мақсаты рулық колхоздар құруға жол бермей, сол арқылы туысқандық қатынастарды үзу болатын. Қазақтар мұны қабылдамайды да іле бытырап кетеді.

Коллективтендіру жоғары қарқынмен жүргізілді, оның барысын Голощекиннің жеке өзі бақылады, бақылау цифрлары соның қол қоюмен жүріп жатты. Егер 1928 ж. бар болғаны 453 колхоз, соның ішінде 81 қазақ колхозы болса, 1930 ж. 10 ақпанына 126437 қожалықты қамтыған 1302 колхоз, соның ішінде 64665 қожалықты қамтыған 668 қазақ колхозы болды. Өлкелік партия комитеті округтік комитетке 1930 жылдың аяғына қарай коллективтендіру 100% аяқталуы тиіс.

Күштеп коллективтендіру шаруалардың қарсылығын, жапай толқуын туғызды. Ауылдар мен селоларда наразылық ретінде шаруалардың колхоздардан жаппай шығуы, малды сою мен сату күшейді. 1930 ж. колхоздардан 7820 қожалық шықты. ОГПУ бастығының орынбасары Шуваловтың облыстық партия комитетінің хатшысы Беккердің атына 1932 ж. 23 ақпанында жазған хабарламасында "Коммуна колхозының № 2 ауылынан 28 қожалық, К Маркс колхозынан 58 қожалық қоныс аударғаны" айтылған. Себептері: үлкен төлемдер, азық-түліктің жоқтығы. ОГПУ-дың басқа бір хабарламасында былай делінген "4 ауылда партия ұясының хатшысы Кокиновтың, коммунист Мұсабаевтың инициативасы бойынша 100 колхозшы сиырларды бөлш алуға әрекет жасады. Ауданішілік поселкенің коменданты Мусин тапаншадан әуеге оқ атып, малды бөлін алуды болдырмады. Ленин ауданының Леонидовка селосында, Бірлік ауылында сиырларды бөліп алды. Себеп: сиырлар күшпен қоғамдастырылған".

Халық арасында мына сипаттағы антисоветтік үрандар таратылған: "Ағайындар,- делінген И. Чинов жазған үндеуде, қазір бұл үкіметтің шаруалардың жауы екендігіне баршаның көздері жеткен сияқты. Бәріміз бірауыздан айтайық: "Аштық өліміне дейін жеткізген үкімет құрысын".

Осындай жағдайда байланысты ВКП(б) округтік комитеті кедейлерге, колхозшыларға сөз арнап, колхоздардан шығу, мал мен құрал-саймандарды бөліп алу жиілеп кеткенін, мұның байкулактар үгітінің өсерімен болып жатқанын, колхоздардың таяуда тұралап қалатынын, арандатуға берілмеу керектігін айтады.

Селолар мен ауылдардағы неғұрлым жағымсыз оқиғалар қаскөй тап ретінде кулактарды, байларды жою саясатына байланысты болды. Голощекин округтік комитеттен "кулактарға, байларға тағылық қысым жүргізуді, олардың мүлкін тұтқындау мен тәркілеуді" талап етті. 1929 ж. 18 маусымындағы жеделхатында округтік комитетке мынадай міндет қойыпты: "кулактарға, байларға, ауқатты орташаларға қатысты қысым жасаудың, байкоттың, айыптаудың, қоғамдық репрессияның барлық түрі күшейтілсін". 1930 ж. жеделхатында Голощекин нақты нұсқау береді: "Барлық шаруашылықтарда кулактар мен байларды толық анықтау қамтамасыз етілсін". Селодағы жалпы түтін санының 5% тәркілеуге тапсырма беріліп, тәркілеу мен қонысынан аударудың мерзімі - 10 күн болып белгіленеді. Голощекиннің

тапсырмасын орындау үшін округтік партия комитетінің уәкілдері әрбір ауылда, селода кедейлердің жиналыстарын өткізіп, оларда байлардың, кулактардың, ауқатты шаруалардың бір бөлігінің күні бұрын жасалған тізімдері талқыланады. Бұл ұстауына рұқсат ететін нұсқауларына қарамастан, малды тегіс қоғамдастыру жүргізілгенін жазады. Соның салдарынан бірқатар аудандарда малдың кемуі 75-100% дейін жеткен. Төңкеріс ауданы (біздің облыстағы қазіргі Жамбыл ауданының аумағы) Преснов ауданын малды 100% қоғамдастыру жөнінде жарысқа шақырады, сөйтіп, халық қолындағы малдың денін жайратып, сойып тастайды.

ВКП(б) Орталық Комитетінің көшпенді және жартылай көшпенді аудандарда коллективтендіруді аса асықтырмау туралы дерективаларына қарамастан, Қазақстанда орта есеппен 1931-жылдың 1 қаңтарына коллективтендірумен қамтылу 32% болғанда қазақ қожалықтарын коллективтендіруді 61,2% болды. Өлке бойынша бұл көрсеткіштер сәйкес түрде 73,4 және 90% болған.

Бұдан әрі Т. Рысқұлов біліктілікпен Қазақстандағы мал шаруашылығының даму перспективасы және бұл мәселедегі Голощекиннің қателіктері туралы жазады (ол оны қылмыс деп атай алмаған). Әртүрлі зерттеулердегі деректер бойынша мыналар анықталып отыр, - деп жазады ол, – Қазақстанның табиғи жемшөп қорларымен 50-60 млн. бас малды азықтандыруға әбден болады ... ал егер жайылымдарды жақсартып, оларды дұрыс пайдаланса және екпе шөптерді, егін шаруашылығының қалдықтарын есепке алса, онда Қазақстанда орасан зор мүмкіндіктер бар. Егер жер көлемі мен халқының саны жағынан Қазақстанмен шамалас және территориясының 8% ғана егіншілікке берілген Аргентина 100 миллиондай мал болса және ол дүние жүзіндегі ет экспортының тең жарымына жуығын беріп отырғанда, біз неге Қазақстанды мал шаруашылығының шын мәнісіндегі іргелі базасына айналдыра алмаймыз.

Сондықтан да Қазақстанда малды жайылымда бағудан бас тартып, көбінесе құрамды екпе жемшөппен азықтандыру үшін малды қолда ұстап бағуға көшу керек деген ұсыныс дұрыс емес... Атап айтқанда, Қазақстан өлкелік партия комитетінің III пленумында 1932 жылға арналған бақылау цифрлары туралы сөйлеген сөзінде Голощекин жолдас қазақ ауылын қайта құру міндеттерін былайша белгіледі: "Социалистік ауыл дегеніміз – поселкеде тұратын халқы бар, европалық үлгідегі тұрғын үйі,

қоғамдастырылған ауыл-шаруашылық құрал-саймандарды мен малға лайық қора-жайы бар отырықшы ауыл. Мал шаруашылығы-товарлық фермалар түрінде".

Орасан зор табиғи жайылымдар байлығын пайдалану және оны жақсарту мәселелері ескіліктің "байшылдық" сарқыншақтары ретінде қағажу қалдырып отыр. Мәселені бұлайша қойғанда орасан коп астық пен құрамды жемшөптің бір бөлегін сырттан тасуға тура келер еді.

ВКП (б) Қазақстан өлкелік комитетінің 1932 жылғы 28 шілдедегі шешімінде қазақ колхоздарына үй қоянын, құс шаруашылығын, өсімтал шошқаны енгізуді кеңейту туралы айтылады. Дұрыс, бұл жұмысты өрістету керек, алайда, қазақтар әзірге шошқа шаруашылығымен айналыспай отырғанын, қояндар дегеннің не екенін білмейтінін, сондықтан оларды отырықшы жерлерде өсіру керектігін және құсты да отырықшы жерлерде өсіруге болатынын ескеру керек. Ал басқа түліктер жөніндегі орасан зор мүмкіндіктер ауызға да алынбайды. Мысалы, шошқадан соңғы ең өсімтал түлік - қой туралы айту керек еді, ол бір жыл ішінде толық салмағына жетеді, еті майлы және жүні мол, далалы жерде өсіруге бейім, сондықтан еліміздің ет пен жүнге қатты зәру болып отырғандығына байланысты осы түлікке баса назар аудару керек.

Тұрар Рысқұловтың 1933 жылдың 9 наурызындағы ВКП/б/ Орталық Комитетінің ауыл шаруашылық бөліміне - Каганович жолдасқа, СССР Халық Комиссарлары Советіне-Молотов жолдасқа хаты жүрек қанымен жазылған. Осы хаттан үзінді келтіреміз:

"Аштық пен індеттің салдарынан бірқатар қазақ аудандарында және қонысынан ауғандар арасында адамдардың қырылып жатқаны сонша, бұл мәселе орталық органдардың шұғыл араласуын қажет етіп отыр, Қазақстанда қазақ халқының белгілі бір бөлігі душар болған мұндай мұшкіл жағдай өзге олкелердің, не озге республикалардың ешқайсысында жоқ. Бұл мәселенің маңызы зор болғандықтан Сіздің осы хатпен танысып, аталмыш жайға араласуыңызды, сөйтіп түбіне аштық жеткелі тұрған көптеген адамдардың өмірін сақтап қалуға көмектесуіңізді өтінемін".

Қонысын тастап, Қазақстанмен көршілес өлкелерге көшкен қазақтардың мекен-жайларынан келіп түскен, шамамен алынған соңғы деректерге қарағанда, қазір Орта Еділде-40 мың, Қырғызстанда - 100 мың, Батыс Сібірде - 50 мың, Қарақалпақстанда-

20 мың, Орта Азияда-30 мың қазақ бар. Қонысынан ауғандар Қалмақ жеріне, Тәжікстанға, Солтүстік өлкеге және басқа осы сияқты шалғай жерлерге де көшіп кетті. Бұл – қазақтардың жай көші-қоны емес, көп ретте аш адамдардың талғажау іздеп, басы ауған жаққа кетуі.

Қонысынан ауғандар арасында аштық пен індет негізінде өлім-жітімнің көптігі байқалды. Бірқатар өлкелерден РСФСР Халық Комиссарлары Советі комиссиясының жұмысына қатысу үшін келген өкілдер мынадай фактілерді мәлім етеді. Илларионов жолдас (Орта Еділ өлкелік атқару комитетінен) қонысынан ауып келгендерден күн сайын 5-10 адам өлетінін айтты, Алағызов жолдас (Батыс-Сібір атқару комитетінен) бір ғана Сібір темір жолы бойындағы станцияларда 10 мың қазақтың соғылысып жүргенін, күн сайын 15-20 адам өлін жатқанын хабарлады.

Қонысынан ауғандардың хал-жағдайы Қазақстанның өз ішінде де аз емес. Қазір Ақтөбе облысында жұмыс істеп жүрген Қызыл Кресттің Москва қонысының баяндамасында қазақтарды аштық пен індеттің жайлап алғаны баяндалады. Аш-арықтар төгілген қоқыстарды ақтарып, тамақтан өтетіннің бәрін талғажау етін, жабайы өсімдіктердің тамырларын, ұсақ жәндіктерді жеп күнелтуде. Жергілікті органдардың деректері бойынша Торғай және Батпаққара аудандарында халықтың 20-30% қырылып қалды. Шалқар ауданының бірқатар ауылдық Советтерінде халықтың 30-35% опат болды. Қазақ халқының әр жерде әрқалай қырғынға ұшырап жатқаны жөніндегі мұндай мысалдарды басқа да бірқатар қазақ аудандарынан келтіруге болады. Қазақстанның қалалары мен темір жол станцияларында қаңғып қалған панасыз балалар қаптап жүр. Қазақ әйелдері балаларын мекемелер мен үйлердің алдына тастап кетуде. Қазақ органдары 1932 жылдың аяғында-ақ панасыз қалған тағы да 50 мың қазақ баласының ешқайда орналастырылмағанын ресми түрде хабарлады. Балалар үйлеріне панасыз қалған жетімдер сыймай жатыр және олардың арасында да өлім көп.

Комиссия тексерген кезде Семей ауданындағы балалар үйлерінің бірінен уақытында алып кетуге болмай, үй астындағы төледе жатып қалған 20 қазақ баласының іріп-шіри бастаған оліктері табылған. Әдетте 100-150 кісілік балалар үйлерінде күніне 1-2, әйтпесе 3 бала шетінейді. Бала атаулыға мүлдем құрып кету қаупі төніп тұр.

Ашыққандарға арналған астықтың көбі талан-таражға түседі, ал бір болігі қайтадан астық дайындау есебіне өткізіледі. Өлкелік орғандар ашыққандар үшін бөлінген астықтың қалай жұмсалғаны жөнінде аудандардың көпшілігінен осы күнге дейін мәлімет ала алмай отыр.

Мұның бәрі кездейсоқ жайт емес, белгілі бір дәрежеде өлкелік партия комитетінің бұрынғы басшылары жүргізген бағыттың салдары. Қай жерде болсын ашаршылық жайлағанын соның салдарынан аштан өліп жатқандар бар екенін ресми түрде айтуға тыйым салынған. Ол ол ма, жергілікті қызметкерлер мал басының кеміп бара жатқанын айтуға бата алмаған. Қазақстанның өкілдері Москваға талай келіп жүріп, Қазақстанда болып жатқан жағдай туралы бірде-бір рет орталықтағы совет органдарының алдына ресми түрде мәселе қойған емес. Керек десеңіз, олар қоныстан ауу себептерін басқаша түсіндіруге тырысқан. Голощекин жолдас мал басының кеміп кетуі жөнінде пікір айтқан Торежинге және басқаларга тойтарыс беріп, қоныстан ауушылыққа тігісін жатқызып, мынадай түсініктеме береді: "Бұрын ауылынан ұзап шығып көрмеген қазақ өзінің көш-қон өрісінен басқа жолды білмеген еді, ал енді Қазақстанның бір ауданынан екінші ауданына оп-оңай көшіп барып, орыс, украин колхоздарына кіріп, Еділ бойына, Сібірдің шаруашылық құрылыстарына жұмысқа ауысып жатыр". Бұл теорияны, әрине, өзгелер де іліп әкетті, бірақ біз ілгеріде келтірілген мысалдардан бұл сияқты қоныс аударушылықтың қандай зардаптарға апарып соқтыратынын көріп отырмыз.

Қазақ халқы турасында бұл жағдайды бұдан әрі осы күйінде қалдыруға болмайды. Ашыққан қазақтарға жедел көмек көрсетіп, індетке қарсы күресіп қана қоймай, сонымен бірге осы құбылыстың негізгі себептерінің тамырына балта шабатын шараларды жүзеге асыруды да барынша жұмыла қолға алу керек. Ал мұндай себептердің түп тамыры неде?

Қазақтардың қонысынан аууы мен шаруашылығының шайқалуына негізгі себептердің бірі - мал басының кемш кетуі. Бүкілодақтық мал санағының мәліметтеріне қарағанда, Қазақстанда 1928-1929 жылдардағы 40 млн. бас малдан санақ кезінде 5397 мың бас қана мал қалғаны, яғни мал басының 85,5% кеміп кеткені анықталды. Соның ішінде 1931 жылғы ақпанға дейінгі аралықта мал басы 55% кемген (бұл жолы ССРО-да жалпы мал басының кемуі 16,7% болған). Қазақтардың қолында 1929

жылғы бар малдың 6% жетер-жетпесі қалған. Қазақтардың жерін тартып алуды көсінке айналдырған патшалық құрылыс тұсында жерге қоныстандыру басқармасының өзі де көшпелі шаруашылықта бір отбасынан қалт-құлт етіп күн көруі үшін ғана кемінде 30 бас малы болуы керек деп есептеген-ді.

ВКП (б) Қазақстан өлкелік комитеті 1931 ж. 30 шілдеде қаулы алып, "Мал шаруашылығымен айналысатын аудандардың алдына коллективтендірудің неғұрлым жоғары қарқынды шебіне шығу міндеті қойылсын" деген.

СССР баспасозінде жарияланған деректерге қарағанда 1931-1933 жылдары дөнді дақылдарды жинау көп жылғы орта көрсеткіштен төмен болмаған және мамандардың айғақтауынша аштық қатері төне қоймаған. 1931 ж. Қазақстан аштыққа ұшырағанда Мәскеу 51,8 млн. ц. астықты экспортқа шығарған. Голощекин ашыққандардан тартып алынған қазақстандық астықтың қайда кетіп жатқанын білген. Архивтерде адамдарды аштан өлуден құтқару туралы Голощекиннен түскен бірде-бір құжат жоқ. Ол партия орғандарына ОГПУ-ден түсіп жатқан суық хабарлар туралы білмеді емес. Солардың кейбірін келтіре кетейік:

Дәрігер Сейітов пен республика Атқару комитетінің окілі Әбетов жүргізген зерт актісінен: "Отырықшыланған екі пункттегі үйлерді аралап, тексеріп шықтық. Соның барысында халықтың қалдықтарды қорек ететіне, жаланаш сүйек-саяқтан ешқандай қоректік қасиеті жоқ сорпа қайнататынына көз жеткіздік. Кейбір семьялар ит етін талшық етуде. Колхоздарда адам өмірін сақтап қалуға ешқандай азық-түлік жоқ.

Биғара Қиғариннің семьясы - колхоз мүшесі, алты жаны бар, оның үшеуі бала, қара сумен ғана қоректенеді, арып-ажыған, ісіп кеткен. Сыздыков Қуанның семьясы - 3 жаны бар ит етімен қоректенуде. Бөлмеде сасық іис. Қожан Кенжебаевтың семьясы - 6 жаны бар. Біз аралап жүрген сәтте 10 жасар бала қоңысты қопарыстырып, сүйек тауып алып, сорып түрды.

Шоқы поселкесінде бұрын 114 түтін болса, 60-ы қалған. Халқы өліктен, бүлініп, иістенген етпен, сүйек сорпасымен, қара сумен қоректенуде.

Көне Кемпірбай ауылында Әміровтің семьясында 9 жан бар, өзі азық-түлік іздеп кеткен, қайда екені белгісіз. Ұлы - Қали, 22 жасында 10 мамырда арып-ашығу салдарынан өлген. Ахметхан 4 жасында 1932 жылы 16 сәуірде дуние салған. Ахметолла 17

сәуірде өлген. Әйелі мен қызы өлім халінде, ұлы Ақат - 7 жаста, шығар-шықпас жаны бар.

148 адам ұзақ уақыт бойына тамақ ішпегендіктен іштері өтіп, ауырады.

Аудандық дәрігер Сейітов
РИК өкілі Әбетов.

1932 жылы 17 мамырда (Солтүстік Қазақстан облысының партия архиві, 22-ші кор).

ОГПУ бастығының облыстық партия комитетінің хатшысы Беккерге ақпаратынан:

"Төңкеріс ауданындағы Ильич колхозының № 5 ауылында колхозшыларға нан берілмейді. Дүркін-дүркін жекелеген колхозшыларға өлген малдың еті беріледі. Колхозда ісіну мен өлім жәйттері бар. Ісінгендер барлығы-36 адам. 25 ақпан мен 14 наурыз аралығында 5 адам аштан өлді.

"Путь к социализму" колхозында 10 маусымнан бері 20 адам өлді.

Булаев ауданының Тоқшын станциясында станциялық базарда адам етінен пісірілген пирожкилер сату орын алғаны туралы болжам таратылуда. Аудандық партия комитетінің уәкілі Ширлов мұны кісі жеу фактісі ретінде түсіндірді.

Сүзек індеті фактілері бар, 16 мың адам өлді.

Төбе шашты тік тұрғызатын осы және басқа хабарлар Голощекинді селт еткізбеген, өйткені жаппай аштық оның өз қолымен жасаған ісі еді. Ол Сталинге берген сөзінде тұрды. Қан мен құрбандықтардан қорықпастан астықты, етті сыпыртып-сиырып, орталыққа жөнелтумен болды. Голощекин миллиондаған адамдарды қырғаны үшін жауап бермейтінін білді. 1933 ж. ол қызметі жоғарылатылып, Мәскеуге ауыстырылды.

Аштықтың негізінен қазақтар қырылды. 1929 ж. қазақтар 220 мың адам болған. 1939 ж. санақ бойынша облыста 58500 ғана қазақтар тұрған, яғни 160 мыңға азайған, оның есесіне облыс халқының жалпы саны 40% өскен.

2. СТАЛИНГЕ ХАТ

СССР-дің барлық аумақтарындағы коллективтендіру қатаң күштеу шараларымен жүргізіліп, мыңдаған ауыл-селоларды тақырға отырғызды, ауыл шаруашылығының күрт құлдырауына

әкелін соқтырды. Бірақ коллективтендіру бірде-бір облыста, өлкеде, республикада Қазақстандағыдай қасіретті салдар қалдырған жоқ. Шаруалардың қайыршылық жағдайы, жаппай аштық қатардағы түрғындардың ғана емес, сондай-ақ Қазақстанның сол тұстағы белгілі мемлекет қайраткерлерінің де ашу ызасы мен наразылығын туғызды. Тарихтан 1932-жылдың 4 шілдесінде біздің әйгілі жерлесіміз Ғ. Мүсіреповтің, "Казгосиздаттың" меңгерушісі М.Ғатаулиннің, Комвуздың проректорының орынбасары М. Дәулетқалиевтің, Комвуздың оқу ісі жоніндегі проректоры Е. Алтынбековтің, Республика Жоспарлау комитеті энергетика секторының меңгерушісі Қ. Қуанышевтің Голощекинге жазған хаты белгілі. Онда авторлар партиялық әдепті сақтай отырып, бұрын-соңды болып көрмеген мал басының азаюын, астық қорының жоқтығын, ашыққандарға көмектесу қажеттігі туралы баяндап, малдың соншалықты қысқаруына, көптеген аудандарды қамтыған аштыққа неліктен дабыл қағылмайтындығына наразылық білдірген пиғылдың ұлтшылдық көрінісі ретінде бағалады. Авторларды райларынан қайтуға мәжбүр етеді.

Голощекиннің халыққа қарсы қимыл әрекеттері, коллективтендірудегі асыра сілтеушілігі РСФСР Совнаркомы Төрағасының орынбасары Тұрар Рысқұловтың 1932 жылдың 9 наурызда Сталинге жазған хаттарында жан-жақты ашып көрсетіледі. Оларда Рысқұлов қазақтардың негізгі байлығы - мал басының күрт кемуінің себептерін тарқата түсіндіріп, мал шаруашылығын көтеру, қонысынан ауғандар мен ашыққандарды құтқару жөнінде нақты ұсыныстар жасайды.

Тұрар Рысқұлов Сталинге ВКП (б) Орталық Комитетінің Қазақстанның жартылай көшпенді және көшпенді аудандарында қазақтардың әр түтінінде жеке пайдалануда 100-ге дейін қой, 8-10 қара мал, 3-5 түйе, 8-10 жылқы бар болғанын жазды.

Т.Рысқұлов өз хатында нақты ұсыныстар енгізеді: "Орталық Комитеті тарапынан қоныс аударған қазақтары бар өлкелік, облыстық комитеттер мен республикаларға оларды жұмысқа орналастыру, ССРО Халық Комиссарлары Советіне қазақтарға жәрдем корсету үшін қажетті азық-түлік және өнеркәсін товарлары қорларын бөлуді тапсыру жөнінде шұғыл нұсқау берген жөн". Қазақстан өлкелік партия комитетіне қазақтардың қонысынан ауып, Қазақстаннан тыс жерлерге көшуін тоқтату шараларын қолға алу, ашыққандарға дереу көмек ұйымдастыру ұсынылсын.

Қазақтарды отырықшыландыру жоспарын қайта қараған жөн.

Диктаторлық режим мен Голощекиннің Сталинге жақындығы жағдайында Рысқұлов Голощекиннің қылмыстарын қылмыс деп ашық айта алмады, сөйтіп оларды қателіктер, "асыра сілтеу" деп айтуға мәжбүр болды. Алайда Сталин Рысқұлов хаттарының мазмұнынан миллиондаған адамдардың аштықтан қырылуына тікелей Голощекин кінәлі екендігін түсінбеді емес.

Демографтардың деректеріне қарағанда, Қазақстанда 1931-1933 жылдардағы аштықтан 2 миллионнан астам қазақтар қырылған. Тағы бір миллионнан астамы республиканы тастап кеткен. Голощекиннің қанды билігі жылдары республикадағы қазақтардың саны 1926 жылғы 6 млн. 678 мыңнан 1933 жылы 2 млн. 493 мыңға дейін азайған. Бұл қасіретті ақтабан шұбырынды жылдарымен, Шыңғыс ханның, жоңғарлардың шапқыншылық кезеңімен де салыстыруға келмейді. Мәселен жоңғарлармен соғыста бір миллиондай қазақ, аштыққа қарағанда екі есе аз қырылған. Голощекиндік геноцидтің шындығы осындай. Халық қазаға ұшырағандарды күні бүгінге дейін көздерінен жасын ағыза еске алады. Бұл – ұлтымыздың айықпас жарасы.

Қазақ халқы өзінің тамаша ұлы Тұрар Рысқұловты мақтан етеді. Ол қатал жазалатынынан қаймықпаған өзінің қандастарын құтқару, аман алып қалу үшін күресті. Егер республикамызды ол басқарса, 1931-1933-жылдардағы трагедияға жол бермер еді.

1937 жылы қамауға алынғанша он жыл бойы Т. Рысқұлов РСФСР Халық Комиссарлары Советі Төрағасының орынбасары болып істеп, советтік экономиканың дамуына өз үлесін қосты. Халық жауы ретінде 1938 жылы 44 жасында атылды. Оның Сталинге жазған хаты да кесірлі роль атқарғаны анық.

3. ТАТУЛЫҚ ПЕН ЕСКЕ АЛУ ЖЫЛЫ

Елде 20-шы жылдар мен 30-шы жылдардың басында қолданылған репрессияның төтенше шаралары тоталитарлық тәртіпті қанағаттандыра қоймады. "1933-жылдың қаңтарында БК(б)П Орталық Комитеті мен Орталық Бақылау Комиссиясының біріккен Пленумында сөз сөйлеген Каганович біз адамдарды аз атудамыз деп, онсыз да қатал репрессияны қатайта түсуге шақырған. ("Правда", 1933-жылдың 3 қазаны). Соған қарамастан, басшы кадрлардың орта және төменгі буындары төтенше жүйеге қарсылық білдіріп, елдегі жағдайды қалыпқа

келтіруді жақтаған. Кадрларға сенімсіздік пен жоғарының нұсқауы бойынша "Сенімсіз", "өңін айналдырған" қызметкерлерден партия, кеңес органдарында оқтын-оқтын тазартулар, басқаша ойлайтындардың соңына шырақ алып түсу соған байланысты болған. Сөйтіп, бұрынғы оппозиционерлердің көзін құрту, оларды жаппай тұтқындау орын алды, төтенше органдар – ерекше кеңестердің, үштіктердің өкілеттіктері күрт артты. Осының бәрі БК(б)П Орталық Комитетінің ақпан-наурыз Пленумында (1937ж.) қолдау тауып, одан әрі дамытылды. "Жауларды тани білу, - деді Сталин, - әр большевиктің қанына сіңген қасиеті болуға тиіс". Пленум шешімдерінде Сталиннің "Халықтың қаскөй жауларының бет-пердесін ашуда Ішкі істер Халық Комиссариаты бері салғанда төрт жылға кешікті" деген қанагаттанбаушылық пайымдауы көрініс тапты. Пленум агенттер, троцкийшілдер халық шаруашылығының барлық саласына, партия, кеңес органдарына кіріп алғандығын, атап көрсетті. Осылайша бүкіл ел бойынша террор тетігі іске қосылды.

Облыстық партия комитетінің 1937-жылғы 1-3 сәуірдегі пленумы сталиндік нұсқаулар рухында өткізілді. Баяндамашы мен жарыссөзге шыққандар облыстық партия комитетінің бюросын, кадрларды іріктеудегі асыра сілтеушілікті өткір сынға алды, ауыл шаруашылық артелінің сталиндік Жарғысы, сталиндік Конституция бұрмаланатыны туралы айтты. Пленум қабылдаған қаулыда былай деп атап көрсетілген: "Еліміздің капиталистік қоршауда тұрғандығын ұмыту – халықтың қас жауларына, герман-жапон фашизмнің троцкистік агенттеріне, контрреволюцияшыл ұлтшылдарға, олардың жексұрын арандатушылық және зиянкестік қызметіне қолайлы орта туғызды. Петропавлда және аудандарда жаулардың ұзақ уақыт бойы және жазасыз әрекет етін келу фактісін осымен ғана түсіндіруге болады. Осынау қаһарлы шешімді жақтап дауыс берген обкомның көптеген мүшелері қас дұшпан ретінде кешікпей тұтқынға алынады. Облыстық, қалалық, аудандық партия комитеттерінің төрағалары, облыстық ұйымдар мен ведомстволардың, колхоздар мен өнеркәсіп кәсіпорындарының басшылары түрмеге қамалды. Бұлар Сталиннің партияның XVII съезінде-ақ /1934ж./ жұмысты тежеп, елдің ілгерілеуіне кедергі келтіріп отырған, дандайсыған адамдар деп атаған орта және төменгі буынның кадрлары болатын. Ал, іс жүзінде бұлар төтенше шараларға қарсы болды, жеті жылға созылған бірінші дүниежүзілік және азаматтық соғыстардан кейін

Мемлекеттік мұрағаты Солтүстік Қазақстан облысы

экономика мен мәдениетті дамыту ісіне үлкен үлес қосты. Ауыл-селоларда түңгыш рет ашылған емдеу мекемелері, мектептер, кітапханалар, жаңа зауыт, фабрикалар, жол, тұрғын үй құрылыстары сол жылдары саяси қуғын-сүргіннің құрбаны болып кеткен облыстық, қалалық, аудандық деңгейдегі басшы кадрлардың есімдерімен байланысты. Қариялар жағы оларды ұмытқан жоқ, олардың ақ, адал істеріне әділ бағаларын беріп отырды. Алайда сонау қара түнек жылдары халық заңсыздық етек алып кеткенін іштей білсе де, жазықсыз күйіп бара жатқан жандарға арашы тұра алмады. Барлық жерде де жаппай тұтқындау жүріп жатты. Приишим аудандық партия жиналысында аудандық ішкі істер бөлімінің бастығы: "Біз, ішкі істер қызметкерлері, жеке-дара адамдарды тұтқындағанымызды мақтаныш көріп келдік. Нағыз жаулар астыртын істе жүр, менің оларды табуым әзірге нашар болып отыр", - деп мәлімдеген де, содан соң тездетіп істі "түзеуге" білек сыбана кірісіп кеткен. Тұтқынға алынған "халық жаулары-ның" саны бойынша Приишим аудандық ішкі істер бөлімі сол кезде бірінші орын алды деуге болады. Мұнда тұтқын-далғандардың дені 1937 жылдың жазына келеді, құрбан болғандар механизаторлар, күзетшілер, молдалар, колхоз торағалары, мұғалімдер еді. Аудандық ішкі істер бөлімі бастығының іс-әрекеттері аудандық атқару комитетінің төрағасы Гилкинннің тарапынан наразылық туғызған екен. Көп кешікпей Гилкин "халық жауы" ретінде тұтқынға алынған.

Қатардағы, шала сауатты коммунистердің кейбіреулері күшті насихаттың алдауына еріп, жазықсыз жандардың қаны төгілуіне себепкер болған еді. Ауыл-селолардағы партия жиналыстарында коммунистер егін жиналмай қалса, сүдігер жырту ұзаққа созылса, бұған "халық жаулары" кінәлі деп, оларды әшкерелеуге шақырды. Ендігі жерде шаруашылықтағы кемшіліктің қандайы болсын зиянкестік деп қаралды. БК(б)П Орталық Комитетінің ақпан-наурыз (1937ж.) Пленумының материалдарын талқылауға Октябрь, Жекекөл, Мереке, Бостандық ауылдары коммунистерінің кусталық жабық жиналысында "Бостандық" колхозының төрағасы Әшетовті колхозға байларды қабылдағаны үшін, Төлепбергеновті бай қызына үйленгені үшін партиядан шығаруға бір ауыздан дауыс берілген. Осыдан кейін бұл екі адам "халық жауы" ретінде тұтқындалған.

"Рассвет" колхозында Д.Левухин, А.Бурсов, С.Проскурин, "Қызыләскер" совхозының саяси бөлім бастығы Пущин, колхоз

күзетшісі Нетесов қамауға алынған. Петропавл депосының барлық басшылары, инженерлер Павлов, Мужичков, Лившиц, Меңлер және басқалары тұтқындалған.

1989-1990 жылдары мен біздің облыс бойынша бұрынғы мемлекеттік қауіпсіздік комитетінің архивін айлар бойы ақтарып, сол жылдары саяси қуғын-сүргінге ұшыратылғандардың үстінен қозғалған қылмыстық істермен танысқан едім. Тергеуді негізінен сержанттар, тек ара-тұра ғана кіші лейтенанттар жүргізіпті. Бұлардың қолтаңбасына, жауап алу парақтарына қарап отырып, бәрінің де шала сауатты әрі қатыгез адамдар болғанын аңғару қиын болмайды екен. Олар ақиқатты анықтауға ұмтылмаған, тек қайткен күнде де жазықсыз жандарды жазықты ететін "дәлелдемелерді" іздестірумен болған. Олар тергелушілердің барлығына – мейлі олар күзетші, мұғалім, инженер, молда, кәсіпорын басшысы болсын бір қалыптан шыққандай, жаттанды сауалдар қойып отырыпты. Алғашқы жауап алғаннан-ақ: сіз контрреволюциялық троцкистік ұйымның мүшесі ретінде тұтқындалдыңыз немесе сіз КСРО-ны ыдырату, Қазақстанды бөліп әкетіп, Жапонияға қосу мақсатын көздеген ұлттық-фашистік ұйымның мүшесі ретінде тұтқындалдыңыз деп мәлімдеп отырған. Сол кездегі шала сауатты колхозшылар, жұмысшылар Жапонияның қай жақта екенін білді ме екен, сірә. Қылмыстық істердің бірдебіреуінен тергелушінің қандай да болсын бір кінәсін расқа шығарарлықтай ешбір заттай немесе құжат түріндегі дәлелдемелерді мен таба алмадым.

Мен танысып шыққан қылмыстық істердің барлығында да алғашқы екі-үш жауап алулар кезінде тергелушілер өздеріне тағылған айыпты мойындаудан үзілді-кесілді бас тартып отырыпты. Жауап алу түнгі уақытта жүргізілген. Жекелеген жауап алу хаттамаларында: "Жауап алу түнгі сағат үште аяқталды," – деген белгілер бар. Түнгі жауап алулар, ұрып-соғулар, қорқытып-үркітулер жендеттердің қанды шеңгеліне ілеккендердің мысын басып, қажыр-қайраттарын кеміте берген. Жан төзгісіз азаптан, келемеж-мазақтан құтылудың бір ғана жолы қалған: ол жол кінәні "мойындау" еді. Мұндай "мойындаудың" қалай жасалғанын жауап алу парақтарынан көруге болады.

Мұхаметжанов Әбікейден жауап алу хаттамасы. Жауап алушы – Приишим аудандық ішкі істер бөлімінің бастығы. Жауап 1937 жылғы 14 тамызда алынған.

—Сіз Приишим ауданының аумағында қарекет етуші контрреволюциялық ұлттық-фашистік ұйымның жетекшісі ретінде тұтқындалдыңыз.

...Мұхаметжанов: Мен ешқашан да контрреволюциялық ұйымда болған емеспін. Айыптау жалған.

Осылайша бір айдан астам уақыт бойы Мұхаметжанов кейін жауап алулардың барлығында да өзіне тағылған айыпты жоққа шығарып отырған. Тек 18 қазанда ғана ауыр азап қажытқан Мұхаметжанов былай деген: "Ұзақ уақыт бойы қасарысып, тергеушіге шыншыл жауап беруден бас тартқаннан кейін ұлттық-фашистік ұйымның жетекшісі екенімді мойындаймын деген ұйғарымға келдім."

"Ұзақ уақыт бойы қасарысып, терґеушіге шыншыл жауап беруден бас тартқаннан кейін ... мойындаймын деген ұйғарымға келдім" деген создер басқа да терґелушілерден жауап алғандағы хаттамалардың барлығында да бар.

19 қазандағы жауабы кезінде Мұхаметжанов озіне корсетілген қысымға шыдай алмай, өзінің "ұйымына" мүше етіп тартылған бай баласы, "Бостандық" колхозының төрағасы М.Әшетовтің, ауылдық кеңестің төрағасы К.Қарабатыровтың жөне молданың баласы М.Сағындыковтың есімдерін атайды.

Бұлардың бәрі де тұтқынға алынып, "ұштіктің" қаулысымен атылып кеткен.

Ішкі істер Халық Комиссариатының органдары "халық жауларын" осылайша тауып отырған.

Насихат құралдарының барлығы да ішкі істер органдары халықтың зұлым жауларымен аяусыз күрес жүргізіп жатыр деп, қоғамдық пікір туғызуға бағыт ұстады. Облыстық "Ленин туы," "Ленинское знамя" газеттері 1937-1938 жылдары "Фашистік жалдамалылардың жан түршіктірерлік қылмыстары", "Петропавл депосындағы троцкизмның тамырына балта шабылсын", "Жау қолындағы мектеп", "Отанға опасыздық жасағандарға олім келсін" деген және тағы басқа тақырыптармен хабарлар беріп тұрды. Газет беттері қалалар мен ауыл-селоларда партия органдарының ұйымдастыруымен көп адам қатысқан митингілер өткені туралы хабарларға толы болды. "Халық жауларының көзі жойылсын", - деп талап еткен темір жол қызметкерлері. Пима басу зауыты ұжымының жиналысында қабылданған қарарда: "Фашистік жалдамалылардың өлтірілуін талап етеміз", - делінген. "Ең жоғары жазалау шарасын талап етеміз", - делінеді ет комбинатында

болған митингінің қарарында. "Колхоз құрылысының жаулары атылсын", - дейді колхозшылар.

Біздің тарихымыздың сол бір қара түнек жылдары "халық жауларын" ашықтан-ашық қолдап, азаматтық ерлік көрсеткен жандар да болды. "Ленинское знамя" газеті 1937 жылғы 18 қазанда "Қабановшылдықтың сілімтігі" дейтін мақаласында былай деп жазды: "Халық жауы Кабанов әскереленгенде, тұрғын үй ғимараттарының қараушысы Долгов жүрген жерлерінде: "Миша Кабанов халық жауы болып шықты дегенге мен ешқашан да нанбаймын", - деп уағыздаумен болған. Бұлайша сес білдіруден көрініп отырғанындай, біз бұл арада өлі түп тамырымен қопарылып болмаған кабановшылдықтың сілімтігіне кезігуліміз", Газет "Троцкиишіл құйыршық" дейтін басқа бір мақаласында былай деп жазған: "Қызыләскер орталау мектебінің мұғалімі В.И.Постовой деген комсомол мүшесі оқушылардың алдында халық жауы, совхоздың бұрынғы саяси бөлім бастығы Н.А.Гущинді мазақтап, Гущин нағыз мәдениетті және білімдар адам, ол нақақтан күйіп кетті деп мәлімдеген. Постовойдың үгіті іске асып, ол өз жағына Осипов деген мұғалімді тартқан".

Бұл жеке адамдардың ғана жан айғайы еді. Баршаның зәресін алған үрей, тыңшылық, аңду, террор ахуалында, ешкімнің де қамауға алынбасына кепілдік болмаған жағдайда адамдар зорлық-зомбылыққа наразылықтарын білдіре алмады, іштегі ашуызаларын сыртқа шығара алмады. Ішкі істер қызметкелері, олардың агенттері халықтың пиғылы қандай екенін білмеді деуге болмайды. Адамдардың көніліндегі күдікті сейілту және Ішкі істер Халық Комиссариатының органдары тек қана халық жауларын жазалайды деп корсету үшін Мәскеудің өнегесімен Қазақстанда бүкіл республиканы шулатқан үш бірдей – Қарағанды, Үржар және Преснов ашық сот процестері ұйымдастырылды.

Преснов қылмыстық ісінің қалың-қалың он төрт томы өз құрбандарын мойындатқызу үшін тергеушілер қандай әдіс-айла істегеніне айқын куәлік болып табылады. Тергеу материалдары біздің мыңдаған адал жерлестіріміздің нақақтан күйгенін корсетеді. Сондықтан архив материалдары негізінде пресновтық "істің" қалай ширатылғанын еске түсіріп байқайық.

Сонымен, 1937-жылғы 22 мамырда ішкі істер Халық Комиссариатының Солтүстік Қазақстан басқармасы Преснов ауданының бір топ жауапты қызметкерлерінің үстінен қылмыстық іс қозғады. Қылмыстық жауапқа тартылғандар: Василий

Семенович Конюхов – аудандық партия комитетінің бұрынғы бірінші хатшысы, Кәрим Қапаров – аудандық атқару комитетінің, бұрынғы төрағасы, Нияз Оразбаев – аудандық оқу бөлімінің бұрынғы меңгерушісі, Қасен Фазылов – ауданның бұрынғы прокуроры, Әлімбек Майкетов – бұрынғы халық судьясы, Савелий Григорьевич Калугин – аудандық жер бөлімінің бұрынғы меңгерушісі, Александр Михайлович Гоменюк және Игнатий Исаакович Гребешок – бұрынғы колхоз төрағалары.

Алдын ала тергеу кезінде бұлардың барлығына да Кеңес окіметін құлатуға, капитализмді қайта орнатуға, Қазақстанды Кеңес Одағынан бөліп әкетуге бағытталған контрреволюциялық, ұлттық-фашистік жұмыс жүргізді деген айып тағылды. Қатарынан төрт ай бойы оларды күн-түн демей қинап, қылмыстарын мойындауды талап еткен. Жауап алу хаттамаларынан, сотталушылардың сот үстінде жасаған мәлімдемелерінен корінетініндей, жендеттер ұрып-соғу, коркытып-үркіту сияқты тәсілдерінің барлығын да қолданып баққан. Алайда тергеушілер көрген қорлықтарынын барлығына да ерлікпен шыдап, өздеріне тағылған былғанышты айыптауларды тойтарып тастап отырған. Сот басталардан бір апта бұрын, 16 қыркүйекте Оразбаевтан алынған соңғы жауап мынадай:

Тергеуші: Сіз тергеу басталғаннан бері озіңіздің контрреволюциялық-ұлтшылдық қызметіңізді жасырумен келесіз. Тергеу сіздің мойындаған жауап беруіңізді талап етеді.

Оразбаев: Контрреволюциялық-ұлтшылдық ұйымға қатысуымды үзілді-кесілді жоққа шығарамын. Аудандық оқу бөлімінің меңгерушісі ретінде жұмыс істеген кезімде мен ешқандай да контрреволюциялық саясат жүргізген емеспін және маған тағылған айыптаулардың ешқандай да негізі жоқ.

Фазыловтан жауап алу, 16 қыркүйек.

Тергеуші: Сізге 58-ші баптың 11-14-тармақтары бойынша, яғни сіз контрреволюциялық-ұлтшылдық ұйымның мүшесі болып табыласыз деген айып тағылған. Осы айыптау бойынша сіз өзіңізді кінәлімін деп мойындайсыз ба?

Фазылов: Контрреволюциялық-ұлтшылдық ұйымға мүше болған емеспін және өзіме тағылған айыптау бойынша кінәлімін деп мойындамаймын.

Конюховтан жауап алу, 15 қыркүйек.

Тергеуші: Сіз троцкист ретінде белсенді түрде контрреволюциялық жұмыс жүргізгеніңіз үшін тұтқындалдыңыз. Тергеу сізге

өзіңіздің контрреволюциялық қызметіңіз туралы ашық айтып беруді ұсынады.

Конюхов: Мен ешқашан да троцкист болған жоқпын және контрреволюциялық троцкистік жұмыс жүргізген емеспін.

Осылайша тергеушілердің барлығы да өздеріне тағылған айыптауларды жоққа шығарды. Тек соңғы жауап алу кезінде ғана тергеуші Қапаровтың "мойындауына" қол жеткізді. Ес-түсін білмей, ақылынан адасуға айналған Қапаровтың "кінәлімін" – деген жалғыз ауыз сөзі пресновтық іс бойынша айыптау қорытындысын жазып, оны облыстық соттың арнаулы алқасына тапсыру үшін ішкі істер басқармасына әбден жеткілікті болған еді. Айыптау қорытындысынан үзінділер келтірейік:

"Алдын ала тергеуде анықталғанындай, 1935 жылдан бастап Преснов ауданында құрамында троцкистер мен үлтшыл-фашистер бар, басшы қызметтерге өтіп кеткен аудандық партия комитетінің бұрынғы бірінші хатшысы троцкист Конюхов пен аудандық атқару комитетінің бұрынғы төрағасы Қапаров құрған контрреволюциялық топтар өмір сүріп, белсенді түрде арандату жұмысын жүргізіп келген. Троцкистік және ұлтшыл-фашистік ұйымның жетекшілері Конюхов пен Қапаров Кеңес өкіметін құлатуға, капитализмді қайта орнатуға, Қазақстанды Кеңес Одағынан бөліп әкетуге, шаруашылық, жүргізудің социалистік формалары – колхоз, совхоздарды, МТС-терді жоюға, сондай-ақ халықтың арасында жеңілісті көксейтін үгітті өрістетуге бағытталған арандатушылық контрреволюциялық жұмыс жүргізіп келген."

Он төрт томнан тұратын қылмыстық істе троцкистік ұлтшыл-фашистік ұйымдардың Преснов ауданында болғанын және олардың антикеңестік әрекеттерін көрсететін ешқандай да дәлелдемелер жоқ. Соған қарамастан облыстық сот бұл істі өзінің ашық сотта қарауына алған.

Партия органдары және ішкі істер органдары "пресновтық істің" ашық түрде қаралуына ерекше саяси мән берген. Облыстық соттың үкімі шықпай жатып-ақ облыстық газеттерде "халық жауларына" масқара күйе жағылып, қалалар мен ауыл-селоларда, өткен митингілерде "жаулардың" бірін де қалдырмай атып тастау талап етілген. Сот үкімін күтпей-ақ өкімет органдары адал адамдардың тағдырын күні бұрын кесіп-пішіп қойған еді.

1937-жылғы 23 қыркүйектен 3 қазанға дейін Пресновка селосында Солтүстік Қазақстан облыстық сотының арнаулы

алқасы ашық сот қарауын бастады. Сотта соттаушылардың бөрі де, алдын ала тергеу кезіндегі сияқты, 58-ші бап бойынша өздеріне тағылған айыптауларды үзілді-кесілді жоққа шығарды. Сондықтан облсоттың арнаулы алқасының отырысында Қапаровтан жауап алуды келтіреміз:

Сот төрағасы: өзіңізге тағылған айыптау жөнінен сотқа түсінік беріңіз.

Қапаров: Маған 58-10-11-бап бойынша тағылған айыптауға байланысты өзімді кінәлімін деп мойындамаймын. Мен ұйымдастырды деген ұлтшыл-фашистік ұйым бар екенін үзілді-кесілді шығарамын. Алдын ала тергеуде берген жауаптарымның толығымен қарама-қайшы келетіндігін айтқым келеді. Мен капитализмді қайта орнату, колхоздарды, совхоздар мен МТС-терді тарату мақсатын көздеппін-міс. Мүншалықты әлемдік шеңбердегі саясат менің қолымнан келмейді ғой.

Сот төрағасы: Алдын ала тергеудегі мәлімдемеңізде не жазғаныңызды айтып беріңіз.

Қапаров: Онда мені Есқараев азғырды деп жазған едім. Бірақ мен басқаша жаза алмадым. Сосын жауабымның жеке бір бөлігін соттың жабық отырысында беруіме болады.

1937-жылғы 24 қыркүйек. Соттың жабық отырысы.

Прокурор: Адам бүгінгі жазғанынан ертең танып шыға келеді, мұны сіз қалай бағалайсыз:

Қапаров: Мен сотқа мәлімдеме жасаймын. Мен өтірік жаздым, өйткені сондай күйге ұшыраған болатынмын.

Прокурор: Сізді мойындаған жауап жазуға не күштеді:

Қапаров: Жағдай мәжбүр етті. Мойындаған емес, өтірік жауап жаздым. Мен тірі қалмаспын, мынадай, жағдайларға төзімім жетпес деп ойладым. Сосын маған тірі қалғың келсе, жаз деді. Мен жаздым, бірақ өтірік жаздым.

Прокурор: Сіз мұны арандату деп айтар ма едіңіз?

Қапаров: Мен ештеңе де айта алмаймын. Берген жауаптарым өтірік. Контрреволюционер дейсіз бе, бандит дейсіз бе, қалай қалайсыз, солай соттаңыздар. Мен осындай күйге душар болдым, шыдай алмадым.

Прокурор: Сотталушы Қапаров, сіз өзіңіздің бүкіл өтірігіңізді тағы да қуаттайсыз ба?

Қапаров: Мен нашар халде болдым, есімді білмедім.

Сот төрағасы: Яғни сіз ессіз болдыңыз ғой: Ессіз болу – адамның ақылы ауысты деген сөз.

Қапаров: Менің ақылым ауысқан болатын.

Прокурор: Сіз неге әр нәрсені өз атымен атағыңыз келмейді?

Қапаров: Алдын ала тергеуде мен бір мәрте өтірік айтқан болсам, енді сотты да адастырмайын деймін.

Сот мүшесі: Сіз неге басқа адамдарды көрсетіп жаздыңыз?

Қапаров: Өйткені ол адамдарды тергеуші атаған болатын.

Соттың қарауы жай ғана түр сақтағандық болды, үкім күні бұрын жазылып қойған-ды. Алдын ала тергеуде де, сотта да тағылған айыптарды ешкімнің де мойындамағанына қарамастан, облыстық соттың арнаулы алқасы 1937-жылғы 3 қазанда үкім шығарып, Конюховқа, Қапаровқа, Оразбаевқа және Фазыловқа ең жоғары шара – ату жазасын берді, қалғандарын әр түрлі мерзімге бас бостандығынан айырды.

КСРО Жоғарғы Сотының 1959 жылғы 23 қазанда өткен пленумы КСРО Бас прокурорының наразылығын қарай келіп, Конюховтың, Қапаровтың, Фазыловтың, Оразбаевтың, Майкетовтің, Калугиннің, Гоменюктің, Гребешковтың ісі бойынша олардың іс әрекеттеріне қылмыс құрамының болмауы себепті Солтүстік Қазақстан облыстық соты арнаулы 1937 жылғы 3 қазанда шығарған үкімін жойды.

КСРО Жоғарғы Сотының қаулысында былай делінген: "Преснов ауданында контрреволюциялық ұйымның болғаны, антикеңестік ұйым фактілері іс материалдарымен анықталмаған. Айыпталушылар тарапынан өздерінің қызмет бабын теріс пайдалану фактілері де анықталмаған".

Контрреволюциялық, ұлтшыл-фашистік ұйымдар облыстың және Қазақстанның бірде-бір ауданында болған емес, мұны 1957-1990 жылдары қылмыстық істерді қарау дәлелдеп берді. Қуғын-сүргінге ұшыраған адамдардың бәрі де ақталды. Өкінішке орай, бұлардың барлығы да дерлік мәңгілікке көз жұмғаннан кейін ақталды.

Біздің облыста ақталғандардың көпшілігі ешбір сотсыз, қылмыстық кодекстің қарғыс атқан 58-ші бабы бойынша "ұштіктің" қаулысымен сотталған болатын. Академик Манаш Қозыбаев мынадай деректер келтіреді: "Атылғандардың арасында, шамамен, үштен бірі жұмысшылар, бестен бірі шаруалар, 9% арнайы қоныс аударушылар және жартысына жуығы қызметшілер болған еді". ("Казправда", 19 ақпан 1997 ж.).

Біздің облыста тұратын барлық ұлттардың өкілдері қуғын-сүргін құрбаны болды. Күзетші, мұғалім, жұмысшы, медицина

қызметкері, колхозшы мен инженер, молда мен священник "халық жауы" ретінде сотталды. Сталин біздің елде социализм жеңді, елдің ішкі жағдайы тұрғысынан қарағанда капитализмді қайта орнату қаупі енді жоқ деп мәлімдеген еді ғой, сонда осыншама "жау" қайдан келеді. Ақылға сыймайтын нәрсе.

1937 жылы басталған террор шалдарды да, әйелдерді де аяған жоқ. Әйелдерді "халық жауының" зайыбы болғаны үшін ғана ешбір сотсыз АЛЖИР-ге (Акмолинский лагерь жен изменников Родины) айдады. Петропавл педтехникумының атылып кеткен директоры А.Ілиясовтың зайыбы Муслима Ільясова, Петропавл қалалық партия комитетінің хатшысы Әбушахман Жамболовтың зайыбы Рабиға Жамболова осы лагерьде 10 жыл отырып шықты.

Белгілі жазушы, қоғам қайраткері Галина Серебрякова Семей қаласының түрмесінде отырған кезінде көрген қорлықтарын қағаз бетіне түсірген болатын. "Дело №... Летопись горького времени" (Алматы, 1989 ж.) деген кітапта ол өзінің "Смерч" ("Құйын") атты естелігінде былай деп жазған: "17 адамға арналған камерада 72 әйел жатты. Менің камераластарым қазақ, орыс, украин, еврей, татар әйелдері екен. Олардың жас шамасы 16 мен 80-нің арасында болды."

Біздің камерада Қазақ Орталық Атқару Комитетінің мүшесі болған бір жас әйел екіқабат еді, соның толғағы келіп калды. Біз есікті тарсылдатып, дәрігер келуін талап еттік. Ешкім келмеді. Әйел байғұс қаншама қиналса да айғайламауға тырысты. Өні қуарып, тынысы тарыла түсті. Біз есікті тарсылдата бердік. Бір кезде камераға екі беті шиқандай, өзі шала мас корпус бастығы ентелей баса кіріп келді.

-Молчать, жап аузынды,- деді ол зіркілдей сөйлеп.- Сендерге акушерка, жедел жәрдем керек болғаны ма? Соншама талап ететін кімсіндер сендер? Халық жауларысыңдар. Тап солай: Мүлдем кетіңдер, неғұрлым тезірек қырылсаңдар бәрің, мемлекетке де соғұрлым жақсы".

Г. Серебрякованы социализмге, коммунистік мұраттарға қаскөй еді деп айыптай алмайсың. Жазалау мерзімін өтеп шыққаннан кейін ол К.Маркстің өмірі мен қызметі туралы төрт томдық кітап жазды. Ол өзінің басынан өткені туралы, түрме бастықтарының әйелдерге, тіпті толғақ қысқан әйелге хайуанша туралы жазды. Әйелдердің көргені осы болса, қамауға түскен еркектердің қандай жағдайда ұсталғаны, қандай азап шеккені туралы айтпаса да түсінікті болар.

Мыңдаған отбасы ойрандалып, “халық жауларының” балалары жапа шекті, олардың тағдыры тәлкекке салынды, оларды, бал дәурен балалық шақтың қызығынан ада қылды, оларды кемсітті, жәбірледі. Қандай қасірет десеңші. Бұл туралы өздерінің мұңға толы естеліктерінде А.Филиппова, А.Фурсова, Домбровский және басқалары жазады.

А.Т. Твардовскийдің дастанында мынадай жолдар бар:

“Он мог на целые народы

Обрушить свой верховный гнев...”

Сталиннің әмірімен тарихта болып көрмеген сойқан іс – халықтарды туған жерлерінен күштеп қоныс аударту жүзеге асырылды. 1937 жылы Солтүстік Қазақстан жеріне Қиыр Шығыс корейлері келді. 1941 жылғы тамызда үкімет қаулысымен Еділ бойының немістері ата-мекенінен қуылды. Ондаған мың мүсәпір неміс – шалдар, әйелдер, инженер, дәрігер, педагогтар – Солтүстік Қазақстаннан пана тапты. 1944 жылы, соғыстың аяғына таман чечендер мен ингуштарды айдап әкелді.

Еділ бойының немістеріне, чечендер мен ингуштарға – бәріне де “арнайы қоныс аударушы” деген айдар тағылды. Аудандардың барлығында да арнайы комендатуралар құрылды, “арнайы қоныс аударушылар” бұларға келіп, ешқайда кетпегені туралы белгі соқтырып алуға міндетті болды. Немістер, чечендер мен ингуштар басқа селоларға көшіп баруға, тіпті көрші селоларға да барып келуге құқықсыз болды, бұл үшін арнайы комендатураның рұқсаты керек болды. Құқықсыз жандардың тұрмысы өте ауыр еді. Олар сонау қиын-қыстау заманда өздеріне мейірбандықпен қол ұшын беріп көмектескен жергілікті адамдарды осы күнге дейін риза көңілмен еске алып отырады.

Күштеп қоныс аудартудың көлемі, оның ұйымдастырушылары туралы “Партийная жизнь” (№ 3, ақпан, 1991 ж.) журналында жарияланған материалдар мен цифрлардан білуге болады.

“Қоныс аударғандардан Еділ бойының немістері 1.024722, чечен, ингуш, қарашай, балқарлар – 608 749, қырым татарлары, болгар, армян, гректер – 228 392 және басқа халықтар, барлығы 3.332 539 адам”.

Халықтарды қоныс аудартудың дем берушісі Сталин еді. Аталған журналдың сол нөмірінен Бериянның Сталинге жолдаған хаттарын келтірейін.

“Сталин жолдасқа. Сіздің нұсқамаларыңыздан кейін чечендер мен инғуштарды қоныстарынан қуып шығу жөніндегі операцияны ойдағыдай өткізу үшін чекистік-әскери шараларға қосымша ретінде мыналар істелді:

Чечен-Ингуш АКСР-і ХКК төрағасы Молаевқа чечендер мен ингуштарды қоныстарынан қуу туралы үкімет шешімі және бұл шешімнің негізіне жатқызылған жәйттер туралы айтылды. Менің хабарлауымнан кейін Молаев көзіне жас алды, бірақ өзін-өзі тежеп, тапсырмалардың барлығын да орындаймын деп уәде берді. Берия, 22.11.1994 ж.”.

“Сталин жолдасқа... Операцияны өткізуге НКВЦ-НКГБ мен смерштен 19 мың оперативтік қызметкер және НКВЦ өскерлерінен 100 мыңға дейін офицер мен жауынгер қатысты.

Өткізілген үш операцияның нәтижесінде КСРО-ның шығыс аудандарына 650 мың чечен, ингуш, қалмақ, қарашай қоныстарынан қуылды. КСР Одағы Ішкі істер Халық Комиссары Л. Берия”.

“Сталин жолдасқа. Бүгін, 20 мамырда, қырым татарының қонысынан қуу операциясы аяқталды. Қонысынан қуылып, эшелондарға тиелгені 180014 адам. Берия”.

Осынау қатыгез жазбалардың өр жағында миллиондаған жазықсыз жандардың қасіреті тұр. Олардың ішінде әйелдер мен балалар, қаусаған қарттар апталап су көрмей аузы-мұрнынан келгенше лық толған вагондарда жол азабын шекті, жол бойында сүзек пен басқа да аурулардан өлді, жүздеген мың қоныс аударушы жоқшылық салдарынан барған жерлерінде қаза тапты. Күштеп қоныс аудартушылар үшін мұның бәрі ішкі істер халық комиссары Берияның сәтті өткізген кезекті операциясы ғана болды. Адамдардың қасіреті, өмірі оларға түк те емес еді.

Тоталитарлық тәртіптің қатыгездігі туралы шындық осындай. Осы мақаланы жазу үшін құпия архив материалдарын ақтару үстінде мен осының бөріне халық қалай шыдаған деп бірнеше мәрте ойландым. Тағдыры осыншалықты қасіретті болған басқа бір халық өркениетті дүниеде бар ма екен, сірә. Бұрынғы Одақтың халықтары үшін мұншама қатал болар ма ХХ ғасыр. Екі бірдей дүние жүзілік соғыс, үш революция, өке мен баланы, аға мен ініні бір-біріне қарсы қойып, бірін-бірі өлтірткен азамат соғысы, сұрапыл саяси қуғын-сүргін түсті олардың басына. Осының бөріне қарамастан, экономика мен ғылымда биік

белестерге шықты. Не деген шыдамды, не деген ер еді біздің халық.

Қасірет тағылымы біреу-ақ: оның қайталануына жол бермеу парыз. Біз бәріміз болып осыны түсінсек.

ГОДЫ ТРАГЕДИИ И СКОРБИ

Килаж Магазов

От первых робких осуждений сталинизма общественное сознание к началу 90-х годов пришло к глубокому пониманию драматизма исторического прошлого Советского государства. Горько, но необходимо признать, что наше видение многих событий прошлого было ложным. Методами широкой пропаганды развитие страны представлялось только в розовом свете, и это жестко контролировалось соответствующими органами партии и государства. Да, были великие стройки пятилеток, осуществлена полная электрификация страны, введено бесплатное образование, медицинское обслуживание. Отсталая в начале века царская империя в советское время превратилась в Великую Державу. Это не ностальгия по прошлому, а историческая правда. И, как писал Твардовский: "Тут ни убавить, ни прибавить, так это было". Но было и другое. Массовые репрессии против крестьян, депортация целых народов, политический террор конца тридцатых годов. И это неполный перечень преступлений тоталитарного режима, тщательно скрывавшихся в спецхранах или искаженно представлявшихся средствами массовой информации.

В учебниках и научных трудах утвердилась концепция, что коллективизация - по значимости вторая революция после Октябрьской 1917 года, что коллективизация - образец решения крестьянского вопроса. В действительности же колхозники находились в нищенском, бесправном положении. Они не имели права получить паспорт гражданина СССР, объединиться в профсоюзы. За невыработку установленного минимума трудодней люди подлежали выселению. Даже позднее, при Хрущеве, были установлены ограничения численности скота в личном подворье.

Село постоянно являлось полем экспериментов верхов. Сколько было всяких реорганизаций, укрупнений и разукрупнений колхозов, совхозов! Сколько было принято постановлений о мерах по подъему сельского хозяйства, но желаемого результата так и не было достигнуто. Причины этого уходят своими корнями в 20-30-е годы. Коллективизация и ее губительные последствия, пожалуй, являются одной из самых драматических страниц нашей истории.

Вторая половина 20-х - начало 30-х годов в Советском Союзе были временем слома прежних и насильственного внедрения новых, социалистических производственных отношений, что явилось главной причиной глубокого социально-экономического кризиса тех лет. Особенно трагическое положение переживали села и аулы. Сплошная принудительная коллективизация на основе ликвидации кулаков, баев как класса разрушила производительные силы деревни. В стране не хватает продовольствия, вводится карточная система снабжения населения.

В этих условиях внимание Сталина привлек Казахстан, за счет которого он решил разрядить продовольственный кризис. Сталин понимал, что для этого необходимо сломить сопротивление крестьян, опираясь на человека, который мог бы неукоснительно выполнить планы переустройства аула и обеспечить выкачивание продуктов. Признанным лидерам, таким как Т.Рыскулов, С.Садуакасов, А.Байтурсынов, А.Букейханов, вполне способным руководить республикой, Сталин не доверял. Выбор пал на фельдшера Филиппа (Шая) Голощекина, человека жестокого и далекого от интересов казахского народа, который на посту первого секретаря Казкрайкома ВКП(б) правил республикой в 1925-1933 годы. Сталин в выборе не ошибся. “Экономические условия в ауле надо изменить, - писал Голощекин вождю народов, - если это гражданская война, мы за нее. Надо идти на жертвы, не боясь крови”.

Слова Голощекина не разошлись с делами. О глубине и масштабах народной трагедии в период его правления свидетельствуют секретные материалы архива бывшего обкома партии. Архивные записи рассказывают нам о том, как голощекинские сатрапы издевались над крестьянами, натравливали казаха на казаха, насильственно отбирали и обобществляли скот, инвентарь, устраивали суды прямо в аулах, селах, выселяли тысячи крестьян к Аральскому морю. Читаешь архивные документы и невольно слышишь стоны опухших, умирающих от голода детей, молодых матерей, джигитов, старцев, видишь опустевшие аулы и села, усеянные трупами.

Свои замыслы Голощекин осуществлял путем насильственной коллективизации, которая включала принудительное оседание и раскулачивание. Представители казахской интеллигенции, поддерживая в принципе оседание казахов, выдвигали свои предложения. Так, Ахмет Байтурсынов, арестованный в 1929 году как "националист", на допросе сказал, что он и его сторонники не против оседания. Но для этого надо сначала наделить казахов землей, вести подготовительную работу.

По переписи 1929 года в Петропавловском округе из 36 тысяч казахских хозяйств 98% были кочевыми и полукочевыми. Традиционной

формой хозяйствования являлось кочевое скотоводство, которое без больших затрат давало дешевую продукцию животноводства. Голощекин игнорировал социально-экономический уклад жизни казахов. По его настоянию II сессия КазЦИКа приняла решение провести в кратчайший срок массовое оседание на основе сплошной коллективизации. В 1930 году 19 120 казахских хозяйств были переведены на оседлый образ жизни и объединены в колхозы. По решению Казкрайкома партии на территории нашего округа были созданы крупные пункты оседания - казгородки: Урнекский, Майбалыкский, Баянский, Караагашский и другие. Планировалось в каждом из них иметь по три тысячи человек. Цель - не допускать создания родовых колхозов, тем самым разорвать родственные связи. Казахи не восприняли этого, и казгородки вскоре распались.

Коллективизация проводилась высокими темпами, ход ее строго контролировался лично Голощекиным. За его подписью шли контрольные цифры. Если в 1928 году было всего 453 колхоза, в том числе 81 казахский, то на 10 февраля 1930 года их числилось уже 1 302 с охватом 126 437 хозяйств, в том числе 668 казахских с охватом 34 665 хозяйств. Крайком партии обязал окружком к концу 1930 года завершить коллективизацию.

Принуждения вызывали сопротивление, массовые волнения крестьян. В знак протеста в аулах, селах усилился массовый выход из колхозов, убой и распродажа скота. В 1930 году вышло из колхозов 7 820 хозяйств. В донесении зам. начальника ОГПУ Шувалова на имя секретаря обкома партии Беккера от 23.02.1932 г. сообщается: "...из аула № 1 откочевал колхоз "Коммуна" - 28 хозяйств, колхоз "К. Маркса" - 58 хозяйств. Причины - большие платежи, отсутствие продовольствия". В другом донесении говорится: "В ауле № 4 по инициативе секретаря партячейки Кокинова, коммуниста Мусабаева 100 колхозников пытались разобрать коров. Комендант внутрирайонного поселка коммунист Мусин выстрелил из нагана в воздух и предотвратил разбор скота. В Ленинском районе в с. Леонидовка, ауле Берлик разобрали коров. Причины: коровы, якобы, обобществлены принудительно".

Среди населения распространялись антисоветские призывы: "Братья, теперь, кажется, все убедились в том, - говорится в обращении, написанным И. Чиновым, - что это правительство - враг крестьян. Давайте дружно скажем все: "Долой правительство, которое довело нас до голодной смерти"".

Наиболее драматические события в селах, аулах связаны с уродливой политикой ликвидации кулачества как враждебного класса. Голоще-

кин требовал от окружкома “провести зверский нажим на кулаков, баев, арестовать и конфисковать их имущество”. В телеграмме от 18 июня 1929 года он обязывает окружком “усилить все формы давления, бойкот, порицание, общественные репрессии в отношении кулаков и баев, зажиточных середняков, имея в виду создать благоприятные условия для проведения в кратчайший срок в значительном количестве репрессий по судебным, административным линиями°.

В телеграмме 1930 г. Голощекин дает конкретные указания: “Обеспечить полное выявление кулаков и баев во всех хозяйствах”. Было установлено задание по конфискации 5 процентов от общего количества дворов села, аула, определен ее срок и срок выселения -10 дней.

Исполняя задание Голощекина, уполномоченные окружкома партии в каждом ауле, селе проводили собрания бедноты, на которых обсуждались заранее составленные списки баев, кулаков и зажиточных крестьян. Не все выступающие поддерживали репрессивные меры. На собрании бедноты в ауле № 3 Кзыл-Аскерского района бедняк Джендыбаев Акан о конфискации говорил: “Это есть не что иное, как грабеж”. В ауле № 5 Бейнеткорского района (ныне Советский) батраки Набиуллин, Бейсембаев, Кожахметов выступили в защиту баев Нурмагамбетова Ахметжана, Жумабаева Бекена. В ауле № 1 этого же района бедняк Уаисов сказал: “Баи нашего аула Балгожины Абикей, Зейнолла, Садвакас нам вреда никакого не принесли. Но если по закону положено, то конфисковать, но не выселять”.

Решающим голосом на этих собраниях пользовались уполномоченные окружкома, которые не считались с мнением бедноты и путем запугивания принуждали утверждать ими же составленные списки подлежащих выселению. Всего по округу было осуждено и выселено 24 767 крестьян.

В публикациях последних лет утвердилось мнение, что массовый голод 1931-1933 годов - следствие принудительной коллективизации. Насильственное оседание, раскулачивание привели к массовому забою скота, искоренению наиболее трудолюбивой части крестьянства, основных производителей хлеба, мяса, отбросили назад сельскохозяйственное производство.

Особенно в нищенском положении оказалось казахское население, которое лишилось основного источника жизни - животноводства. Если в Бейнеткорском, Тонкерейском, Октябрьском, Кзыл-Аскерском районах, где преобладали казахи, в 1928 году приходилось на один двор от 28 до 38 голов скота, то в 1929 - не насчитывалось и двух. К началу 1932 года 87% колхозников и 52% единоличников вовсе не имели никакого скота.

С объединением в колхозы крестьяне не стали действительными хозяевами. Все, что производилось ими, выметалось под метелку государственными заготовительными органами, и это явилось одной из главных причин, приведших народ к голоду. Заготовки велись чрезвычайными мерами. Села, аулы захлестнула новая волна произвола, насилия и репрессий, теперь уже против колхозников.

В 1932 году, когда наступил массовый голод, в центрально-промышленные районы России из области отгрузили 1 002 100 центнеров зерна. Недовольный этим Голощекин прислал телеграмму Беккеру: "Считаю недостаточными принимаемые административно-судебные меры по отношению сопротивляющихся хлебозаготовке. Предупредите колхозников о выселении за пределы края, лишении приусадебных участков".

Во исполнение директивы Голощекина прокурор округа рассылает циркулярное письмо всем райпрокурорам, судьям: "В 2-3 дня привлечь к ответственности отказывающихся продавать хлеб. Судебное разбирательство, включая следствие, должно занять максимум три дня".

Решением окружкома партии были командированы в села, аулы судьи, которые на месте выносили приговоры. По категоричному указанию Крайкома ВКП(б) в колхозах прекратили выдачу авансом зерна, обрекли крестьян на голод. Все силы были мобилизованы на вывозку хлеба из глубинок. Несмотря на репрессивные меры, руководители колхозов, отдельные уполномоченные выступали против заготовок под метелку, просили уменьшить план, оставить зерно на местное снабжение, фураж. Такие вполне обоснованные, разумные предложения окружком партии осудил как иждивенческие настроения, как результат отсутствия классового подхода к хлебозаготовкам. Ряд ответработников был предан суду.

Такими же репрессивными мерами проводилась заготовка мяса, причем бешеными темпами. Если в 1928-1929 хозяйственном году было заготовлено КРС 35 372 головы, овец - 6 122, то в 1929-1930 КРС заготовлено в два раза, а овец - в девять раз больше. За один год поголовье КРС сократилось более чем наполовину.

Давление на колхозы нарастало с каждым месяцем, устанавливались дополнительные задания. В связи с резким сокращением скота и трудностями в заготовке мяса окружком партии обратился с просьбой в крайком уменьшить план на второе полугодие 1930 г. Но вместо уменьшения крайком партии установил повышенные показатели.

С мест поступали тревожные сообщения о начавшемся голоде, о массовом уходе крестьян из колхозов, а Голощекин присылал все новые

директивные материалы с требованием принять жесткие меры за срыв плана, сломать сопротивление колхозов, отдать под суд саботажников. В счет заготовок отбирали фураж, часть семян, молодняк, рабочий скот, запретили выдачу колхозникам авансов. Когда в Москве стало известно, что казахи, преследуемые голодом, целыми аулами откочевывали в соседние области России, Голощекин равнодушно ответил, что это - привычка кочевать.

Так Голощекин подвел республику к массовому голоду, которого можно было бы не допустить. По данным, опубликованным в печати, в СССР в 1931-1933 гг. сбор зерновых составил не намного ниже средних многолетних. Это, как утверждают специалисты, не грозило голодом. В 1931 году люди голодали, а Москва экспортировала 51,8 млн. центнеров зерна. Голощекин знал, куда идет хлеб, отбираемый им у голодающих. В архивах нет ни одного документа, поступившего от Голощекина, о спасении людей от голодной смерти, а разве он не знал о тех страшных сообщениях ОГПУ, которые поступали в партийные органы? Приведем некоторые из них.

Из акта обследования врачом Сейтовым и представителем РИК Абетовым:

"Подворным обходом обследовали два пункта оседания. При этом нашли, что население питается отбросами, как-то: голыми костями, из которых варят суп сильно плохого качества, не имеющего никакой питательной ценности. Некоторые семьи питаются собачьим мясом. Колхозы для поддержания жизни никакого продовольствия не имеют.

Семья Бигары Кигарина, - член колхоза, шесть душ, из них трое детей, питаются только болтушкой, все истощены, опухшие. Семья Сыздыкова Куана - 3 души, питаются собачьим мясом. В комнате вонь. Семья Кожана Кенжибаева - 6 душ. В момент обследования мальчик 10 лет рылся в навозе, доставал кости и сосал.

В поселке Шокы раньше было 114 дворов, осталось 60. Население питается падалью, разложившимся мясом, костным супом, болтушкой. В старом ауле Кемпирбай, в семье Амирова - 9 душ, сам ушел в поисках продуктов, неизвестно где. Сын Кали, 22 года, умер от полного истощения 10 мая, Ахметжан - 4 года, умер 16.04.32 г., Ахметула умер 17 апреля. Жена и дочь умирают, сын Акат - 7 лет, чуть живой. Сноха ушла, куда - неизвестно. 143 человек болеют поносом от длительного недоедания".

Из информации начальника ОГПУ секретарю обкома партии: "В колхозе Ильича Тенкерейского района в ауле № 5 хлеба колхозникам не выдается. Периодически отдельным выдается мясо от павшего скота. В

колхозе имеются случаи опухания и смерти. Всего опухающих - 36. С 25/2 по 14/3 умерло от голода 5 человек.

В колхозе "Путь к социализму" с 10/6 умерло 20 человек. На станции Токуши Булаевского района распространяется версия, что при станционном рынке имеет место продажа пирожков из людского мяса. Уполномоченный райкома партии Ширлов истолковывал это как факт людоедства. Имеются факты эпидемии тифа, умерло 16 тысяч человек".

Эти и другие жуткие сообщения не тронули Голощекина. Он сдержал слово, данное Сталину. Не боясь крови и жертв, выкачивал хлеб и мясо. Голощекин знал - за гибель миллионов с него спроса не будет. В 1933 году он с повышением переведен в Москву.

От голода пострадало немало людей разных национальностей. Но особо подкосил он казахов, по существу, насильственно отлученных от скотоводства, но не приученных к земледелию. Если в 1929 году в Петропавловском округе проживало 120 тысяч казахов, то к 1939 году осталось лишь 58 500, что на 160 тысяч меньше. В то же время общая численность населения области увеличилась на 40%.

Коллективизация во всех регионах бывшего СССР проводилась жесткими принудительными мерами, разорила тысячи деревень, привела к резкому спаду сельскохозяйственного производства. Но, пожалуй, нигде не оставила она столь трагических последствий, как в Казахстане. Бедственное положение крестьян, массовый голод вызывали возмущение и протест не только простых людей, но и общественных и государственных деятелей. Истории известно письмо Голощекину от 4.06.1932 г. Г.Мусрепова (наш земляк, писатель), М.Давлетгалиева (зам. проректора КомВУЗа г. Алматы), М.Гатауллина (зав. Казгосиздатом), Е.Алтынбекова (проректор по учебной части КомВУЗа г. Алма-Аты), К.Куанышева (зав. энергетическим сектором Госплана республики). В письме авторы, соблюдая партийную этику и осторожность, излагали материалы о неслыханном сокращении скота, об отсутствии запаса зерна, необходимости помощи голодающим, выразили возмущение по поводу умалчивания голода, охватившего многие районы. Это письмо было оценено Голощекиным как националистическое проявление байских настроений. Авторов вынудили покаяться.

Антинародные действия Голощекина, перегибы в коллективизации всесторонне раскрыты в письмах заместителя Совнаркома РСФСР Турара Рыскулова Сталину от 29 сентября 1932 года и от 9 марта 1933 года. В них он объясняет причины резкого сокращения скота - основного богатства казахов, вносит конкретные предложения по подъему животноводства, по спасению откочевников и голодающих[1].

Т. Рыскулов пишет, что и вопреки установкам ЦК ВКП(б), допускающим в кочевых и полукочевых районах Казахстана иметь в индивидуальном пользовании казахами по 100 голов овец, 8-10 голов КРС, 3-5 верблюдов, 8-10 табунных лошадей на хозяйство, проведено стопроцентное обобществление скота. В результате этого в ряде районов убыль его достигает 75-100%. Тонкерейский район (территория Жамбылского района нашей области) объявил соцсоревнование с соседним Пресновским по стопроцентному обобществлению скота, и в результате массу животных население вырезало.

Несмотря на директивы ЦК ВКП(б) не форсировать коллективизацию в кочевых и полукочевых национальных районах, в Казахстане при охвате в среднем коллективизацией 32% на 1 01.1931 г. казахские хозяйства были коллективизированы на 61,2%. На 1 мая 1932 года при общей коллективизации по краю 73,4%, казахские хозяйства коллективизированы на 90%.

Далее Т. Рыскулов со знанием дела пишет о перспективах развития животноводства в Казахстане и ошибках (он не мог сказать - преступлениях) Голощекина в этом вопросе. "По данным разных обследований установлено, - пишет Т. Рыскулов, - что естественные кормовые запасы Казахстана могут вполне прокормить до 50-60 млн. голов скота, а если провести улучшение пастбищ и правильно их использовать, то у Казахстана есть огромные возможности. Если Аргентина, которая по размерам территории и населения была близка Казахстану и где только 8 процентов территории было занято под земледелие, имеет около 100 млн. голов скота и дает около половины мирового экспорта мяса, почему мы не можем Казахстан превратить в действительно мощную базу животноводства?"

Поэтому неправильно предлагают отказаться от пастбищного скотоводства и перевести на стойловое содержание с преобладанием в кормлении концентрированных кормов. В своей речи на Пленуме Казкрайкома о контрольных цифрах на 1932 г. т. Голощекин так определял задачи по переустройству казахского аула:

"Социалистический аул - оседлый с поселковым населением, с европейского типа жилищем, хозяйственными постройками для обобществленного сельхозинвентаря и скота. Животноводство - типа товарных ферм".

Вопросы использования огромных естественных пастбищных богатств и их улучшение отбрасываются как байские пережитки прошлого. При такой постановке потребовалось бы огромное количество хлеба и концентрированных кормов с завозом извне.

В решении Крайкома ВКП(б) от 28.07.321. говорится о расширении внедрения в казахские колхозы кролиководства, птицеводства и скороспелого свиноводства. Правильно, нужно это дело развивать, но нужно учесть, что казахи свиноводством пока не занимаются, кроликов не знают. Но колоссальные возможности по другим видам животноводства не подчеркиваются. Например, следовало бы сказать об овцеводстве, которое является после свиньи самой скороспелой породой, в один год достигающей полного веса, с высоким содержанием жира, шерсти и приспособленной к степи, порода, на развитие которой нужно налегать в связи с острой нуждой страны в мясе и шерсти.

Письмо Турара Рыскулова от 9. 03. 1933 года "ЦК ВКП(б) - т. Сталину, с/х отдел ЦК ВКП(б) - т. Кагановичу, СНК СССР - т. Молотову" написано болью сердца. Приведу выдержки из письма: "Смертность на почве голода и эпидемии в ряде казахских районов и среди откочевников принимает сейчас такие размеры, что нужно срочное вмешательство центральных органов. Такого положения, какое создалось сейчас в Казахстане, ни в одном другом крае или республике нет. Ввиду большого значения этого вопроса, прошу вас ознакомиться с настоящей запиской и вмешаться в это дело, и тем самым спасти жизнь многих людей, обреченных на голодную смерть.

По последним приблизительным данным, полученным с мест, прикочевавших в соседние с Казахстаном края имеется сейчас казахов в средней Волге - 40 тыс. человек, Киргизии - 100 тыс. человек, Западной Сибири - 50 тыс. человек, Каракалпакии - 20 тыс., Средней Азии - 30 тыс. человек. Откочевники попали даже в такие отдаленные места, как Калмыкия, Таджикистан, Северный Край и другие. Часть населения во главе с баями откочевала в Западный Китай. Это не просто кочевание, а бегство голодных людей в поисках пропитания".

Среди откочевников наблюдалась большая смертность на почве голода и эпидемий. Приехавшие от краев представители для участия в работе комиссии СНК РСФСР сообщают, что только по станциям Сибирской ж/д скопилось около 10 тыс. казахов, среди которых значительная смертность. Из Киргизского ЦИКа сообщают, что в г. Фрунзе и окрестностях скопилось до 10 тыс. казахов, ежедневно умирают 15-20 человек.

Не лучше обстоит дело внутри самого Казахстана. В докладе Московского отряда Красного Креста, работающего сейчас в Актюбинской области, говорится, что казахи охвачены голодом и эпидемией. Голодные питаются отбросами, поедают корешки диких растений, мелких грызунов. По данным местных органов, в Тургайском, Батпакаринском

районах вымерло 20-30 процентов населения, в Челкарском - 30-35. Такие примеры убыли можно привести и по ряду других казахских районов. Масса беспризорных детей скапливается по городам и станциям железной дороги. Казашки приносят и бросают детей перед учреждениями и домами. В конце 1932 г. официально сообщили о неустроенных 50 тыс. казахских детях. Детдомы переполнены, и немало смертности. В Семипалатинском районе при обследовании комиссией обнаружено было в подвале детского дома 20 разложившихся трупов, которых не убирали из-за отсутствия транспорта. Обычно в детдоме в 100-500 человек ежедневно умирало 1-2, а то и 3 ребенка. Детскому населению грозит полное вымирание.

Большая часть предназначенного голодающим хлеба расхищается или сдается обратно в счет заготовок. Краевые органы не могут до сих пор получить от большинства районов данных о расходовании отпущенного голодающим хлеба.

Все это не случайно, а является следствием определенной, проводившейся прежним руководством крайкома линии. Запрещено было где-либо говорить, что есть голод и смертные случаи на этой почве. Местные работники не смели говорить о том, что есть сокращение скота. Представители Казахстана, приезжая в Москву, в центральных органах ни разу не ставили официально вопрос о том положении, которое существует в Казахстане. Мало того, старались давать иное объяснение причинам откочевок. Тов. Голощекин, давая отпор Торегожину (зав. сектором животноводства в наркоме снабжения) и другим за их утверждения о сокращении скота, дает следующее положительное объяснение откочевникам:

"Казах, который никогда не выезжая из своего аула, не знал путей, кроме путей своего кочевания, теперь с легкостью переходит из района в район внутри Казахстана, включается в русские, украинские колхозы, переходит на работу в Поволжье, в Сибирь". Эта теория, естественно, была подхвачена и другими, но мы и из вышеприведенного видим, к каким результатам приводят подобные откочевки.

Нельзя сохранять дальше то положение, которое создалось в Казахстане в отношении населения. Необходимо не только оказать быструю помощь голодающим и вести борьбу с эпидемией, но нужно развернутым фронтом взяться за проведение мероприятий, устраняющих коренные причины этого явления. В чем заключаются эти причины?

Одной из основных причин откочевок и расстройства в хозяйстве казахов является сокращение скота. По данным Всесоюзной переписи скота, в феврале 1932 года из 40 млн. голов скота в 1928/1929 гг. к мо-

менту переписи осталось в Казахстане 5 397 тыс. голов скота, то есть сокращено 85,5%, в т. ч. с февраля 1931 г. до февраля 1932 происходит сокращение на 55% (в СССР - 16,7%). У казахского населения осталось менее 6% скота, имевшегося у него в 1929 г. Ведь еще бывшее переселенческое управление при царском строе, занимающееся изъятием у казахов земель, считало, что кочевому хозяйству, чтобы сводить концы с концами, для существования одной семьи, как минимум, нужно 30 голов.

За высокие темпы коллективизации взялись, не подготовив массы, методами исключительно голого администрирования, нарушения революционной законности (избиение, аресты). Крайком ВКП(б) выносит 30 июля 1931 г. Постановление:

"Поставить перед животноводческими районами задачу - выйти на линию более высоких темпов коллективизации как основной формы колхозного движения в ауле".

В письме Т. Рыскулов вносит конкретные предложения: "Срочно дать от ЦК ВКП(б) директиву крайкомам, обкомам республик, где имеются прикочевавшие казахи, трудоустроить последних, поручить СНК СССР выделить необходимые продовольственные и промтоварные фонды для помощи казахам.

Предложить Казкрайкому принять меры к прекращению дальнейших откочевок казахов из пределов Казахстана, немедленно организовать помощь голодающим.

Пересмотреть план оседания в сторону использования отпущенных средств текущего года исключительно на устройство откочевников и на меры, связанные с их оседанием"[2].

В условиях диктаторского режима и близости Голощекина к Сталину Рыскулов не мог прямо назвать преступления Голощекина преступлениями и вынужден был называть их ошибками, перегибами. Однако Сталин не мог не понять по содержанию письма Рыскулова, что в гибели миллионов от голодной смерти непосредственно повинен Голощекин.

По данным демографов, в Казахстане от голода 1931-1933 г. погибло более 2 млн. казахов. Еще более миллиона покинули республику. За годы кровавого правления Голощекина численность населения в республике сократилась с 6 млн. 678 тыс. в 1926 г. до 2 млн. 493 тыс. - в 1933 году. Трагедия эта ни с чем не сравнима. Перед жертвами голода меркнет даже пережитое казахским народом во время нашествия Чингисхана и джунгар. Такова правда о голощекинском геноциде. Народ до сих пор оплакивает погибших. Это незаживающая рана нации.

Казахский народ гордится своим замечательным сыном - Тураром Рыскуловым, который, не боясь быть жестоко наказанным, боролся за спасение своих сородичей. Десять лет, до ареста в 1937 г., Т. Рыскулов работал заместителем председателя Совнаркома РСФСР и внес свой вклад в развитие советской экономики. В 1938 году как враг народа в возрасте 44 лет он был расстрелян. Роковую роль сыграли и его письма Сталину.

Масштабы чрезвычайных мер, репрессий, широко применяемых в стране в 20-е и начале 30-х годов, не устраивали тоталитарный режим. Выступая в январе 1933 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), Каганович говорил, что мы мало расстреливаем, и призывал к ужесточению репрессий, которые и без того были жестокими. "Этот чудовищный призыв ни у кого из членов ЦК не вызвал возражений"[3]. Тем не менее, в среднем и низовом звене руководящих кадров сопротивлялись чрезвычайной системе, выступали за нормализацию обстановки в стране. С этим связано недоверие к кадрам и периодические чистки в партийных, советских органах по указанию сверху от "ненадежных", "переродившихся" работников, преследования инакомыслящих. Происходила расправа с бывшими оппозиционерами, массовые аресты. Резко повышаются полномочия чрезвычайных органов, особых совещаний, троек. Все это получило одобрение и дальнейшее развитие на февральско-мартовском (1937г.) Пленуме ЦК ВКП(б). "Неотъемлемым качеством каждого большевика, - говорил Сталин, - должно быть умение распознавать врагов". В решениях Пленума нашли отражение известные сталинские выражения недовольства. "С разоблачением злейших врагов народа Наркомвнудел опоздал, по крайней мере, на четыре года". Пленум констатировал, что агенты, троцкисты, шпионы проникли во все отрасли народного хозяйства, партийные, советские органы, что притуплена бдительность, допускается беспечность. Так был запущен маховик террора по всей стране.

В духе сталинской установки 1-3 апреля 1937 года проходил Пленум Северо-Казахстанского обкома партии. Докладчик и выступающие резко критиковали бюро обкома партии, перегибы в подборе кадров, говорили о многочисленных нарушениях Сталинского Устава сельхозартели, Сталинской конституции. В принятом Постановлении Пленум отметил: "Забвение того, что наша страна находится в капиталистическом окружении, создало благоприятную почву заклятым врагам народа, троцкистским агентам германо-японского фашизма, бухаринцам, контрреволюционным националистам для их гнусной подрывной и вредительской деятельности. Только этим можно объяснить тот факт, что

долго и безнаказанно действовали враги в Петропавловске и районах". Многие члены обкома, голосовавшие за это грозное решение, вскоре были арестованы как заклятые враги народа. В тюрьмах оказались секретари обкома, гор- и райкомов партии, председатели областного, городского и районных исполкомов, руководители областных организаций и ведомств, колхозов и предприятий. Большинство их было расстреляно. Это те самые кадры среднего и низового звена, которых еще на XVII съезде партии (1934 г.) Сталин назвал "зазнавшимися вельможами, тормозящими работу и мешающими стране двигаться вперед". В сущности, они сопротивлялись чрезвычайным мерам, внесли большой вклад в подъем экономики и культуры после разрушительной семилетки первой мировой и гражданской войн. С именами руководящих кадров области, городов и районов, безвинных жертв политических репрессий связано открытие в селах, аулах первых медучреждений, школ, библиотек, строительство новых фабрик, заводов, дорог, жилых домов. Старожилы помнят их, воздают им должное. Но в те мрачные годы народ не мог заступиться за них, хотя в душе понимал, что творится беззаконие. Всюду шли массовые аресты. На Приишимском районном партийном собрании начальник РоНКВД говорил: "Мы, работники НКВД, хвастались арестами одиночек. Настоящие враги в подполье, за их выявление я взялся плохо". И он быстро "поправил" дело. По числу арестованных "врагов народа" Приишимский РоНКВД, пожалуй, тогда занимал первое место. Здесь наибольшее количество арестованных приходилось на лето 1937 года. Жертвами стали механизаторы, сторожа, муллы, председатели колхозов, учителя. Действия начальника РоНКВД вызывали протест со стороны председателя райисполкома Галкина. Вскоре Галкин был арестован как враг народа.

Мощной пропагандой были обмануты рядовые малограмотные коммунисты. На совести некоторых из них кровь безвинных жертв репрессий. На партийных собраниях сел, аулов коммунисты призывали разоблачать подлых врагов колхозного строя за то, что хлеб не убран вовремя, подъем зяби затянулся... То есть, в каждом хозяйственном недостатке видели вредительство. На кустовом закрытом собрании аулов "Октябрь", "Жекекуль", "Бостандык", "Мерке", посвященном обсуждению материалов февральско-мартовского (1937г.) Пленума ЦК ВКП(б), единогласно проголосовали за исключение из партии председателя колхоза "Бостандык" Ашитова за принятие в колхоз баев, Тоепергенова - за то, что он женат на дочери бая. Затем они были арестованы как враги народа.

В колхозе “Рассвет” арестованы Д.Левухин, А.Бурсов, С.Проскурин, начальник политотдела Кзыл-Аскерского совхоза Гущин, сторож колхоза Нересов. Полностью разгромлено руководящее ядро Петропавловского депо. Были арестованы инженеры Павлов, Мужичков, Лившиц, Мецлер и другие.

В 1989-1990 гг. мне довелось месяцами изучать в архиве бывшего комитета госбезопасности по нашей области уголовные дела десятков жертв политических репрессий тех лет. Следствие вели преимущественно сержанты, редко - младшие лейтенанты. По их почерку, содержанию допросных листов видно, что они малограмотны и жестоки. Они не стремились к истине, не занимались поисками доказательств, а добивались признания вины безвинных людей любыми средствами. У них были выученные стандартные вопросы, одинаковые к каждому подследственному, будь он сторож, учитель, инженер, мулла, священник, руководитель предприятия. Сразу же на первых допросах: “Вы арестованы как член контрреволюционной троцкистской организации,” – или: “Вы арестованы как член национал-фашистской организации, которая ставила целью распад СССР, отторжение Казахстана и присоединение к Японии...“ Ведь малограмотные колхозники, рабочие тех лет вряд ли знали, где, в какой части света находится Япония. Ни в одном уголовном деле я не нашел никаких вещественных или документальных доказательств, подтверждающих признаки хоть какой-то вины подследственных в столь грозном обвинении.

Во всех уголовных делах, с которыми я знакомился, на первых 2-3 допросах заявлялись категорические отказы в предъявленных обвинениях. Допросы велись ночью. На отдельных протоколах допросов есть отметка: “Допрос закончен в три часа ночи”. Ночные допросы, избиение, шантаж давили на психику, ослабляли волю обреченных. Из мучения, издевательства был один выход - признаться. О том, как следователи добивались "признания”, видно по допросным листам арестованных.

Вот протокол допроса Мухаметжанова Абикея, составленный лично начальником Приишимского РоНКВД 14 августа 1937 года:

“Вы арестованы как руководитель контрреволюционной национал-фашистской организации, действующей на территории Приишимского района.

А.Мухаметжанов: Я никогда не состоял в контрреволюционной организации. Обвинение ложное...”

Так, более месяца Мухаметжанов на всех последующих допросах отрицал предъявленные обвинения. Лишь 18 октября измученный Му-

хаметжанов скажет: “После продолжительных запирательств и отказа дать следователю правдивые показания решил признаться, что являюсь руководителем национально-фашистской организации”.

Слова: “После продолжительных запирательств и отказа дать следователю правдивые показания решил признаться,” - присутствуют во всех протоколах допросов.

На допросе 19 октября Мухаметжанов под давлением называет имена “завербованных” им членов его “организации” - сына бая, председателя колхоза “Бостандык” М. Ашитова, председателя сельсовета К. Карабатырова и сына муллы М. Сагиндыкова.

Все они были арестованы и постановлением “тройки” расстреляны.

Вот так находили органы НКВД “врагов народа”. Все средства пропаганды направлялись на обработку общественного мнения, что органы НКВД ведут беспощадную борьбу против подлых врагов народа. Областные газеты “Ленин туы”, “Ленинское Знамя” 1937-1938 гг. сообщали о новых арестах под заголовками “Чудовищные преступления фашистских наймитов”, “Выжечь корни троцкизма в Петропавловском Депо”, “Школа в руках врага”, “Смерть изменникам РОДИНЫ” и т.д. Газетные полосы заполнялись сообщениями о многолюдных митингах в городах и селах, организованных партийными органами. “Врагов надо уничтожить!” - требовали работники железной дороги. “Требуем смерти фашистским наймитам!” - из резолюции собрания коллектива пимокатного завода. “Требуем высшей меры наказания!” - из резолюции митинга на мясокомбинате. “Врагов колхозного строя расстрелять!” - говорят колхозники.

В те мрачные годы нашей истории в обстановке идейного, а порой и физического подавления человека были люди гражданского мужества, открыто выступавшие в защиту “врагов народа”. Газета “Ленинское Знамя” за 13.10.1937 г. в статье “Последыш Кабановщины” писала: “Когда был разоблачен враг народа Кабанов, смотритель жилищных зданий Долгов ходил и проповедовал: “Я никогда не поверю, что Миша Кабанов оказался врагом народа”. Подобная вылазка свидетельствует, что мы здесь имеем дело с последышем не выкорчеванной кабановщины”. В другой статье “Троцкистское охвостье” газета пишет: “Учитель Кзыл-Аскерской НСШ Приишимского района, комсомолец Постовой В.И., восхваляет перед учащимися врага народа, бывшего начальника политотдела совхоза Н.А. Гущина, заявляя, что Гущин - самый культурный и образованный человек, он пострадал зря. Агитация Постового возымела действие, он привлек на свою сторону учителя Осипова”.

Это были отдельные крики души. В обстановке всеобщего страха, слежки, террора, когда никто не был гарантирован от ареста, люди не могли высказать свой протест произволу, свои возмущения, негодования таили в себе. Работники НКВД, их агенты не могли не заметить настроения народа.

Чтобы рассеять сомнения людей и показать, что органы НКВД карают только врагов народа, по примеру Москвы в Казахстане были организованы три открытых судебных процесса, прошумевших на всю республику: Карагандинский, Уджарский и Пресновский.

Четырнадцать объемистых томов Пресновского уголовного дела - яркое свидетельство того, какими методами добывали следователи "признания" своих жертв. Следственные материалы свидетельствуют о чудовищных методах расправ над честными людьми - тысячами наших земляков-североказахстанцев. Поэтому воспроизведем на основе архивных материалов, как было сфабриковано "дело".

Итак, 22 мая 1937 г. Северо-Казахстанское УНКВД возбудило уголовное дело на группу ответработников Пресновского района: Конюхова Василия Степановича - бывшего первого секретаря райкома партии, Капарова Карима - бывшего председателя райисполкома, Уразбаева Нияза - бывшего зав. РайОНО, Фазылова Касена - бывшего прокурора района, Майкотова Алимбека - бывшего народного судью, Калугина Савелия Григорьевича - бывшего зав. РайЗО, Гоменюка Александра Михайловича и Гребешка Игнатия Исааковича - бывших председателей колхозов. На предварительном следствии всем им предъявлено обвинение в проведении контрреволюционной, национал-фашистской работы, направленной на свержение советской власти, реставрацию капитализма, отторжение Казахстана от Советского Союза. В течение четырех месяцев их пытали "денно и нощно", требуя признательных показаний. По протоколам допросов, заявлению подсудимых на суде видно, что палачи использовали все методы: избиение, шантаж, угрозы. Но подследственные мужественно переносили все издевательства, отвергали вескими доводами предъявленные им грозные обвинения. За неделю до суда, 16 сентября, последний допрос Уразбаева:

"Следователь: На всем протяжении следствия вы продолжаете скрывать свою контрреволюционную националистическую деятельность. Следствие настаивает на даче вами признательных показаний.

Уразбаев: Категорически отрицаю свое участие в контрреволюционно-националистической организации. Никакой контрреволюционной политики за время моей работы в качестве заведующего РайОНО я не проводил, и предъявленное мне обвинение ничем не обосновано".

Допрос Фазылова, 16 октября:

"Следователь: Вам предъявлено обвинение по статье 58 пп-11-14, то есть в том, что вы являетесь членом контрреволюционной националистической организации. Признаете вы себя виновным в предъявленном обвинении? Фазылов: Членом контрреволюционной националистической организации не состоял и в предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю".

Допрос Конюхова, 15 сентября:

"Следователь: Вы арестованы как троцкист за активную контрреволюционную деятельность. Следствие предлагает вам дать откровенные показания о своей контрреволюционной деятельности.

Конюхов: Троцкистом я никогда не был и не проводил контрреволюционную троцкистскую работу".

Так все остальные подследственные на допросах отвергли предъявленные обвинения. И только на последнем допросе следователь добился "признательных" показаний у Капарова. Он, доведенный до беспамятства, помутнения разума, "признался". Этого было достаточно УНКВД, чтобы составить обвинительное заключение по Пресновскому делу и передать в спецколлегию областного суда. Приведем выдержки из обвинительного заключения: "Предварительным следствием установлено, что, начиная с 1935 г., в Пресновском районе существовали и проводили активную подрывную контрреволюционную работу группы в составе троцкистов и национал-фашистов, созданные пролезшими на руководящие посты бывшим первым секретарем райкома партии, троцкистом Конюховым и Капаровым - бывшим председателем райисполкома. Руководители троцкистской и национал-фашистской организации Конюхов и Капаров вели подрывную контрреволюционную работу, направленную на свержение Советской власти, реставрацию капитализма, отторжение Казахстана от Советского Союза, ликвидацию социалистических форм хозяйствования: колхозов, совхозов, МТС - и также развертывание пораженческой агитации среди населения". В четырнадцатитомном уголовном деле нет никаких доказательств о существовании троцкистской, национал-фашистской организации в Пресновском районе и об их антисоветских действиях. Несмотря на это, областной суд принял на рассмотрение дело на открытом суде. Партийные органы и органы УНКВД придали особое политическое значение предстоящему открытому разбирательству "Пресновского дела". До вынесения приговора областным судом на страницах областных газет клеймили позором "врагов народа", на митингах городов и сел требовали расстрела всех до

единого. Еще приговора суда не было, а органы власти уже заранее предрешили судьбы честных людей.

С 23 сентября по 3 октября 1937 года в селе Пресновка началось судебное разбирательство спецколлегией Северо-Казахстанского областного суда. На суде все подсудимые, как и на предварительном следствии, категорически опровергали предъявленные им обвинения по ст. 58. Поэтому воспроизведем допрос Капарова на заседании спецколлегии облсуда:

"Председатель суда: "Объясните суду по существу предъявленных вам обвинений".

Капаров: "Я в предъявленном мне обвинении по ст. 58-10-11 виновным себя не признаю. Категорически отрицаю существование национал-фашистской организации, организованной мною. Хочу сказать о полном противоречии своим показаниям на предварительном следствии. Я якобы ставил себе задачу реставрацию капитализма, роспуск колхозов, совхозов и МТС. В таком мировом масштабе политику я творить не мог".

Председатель суда: "Расскажите, что вы писали в своем заявлении на предварительном следствии".

Капаров: "Я там писал, что меня вербовал Ескараев. Но я не мог иначе писать. Потом отдельную часть показаний я могу дать при закрытом заседании суда".

24 сентября 1937 года. Закрытое заседание суда:

"Прокурор: "Как вы расцениваете, что человек сегодня пишет одно, завтра отказывается?".

Капаров: "Я заявляю суду, что написал ложно, был доведен до такой степени. Прокурор: "Что заставило написать признательное показание?" Капаров: "Условия. Не признательные показания, а ложные. Я думал: живым не останусь, не вытерплю этих условий. Потом мне говорили:"Если хочешь остаться живым, напиши". Я и написал ложно". Прокурор: "Вы назвали бы это провокацией?"

Капаров: "Я не могу сказать ничего. Показания ложные. Как хотите, судите контрреволюционером ли, бандитом ли. Я был доведен до такой степени, что не мог вытерпеть".

Прокурор: "Подсудимый Капаров, вы подтверждаете еще раз свою ложь?" Капаров: "У меня было плохое состояние, невменяемое". Председатель суда: "То есть, у вас было невменяемое состояние? Невменяемое состояние - это тогда, когда человек сумасшедший". Капаров: "Я был сумасшедшим".

Прокурор: “Почему вы не хотите назвать вещи собственными именами?“ Капаров: “Если я наврал один раз, на предварительном следствии, то не могу вводить суд в заблуждение еще раз“. Член суда: “Почему вы написали на других лиц?“ Капаров: “Потому что этих людей назвал следователь”.

Разбирательство на суде было формальным, приговор заранее написан. Несмотря на непризнание обвиняемых на предварительном следствии и на самом суде, третьего октября 1937 г. спецколлегия областного суда приговорила Конюхова В.С., Капарова К., Уразбаева Н. и Фазылова К. к высшей мере - расстрелу, остальных - к различным срокам заключения.

Пленум Верховного Суда СССР от 23 октября 1959 г., рассмотрев протест Генерального прокурора СССР по делу Конюхова, Капарова, Уразбаева, Фазылова, Майкотова, Калугина, Гоменюка, Гребешка, отменил приговор спецколлегии Северо-Казахстанского областного суда от 3 октября 1937 г. за отсутствием в их действиях состава преступлений.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР говорится: “Материалами дела не установлено существование в Пресновском районе контрреволюционной организации, факта антисоветской агитации. Не установлены и факты злоупотребления со стороны обвиняемых своим служебным положением”.

Контрреволюционной, национал-фашистской организации не существовало ни в одном районе области и где-либо в Казахстане, что доказано при рассмотрении уголовных дел в 1957-1990 гг., и все пострадавшие были реабилитированы. К сожалению, почти все - посмертно. Академик Маныш Козыбаев приводит такие данные: “Из числа расстрелянных примерно одну треть составляли рабочие, пятую часть - крестьяне, девять процентов - спецпереселенцы и около половины - служащие”[4].

Жертвами репрессии стали представители всех наций, живущих в нашей области. Их судили как “врагов народа” - сторожа, учителя, рабочего, медработника, колхозника и инженера, муллу и священника... Уму непостижимо, откуда взялось столько “врагов”, тогда как Сталин заявил, что “социализм в стране победил”, что с точки зрения внутреннего положения страны нет опасности реставрации капитализма.

Террор, начатый в 1937 году, не щадил ни стариков, ни женщин. Женщин без суда отправляли в АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников Родины) за то, что они ... жены “врагов народа”. Отсидела десять лет в АЛЖИРе Муслима Ильясова - жена расстрелянного дирек-

тора Петропавловского педтехникума А. Ильясова, Рабига Жамболова - жена секретаря Петропавловского горкома партии...

Об издевательстве тюремного начальника над женщинами писала в своих воспоминаниях узница Семипалатинской тюрьмы Галина Серебрякова. Она - известный писатель, общественный деятель, первая наставница известной певицы, Героя Социалистического Труда Бибигуль Тулегеновой. Вот что пишет Галина Серебрякова в воспоминании "Смерч", в книге "Дело №... герои горького времени" (Алматы, 1989 г.): "В камере на 17 человек находилось 72 женщины. Мои сокамерницы оказались казашками, русскими, украинками, еврейками, татарками. Возраст узниц моей камеры - от 16 до 80 лет.

В нашей камере рожала молодая женщина, недавний член казахского ЦИКа. Тщетно барабанили мы в дверь, требуя врача. Никто не приходил. Женщина корчилась от боли, но старалась подавить крики. Посинев, она тяжело дышала. В камеру ввалился пунцоволикий, нетрезвый корпусной.

"Молчать, - вопил он, - акушерку требуете, скорую помощь? А кто вы такие?! Враги народа - вот кто! И чем скорее вы подохните все, тем лучше для государства".

Г. Серебрякову не обвинишь во враждебности к социализму, коммунистическим идеалам. После отбытия срока она написала 4-х томную книгу о жизни и деятельности Карла Маркса. Она написала правду о пережитом, бесчеловечном, зверском отношении тюремного начальства к женщинам, даже к женщине-роженице. Что говорить об условиях содержания обездоленных мужчин!

Тысячи семейных очагов были разрушены, искалечены судьбы детей "врагов народа", вынужденных терпеть унижения, оскорбления. Как это тяжело. Об этом пишут свои горестные воспоминания А. Филиппова, А. Фурсова, Ю. Домбровский и другие.

В поэме Твардовского "За далью даль" есть такие строки о Сталине: "Он мог на целые народы обрушить свой верховный гнев".

По велению Сталина осуществлено неслыханное в истории насильственное переселение народов с родных мест. В 1937 году на землю Северного Казахстана приехали корейцы Дальнего Востока. В августе 1941 года Постановлением Правительства выселены немцы Поволжья. Десятки тысяч обездоленных немцев: стариков, женщин, инженеров, врачей, педагогов - нашли приют в Северном Казахстане. В 1944 году, уже в конце войны, привезли в теплушках под охраной чеченцев и ингушей.

Всем немцам Поволжья, чеченцам, ингушам пришили ярлык "спецпереселенец". Во всех районах были созданы спецкомендатуры, где они должны были отмечаться, чтобы никто не сбежал. Немцы, чеченцы, ингуши не имели права переехать или даже съездить в другое село без разрешения спецкомендатуры. Материальное положение было крайне тяжелое. Они помнят и благодарят до сих пор местных жителей за доброту и помощь в те трудные годы.

О масштабах депортации рассказывают публикуемые ниже материалы. Повторю лишь известные цифры:

"Переселено немцев Поволжья 1 024 722; чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкар - 608 794; крымских татар, болгар, армян, греков - 228 392 и других народов, всего - 3 332 589 человек"[5].

Вдохновителем депортации народов был Сталин. Приведу донесение Берия Сталину, опубликованное в том же номере журнала.

"Товарищу Сталину: "Для успешного проведения операции по выселению чеченцев и ингушей после Ваших указаний в дополнение к чекистско-войсковым мероприятиям проведено следующее:

1. Было доложено председателю СНК Чечено-Ингушской АССР Молаеву о решении Правительства о выселении чеченцев и ингушей и мотивах, которые легли в основу этого решения. Молаев после моего сообщения прослезился, но взял себя в руки и обещал выполнять все задания". Берия, 22.11.1944 г.".

"Товарищу Сталину: "...В проведении операции принимали участие 19 тысяч оперативных работников НКВД-НКГБ и СМЕРШ и до 100 тысяч офицеров и бойцов войск НКВД.

В результате проведенных трех операций выселено в восточные районы СССР - 650 тысяч чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев". Л. Берия, нарком внутренних дел Союза ССР".

"Товарищу Сталину: "Сегодня, 20 мая, закончена операция по выселению крымских татар. Выселено и погружено в эшелоны - 180 014 человек". Л. Берия, нарком внутренних дел СССР"[6].

За этими жестокими донесениями - страдания миллионов безвинных людей, в том числе женщин, детей, стариков, ехавших неделями в переполненных вагонах, без воды, умиравших в пути от тифа и других болезней, сотен тысяч переселенцев, погибших от лишений в местах спецпоселений.

Такова правда о жестокости тоталитарного режима. Работая над секретными архивными материалами для данной статьи, я не раз размышлял: "Как все это мог выдержать народ?! Есть ли еще в цивилизованном мире народы столь трагической судьбы? Каким жестоким

оказался XX век для народов бывшего Союза. Ими пережиты две мировые войны, три революции, братоубийственная гражданская война, репрессии. Несмотря на все это, выжили, достигли выдающихся высот в экономике и науке. Какой терпеливый, героический наш народ!"

Хочется, чтобы все мы поняли: урок трагедии один - не допустить ее повторения.

---

[1] Голод в казахской степи. - Алматы: Изд-во КазГУ, 1991.
[2] Там же.
[3] "Правда", 3 октября 1988 г.
[4] "Казахстанская правда", 19 февраля, 1997 г.
[5] "Партийная жизнь", № 3, 1991 г.
[6] Там же.

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА И ВЫСЕЛЕНИЕ БАЕВ В ПЕТРОПАВЛОВСКОМ ОКРУГЕ (1928 г.)

Трусов В.И.

На основании Постановления ЦИК и Совнаркома КазАССР "О конфискации байских хозяйств" от 27 августа 1928 г. и инструкции по его применению, утвержденной Совнаркомом, в срок до 1 ноября того же года была проведена массовая кампания выселения "крупных скотоводов из коренного населения, которые, сохраняя полуфеодальные, патриархальные и родовые отношения, своим имущественным и общественным влиянием препятствуют советизации аула" (Собрание законов КазАССР (1920-1936 гг.), 1969, с. 247).

Выселению подлежали баи, имевшие в переводе на крупный скот свыше 400 голов - в кочевых районах, 300 голов - в полукочевых или меньшее количество, но признанные местной властью социально опасными элементами. Независимо от имущественного положения подлежали выселению потомки ханов и султанов, бывшие несменяемые волостные управители. Скот, кроме определенной нормы, необходимой для ведения трудового хозяйства в местах поселения, а также сельхозинвентарь, жилые помещения с подворными постройками, сады, клеверники, драгоценные ковры, слитки золота и серебра и ряд других предметов подлежали конфискации, передаче беднейшим хозяйствам, колхозам, зем.органам, райисполкомам - по усмотрению комиссий. Выселяемые лишались избирательных прав. Всего по республике было намечено подвергнуть конфискации 700 байских полуфеодальных хозяйств.

Конфискация проводилась как единовременное мероприятие с целью "в кратчайший срок парализовать влияние полуфеодальной байской верхушки аула путем применения мер прямого революционного воздействия (конфискация, выселение)" (из директивы Петропавловского окружкома ВКП(б)). Подготовительная работа началась в августе, а распределение конфискованного скота и имущества уже велось в начале октября 1928 г. Около 60 тыс. чел. населения Петропавловского округа участвовало в собраниях, митингах, проводившихся уполномоченными, где шло обсуждение документов, принимались решения о конфискации. Выполнялась директива о привлечении всей массы населения, особенно бедноты и батрачества "как основной политической фигуры аула", к осуществлению мер по ликвидации влияния байства. В итоге, по округу было выявлено 34 хозяйства крупных баев-полуфеодалов. У них конфисковано 9,3 тыс. голов всех видов скота, а также недвижимое имущество (37 юрт, 38 сараев, 33 конюшни, 30 сенокосилок, 31 соха, 14 саней, 10 кошевок, 79 ковров и т.д.).

Среди тех, чье имущество было подвергнуто конфискации, был Джумабаев Ахметжан Нурмухамедов - сродный брат выдающегося казахского поэта Магжана Жумабаева, имевший 200 голов лошадей, 70 - КРС, 100 - баранов и коз, сложные сельхозмашины, деревянный дом, летние юрты, содержавший трех батраков. Как отмечалось в его характеристике, он был "отъявленный группировщик, неоднократно занимал выборные должности, пользовался большим влиянием и авторитетом".

В директиве окружкома ВКП(б) указывалось, что в дальнейшем "напряженная борьба батрацко-бедняцких и середняцких слоев против кулаков и баев не должна быть прекращена, а наоборот, должна непрерывно развиваться", что и было выполнено в последующие годы.

Этот, по словам Ф.И. Голощекина (возглавлявшего тогда Казкрайком компартии Казахстана), "Великий Октябрь в казахской степи" нанес еще один удар по хозяйственным устоям, материальным основам и традициям казахского аула, печально отразился на его дальнейшей судьбе.

Публикуем подлинный архивный документ - "Список баев и бывших царских служителей, подлежащих выселению за пределы округа с конфискацией имущества", составленный окротделом ОГПУ:

Фамилия, имя	**Имущество и место Жительства**	**Должности, характеристики**
По Кокчетавскому району:		
Бекмухамедов Нигмаджан	Имеет: 336 гол. Лошадей	При царизме был 9 лет волост

Нигмаджан	(306), 127 гол. рогатого скота (112), 6 верблюдов, 327 баранов и коз (306), 3 сенокосилки, 3 граблей, 5 бричек, деревянный дом с надворными постройками, 2 юрты, 20 десятин посева, содержит постоянно 5 батраков, 60 лет, проживает в ауле 3 Кокчетавского района, имеет 13 чел. членов семьи.	ным управителем, имел тесное общение с царскими чиновниками, содержал банду конокрадов, при Колчаке имел непосредственное отношение к а/о. Активный руководитель повстанцев 1921 г., участник избиения коммунистов. В 1927 г. привлекался к судебной ответственности за фиктивное раздробление своего хозяйства. Имеется уголовное дело в Окр. прокуратуре.
Хасенов Джолдаскожа	Имеет: 820 лошадей, 26 голов рогатого скота (35), 117 баранов (685), 2 сенокосилки, 2 граблей, 4 брички, деревянный дом с надворными постройками, 2 юрты, 45 десятин покоса, содержит постоянно 6 батраков, проживает в 1 ауле Кокчетавского района.	Хасенов Джолдаскожа, возраст не установлен, имеет 7 чел. семьи, при Колчаке имел тесное общение с а/о в 1919-21 гг., занимался скотокрадством, содержал банду скотокрадов 20-30 чел. Среди населения влиятельный, политически развит.
Азнабаев Абжан	Имеет: 390 (316) голов лошадей, 37 (46) голов рогатого скота, 240 (348) баранов, 1 сенокосилку, 1 грабли, деревянный дом с надворными постройками, 1 бричку, 3 юрты, 20 десятин покоса, содержит 4 постоянных батраков, проживает в 1 ауле Кокчетавского района.	Азанбаев Абжан, возраст не установлен, имеет 12 чел. членов семьи. При царизме был несколько лет бием, беспощадно угнетал казахские массы. При Колчаке имел тесное общение с а/о. В 1928 г. осужден за фиктивное раздробление с конфискацией 345 голов скота. По кассации дело находится в Верховном суде. Скрывает свой скот от обложения ЕСНХ путем раздачи его своим родичам-беднякам.
Кенжегарин Шукум	Имеет: 386 (355) голов лошадей, 71 (88) голов рогатого скота, 120 верблюдов, 197 (282) баранов и коз, 3 брички, 1 сенокосилку, 1 грабли, деревянный дом с надворными постройками, 3 юрты, 5 десятин посева, 25 десятин покоса, содержит постоянных 6 батраков, проживает в 4 ауле Кокчетавского района.	При Колчаке имел тесное общение с а/о. В 1927 г. привлекался к ответственности за фиктивное раздробление своего хозяйства, дело находится в Губсуде. Имеет большое влияние на представителей власти, пользуется большим авторитетом среди населения. Отношение к власти отрицательное.
Байтиков Аббас	Имеет: 250 (246) голов лоша-	В 1923-25 гг. занимался ското-

	дей, 50 (31) голов рогатого скота, 110 (95) голов баранов и коз, 1 сенокосилку, 2 брички, 1 грабли, 1 сепаратор, деревянный дом с надворными постройками, содержит 2-3 постоянных батраков. Проживает в 5 ауле Кокчетавского района, имеет 3 верблюда.	крадством, содержал банду конокрадов. Неоднократно подвергался взысканиям по суду. Имеет большое влияние на окружающую массу. Отдает свой скот на временный удой окружающей бедноте. В 1927 г. подвергался суду с конфискацией 165 голов скота за фиктивное раздробление своего хозяйства. За особые заслуги перед царским правительством получил почетный халат. Возраст Аббаса не установлен, имеет 11 чел. членов семьи.
Закрияев Курманходжа	Имеет: 451 г. лошадей, 62 головы крупного рогатого скота, 229 баранов и коз, сложные с/х машины, содержит 11 наемных батраков, проживает в 8 ауле Кокчетавского района.	Закрияев Курманходжа, возраст не установлен, имеет 12 чел. членов семьи.
По Энбекшельдерскому району:		
Сатыбаев Жабай	Имеет: 250 (178) голов лошадей, 93 (63) головы рогатого скота, 270 (275) голов баранов, 20 десятин посева, 20 десятин покоса, 1 веялку, 2 сенокосилки, 1грабли, 1 лобогрейку, 4 (2) брички, 3 (1) легчанки и 3 плуга, 3 железных бороны, 1 сепаратор, деревянный дом с надворными постройками, 3 юрты, содержит 4 постоянных батраков. Проживает в ауле 1 Энбекшельдерского района.	Сатыбаев Жабай, 30 лет, имеет 13 человек членов семьи, является сыном известного и влиятельного в свое время волостного управителя Сатыбая. Среди населения пользуется авторитетом и влиянием.
Омракулов Шарип	Имеет: 130 голов лошадей, 30 голов рогатого скота, 165 баранов, 1 сенокосилку, 1 грабли, 1 легчанку, 1 сепаратор, зимовку, деревянный дом, 2 юрты, содержит постоянно 2 батраков, 20 десятин сенокоса, проживает в 3 ауле Энбекшельдерского района.	Омракулов Шарип имеет 8 человек членов семьи. При царизме был несколько лет бием, занимался взяточничеством и вымогательством. При Колчаке имел близкое отношение к а/о, принимал активное участие в восстании 1921 г. В 1927 г. привлекался к ответственности за противодействие во время передела сенокосных угодий. С целью недопуска конфискации имущества про-

		дает таковое и раздает беднякам.
Джуманов Альжан	Имеет: 155 (109) голов лошадей, 20 (13) голов рогатого скота, 2 верблюда, 85 (78) баранов, 1 сенокосилку, 1 грабли, 1 плуг, 1 бричку, 1 легчанку, 1 сепаратор, 25 десятин покоса, 4 десятины посева, деревянный дом с надворными постройками, 2 юрты, содержит 2-х постоянных батраков. Проживает в 3 ауле Энбекшельдерского района.	Джуманов Альжан, возраст не установлен. При царизме был несколько лет (6) волостным управителем. При Колчаке занимал должность зам. Председателя Кокчетавской управы, имел близкое отношение к а/о. В 1921 г. принимал активное участие в восстании. Сам лично с сыном Исламбеком убили коммуниста. В данное время распространяет агитацию против отдельных мероприятий Советской власти. С целью скрытия от конфискации продает свой скот, имеет 4 человек членов семьи.
Хассенов Беккужа	Имеет: 77 лошадей, 7 верблюдов, 47 голов рогатого скота, 117 баранов и коз, 13 десятин покоса, 2 десятины посева, 1 сенокосилку, 2 брички, 2 плуга, 1 веялку, 1 сепаратор, дом с надворными постройками, 1 юрту, содержит постоянно 1 батрака, проживает в 1 ауле, бывшей Восточной волости, ныне Энбекшельдерского района.	Хассенов Беккужа, возраст не установлен, имеет 7 человек членов семьи, при царизме был 3 года бием и 6 лет волостным управителем, беспощадно угнетал и эксплуатировал бедноту. В 1927 г. оказывал сопротивление во время раздела сенокосных угодий, привлекался к ответственности.
По Тонкерейскому району:		
Альтиев Садваккас	Имеет: 300 голов разного скота (70 лошадей, 33 головы рогатого скота, 130 баранов), 2 брички, 2 сенокосилки, 1 лобогрейку, 1 плуг, 1 ходок. Содержит постоянно 2 батраков, проживает во 2 ауле Тонкерейского района.	Альтиев Садваккас, 40 лет, имеет 5 членов семьи, при царизме был несколько лет волостным управителем. До революции имел 1500 голов одних лошадей. В бытность свою волостным управителем беспощадно угнетал население, требовал предоставления женщин, за ослушание порол нагайкой и накладывал неимоверно большие налоги. Был грозой населения, при Колчаке имел тесное общение с а/о. Активный руководитель организации добровольческих

		отрядов повстанцев 1921 г. С целью укрытия от конфискации своего скота раздает таковой беднякам.
Арбабаев Абдер	Имеет: 90 лошадей (65), 70 (91) голов крупного рогатого скота, 100 (77) голов баранов и коз, 1 верблюда, 1 сенокосилку, 1 грабли, 2 брички, 1 ходок, 1 сепаратор, 30 десятин покоса, содержит постоянно 2 батраков, проживает в 3 ауле Тонкерейского района.	Арбабаев Абдер, 60 лет, имеет 8 человек членов семьи, является отъявленным группировщиком, пользуется среди населения большим авторитетом и влиянием, в 1927 г. привлекался к ответственности за фиктивное раздробление своего хозяйства.
Рамазанов Аблай	Имеет: 30 лошадей, 30 голов рогатого скота, 60 баранов и коз, 1 сенокосилку, 1 грабли, 1 плуг, 3 ходка, деревянный дом с надворными постройками, 2 юрты, содержит 2-х постоянных батраков, проживает в 4 ауле Тонкерейского района.	Рамазанов Аблай, 45 лет, имеет 2 жены, семья состоит из 6 человек, активный а/о, инициатор и организатор добровольческого отряда повстанцев в 1921 г., командовал отрядом в 400 человек, выступал против коммунистического отряда Ковалевского. Пользуется большим авторитетом и уважением как умный человек. Отношение к Соввласти враждебное. Неоднократно замечен в антисоветской агитации.
По Октябрьскому району (ныне Тимирязевский, Сергеевский районы):		
Мужиков Нуралы	Имеет: 159 лошадей, 28 голов рогатого скота, 1 верблюда, 72 барана, 1 сенокосилку, 1 лобогрейку, 1 бричку, 1 плуг, 1 сепаратор, деревянный дом с надворными постройками, 2 юрты, 80 десятин сенокоса, 16 десятин посева, содержит постоянных 3 батраков, проживает в ауле 1 Октябрьского района.	Мужиков Нуралы Шултыкович, возраст не установлен, имеет 12 человек членов семьи, потомственный волостной управитель, был около 30 лет волостным управителем, сам беспощадно угнетал и эксплуатировал бедноту. Активно помогал а/о, при Колчаке занимал должность волостного управителя. Репрессировал сочувствующих большевизму. Активный участник повстанцев. С 1923 г. неоднократно замечен в группировках.
Макинов Мухамеджан	Имеет: 119 голов лошадей, 41 голову рогатого скота, 13 баранов, 1 бричку, 1 плуг, 1 сепаратор, 10 десятин сенокоса, 20 десятин хлеба, содержит по-	Макинов Мухамеджан, возраст не установлен, имеет 6 членов семьи, грамотный, потомственный бай, при царизме служил 6 лет старшиной, взяточник-

	стоянных 2 батраков, проживает в 12 ауле Октябрьского района.	профессионал. При Колчаке имел общение с алашординцами. В 1921 г. активно участвовал в восстании. Имеет влияние на членов ВКП(б) и представителей власти. В данное время занимается конокрадством, содержит банду из 5 человек.
По Бейнеткорскому району:		
Джумабаев Ахмеджан Нурмухамедов	Имеет: 200 голов лошадей, 70 голов рогатого скота, 100 баранов и коз, сложные с/х машины, деревянный дом с надворными постройками, летние юрты, содержит постоянных 3 батраков, проживает в 6 ауле Бейнеткорского района.	Джумабаев Ахмеджан, 35 лет, количество семьи не установлено, отъявленный группировщик, неоднократно занимал выборные должности. Имеет большие связи благодаря своему сводному брату Магжану Жумабаеву. Среди населения считается знающим законоположения. Пользуется большим влиянием и авторитетом.
Идрисов Малик	Имеет: около 150 голов крупного скота, в достаточном количестве крупные с/х машины, содержит постоянных 3 батраков, проживает в 8 ауле Бейнеткорского района.	Идрисов Малик, 40 лет, имеет 2 жены, семья состоит из 6 человек. При царизме был несколько лет бием и крупным скотопромышленником, занимался взяточничеством и вымогательством, проявил себя жестоким и беспощадным по отношению к казахской массе. По сведениям, до революции имел свыше 1000 голов одних только лошадей. Среди населения пользуется большим авторитетом и влиянием.
Балгужины Зейнулла, Абай, Садваккас	Имеют: 100 голов лошадей, 25 голов рогатого скота, паровую молотилку, трактор "Фордзон" и другие сложные с/х машины, 73 десятины посева, 40 десятин покоса, содержат постоянных 5 батраков, проживают в 1 ауле Бейнеткорского района.	Балгужины: Зейнулла, 55 лет, Абай, 50 лет и Садваккас, 35 лет, живут все вместе. Имеют всего 15 человек членов семьи, являются крупными землевладельцами и баями, старший брат их – Ахмет - был несколько лет волостным управителем. Братья Балгужины среди населения пользуются большим авторитетом и влиянием, в особенности Садваккас среди молодежи.
Каймуллин Ибит	Имеет: 200 голов крупного рогатого скота, крупный ско-	Каймуллин Ибит, 50 лет, количество семьи не установлено, в

	топромышленник: имеет деревянный дом с надворными постройками, содержит постоянных 2-3 батраков, проживает в 1 ауле Бейнеткорского района.	прошлом был крупным скотопромышленником, при Советской власти имел большое влияние на местных губернских представителей власти, в связи с чем творил в ауле все, что хотел. Среди населения пользуется большим авторитетом и влиянием. Эксплуатирует окружающее население.
По Кзыл-Аскерскому району:		
Нурпеисов Мухамедгалий	Имеет: около 300 голов разного скота, 1 сенокосилку, 1 лобогрейку, 1 грабли, 2 брички, 1 плуг, 1 молотилку, 1 сепаратор, 15 десятин посева, 50 десятин покосов, содержит постоянных 3 батраков, проживает в ауле 1 Кзыл-Аскерского района.	Нурпеисов Мухамедгалий, 55 лет, имеет 7 человек членов семьи, известный конокрад, содержит банду конокрадов, пользуется большим авторитетом и влиянием среди населения. Имеет влияние на представителей власти.
Саберлин Джилкибай	Имеет: 80 лошадей, 70 голов рогатого скота, 100 баранов, деревянный дом с надворными постройками, 1 юрту, 2 сенокосилки, 2 граблей, 1 молотилку, 3 брички, 1 лобогрейку, 1 ходок, 1 плуг, 20 десятин посева, 40 десятин покоса, содержит постоянно 3 батраков, проживает в 8 ауле Кзыл-Аскерского района.	Саберлин Джилкибай, 68 лет, имеет 5 членов семьи. При царизме был 12 лет бием и крупным скотопромышленником. Держал и держит под своим гнетом окружающее население. Имеет большое влияние на представителей власти. Отношение к Соввласти враждебное. Привлечен к ответственности за фиктивное раздробление своего хозяйства. В данное время вербует себе сторонников из бедноты, с целью недопуска конфискации своего имущества.
Куюков Тасан	Имеет: до 200 голов разного скота, 2 знаменитых бегунца, 1 сенокосилку, 1 грабли, 2 брички, 30 десятин покоса, деревянный дом, 1 юрту, содержит постоянных 2 батраков, проживает в 9 ауле Кзыл-Аскерского района.	Куюкöв Тасан, 55 лет, имеет 4 членов семьи, при царизме был несколько лет бием, занимался взяточничеством и вымогательством, создавая искусственные ссоры и группировки среди населения, был жестоким, порол нагайкой за малейшие проступки. В данное время среди населения пользуется влиянием и авторитетом.
По Кзыл-Туусскому району:		
Абдуракимов Садваккас	Имеет: 3000 (182) лошадей, 100 (40) голов рогатого скота, 70	Абдуракимов Садваккас, 48 лет, имеет 6 человек членов

	(180) баранов и коз, 5 верблюдов, 2 сенокосилки, 3 повозки, 3 брички, 2 граблей, 100 возов сена, содержит постоянных 3 батраков, проживает в 4 ауле Кзыл-Туусского района.	семьи, при царизме был 5 лет бием, беспощадно угнетал и эксплуатировал казахское население. В данное время состоит аксакалом рода, отъявленный группировщик, имеет большое влияние на население. Держит под своим влиянием бедноту и эксплуатирует ее.
Джанталн Салим	Имеет: 500 (214) лошадей, 70 (42) голов рогатого скота, 1 верблюда, 55-61 голову баранов, 1 ходок, 1 бричку, 1 сенокосилку, 1 грабли, содержит постоянных 6 батраков, проживает в 9 ауле Кзыл-Туусского района.	Джанталин Салим, 55 лет, имеет 7 человек членов семьи, потомственный бай и царский служитель, при царизме был волостным управителем и крупным скотопромышленником. Возглавлял барымту, организовывал родовые группировки. Неоднократно был замечен при Совласти в группировках. Пользуется большим авторитетом среди населения. Благодаря своему влиянию беспощадно эксплуатирует бедноту.
Джанталин Касым	Имеет: 400 голов лошадей, 90-100 голов рогатого скота, 60 баранов, с/х машины, содержит постоянных 5 батраков, проживает в 4 ауле Кзыл-Туусского района.	Джанталин Касым, возраст не установлен, имеет 7 человек членов семьи, среди населения пользуется большим авторитетом и влиянием. Отношение к Советской власти – враждебное. От обложения ЕСНХ скрыл 112 голов крупного скота, имеет большое влияние на представителей низового советского партийного аппарата.
Ташимов Шамиль	Имеет: 150 голов лошадей, 50 голов рогатого скота, 50 баранов и коз, сложные с/х машины, деревянный дом с надворными постройками, содержит 3 постоянных батраков, проживает во 2 ауле Кзыл-Туусского района.	Ташимов Шамиль, 65 лет, имеет 8 человек членов семьи, при царизме был в течение 15 лет волостным управителем, занимался взяточничеством и вымогательством, содержал банду конокрадов. Отношение к Совласти – враждебное. Среди населения пользуется большим авторитетом, имеет влияние на представителей местной власти.

По Бейнеткорскому району (дополнительно):		
Майкутовы Баймухамет, Хасанбай	Имеют: 159 голов разного скота, с/х машины, деревянный дом в гор. Петропавловске, проживают по Илинской улице в собственном доме.	Майкутовы Баймухамет и Хасанбай, возраст не установлен, имеют всего 7 человек членов семьи. В прошлом они были крупными скотопромышленниками, а во время колчаковщины принимали активное участие в партии "Алаш". В восстании 1921 г. оказывали активное содействие по формированию добровольческих отрядов против красных. Со дня объявления НЭП и по настоящее время занимаются заготовкой скота без патента через своих бывших заказчиков. С целью приобретения земли сагитировали отказников хозаула "Джаргаин", под давлением которых общество вынесло постановление о принятии в их число членов общины. Имеется до 200 голов крупного скота, скрытого от обложения ЕСНХ.
Такамбетов Исамберды	Имеет: 80 лошадей, 70 голов рогатого скота, 100 баранов, сложные с/х машины, деревянный дом, 25 десятин покоса, содержит 3 постоянных батраков, проживает в 7 ауле Бейнеткорского района.	Такамбаев Исамберды, 70 лет, количество семьи не установлено, при царизме был несколько лет бием, занимался взяточничеством и вымогательством, угнетал и эксплуатировал казахскую бедноту. Отношение к Совласти – отрицательное. Замечен в распространении антисоветской агитации.

АНАТОМИЯ ФОРСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ

Салахова О.А.

В конце 1927 года масштабные программы промышленного развертывания в стране оказались под угрозой срыва из-за неудачного хода хлебозаготовительной кампании. Стремительно растущее городское население требовало все больше и больше продуктов. Для изъятия зерна руководство от рыночных рычагов (НЭПа) все чаще прибегало к административным. Причем это использовалось не для увеличения

производства продовольственных товаров, а только для их изъятия.

Для обеспечения существенного роста централизованной заготовки зерновых был взят курс на сплошную коллективизацию.

Коллективизация имела как минимум три цели. Первая - осуществление "социалистических преобразований в деревне", вторая - бесперебойное снабжение продовольствием быстро растущих городов, третья - "...в максимальной степени развить систему принудительных работ".

Однако молниеносное создание десятков тысяч коллективных хозяйств при отсутствии опыта их ведения только усилило дезорганизацию в деревне. Производство зерна сократилось, начался массовый забой скота, открытые выступления против местных властей, на что последние отвечали репрессиями (раскулачиванием), которые с 1930 года были возведены в ранг государственной политики. В результате варварских методов проведения сплошной коллективизации была ликвидирована как класс основная масса зажиточных крестьянских хозяйств, которая составляла костяк сельского хозяйства. Для борьбы с антисоветскими проявлениями среди сельского населения привлекались судебно-следственные органы

"В 1929-м году мой отец отказался вступить в колхоз. Его раскулачили. Отобрали хозяйство - 11 голов крупного рогатого скота, 2 лошади, 8 овец и выгнали из дома. Наш дом из трех комнат и под железной крышей заняли под контору колхоза "Жизнь". Отца осудили как злостно не желающего вступать в колхоз. Он сидел в тюрьме с. Балкашино... Заключенные работали на стройке. Жили мы (зимой) по чужим домам, а летом обитали в шалаше. В 1931 г. умер отец. Летом 1932 г умерла мать. Упала прямо на дороге и скончалась. Настолько ослабла от голода. А у меня были пухлые ноги и большой живот..." (воспоминания Груздова И.Г., 1920 г. рождения, уроженца с. Матвеевка Арыкбалыкского района).

Раскулачивание нанесло колоссальный ущерб крестьянским хозяйствам, лишив деревню тысяч опытных хлеборобов, оставляя подчас семьи без кормильцев.

Статистика осужденных и раскулаченных в 1930-1933 гг. свидетельствует о тысячах исковерканных, изломанных судеб. В 1930 г. по районам будущей Кокчетавской области (область образована в марте 1944 года) было осуждено 307 крестьян. В 1931 г. был утвержден список на 687 кулацко-байских хозяйств, подлежащих ликвидации как класс. В 1932 году было репрессировано 700 крестьян с выселением их за пределы районов. В 1933 - 690, из которых 144 были осуждены сроком на 10 лет. Срок других составлял от 3 до 5 лет.

В свою очередь, советским правительством был “проведен ряд мероприятий по использованию труда лиц, осужденных на срок свыше 3 лет, на общественно-необходимых работах в специальных лагерях и в отдаленных местностях” (“Правда”, 17. 01.1930 г., Нарком юстиции Н.В. Крыленко). Для регулирования применения принудительного труда в 1930 г. было создано Управление лагерями ОГПУ, с 1931 г. ставшее главным - ГУЛАГ.

С середины 30-х специальные кампании по раскулачиванию уже не проводились, но продолжалось выявление “скрытых врагов” с последующим выселением. В результате репрессий сотни семей были оставлены без кормильцев, а нередко - без единого трудоспособного члена. В результате осуществления социалистических преобразований в деревне была создана целостная система массированной перекачки финансовых, материальных, трудовых ресурсов из аграрного сектора в индустриальный. Достигнуто это было дорогой ценой как материальных, так и моральных затрат. Разграбленные хлебозаготовками колхозы самоликвидировались. Началась самовольная миграция крестьян в другие районы страны. Только в Кзылтусском районе за 1931 г. численность населения с 22 423 человек снизилась до 10 000 за счет 3 060 откочевавших хозяйств. Падеж скота к этому времени в районах области ежедневно исчислялся десятками. Государство решило одну из важнейших проблем - спала острота продовольственного положения в городах, чего нельзя было сказать о сельской местности. Деревня в результате выполнения “боевых заданий” по хлебозаготовкам была обречена на голодное существование.

Массовые случаи голодной смерти, истощения, авитаминоза в 1932-1933 годах - следствие чрезвычайных мер партии и правительства, связанных с форсированием коллективизации сельского хозяйства.

Неизмерим и моральный ущерб варварских методов. Тысячи семей, разоренных и высланных с мест проживания, были вынуждены приспосабливаться и обживаться на новых местах. Незавидно положение таких хозяйств. Членов раскулаченных семей не принимали в колхозы, лишали самых элементарных гражданских прав. Основная масса репрессированных в 30-е годы так и умерла с клеймом “врага народа”.

Лишь в 1989 году в соответствии в Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января необоснованно осужденные за государственные преступления в 30-х года были реабилитированы.

ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ: ЭТНИЧЕСКИЕ ДЕПОРТАЦИИ 30-40-х гг. XX в.

Зайберт В.Ф., Муканова Г.К.

Во второй трети XX в. Казахстан стал объектом массовых депортаций по воле государственных органов тоталитарного режима. Если остановиться на правовом механизме депортаций, то собственно институт депортаций складывался в Союзе постепенно. Первоначально депортация распространялась на отдельных лиц, признававшихся правонарушителями, затем - на членов партий и организаций, признававшихся антисоветскими, и после этого - на целые нации, народности. Окончательно оформился институт депортаций в законодательных и правительственных актах предвоенного, военного и послевоенного периодов. Перечень названий документов достаточно красноречив: распоряжение СНК СССР от 1 ноября 1941 г. № 280-кс за подписью Л.П. Берии о переселении 1 677 семей немцев из Кошкинского района Куйбышевской области в КазССР, Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 сентября 1941 г. 2060-935-сс "О расселении немцев Поволжья в Казахстане", Постановление СНК и ЦК КП(б) Казахстана от 3 марта 1938 г. № 5-с "О расселении и хозяйственном устройстве переселенцев-корейцев", Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 г. "О ликвидации Карачаевской автономной области и об административном устройстве ее территории", Указы Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. "О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР", от 7 марта 1944 г. "О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории", от 8 апреля 1944 г. "О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР", Постановление СНК СССР от 8 октября 1938 г. № 1084-269-сс "О переселении иранцев из пограничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР".

Нарушение правовых норм в процессе переселений народов прослеживается по источникам, к примеру, в тексте Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. "Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдельные места Советского Союза в период Отечественной войны" говорится: "В целях укрепления режима поселения для выселенных чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др. установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства". В после-

военные годы, по-видимому, просьбы пересмотреть несправедливые в отношении народов распоряжения правительства участились, поскольку последовал приказ министра Госбезопасности СССР № 00776 от 24 октября 1951 г., где в 1 параграфе декларировалось: "Объявить под расписку (!) спецпоселенцам перечисленных категорий немецкой, чеченской, калмыцкой, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой и крымских татар, что они в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 г. оставлены на спецпоселении навечно".

Тоталитарное государство изощренно использовало спецпоселенцев в качестве дармовой рабочей силы на тяжелых физических работах. В годы войны Постановлением ГКО (Госкомитета обороны) на ГУЛАГ (Главное управление лагерей и колоний) было возложено проведение "мобилизации этих контингентов и направление их на важнейшие строительства НКВД и предприятия других наркоматов".

Так называемые "трудовые армии" и "рабочие колонны" направлялись на добычу угля и нефти, производство цветных и черных металлов, вооружения и боеприпасов. Подобные мобилизации широко практиковались в Казахстане, где проживало более 820 тысяч спецпоселенцев, в их числе немцев - 393537, чеченцев и ингушей – 302526, карачаевцев – 33 088, балкарцев и др. – 17 512 человек.

Накануне войны в Казахстане насчитывалось 180 015 трудпоселенцев, т.е. крестьян, отправленных в годы коллективизации в "кулацкую ссылку". Трудпоселенцы были заняты на строительстве железных дорог и электростанций, угледобыче, металлургическом производстве, свеклосахарных предприятиях, выращивании и обработке хлопка.

Собственно, статус спецпереселенцев характеризовался унизительными процедурами регистрации, перерегистрации и пометок в местных комендатурах и других органах НКВД или Мингосбезопасности. Регламентировался и жестко контролировался каждый шаг спецпоселенцев: на совершение элементарных действий следовало испросить разрешение начальства. О перемене места жительства или работы надлежало поставить в известность комендатуру не позднее трехдневного срока, всякое своеволие немедленно пресекалось. Санкции по отношению к "нарушителям" были жесткие, за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения виновные подлежали уголовной ответственности до 20 лет каторжных работ. Ответственности подлежат также лица, виновные в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения, или способствовавшие побегу, а также лица, виновные в выдаче разрешения выселенным на возврат их в места прежнего жи-

тельства, и лица, способствовавшие их устройству в местах прежнего жительства.

В послевоенные годы среди спецпоселенцев появились новые "категории": в 1944-1952 гг. из Западной Украины вместе с семьями были высланы "оуновцы" (ОУН – "Организация украинских националистов"), в 1946-1947 гг. на спецпоселения поступили "власовцы", в 1944 г. - члены секты "Истинно православные христиане", в 1951-1952 гг. - поселенцы из Грузии ("Мингрельское дело"), в 1949 г. - с Черноморского побережья (из Грузии, Одессы и Крыма), в 1948-1952 гг. - "указники" (по Указу от 2 июня 1948 г. об ответственности за уклонение от общественно полезного труда и аналогичному Указу от 23 июня 1953 г.).

Таким образом, в Казахстане на 1 января 1953 г. проживали 974 900 спецпоселенцев, из них 13 143 чел. были заключены в лагеря, колонии и тюрьмы. Среди них - 448 626 немцев, 244 674 чеченцев, 80444 ингушей, 37 114 греков, 35 960 поляков, 32 619 человек из Грузии, 6 560 - из Крыма, 8 011 "оуновцев", 1 327 "власовцев" и др. Силами их были созданы многие объекты промышленности, проложены километры железных дорог, засеяны тысячи га площадей. Однако правовое положение спецпоселенцев оставалось по-прежнему тяжелым.

Только к середине 50-х годов практика отношений к спецпоселенцам стала меняться: появились официальные акты, снимавшие частично или полно прежние запреты и ограничения. Среди них - Постановление ЦК КП Казахстана и Совета Министров КазССР от 12 ноября 1955 г. № 779-68-с "О трудоустройстве и массово-разъяснительной работе среди советских граждан греческой национальности, проживающих на территории КазССР". Постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. № 1439-649-с "О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев". 11 февраля 1957 года Верховный Совет СССР принял закон "Об утверждении указов Верховного Совета СССР о восстановлении национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов".

Приведенные ниже материалы ГАСКО позволяют составить представление о социальном и этническом составе спецпоселенцев в пределах области к началу 1940-х годов и в годы Великой Отечественной войны. Документы отражают динамику движения мигрантов, проблемы их обустройства, человеческие судьбы, в частности, разлуку и воссоединение семей спецпоселенцев, лишенных элементарных житейских радостей общения с близкими. Источники красноречиво повествуют об этих и других сторонах депортации.

Док. № 1.
“Особая папка”

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 52
Исполкома Северо-Казахстанского Облсовета
депутатов трудящихся

г. Петропавловск 1941 г. ноября 5

“О распределении по районам прибывающих эвакуированных и немцев-переселенцев”

Исполком Облсовета решил:

В соответствии с указанием Совнарком КССР отменить все ранее вынесенные Исполкомом Облсовета решения и планы распределения по районам области эвакуированных и немцев-переселенцев, утвердив следующее распределение:

Районы	Немцев-переселенцев	Эвакуированных
1.Айртауский	6000	1500
2. Кокшетауский	6000	2000
3 Келлеровский	5000	2000
4. Красноармейский	5000	3000
5. Чкаловский	6000	2000
6. Кзыл-Тууский	6000	-
7. Булаевский	7000	4000
8. Полудинский	4000	2000
9. Советский	6000	4000
10. Приишимский	6000	3000
11 Ленинский	4000	3000
12. Октябрьский	6000	2000
13. Пресновский	6000	3000
14. Мамлютский	4000	2000
15. Соколовский	2000	1 500
ИТОГО:	**79000**	**35000**

2. Обязать председателей исполкомов райсоветов в суточный срок подготовить помещения в колхозах, совхозах, МТС, школах, клубах, “красных уголках” для размещения эвакуированных, а также произвести необходимую подготовку к встрече и расселению немцев-переселенцев.

3. Выделить необходимое количество транспорта для перевозки прибывающих со станции прибытия и до места размещения.

Председатель Исполкома Облсовета (Грузинцев)

Секретарь Исполкома Облсовета (Бреус)

(ГАСКО, ф. 1189, о. 27, д. 15, л. 171)

Док. №2

СПИСОК
мобилизованных немцев, спецпереселенцев в трудармию, из Булаевского района РО НКВД в г. Петропавловск

Ф.И.О.	Год	Национальность	Отметка
1. Крикопол Николай Николаевич	1899	Молдаванин	Годен
2. Шульц Тушель Иванович	1926	Немец	Годен
3. Гайзлер Герман Вильгельмович	1928	Немец	Годен
4. Мильтер Иван Фраймович	1924	Еврей	Годен
5. Рашкулец Иван Николаевич	1897	Молдаванин	Годен
6. Заклис Янкель Иделович	1921	Еврей	Годен
7. Гринберг Янкель Аронович	1910	Еврей	Годен
8. Вашестейн Гаврон Ицкович	1903	Еврей	Годен
9. Шмидке Вера Андреевна	1926	Немка	Годна
10. Белов Иван Федорович	1927	Русский	Годен
11. Бахман Яков Андреевич	1913	Немец	Годен
12. Зингер Адам Иванович	1928	Немец	Годен

Подпись: Зам нач. Булаевского РО НКВД
(ГАСКО. ф. 1646, о. 1, д. 91 Списки спецпереселенцев и мобилизованных иностранцев и военнопленных, работающих на строительстве ТЭЦ, 1944 г., л. 25).

Док. № 2а

СПИСОК
мобилизованных немцев из Полудинского района на строительство Петропавловской ТЭЦ, 1944 год

№ п/п	Ф.И.О.	Год рож-дения	Место жительства
1.	Герц Иван Иванович	1927	к/з им.Тельмана

2.	Итт Иван Карлович	1909	к/з Молот
3.	Садовская Мария Петровна	1902	к/з им.Ворошилова
4.	Фуст Христина Ивановна	1899	к/з Прогресс(М)
5.	Пауль Август Александрович	1898	к/з Путь Ильича
6.	Шейнгоф Карл Иванович	1916	к/з Красное знамя
7.	Кугнауль Рудольф Робертович	1922	звероферма Токушинского с/за
8.	Кугнауль Лота Робертовна	1927	звероферма Токушинского совхоза
9.	Принц Эрна Федоровна	1923	к/з им. Кирова
10.	Дегиштейн Хиус Францевич	1924	к/з Красное знамя
11.	Цимерман Томас Яковлевич	1927	к/з Красное знамя
12.	Шлегель Петр Яковлевич	1906	к/з Искра
13.	Отт Иван Андреевич	1912	к/з им.Тельмана
14.	Пусс Петр Петрович	1915	к/з Искра
15.	Берр Эдуард Томасович	1928	к/з Искра
16.	Ция Альма Самуиловна	1924	к/з им. Кирова
17.	Мельхер Эмма Андреевна	1927	к/з Слет добровольцев
18.	Штаммер Эмма Андреевна	1919	к/з Слет добровольцев
19	Милинг Федор Егорович	1926	к/з им.Парижской Коммуны
20.	Принц Фридрих Фридрихович	1927	к/з им. Кирова
21.	Акст Ольга Асановна	1924	с/з Большевистский
22.	Зельцер Екатерина Густавовна	1920	с.Новоникольское
23.	Ланг Адам Антонович	1890	к/з им. Парижской Коммуны
24.	Клоц Готлиб Григорьевич	1901	к/з им. Парижской Коммуны
25.	Арнольц Иван Карлович	1911	хоз. Давыдовка

(ГАСКО. ф. 1646, о. 1, д. 91, л. 14)

Док. № 2 б

СПИСОК
спецпереселенцев, работающих на строительстве Петропавловской ТЭЦ, 1944 год*

Ф.И.О. спецпереселенцев, работающих на строительстве Петропавловской ТЭЦ, 1944 год*	Национальность	Год рождения	Место рождения	Откуда прибыл
1. Куриловская Стефания	полька	1895	г.Тернополь	Октяб. р-н
2. Саенко Анна Афанасьевна	русская	1920	г.Керчь	Келлер. р-н
3. Шварц Эммануил Павлович	немец	1894	Днепропетр. обл.	Кзылтуйск. район
4. Гизлер Тимофей Яковлевич	немец	1920	Крым. АСС	Чкаловский район

5. Лысяк Антон Матвеевич	поляк	1890	Каменец-Подольская	Чкаловский район
6. Дуздаль Отто Карлович	немец	1918	Киевская область	Келлеровск. район
7. Лестшнер Август Эртманович	немец	1890	Новгород-Волынская	Чкаловский район
8. Урбах Василий	немец	1906	Саратовская область	Кзылтуйск. район
9. Комаринский Иосиф Николаевич	поляк	1895	Винницкая область	Соколовск. район
10. Габровский Бронислав Иосифович	поляк	1922	Киевская область	Келлеровск. район
11. Бунк Виктор Иванович	немец	1927	Калмыцкая ССР	Красноарм. район
12. Шатковский Роман	поляк	1922	Каменец-Подольская область	Келлеровск. район
13. Бехтольд Яков Христианович	немец	1923	Ворошилов. область	Чкаловский район
14. Рейзвих Федор Иванович	немец	1920	Ворошилов. область	Чкаловский район
15. Булерг Теодор Гербертович	немец	1925	Житомирск. область	Красноарм. район
16. Пфайф Алек-сандр	немец	1921	Саратовская область	Кзылтуйск. район
17. Бебек Иосиф Иосифович	поляк	1917	Каменец-Подольская область	Келлеровск. район
18. Бублиц Иван Леонтьевич	поляк	1899	Каменец-Подольская область	Келлеровск. район
19. Таймер Андрей Иванович	немец	1910	Саратовская область	Кзылтуйск. район
20. Урбах Андрей Васильевич	немец	1927	Саратовская область	Кзылтуйск. район

21. Зубовский Николай Николаевич	поляк	1907	Киевская область	Келлеровск. район
22. Антипов Василий Семенович	русский	1902	Саратовская область	Соколовск. район

* Ниже приводим аналитические данные по вышеприведенному списку. Из 22 человек: польской национальности - 8 (36,3%), русских - 2 (9%), немцев - 12 (54,5%). Переселенцы родом из г. Тернополя - 1, Керчи - 1, Днепропетровской области -1, Крымской АССР - 1, Каменец-Подольской области - 4, Киевской области - 3, Новгород-Волынской области - 1, Саратовской области - 5, Винницкой области -1, Калмыкии -1, Ворошиловградской области - 2, Житомирской области -1. (Подсчеты сделаны А. Рудичем. - Авт.).

(ГАСКО, ф. 1646, о. 1, д. 91, л. 13).

Док. № 3

СПИСОК

мобилизованных трудопоселенцев из с. Белое Мамлютского района Северо-Казахстанской области

Ф.И.О.	Год рождения	Специальность
1. Ваховский Маврихи	1901	бухгалтер-плановик
2. Ваховская Алла	1903	тех. чертежник
3. Ваховская Любовь	1881	деловод
4. Ваховская Мария	1906	
5. Пашабеков Надыр	1925	учитель
6. Жукова Любовь	1912	учительница
7. Гутман Леви Шаевич	1911	

Сдал: Помощник оперуполномоченного ОГСП УНКВД (Подпись неразборчива)

(ГАСКО, ф. 1646, о. 1, д. 91, л, 23)

Док. № 4

1944 г. Декабря 20

№ 22 (2) 32

Управление НКВД по Северо-Казахстанской области

(Отдел спецпоселений)

г. Петропавловск **“Совершенно секретно”**

В-срочно

Председателю Северо-Казахстанского исполкома

Облсовета депутатов трудящихся т. Мустафину

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
"О состоянии хозтрудоустройства спецпереселенцев с Северного Кавказа, расселенных в Северо-Казахстанской области" за 1944 год

ЦК КП(б)К своим решением от 15 июня с. г. потребовал от партийно-советских органов области проведения серьезных мероприятий по хозустройству спецпереселенцев с Северного Кавказа.

1. Состояние хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев сейчас характеризуется следующими данными.

Всего учтено трудоспособных 7 334 чел., из них работают 2 100 чел., что составляет 28,6% к общему числу учтенных трудоспособных.

Основная причина неполного вовлечения в трудовые процессы трудоспособного контингента объясняется тем, что в связи с наступлением зимних холодов спецпереселенцы, не имея зимней одежды и обуви, не в состоянии выходить на работу.

Наибольший процент неработающих: по Соколовскому району - 86,3%, Мамлютскому - 73,3%, Приишимскому - 51,2%, Конюховскому - 50,3%.

Необходимо отметить, что на трудоустройство спецпереселенцев за время их нахождения в области значительно влияли их неприспособленность к условиям Казахстана, плохое их материально-бытовое положение, а также деятельность антисоветского элемента, подстрекавшего к невыходу на работу, что в конечном счете влияло на производительность труда и увеличение процента невыходов на работу.

2. Работа по подготовке жилого фонда.

Строительство жилищ производилось силами самих спецпереселенцев.

Состояние вновь построенного жилфонда в основном низкого качества и типового построения, потому что строительство производилось без технического руководства и надзора самими спецпереселенцами, не имеющими опыта в этом деле.

На качество строительства и окончание его повлияло отсутствие пиломатериала, гвоздей и стекла.

На индивидуальное жилстроительство областью получено 1 900 тысяч рублей, из которых фактически выдано спецпереселенцам 887 тысяч 198 рублей.

3. Фактическая обеспеченность жильем.

Жилищные условия спецпересленцев находятся в неудовлетворительном состоянии. Это подтверждается тем, что 28,5% спецпереселен-

цев продолжают проживать в порядке уплотнения с местным населением, причем закрепленные отдельные дома и квартиры должным образом не благоустроены.

В Советском районе: в Киялинском совхозе спецпереселенцы в количестве 24 семей (101 чел.) размещены в 12 квартирах, в которых сплошная грязь, холод, люди на голом полу.

Спецпереселенцы запасов топлива совершенно не имеют. Дирекция совхоза абсолютно никакой заботы о них не проявляет.

В Приишимском районе: в колхозе им. Тимирязева - 6 семей, 23 чел. живут в одном доме, где страшная скученность, антисанитария. Запасов топлива нет.

В колхозе «Ушкуль» - 9 семей, 38 чел. спецпереселенцев размещены в одной землянке, где из-за отсутствия оконного света стены землянки внутри не обмазаны и не побелены, где при наличии скученности создалась невыносимая антисанитария. В этом колхозе семья спецпереселенца Зубиева совершенно вымерла. Всего умерло 11 человек.

В Соколовском районе: в колхозе "Путь Ильича" семья спецпереселенки Менкаиловой Даду до глубокой зимы проживала в амбаре.

В Конюховском районе: в колхозе "Хлебороб" при проверке устройства спецпереселенцев на вопрос, как устроены спецпереселенцы, председатель колхоза заявил: "Если бы Вы приехали проверять животноводство, то другое дело, а спецпереселенцы, пусть как они хотят, так и живут". В этом колхозе переселено из совершенно непригодных помещений 8 семей, одна из них уже замерзла и не могла открыть даже двери.

Всего по району учтено 144 семьи спецпереселенцев, подлежащих переселению из непригодных домов.

4. Хозяйственное устройство.

По состоянию на 1 декабря с. г. выдано скота 3 924 семьям спецпереселенцев, что составляет 82% к нынешнему контингенту. КРС выдано 2 177 голов, общим весом 5 067 центнеров. Овец, коз - 6 086 голов, весом 2 644 центнера.

Выданный скот спецпереселенцам в большинстве случаев не обеспечен помещениями и кормами, на почве чего, а также в связи с тяжелым материально-бытовым положением спецпереселенцами забито из полученного ими скота 180 голов.

Из числа расселенных в колхозах 3 992 семей спецпереселенцев получили приусадебные участки 3 885 семей.

По области учтено остронуждающихся в продпомощи 1 169 семей, 4 802 чел. Остронуждающихся в продпомощи больше всего в Соколовском, Мамлютском, Приишимском, Булаевском районах.

В деле смягчения нужд областью получено в централизованном порядке на декабрь только одна тонна зерна, что далеко не достаточно.

Остронуждающимися в одежде и обуви по области учтена 3 801 семья или 16228 чел.

5. Заболеваемость и смертность.

В течение 1944 года умерло 1 002 чел., в том числе: детей - 411, взрослых -191, стариков - 400.

Основные виды заболеваний, за счет которых шла смертность, - это тиф, дряхлость, а также заболевания, связанные с неприспособленностью к климату в связи с переселением

На день отчета учтено: больных - 176 чел., в том числе тифом - 83 чел., от истощения и другими заболеваниями - 93 чел.

6. Соединение разрозненных семей.

В момент вселения спецпереселенцев было учтено 1 070 разрозненных семей.

В течение 1944 года соединено и отсеяно в порядке расчистки учета этих семей - 923 семьи.

На 1 декабря 1944 года осталось разрозненных 157 семей.

Основным затруднением в деле соединения семей является их розыск, т.е. установление адресов.

Начальник УНКВД по Северо-Казахстанской области, майор госбезопасности (Исаков)

Зам. нач. отдела СП УНКВД по Северо-Казахстанской области, капитан госбезопасности (Дмитриев)

(ГАСКО, ф. 1189, о. 31, д. 6, лл. 1-5)

Док. № 5

1945 год января 16

Отделу спецпереселений НКВД
Северо-Казахстанской области

Направляю в Ваше распоряжение спецпереселенца, болгарина ШЕВРЕКУКА Николая Марковича в связи с тем, что строительство

ТЭЦ не располагает наличием теплой обуви. В связи с этим ШЕВРЕКУКА не работает.

Паспорт и трудовая книжка выдана на руки.

Нач. отдела кадров строительства ТЭЦ (Попов)

(ГАСКО, ф. 1646, о. 1, д. 107. Переписка с отделом спецпереселения по вопросам кадров и списки переселенцев, работающих на строительстве Петропавловской ТЭЦ, за 1945-1947 гг., л. 1).

Документы №№ 6-7 объединены смысловым содержанием - речь в них идет о просьбе спецпереселенца-немца И.В. Либгарта разрешить его семье переехать к нему после долгого вынужденного проживания врозь, решение затягивается (см. даты документов).

Док. № 6

1946 год июля 23 **№ 373**

В Управление МВД по Северо-Казахстанской области

Работая с 1.06.43 г. в качестве ездового на строительстве Петропавловской ТЭЦ, Либгарт Иван Васильевич за весь период работы никаких взысканий не имел, к работе относился добросовестно, был дисциплинирован и выдержан.

На основании изложенного Управление Строительством Петропавловской ТЭЦ позволяет себе ходатайствовать перед Вами о разрешении Либгарту И.В. перевезти в Петропавловск свою семью, которая в настоящее время находится в Кзылтуйском районе Кокчетавской области и состоит: из жены - 46 лет, сына - 9 лет и дочери -14 лет.

Начальник строительства
Петропавловской ТЭЦ (Фаин)

Начальник отдела кадров (Цыганов)

(ГАСКО, ф. 1646, о. 1, д. 107, л.28)

Док. № 7

1947 год февраля 11
исх. № 81

В Отдел спецпереселния
Управления МВД Северо-
Казахстанской области

Управление Строительством Петропавловской ТЭЦ ходатайствует о прописке в г. Петропавловске семьи из 3-х человек нашего работника

Либгардта И.В. Либгард И.В. работает на Строительстве по мобилизации с июня 1943 г. и по настоящее время в качестве возчика конного транспорта и обеспечен жилплощадью для всей семьи, за время своей работы на Строительстве Либгард И.В. хорошо относился к исполнению своих обязанностей.

И.о. начальника строительства
Петропавловской ТЭЦ (Бирюков)
Начальник Отела кадров (Цыганов)

(ГАСКО, ф. 1646, о. 1, д. 107, л. 38),

Док. № 8

СПИСОК
лучших колхозников-немцев колхоза "Новая жизнь" Новомихайловского сельсовета (1947 г.)

Брак Лидия Ивановна, 1913 г. рожд., доярка.
Модерау Лидия Андреевна, 1914 г., доярка.
Брестель Мария Ивановна, 1905 г., полевод.
Крафт Амалия Филипповна, 1910 г., звеньевая.
Моор Андрей Яковлевич, 1921 г., кузнец.
Ландман Андрей Яковлевич, 1928 г., бригадир-учетчик.
Кнауб Амалия Готфридовна, 1913 г., скотник.
Вальдер Мария Андреевна, 1905 г., звеньевая.
Кнауб Магдалина Филипповна, 1910 г., скотник, звеньевая.
Шнейдер Клара Яковлевна, 1923 г., счетовод.
Вагнер Давыд Давыдович, 1899 г., бригадир тракторного отряда.
Блифернец Николай Константинович, 1929 г., тракторист.
Ландман Эмилия Александровна, 1928 г., рядовая колхозница.
Майснер Эмилия Андреевна, 1914 г., рядовая колхозника.
Моор Екатерина Егоровна, 1900 г., рядовая колхозница.
Гаер Александр Иванович, 1928 г., конюх.
Ландман Андрей Готфридович. 1905 г., комбайнер.
Шмидт Екатерина Ивановна, 1928 г., рядовая колхозница.

(ГАСКО, ф. 2111, о. 1, д. 93, л. 19).

Док. № 9

СПИСОК
представленных к награде "За доблестный труд в Великой Отечественной войне". Колхоз "Большевик" Новомихайловского сельсовета, 1947 г.

Бейсенова Балкия, казашка.

Леваш Прасковья Павловна, русская.
Яхеев Абдул Кадыр, чеченец.
Умархажеев Кила, чеченец.
Бачиев Магам, чеченец.
Байхажиев Сайтал, чеченец.
Дашаев Хажгари, чеченец.
Бауман Елена Александровна, немка.
Рецлав Адалина, немка.
Яхеева Кайла, чеченка.

(ГАСКО, ф. 2111, о. 1, д.93, л.64, 65).

Док. № 10

2.03.1948

Члены колхоза "Образцовый", представленные к награде "За доблестный труд в Великой Отечественной войне"

Ибрайханов Кадыр.
Домбовская Анна Васильевна.
Ламм Федор Иванович.
Цайглер Анна Вильгельмовна.
Швеглер Эльза Федоровна.
Клям Андрей Михайлович.
Вусэ Лилия Карловна.

(ГАСКО, ф. 2111, о. 1, д. 93, л.. 67).

Док. №11

ИЗ ОТЧЕТА
о хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев по Северо-Казахстанской области в 1946-1947 гг.

Численность контингента спецпереселенцев

На 1 января 1946 г. в области числилось спецпереселенцев:

	кол-во семей	в них душ
чеченцев	3637	14776
ингушей	1234	5366

балкарцев	Нет	нет
карачаевцев	Нет	нет
калмыков	Нет	нет
из Грузинской ССР	Нет	нет
из бывш.Крымской АССР	3	9
ИТОГО:	4874	20151

В течение 1946 года в составе контингента произошли следующие изменения:

Прибыло семей	312	душ	904
Родилось душ	375		
ИТОГО:	369	душ	1 279
Убыло семей	156	душ	720
Умерло семей	6	душ	390
ИТОГО:	162	душ	1 119

Числится на 1 января 1947 г.:

	кол-во семей	в них душ
чеченцев	3700	14727
ингушей	1308	5 580
балкарцев	нет	Нет
карачаевцев	нет	Нет
Калмыков	нет	нет
из Грузинской ССР	нет	нет
из бывш. Крымской АССР	3	8
ИТОГО:	5 081	20 311

Это колебание изменения численного состава контингента за отчетный год в конечном счете к увеличению численного состава семей поселенцев объясняется в основном за счет прибытия спецпереселенцев из других областей на соединение с разрозненными семьями, разделения семей спецпереселенцев, новорожденных а также убытия спецпереселенцев в другие области республики на соединение с разрозненными семьями и родственниками.

На конец отчетного года спецпереселенцы расселены следующим образом:

Район, город, поселок	Кол-во семей	Душ
Булаевский	745	2846
Конюховский	483	1796

Ленинский	376	2391
Мамлютский	645	2538
Полудинский	588	2415
Пресновский	442	1700
Приишимский	261	1043
Советский	603	2022
Соколовский	165	676
Октябрьский	6	6
г.Петропавловск	38	136
Петропавловский	529	2142
ИТОГО:	5081	20311

Заключение

Наряду с положительными моментами в вопросе хозяйственно-трудового устройства спецпереселенцев имеются серьезные недостатки: при наличии желания спецпереселенцев строить, отремонтировать дома руководители отдельных хозяйственных организаций не оказывали им необходимой помощи транспортом, а также отдельные руководители хозорганизаций не уделяли внимания вспашке огородов для спецпереселенцев, исключительно низкий процент охвата детей учебой.

Начальник отдела переселения (Страхов)

(ГАСКО, ф. 5189, о.32, д. 284, лл. 1-17).

ИЗ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ...

Трусов В.И.

Документы по спецпереселению, может быть, как никакие другие, ярко и убедительно свидетельствуют о том, как крепла и активизировалась административно-командная система в стране, как "набирала обороты" карательная машина в подавлении всякого инакомыслия и инакодействия, как страна неудержимо приближалась к той высокой волне сталинских репрессий, унесшей миллионы человеческих жизней. Известно, что число административно выселенных кулаков за период 1929-1933 гг. достигло в стране почти миллиона человек. Из европейской части страны на Восток отправляли сотни вагонов со спецпереселенцами. Немало их было доставлено и в Северный Казахстан.

С конца апреля 1931 г. в Северный Казахстан начали прибывать железнодорожные эшелоны спецпереселенцев или, как они назывались в документах, "зажиточный кулацкий элемент", из Поволжья, Централь-

ной Черноземной области, станиц Дона и Кубани. Здесь были и "кулаки-эксплуататоры", и "саботажники", и "контрреволюционные агитаторы" (однажды обронившие, скажем, такие слова: "Создали колхоз - теперь наголодаемся"). К началу сентября число прибывших достигало 172 тысячи человек. Это были русские, украинцы, мордва, татары, белорусы - люди 53 национальностей, ехавшие в основном семьями. В неотапливаемых вагонах, в необорудованных пристанционных лагерях, в землянках, где они жили до распределения по районам, царили голод и болезни. Только за 3 месяца умерло около 3 тысяч человек, за год - около 30 тысяч.

Анна Ивановна Рекина - одна из тех переселенцев - писала в своих воспоминаниях:

"Когда людей стали делить на кулаков, подкулачников, середняков, наша семья оказалась в середняках. И все равно в 1930 году отобрали всю живность - лошадь, корову, овец, птицу. Все из закромов выгребли под метелку, лишили права голоса и повесили на ворота черную доску с надписью "Бойкот". Детей исключили из школы. Нам запрещалось посещать клуб и библиотеку. Соседи и родные боялись к нам заходить, чтобы не навести на себя беду…

У нас забрали все. Все - не то слово. У детей поотбирали даже запасное белье. Приказали надеть все старое. Разрешили взять ветхую постель и по ложке и чашке на человека. С тем мы и покинули родной дом. Было нас таких шесть семей. Затем нас повезли из Саратовской области в казахстанскую степь. Везли действительно в вагонах смерти. Набиты они были до отказа. Можно было только стоять или сидеть. Никому не было до нас дела. За 15 суток езды нас четыре раза кормили теплой баландой, а в остальное время выдавали хлеб на весь вагон, который мы делили сами. Одно или два ведра для туалета. Почти не было воды. Всю дорогу - детский плач, стоны, духота, зловоние. Взрослые и дети умирали в вагонах и лежали между живыми. Все ждали, когда, наконец, остановится состав. Затем трупы выносили и наскоро присыпали землей.

Это - ужасно. Человеку, который не пережил спецпереселенне, представить себе невозможно.

По приближении к Казахстану, видимо, по какому-то плану, людей стали пофамильно высаживать на станциях. Мою семью вместе с рядом других высадили в степи, не доезжая до станции Осакаровка Карагандинской области. Выдали вместо хлеба муку, воду, несколько лопат, ломов. И вот люди закопошились, стали долбить землю, делать подобие печек, чтобы как-то сварить затируху, нагреть воды. Дело ухудшалось

тем, что когда нас в Саратовской области садили в вагоны, всех обыскали и отобрали бумагу, карандаши, теплые вещи. Когда высаживали, снова обыскивали. Так что были мы без всего...

Мы вырыли ямки, накрыли их хворостом, дерном, землей (без полов и потолков). Так строили, пока можно было резать дерн и месить глину. Уже по снегу переселились в свои бараки. В каждом было по 12-14 семей, перегородки не ставили. Спали все вповалку на земляном полу. На каждый барак - две или три "буржуйки". Стены и потолки были белыми от изморози. Топлива почти не было. Вода в заварках замерзала. Спали мы в одежде и обуви. Заедали вши. Начался голод. Людей одолевал тиф, дизентерия, цинга. Люди умирали и замерзали ежедневно: в постелях, на улицах. Хоронить их было некому. Трупы оттаскивали в степь и засыпали снегом. К весне выжили процентов 40-50 жителей поселка. Были мы истощены до крайности...

К весне 1931-го выжили только самые сильные. Детей и стариков почти не осталось".

Главная масса переселенцев была размещена на юге области - в Карагандинской и Осакаровской группе поселков. В других районах области люди размещались в присовхозных поселках. О жилищных условиях спецпереселенцев в одном из архивных документов говорится так: "...Сырость от неотстоявшихся стен, скученность часто до пяти семей в одном помещении без перегородок, на полу без кроватей или хотя бы топчанов, недостаток печей и плит и к тому же систематический недостаток в топливе, отсюда холод в помещениях и перебои приготовления горячей пищи ..." В отчетах отмечалась значительная убыль среди спецпереселенцев. Причины - значительная смертность, побеги, пропажи без вести. В 1932 году более 16 тысяч человек болели сыпным тифом, 17,5 тыс. - цингой.

Местные баи и кулаки, подлежавшие изоляции в административном порядке, размещались в поселках внутрирайонного расселения. Как отмечалось в письме обкома партии в адрес райкомов (март 1932 года), в этих поселках ощущалась острая нехватка продовольствия, росла заболеваемость и смертность.

Позднее в Северо-Казахстанскую область поступали новые партии спецпереселенцев. Например, в 1933 году прибыли семьи из республик Средней Азии - так называемый "байско-феодальный элемент" - осужденные на срок не более 5 лет. Многие из прибывших в Казахстан позднее были сняты со спецпоселения, за ударный труд восстановлены в правах, но на родину вернулись немногие. Большая их часть осталась на постоянное жительство в поселках. В годы второй пятилетки поселенцы

освоили 700 тысяч гектаров целинных земель, организовали 5 МТС, 45 сельхозартелей, около 200 животноводческих ферм. Для многих людей, чьи судьбы были деформированы молотом сталинских репрессий, Казахстан стал вторым родным домом. Гостеприимство республики помогло пережить им суровые испытания.

НАСИЛЬНО ПЕРЕСЕЛЕННЫЕ

Салахова О.А.

28 апреля 1936 года Совнарком СССР принял Постановление № 776-120 "О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области КазАССР 15 000 польских и немецкий хозяйств" (Центр Карагандинской области - г. Петропавловск. 29 июля 1936 г. область разукрупнилась: были образованы Карагандинская область - центр г. Караганда и Северо-Казахстанская область - центр г. Петропавловск).

1 мая 1936 года Карагандинский облземотдел издал приказ № 247 "Об организации работы по размещению 15 000 хозяйств колхозников, идущих по линии отдела переселения КО УНКВД с Украины на территории Летовочного, Тарангульского, Красноармейского мясосовхозов".

Были пересмотрены границы семеноводческих зерносовхозов северной части области, организованные в мае 1935 года по распоряжению ГУЛАГа НКВД на Чулак-Каленском земельном фонде, который в 1936 году был полностью передан в распоряжение НКВД.

На территории Красноармейского района было организовано 27 точек (поселков), 14 из которых в июле этого же года вошли в состав вновь образованного Келлеровского района.

3 сентября 1936 года облисполком принял решение об утверждении постановления Красноармейского райисполкома о присвоении переселенческим пунктам названий.

Контингент переселенцев был следующий: поляки и немцы, в основном жители Житомирской области (Барашивского, Красноармейского, Щорсовского районов), Киевской области (Красноармейского района), Винницкой области (Марзиевского, Аратовского районов), Кировоградской области (Новопарижского района).

К концу 1936 года 95% вновь прибывших хозяйств были объединены в колхозы. Только члены колхоза в то время являлись юридически защищенными лицами. Если колхоз и выделял единоличникам землю и посевной материал, то сеять и пахать они должны были за свой счет. По этой простой причине некоторые отказывались сеять.

И тогда происходили трения между местными жителями и переселенцами. Вот одна из фраз, взятая из протокола собрания колхозников: “Мы страдаем через поляков и немцев, которых привезли и которые все съедают. Если бы вас не было, мы бы не страдали”.

Переселенцы были условно разделены на три категории:

1. Добросовестно относящиеся к колхозному строительству;
2. Готовящиеся к возвращению на Украину;
3. Вредители.

Во всех трудпоселках были установлены правила внутреннего распорядка, за выполнением которых следил комендант села.

В 1941 году началось массовое переселение немцев из ряда прифронтовых областей, а осенью, когда была ликвидирована Немецкая Республика Поволжья, поток переселенцев резко увеличился.

В районы области, начиная с поздней осени 1941 года и всю зиму 1942 года, прибывали эшелоны переселенцев из Крыма, с Украины и Поволжья. Большая часть их была распределена по колхозам Арыкбалыкского, Красноармейского, Щучинского, Келлеровского и Чкаловского районов.

Государство пыталось устроить безопасность и счастье одних народов за счет несчастья других, что, в конце концов, обернулось бедой для всех.

Советские немцы, лишенные родительских очагов, под конвоем вывозились в Среднюю Азию, Казахстан и Сибирь. Численность населения данных регионов резко возросла. Не хватало жилья, продуктов питания. Так как обычно на сборы давалось 2 часа и разрешалось брать груз не более 10 килограммов, то у вновь прибывших чаще всего не было даже самого необходимого. Местные жители были вынуждены делиться и без того скудными запасами съестного и другими предметами первой необходимости.

Не успев обустроиться на новом месте, немецкое`население подвергалось новым преследованиям.

Постановление № 234-0 бюро Северо-Казахстанского обкома КП(б) Казахстана от 27 октября 1942 года гласило: “Во исполнение постановления государственного Комитета Обороны от 07.10.1942 года за № 2383-сс “О мобилизации в рабочие колонны на все время войны всех немцев, годных к физическому труду: мужчин в возрасте от 15 до 55-летнего возраста и женщин от 16 до 45-летнего возраста, исключая женщин-немок, беременных и имеющих детей до 3-х летнего возраста”.

Голод, инфекционные болезни, бытовая барачная неустроенность, разобщение семей и, главное, - навязанная вина ни за что ни про что и

враждебное отношение официальной пропаганды нередко вели дело к физической смерти людей, а по большому счету - убиению нации.

Не обходилось без казусов. Так, в одном из секретных писем обкома партии в Москву от 08.10.41 г. ставился вопрос о том, что в колхозе "Новая жизнь" Пресновского района размещено несколько семей из числа немцев Поволжья. Среди них оказалось ... 5 коммунистов. "В этом колхозе, - отмечалось далее в письме, - первичной парторганизации до сих пор не было и что же, мол, теперь создавать парторганизацию исключительно из коммунистов, из прибывших немцев Поволжья?" Обком просит соответствующих разъяснений. А разъяснение, видимо, одно: принцип интернационализма побоку - вся нация враги!

Мужчин, мобилизованных в трудармию, отправляли в основном в Караганду, Челябинск, Свердловскую и Пермскую области, Воркуту.

Если дети были старше, то их передавали на воспитание родственникам, в немецкие колхозы или детские дома, образованные на территории области в период Великой Отечественной войны. На начало 1946 года в области было 8 детских домов, в которых находились 1 203 ребенка. Чаще всего в графе "сведения о родителях" у многих детей было указано: "В трудармии".

Лишь через год после окончания войны начали возвращаться в свои семьи трудармейцы. Однако после войны немецкое население страны продолжало оставаться на казарменно-режимном положении.

26 ноября 1948 года был издан Указ властей о том, что "немцы, калмыки, ингуши, чеченцы, финны, латыши и другие переселенцы в предоставленные районы переселены навечно и что выезд их с места поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет".

Лишь смерть И.В. Сталина и отчаянный политический шаг Н.С. Хрущева остановили маховик государственной карательной машины. 13 декабря 1955 года был подписан Указ, который мотивировал отмену ограничений в правовом положении немцев-спецпереселенцев лишь только тем, что они "в дальнейшем не вызываются необходимостью", к тому же снятие с немцев ограничений по спецпереселению не влекло за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они "не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены". И только в августе 1964 года советские немцы получили реабилитацию. С них были сняты все огульные обвинения.

За годы Советской власти немцы, как и все народы нашей страны, испытали акты несправедливости во время культа личности и застоя. Отмечая наличие процесса потери ими своего родного языка, надо в то

же время отметить, что немцы всюду в целом стойко сохраняют свое этническое сознание.

ПОЛЯКИ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

Мелехин М.М.

Население нашей области многонационально. Наряду с казахами здесь проживают русские и украинцы, немцы и татары, корейцы и башкиры, евреи и поляки.

Выступая на сессии Ассамблеи народов Казахстана, Н.А. Назарбаев высказал новаторскую научно-практическую мысль о том, что нынче народ Казахстана "рассматривается как общность граждан разных национальностей, а не новая этническая общность". То есть, представитель любой национальности, волей судьбы оказавшийся здесь на момент провозглашения государственного суверенитета, это - гражданин Республики Казахстан, казахстанец.

В подавляющем большинстве причинами вынужденных переселений разных народов стали войны, а также репрессии против неугодных, проводившиеся правителями царской России и руководством бывшего СССР. История распорядилась так, что Северный Казахстан стал вторым домом для десятков тысяч поляков.

Известно, что Польша долгое время входила в состав Российской империи. И сколько лет входила, столько же и вела борьбу за свою независимость, которая то затихала, то вспыхивала с новой силой. Естественно, повстанцев, усмиренных царскими войсками, нужно было куда-то ссылать. Поскольку наш край, как и весь нынешний Казахстан, был составной частью России, причем ее окраиной, то сюда и ссылали всех неблагонадежных каторжан. Вслед за декабристами, среди которых были и офицеры польского происхождения, в наш край после подавления восстания в Польше в 1831 году прибыли ссыльные поляки. Значительное их число добавилось и в 1868 году, тоже вследствие подавления очередного крупного восстания. Были поляки и в числе переселенцев с Украины в конце прошлого - начале нынешнего века. В годы Первой мировой войны полякам (поскольку Польша была разделена между государствами, находящимися по разные стороны окопов) пришлось быть у нас в качестве военнопленных вместе с мадьярами, чехами, сербами, немцами и другими народами, входившими в тогдашнюю Австро-Венгрию.

Анализ документов областного государственного архива позволяет сделать вывод о том, что в дальнейшем большие переселения поляков

проходили дважды. Первая волна была в 1936 году. Тогда прибывшие скромно назывались "переселенцами с Украины", там были поляки и евреи, а также "кулаки", независимо от национальности. Видимо, опасаясь за благонадежность населения центральных и южных районов Украины, тогдашнее руководство страны приняло решение о переселении поляков подальше от западной границы. Нужно сказать, что все эти перемещения большого числа людей происходили весьма оперативно, точнее, спешно. Люди приезжали в неподготовленные места, зарывались в землянки, чтобы хоть как-то укрыться от холода.

Воспоминания бывших переселенцев дополняют официальные документы. Перед нами протокол совещания при председателе облисполкома от 14 мая 1936 года "О вселении и хозяйственном устройстве переселенцев с Украины". Для них выделялась земля Летовочного и Блюхерского совхозов НКВД, а также Северного и Красноармейского совхозов Рузаевского района, всего около 70 тыс. гектаров. (Позднее эта территория отошла к образованной в 1944 г. Кокшетауской области).

Первая волна переселения поляков в наш край завершилась довольно быстро. Так, если Совнарком страны секретное решение №776/120 "О выселении из Украинской ССР и хозяйственном устройстве переселенцев в Карагандинской области Казахской ССР" принял 28 апреля 1936 года, то уже в середине лета того же года председатель Северо-Казахстанского облисполкома докладывал председателю СНК Молотову о выполнении решения и размещении в области 15 тысяч польских хозяйств. Необходимо отметить, что высылка поляков 1936 года особенно актуальна именно для нашей области, так как поляки переселялись только сюда. По иронии истории это был год образования Северо-Казахстанской области.

Нельзя не отметить сегодня, что местное население в основном доброжелательно относилось к вновь прибывшим, вступая с ними в дружеские и деловые отношения, оказывало посильную помощь. Однако неурожай 1936 года вызвал среди поляков-переселенцев большие продовольственные затруднения. Большое количество документов говорит о бедственном положении польских семей, еще не успевших встать на ноги. Местные колхозы, собрав мизерный урожай, сами сидели на голодном пайке. Такая же картина была и в 1937 году. И лишь, пожалуй, самый урожайный за все время 1938 год вывел польских переселенцев из полуголодного состояния.

Впереди была вторая волна переселения поляков в наш край. Третьего апреля 1940 года в Северо-Казахстанский облисполком поступило совершенно секретное письмо начальника НКВД области:

“Постановлением правительства СССР в апреле-мае 1940 года в Северо-Казахстанскую область в порядке специальных переселенцев из западных областей Украины и Белоруссии будет направлено 28 тысяч человек. Семьи репрессированных бывших членов польской армии, полиции, помещиков и капиталистов, деятелей буржуазно-националистических партий, профессиональных проституток и т.д. Переселенцы не пользуются со стороны государства помощью на трудоустройство и размещаются по имеющимся населенным пунктам, совхозам и кустарно-промысловым артелям за свои средства. Переселенцы пользуются правом устройства на работу в совхозах, МТС, кустарно-промысловых артелях и других государственных организациях. Там, где такая возможность размещения на работу переселенцев исключена, им будет предоставлена возможность заниматься сельским хозяйством, производить посевы, возделывать огороды на специально отведенных для этой цели земельных участках”. Как видно из сказанного, отношение к этим переселенцам было значительно жестче, чем к их предшественникам 1936 года.

Конечно, из ссыльных далеко не все были “деятелями буржуазно-националистических партий”, да и для помещиков и капиталистов число переселенцев было великовато. Много было простых людей (в основном поляки, а также и их единоверцы - украинцы и белорусы). Все эти люди разместились в Бейнеткорском, Полудинском, Мамлютском, Тонкерейском районах Северо-Казахстанской области, а также Чкаловском, Келлеровском Кзыл-Тусском районах будущей Кокшетауской области.

Полякам-переселенцам 1940 года достались все трудности их предшественников. Более того, согласно указаниям “сверху” на них смотрели как на врагов народа, заключенных, находящихся в концлагере под открытым небом. Всякие контакты местного населения с ними строго запрещались. На этот счет имелась соответствующая инструкция НКВД.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз объективно поставило поляков и советских людей по одну сторону баррикады. После подписания в Лондоне соглашения между правительством СССР и Польским правительством 30 июня 1941 года был обнародован протокол следующего содержания: “Советское правительство представляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве военнопленных или на других достаточных основаниях со времени восстановления дипломатических отношений”. То есть, 30 июля все “спецпереселенцы” стали просто “переселенцы”, хотя в их жизни мало что изменилось. Тем не менее,

прекратились преследования за общение с местным населением, более оперативно решались вопросы с трудоустройством, свободнее стало передвижение.

Усилилось патриотическое движение поляков, их стремление освободить свою родину от немецко-фашистских захватчиков. Они понимали, что сделать это можно, только сражаясь с врагом на стороне Красной Армии и стран антигитлеровской коалиции. Приняло организованные формы движение за вступление в Войско Польское. Поскольку все спецпереселенцы превратились в политэмигрантов, а число их было велико, в Петропавловске с 1942 года стало действовать представительство Польши (Консульство). В его компетенцию входил широкий круг вопросов жизни польских граждан в Северном Казахстане в годы войны. За счет средств польского консульства стали строиться детские дома (они находились в Пресновке и Мамлютке), улучшился уровень жизни всех североказахстанских поляков. Возрос уровень медицинского обслуживания польского населения. Были пресечены массовые заболевания, уменьшилась смертность. Так, например, один документ из столицы республики предписывал "усилить санобработку польских граждан и направить в Северо-Казахстанскую область 6 тонн хозяйственного мыла".

Короче говоря, все вопросы пребывания поляков в нашем крае стали решаться представителями посольства совместно с местной администрацией. Не обходилось, конечно, без шероховатостей и инцидентов, но все они решались на местном уровне, и до больших скандалов дело не доходило. Представители посольства находились во всех районах, где проживало значительное число поляков. Кстати сказать, само представительство, его штаб-квартира с имуществом и архивом находились не в Петропавловске, а в Мамлютке, а в Петропавловске представительство проживало в обычных квартирах. Оно насчитывало 11 человек во главе со старшим представителем Витольдом Плоски.

После разгрома фашистской Германии стала возрождаться послевоенная Польша. Со всей остротой возник вопрос о возвращении поляков на родину. Поскольку некоторые районы, где проживало польское население, отошли к Кокшетауской области, часть воевавших мужчин покинула наш край раньше, а некоторые решили навсегда остаться в Северном Казахстане, желающих выехать в Польшу наблюдалось порядка 6 тысяч человек. В конце мая 1946 года из Смирново, Мамлютки и Петропавловска ушли на запад 4 эшелона со ставшими вновь свободными польскими гражданами. Многолетняя ссылка закончилась.

Живущие сегодня в нашем крае поляки являются потомками и наследниками своих отцов и дедов. Вместе с другими народами они стали казахстанцами, гражданами Республики Казахстан, а Северный Казахстан стал их родиной, поскольку многие из них здесь родились и живут не один десяток лет. Ну, а прошлое, как и слово из песни, не выбросишь. Его просто нужно знать.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ. РЕАБИЛИТАЦИЯ.

Салахова О.А.

Сразу же после окончания Великой Отечественной войны Временное правительство национального единства Польской республики обратилось с просьбой в правительство Советского Союза о репатриации польских граждан, находившихся в СССР, и, в частности, в Северном Казахстане.

6 июля 1945 года было подписано двустороннее Соглашение, согласно которому была создана советско-польская смешанная комиссия по эвакуации лиц польской и еврейской национальностей.

Каждый из репатриантов должен был в срок до 1 января 1946 года подать заявление, приложив к нему документы, подтверждающие факт его проживания на территории Польши до 17 сентября 1939 года.

К 15 июля 1946 года все мероприятия по репатриации польских граждан необходимо было завершить.

В областную комиссию обратилось около 5 тысяч граждан с просьбой о предоставлении права на выезд в Польшу. В результате кропотливой работы по изучению всех представленных документов был составлен список на 4 213 репатриантов. 73 заявителям в выезде отказано в силу ряда объективных причин.

В январе 1946 г. комиссия начала работу по организации выезда репатриантов. В первую очередь, все граждане, подлежащие репатриации, в обязательном порядке должны были пройти медосмотр, санобработку и получить прививку против брюшного тифа.

Помимо этого каждый из репатриантов должен был ознакомиться с инструкцией о порядке вывоза личных вещей и ценностей.

Согласно этой инструкции, запрещалось вывозить оружие, золото, предметы старины, голубей и др. Допустимая норма вывоза личных вещей ограничивалась следующими предметами: меховая шапка, верхняя одежда, часы - 1 шт., кольцо (одно), очки (одни), до 1000 злотых наличными.

Из-за суровых зимних условий формирование и отправка эшелонов на Запад были отложены до первых оттепелей.

В течение января-февраля месяцев комиссией была организована перевозка и размещение всех репатриантов на железнодорожных станциях, которые находились на пути следования (ст. Кокчетав, курорт Боровое, Тайнча). В самые сжатые сроки необходимо было решить массу вопросов, связанных с обеспечением продовольствием репатриантов в пути следования, медицинским обслуживанием, сопровождением и ряд других. Одним из самых сложных был вопрос финансирования всей этой операции, для которой из областного бюджета нужно было найти и выделить 476 220 рублей. Одной из статей расхода этой суммы было оказание финансовой помощи малоимущим, что составило 75 600 рублей.

19 февраля 1946 года из г. Кокчетава отправлен первый эшелон №31 (53 вагона), в котором было отправлено 1 138 взрослых и 360 детей. Эшелон прибыл на станцию назначения Брест 12 марта. 8 апреля был отправлен эшелон № 32 (34 вагона, 1 408 взрослых и 430 детей), прибывший в Брест 28 апреля. 24 апреля отправлен эшелон № 129 (51 вагон, 1067 взрослых и 300 детей), прибывший в Брест 16 мая. Последний эшелон № 154 был отправлен 17 мая (36 вагонов, 698 взрослых и 258 детей), он прибыл в Брест 2 июня 1946 года.

Согласно докладной записке, хранящейся в фонде Кокчетавского облисполкома, "в Брест прибыло 4 261 человек, 8 отстали, 7 сняты в пути следования по болезни, 6 умерло, 27 отказались выехать уже в дороге". В Кокшетауском архиве сохранились также списки граждан с указанием членов семей, репатриированных в Польшу в 1946 году.

В отношении оставшихся спецпереселенцев, как поляков, так и других национальностей, были приняты все меры, призванные не допустить их возвращения в места прежнего проживания. Поэтому в период 40-х и начала 50-х годов все попытки спецпереселенцев, направленные на получение освобождения легальным способом, были тщетными. И спецпереселенцы продолжали оставаться "на казарменно-режимном" положении. Согласно архивным данным, на территории бывшей Кокчетавской области на 15 сентября 1949 г. на спецучете состояло 21 829 граждан только польской национальности. К концу 1952 года численность их составила 23 270 человек.

Наибольшее число спецпереселенцев, до 92% от общего числа, было сосредоточено в сельской местности. Соответственно и процент занятости спецпереселенцев в сельском хозяйстве очень высок (83%).

В справках обследования положения спецпереселенцев в начале 50-х годов неоднократно отмечалось, что полеводческие бригады, как и колхозы в целом, в которых компактно проживают лица польской национальности, являются одними "из наиболее благополучных". Так, из 753 передовиков производства сельского хозяйства области (спецпереселенцев) - 332 поляка, из 49 бригадиров полеводческих бригад - 22 поляка, из 345 членов художественной самодеятельности - 205 граждан польской национальности, помимо этого, более 50% членов КПСС, ВЛКСМ, членов партбюро составляли также поляки.

Одним из важных факторов в сохранении этнического сознания являлось то, что только в Келлеровском районе 1 116 детей переселенцев-поляков обучало 107 учителей польской национальности, тогда как 2 306 детей немцев-переселенцев обучало 36 учителей-немцев.

В то же время как одно из проявлений антисоветской деятельности отмечался такой факт, когда "...спецпоселенцы немцы и поляки, соблюдая предрождественский пост, не посещают клубы, кино и другие общественные места".

С наступлением "хрущевской оттепели" положение спецпереселенцев отменилось. Постановление Совмина СССР от 1 августа 1954 г. "О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев" стало первой ласточкой в процессе массового освобождения из спецпоселений.

Из 99 660 спецпоселенцев, состоявших на спецучете в УВД Кокчетавской области на 1 января 1951 г., к 1 января 1956 г. осталось 55814 человек (в том числе из 23 270 поляков осталось 15 749).

17 января 1956 г. Совмин СССР принял Постановление "О снятии ограничений по спецпоселению с лиц польской национальности, выселенных в 1936 г. из пограничных районов с Польшей Украинской ССР".

Однако снятие со спецучета не означало ни реабилитации, ни возвращения имущества, конфискованного при выселении, а тем более возмещения морального ущерба.

Процесс реабилитации начался после подписания президентом СССР Указа от 13 августа 1990 г. "О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х гг.".

ВЫСЕЛЕНИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

Шахбиев Занди

(Из книги "Судьба чечено-ингушского народа", М., 1996)

Бесстрастно перечисляются цифры, даты, употребляются слова "ликвидировать", "блокировать", "провести операцию"... Словно это сводки боевых действий. Это и были действия, но сражались с мирными жителями, а за бесстрастностью донесений - бесстрастность палачей, для которых мучения людей, их кровь, крики, стоны, сама их жизнь давно ничего не значили. Для них было важно совсем другое - отчитаться за вовремя проведенную операцию.

Странная закономерность - все операции по выселению народов Северного Кавказа совпадали с праздничными днями, установленными Советской властью.

Карачаевцы были высланы 6-7 ноября 1943 года, выселение чеченцев и ингушей началось 23 февраля 1944 года, балкарцы были выселены 8 марта 1944 года. Были выселены также и 15 000 ауховских чеченцев, издревле живших на территории Ауха в Дагестане. По-видимому, такой типичный способ "празднования" был избран не случайно: в такие дни легче собрать людей, не вызывая у них подозрений.

7 марта 1944 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об упразднении Чечено-Ингушской АССР, подписанный М. Калининым и А. Горкиным. Республика была преобразована в Грозненский округ, входящий в состав Ставропольского края. Позднее, 22 марта 1944 года, по личному указанию Сталина в составе РСФСР была образована новая область - Грозненская, в которую вошли г. Кизляр, территория за Тереком, населенная ногайцами. Территорию Чечено-Ингушской республики "разрезали" "по живому": часть ее отошла под территориально-административное ведение Северо-Осетинской АССР, часть отошла к Грузинской ССР, к Дагестанской АССР. Эти "шрамы", не затянувшиеся по сей день, стали "миной замедленного действия", дестабилизирующей и без того непростые отношения в этом регионе.

8 марта 1944 года появился Указ Президиума Верховного Совета "О награждении за образцовое выполнение специальных заданий правительства" сталинских палачей, лишивших родной земли и крова сотни тысяч ни в чем не повинных людей, лишивших жизни немощных и больных, старых и младенцев. Сталин по достоинству оценил заслуги своих инквизиторов: самый главный из них, Берия, а также его основные помощники Б. Кобулов, С. Круглов, И. Серов были награждены орденом Суворова 1-ой степени, который по статусу давался коман-

дующим фронтами и армиями “за отлично организованную и проведенную фронтовую или армейскую операцию, в которой с меньшими силами был разгромлен численно превосходящий противник; за искусно проведенный маневр по окружению численно превосходящих сил противника, полное уничтожение его живой силы и захват вооружения и техники...”.

14 марта 1944 года вновь испеченный “выдающийся полководец” Л. Берия, поднаторевший в борьбе с выдающимися учеными, талантливыми писателями, конструкторами, инженерами, актерами, задачей которого было обратить в “лагерную пыль” цвет интеллигенции всей страны, мог отчитаться на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) о том, как успешно он “окружил и полностью уничтожил живую силу противника”, выселив в пустынные степи горцев Северного Кавказа.

Выселение... Страшный смысл этого слова может постигнуть лишь тот, кто на себе испытал его. Кто полной чашей испил всю горечь несправедливых обвинений, клеветы, унижений, кто испытал боль потерь родных и близких, погибших не в честном бою, а от холода, голода, болезней в невыносимых условиях жизни. По данным доктора исторических наук Явуса Ахмадова, которые он привел в своем докладе на I съезде чеченского народа, из полумиллиона чеченцев и ингушей, выселенных из своих родных мест, через несколько лет остались в живых около трехсот тысяч.

О жизни на поселении, о пережитом моим народом я знаю из рассказов старших. Вот о чем вспоминала моя мама Нурисаг: “Нас было три сестры: Аждан, Белита и я, мы были еще маленькими детьми. Мы жили в землянке. Мы ходили по степи, собирая зерна, и в ладошках приносили их домой. Когда собиралось небольшое количество зерен, из них готовили еду и молили Аллаха, чтобы он был милостив к нам и не дал погибнуть от голодной смерти. Чтобы согреться, мы собирали сухую траву и ею топили печи. Нам нельзя было ходить на другие участки по соседству, потому что за это наказывали, ссылали в далекие лагеря. Многие так и пропадали без вести. Всякое общение с земляками запрещалось, за это тоже жестоко наказывали. Все это приходилось терпеть, так как у всех были дети и о них надо было заботиться. Когда голод становился смертельным, собиралась община и старший предлагал любой ценой достать корову или лошадь, чтобы спасти жизнь остальным. Тогда находился кто-то, кто сознательно шел на такой грабеж. Потом его сажали в тюрьму отбывать срок, порой он пропадал без вести, но все знали, что он пошел на это, чтобы сохранять им жизнь. В эти

трудные минуты он принял удар на себя. Он приносил в жертву себя, лишь бы маленькие дети не плакали, умирая с голода".

Страшные годы, когда народ, словно дерево, вырванное с корнями и брошенное в суровую и незнакомую почву, выживет - не выживет, оказался в невыносимых условиях, показали всю жизненную силу, гордость чечено-ингушского народа. Особенно отчетливо я понимаю это, когда собираются старики (по воле обстоятельств или на похоронах) и начинают неспешные свои воспоминания. Слушая их, я чувствую, словно меня жгут каленым железом, и хотя говорят, что когда стрела в чужом теле, то это не больно, мне больно, потому что их не утихающая и по сей день боль - это и моя боль тоже.

"Там, в далеком выселении, мы были братьями, - вспоминают старики. - Никогда не было, чтобы людей делили по тейпам или каким-то родословным признакам. Там все были настоящими мужчинами. Мы глубоко чтили друг друга по человеческим качествам, и было неважно, кто из какого тейпа. Ведь не зря говорят, что там репа слаще, где ее едят вместе".

При виде их морщинистых лиц, их уставших от тяжкого труда рук невольно возникала мысль, почему они дали насильно выгнать себя из своих домов, своих аулов, почему позволили оклеветать себя, навесить унизительные ярлыки, почему не боролись до последнего, ведь это лучше, чем жить в унижении в незнакомых степях?

Но они мудро рассудили: к сожалению, этого нельзя было делать, так как это могла быть новая Кавказская война. Кто знает, может быть провокаторы на это и рассчитывали, чтобы стереть с лица земли чечено-ингушский народ? И хотя на далекой чужбине их ждала нелегкая участь, чеченцы и ингуши сохранили свою культуру, язык, обычаи, нравы. Ведь что может быть страшнее духовного уничтожения? Неспроста говорят, что нищете материальной помочь легче, а нищете духовной невозможно.

Человек, лишенный духовности, - это живой труп. И он, и его потомки обречены на умственную деградацию, на то, чтобы быть не личностью, а живым призраком в обличье человека. Таких людей очень легко превратить в рабов, людей низшего сорта.

Те, с которыми чеченцы и ингуши находились на выселении, отмечали много достойных качеств этого невинно пострадавшего народа, народа в целом, а не только одиночек. Эти качества вырабатывались, выкристаллизовывались на протяжении веков в чистом воздухе горных вершин, в искренних отношениях между людьми, не знавшими рабства

и укреплявшими в своих генах и в своей горячей крови любовь к свободе, достоинству, стойкость...

Кончилась Великая Отечественная война советских людей против фашистской Германии. К своим родным вернулись воины многих национальностей, плечом к плечу сражавшиеся на полях боев. Среди тех, кто защищал страну от гитлеровцев, были и сыны, и дочери репрессированных народов Северного Кавказа, чьи семьи в 1943-44 гг. были депортированы. Их тогда сразу же стали отзывать с фронтов и тоже ссылать в пустынные степи Казахстана, в Киргизию, в Сибирь, в Заполярье к семьям, которые они не всегда находили. И никого из власть предержащих не останавливало то, что у многих из этих воинов-горцев вся грудь была в орденах, а у некоторых сверкали на груди и золотые звезды Героев Советского Союза.

Репрессивный конвейер работал бесперебойно. 26 ноября 1948 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный Н. Шверником и А. Горкиным, в котором говорилось о том, что немцы, финны, латыши, чеченцы, ингуши, калмыки и другие народы переселены в предоставленные районы навечно и что выезд из мест переселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами сроком до 20 лет. Надежда, что после войны люди могут вернуться к своим родным очагам, становилась призрачной. Лишь вера в Аллаха, в то, что наступит время, когда во тьме воссияет свет правды, что их признают невиновными, поддерживала в те годы людей.

Тотальная насильственная депортация чеченцев и ингушей в феврале 1944 года, в ходе которой от холода, голода и террора войск НКВД погибли сотни тысяч человек, была самой страшной в ряду других депортаций, которые пришлось пережить вайнахскому народу за свою историю.

ДЕПОРТАЦИИ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

Ахметова К.К.

Насильственная депортация чеченцев и ингушей в феврале 1944 года, в ходе которой от холода и голода погибли сотни тысяч человек, была самой черной страницей в истории вайнахского народа.

Выселение проводилось по методу боевых операций - быстро, безжалостно, путем блокады и насильственных методов. Причем, все операции по выселению народов Северного Кавказа совпадали с праздничными днями: карачаевцы были высланы 6-7 ноября 1943 года, выселение чеченцев и ингушей началось 23 февраля 1944, балкарцы

были выселены 8 марта 1944. Были выселены также 15 тыс. ауховских чеченцев, живших на территории Ауха в Дагестане. По-видимому, такой способ "празднования" был не случаен. В такие дни легче было собрать людей, не вызывая у них подозрений.

Операции по депортации готовились заранее, с большой тщательностью и с привлечением значительных контингентов вооруженных сил. Уже в январе 1944 года Казахская ССР получила задание по расселению 400 тыс. переселенцев с Северною Кавказа. 7 марта 1944 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об упразднении Чечено-Ингушской АССР. Республику преобразовали в Грозненский округ, входивший в состав Ставропольского края.

По личному указанию Сталина территорию Чечено-Ингушской республики "разрезали" по частям: часть отошла в Северо-Осетинскую АССР, часть - в Грузинскую ССР и в Дагестанскую АССР, что и по сей день дестабилизирует обстановку в том регионе.

В фондах Северо-Казахстанского областного архива имеется немало документов по спецпереселению, рассказывающих о трагической судьбе немцев, корейцев, чеченцев, ингушей и других народов страны, насильственно выселенных в Северо-Казахстанскую область.

Уже в середине марта 1944 года в нашу область прибыли спецпереселенцы из Чечено-Ингушской республики. Их расселение и устройство было возложено на местные Советы. Значительная часть спецпереселенцев, депортированная в Северо-Казахстанскую область, вступила в сельскохозяйственные артели (17060 человек), совхозы (2460), предприятия и учреждения (1165). К концу 1944 года силами спецпереселенцев в колхозах и совхозах области было построено 1545 так называемых "землянок". Иногда семьи продолжали проживать в порядке уплотнения с местным населением. Хозяйственное устройство спецпереселенцев вызывало беспокойство, о чем сообщал в докладной записке начальник УНКВД по Северо-Казахстанской области, майор госбезопасности Исаков: "В Приишимском районе, в колхозе им. Тимирязева 6 семей (23 человека) живут в одном доме, где страшная скученность - антисанитария. Запасов топлива нет. В колхозе Ушкуль 9 семей (38 человек) спецпереселенцев размещены в одной землянке, где из-за отсутствия окон нет света, стены землянки внутри не обмазаны и не побелены, где при наличии скученности создалась невыносимая антисанитария. В этом колхозе семья спецпереселенца Зубиева совершенно вымерла. А всего умерло 11 человек...

В течение 1944 года умерло 1002 человека, в том числе; детей - 411, взрослых –191, стариков - 400".

В постановлении облисполкома и обкома партии от 13 июня 1945 года "О ходе хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев Северного Кавказа, расселенных в колхозах и совхозах области" отмечалось, что расселено 3962 семьи, много истощенных, имеет место неправильное отношение к спецпереселенцам.

Зимой 1945-1946 года 3955 детей школьного возраста (из общего количества 4905 детей спецпереселенцев) не посещали школу из-за отсутствия теплой одежды и обуви.

В трудный неурожайный 1946 год остронуждающимся спецпереселенцам Северного Кавказа правительство Казахской ССР выделило 96 тонн продовольственного зерна. В пересчете на количество нуждающихся расчетная норма составила 200 граммов в день на одного человека. В порядке оказания помощи были розданы 263 полушубка, 900 пар обуви, 56300 метров ткани из расчета 2,5 метра на человека, но это не обеспечивало даже минимальной потребности в одежде и обуви. По этой причине в зимний период в колхозах и совхозах не работало свыше 1800 человек.

В индивидуальное пользование спецпереселенцам было выделено бесплатно 1005,3 тонны продуктивного скота из расчета 200 кг на каждую семью.

На 1 января 1947 года в 11 районах области и г. Петропавловске проживало 14722 чеченца, 5580 ингушей и 9 человек из бывшей Крымской АССР. Всего 20311 человек.

Долгожданная победа советского народа в Великой Отечественной войне изменила настроение спецпереселенцев Северного Кавказа. Появилась надежда на возвращение на историческую родину. Однако 28 ноября 1948 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, подписанный Н. Шверником и А. Горкиным, в котором говорилось, что немцы, финны, латыши, чеченцы, ингуши, калмыки и другие народы переселены в предоставленные районы навечно и выезд без разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет. Надежда на возвращение становилась призрачной. Лишь смерть Сталина вернула эту надежду и, наконец, положила начало процессу реабилитации репрессированных народов. Однако еще оставались ограничения выезда чеченцев и ингушей, что свидетельствовало о противоречивости курса на восстановление в правах народов Северного Кавказа. Как считает известный казахстанский историк, академик Академии наук Республики Казахстан Козыбаев М.К.: "И, видимо, именно в личности главы государства 50-60-х годов следует также искать причины не до конца дове-

денного процесса десталинизации, в том числе и в реабилитационных делах...".

Республика Казахстан сделала все, чтобы восстановить справедливость по отношению к людям, подвергшимся массовым политическим репрессиям.

14 апреля 1993 года Верховный Совет Республики Казахстан принял Закон "О реабилитации жертв массовых политических репрессий". Согласно статье второй раздела первого Закона "Жертвами политических репрессий признаются также лица, подвергшиеся насильственному переселению в Казахстан на основании актов высших органов государственной власти Союза ССР".

ТАК РЕШАЛИСЬ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В СССР

Сим Ф.А.

По данным переписи населения 1989 года на территории Казахстана проживает свыше ста тысяч корейцев. Основная масса корейского населения сосредоточена в южных областях республики. В Северо-Казахстанской области их насчитывается немногим более 300 человек. 60 лет живут и трудятся корейцы в многонациональном Казахстане. Они появились здесь не добровольно, а в результате насильственной депортации в 1937 году с Приморья и других районов Дальнего Востока.

Отсутствие источников, доступа к документам, "непопулярность" темы, а также прямые запреты послужили в прошлом препятствием в освещении истории драматических перипетий этой и других этнических групп в Казахстане. И только с конца 80-х и в начале 90-х годов появились публикации, сообщения, исследования, которые как-то очертили контуры "белых пятен" в истории корейцев Казахстана и других республик.

Освещение истории корейцев Казахстана имеет значение не только с точки зрения самопознания этой этнической группой своего прошлого. Это важно также для исследования огромной по своим масштабам и последствиям малоизученной страницы истории Казахстана, которой является переселенческое движение, насильственное и добровольное, организованное и неорганизованное, объектом которого был Казахстан.

Корейцы были в числе первых в длинном списке переселенцев и спецпереселенцев. Именно на них отрабатывался механизм переселенческой политики в период сталинских репрессий, апробировалась система воздействия властных институтов на этносы.

В Дальневосточном Приморье в пограничных районах с Кореей отдельные поселения корейцев, как утверждают некоторые авторы, имели место до 16 века, когда эти земли были как бы еще и "ничейными" и на них совместно проживали представители многих народов.

Как отмечают исследователи, территория Южной Маньчжурии, Северной Кореи, Южно-Уссурийский край (нынешний Приморский) в раннеисторические времена были местами миграционных потоков древних племен, в результате смешения которых сложилось население древнекорейского государства Чосон (VIII-I вв. до н. э.).

Исследователи Приуссурья М.И.Венюков, Е.А.Крейнович, Р.Ш. Джарылгасинова, Ю.М. Бутин и др. отмечают много общего в материальной и духовной культуре древнекорейских племен государства Когуре и народов Приамурья-Приморья. Государство Когуре существовало в IV-VII вв. и включало в свой состав не только территорию Приуссурья, но и Ляодунский полуостров.

Миграция населения, особенно в пограничные районы государств - явление весьма распространенное и закономерное. В новейший период более или менее массовое заселение этих мест выходцами из Кореи началось в 60-х годы прошлого столетия. Данный период совпадает с отменой крепостного права в России и установлением более мягкого для крестьянства политического режима в России, нежели в Корее. Нужда, голод, бесправие, безземелье, периодические наводнения заставляли многих корейцев переселяться в российское Приморье и Уссурийский край. Например, по свидетельству русского исследователя Д.И. Шрейдера, только "осенью 1896 года, благодаря сильному наводнению, уничтожившему в Северной Корее во время лета все хлеба", перешли границу до 6000 душ (Д.И. Шрейдер. Наш Дальний Восток. - С.-Петербург, 1897 г., с. 176).

Русское правительство охотно принимало их, отводило им земли и даже выдавало пособия, способствуя тем самым заселению края и развитию земледелия.

Заметные волны миграции в России имели место после Русско-Японской войны 1904-1905 гг. и оккупации Кореи Японией, а также после поражения Корейского национального восстания против японских колонизаторов в марте 1919 года. В конце 20-х и начале 30-х годов миграция прекращается в связи с тем, что граница была наглухо закрыта советским пограничниками.

Начало 20 века корейцы Дальнего Востока встретили воодушевленные революционными событиями. Историческим фактом является их массовое участие в гражданской войне за Советскую власть в Приморье.

В те годы насчитывалось 55 национальных корейских партизанских отрядов, активно участвовавших в освобождении Дальнего Востока от японских и других интервентов. Революционные и боевые заслуги дальневосточного периода жизни корейцев впервые были отмечены в официальных государственных документах, посвященных 50-летию ВОСР. 200-тысяччное корейское население совместно с другими народами Дальнего Востока вносило заметную лепту в экономическое развитие региона и, прежде всего, в сельское хозяйство.

Относительно компактное проживание корейцев на Дальнем Востоке способствовало сохранению национальной культуры, традиций, языка. В 30-е годы во Владивостоке был основан профессиональный государственный корейский театр, первый за пределами Кореи. Функционировали педагогический институт, техникумы, училища, школы, где обучение велось на корейском языке. Издавались корейские газеты, развивалась музыкальная культура.

Особенностью существования корейского населения на Дальнем Востоке явилась и своеобразная русификация. Жизнь заставляла общаться с большинством населения на русском языке, доступ к мировым культурным ценностям возможен был преимущественно через русский язык. Все это содействовало двуязычию диаспоры. Значительная часть корейцев-поселенцев края до революции была обращена в христианскую православную веру и получила русские имена (сохраняя при этом в бытовом общении корейские имена).

Решение руководства СССР в августе 1937 года о массовом переселении корейцев из Дальневосточного Края в Казахстан и Узбекистан оказалось для них трагической неожиданностью. В секретном Постановлении № 1428-326 СС Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 21 августа 1937 года "О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного Края" за подписью И. Сталина и В. Молотова предписывалось "в целях пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный Край провести следующие мероприятия:

1. Предложить Дальневосточному Крайкому ВКП(б), Крайисполкому и УНКВД Дальневосточного Края выселить все корейское население пограничных районов Дальневосточного Края: Посьетского, Молотовского, Ходековского, Ханкайского, Постышевского, Хорольского, Черниговского, Спасского, Шмановского, Бикинского, Вяземского, Хабаровского, Сайфуйского, Кировского - и переселить в Южно-Казахстанскую область в районы Аральского моря и Балхаша и в Уз-

бекскую ССР, выселение начать с Посьетского района и прилегающих к Гротеково районов.

2. К выселению приступить немедленно и закончить к январю 1938 года".

Наркому внудел СССР предлагалось "принять меры против возможных эксцессов и беспорядков со стороны корейцев в связи с выселением". Постановление предписывало Далькрайкому ВКП(б) и Далькрайисполкому в трехдневный сток сообщить количество подлежавших выселению хозяйств и человек. Наркомвнуделу СССР разрешалось "разместить пограничников в освобождаемых помещениях корейцев", "увеличив количество пограничных войск на 3 тысячи человек для уплотнения охраны границ в районах, из которых переселяются корейцы". Постановление цитируется по книге: Г.В. Кан. Корейцы Казахстана. - Алматы: Изд-во "Казахстан", 1994, с. 11-12. Впервые это постановление было опубликовано в "Белой книге о депортации корейского населения России в 30-40-х годах (Книга первая - М.: Интерпракс, 1982).

Данный документ дает недвусмысленный ответ на вопросы: "За что выселяли корейцев с Дальнего Востока?", "Как корейцы попали в Казахстан?". "Это было наказание за предательство отдельных людей, от которых не застрахован ни один народ. Это было наказание за национальную принадлежность к возможным сторонникам возможного противника", - пишет Г.В. Кан в упомянутой книге "Корейцы Казахстана". По существу, все корейское население было признано неблагонадежным.

Вслед за корейцами в Казахстан принудительно были переселены десятки, сотни тысяч курдов, тюрков, болгар, поляков, немцев и др., "высланные по очистке погранполосы", как говорилось в документах НКВД. Нужно ли комментировать тот факт, что встречей и размещением корейцев и других переселенцев в Казахстане занимался отдел лагерей, трудпоселений и мест заключения НКВД Казахской ССР? Через три дня после принятия постановления о переселении корейцев в Алма-Ату и Ташкент поступила шифрограмма Ежова, в которой местным органам НКВД предписывалось принятие административных мер по предотвращению бегства корейцев в другие районы СССР, а также по укреплению определенного аппарата в районах вселения, по усилению агентурной службы. Переселение и размещение корейцев сопровождалось массовыми арестами среди бывших военнослужащих, участников Гражданской войны, государственных служащих, учителей и других слоев населения. Таких репрессий, как известно, не избежал ни один

народ в СССР. Обвинения были стандартными: японский агент или контрреволюционная агитация и вредительство.

Привлечение к коллективной ответственности отдельных народов сопровождалось соответствующей пропагандой, идеологической мотивировкой антигуманных действий по отношению к ним. Своеобразным пропагандистским рупором стал, например, лауреат четырех Государственных премий СССР писатель П.А. Павленко, который в апреле 1936 года написал роман "На Востоке" (первоначальное название "Судьбы войны"). В нем в деталях описывается будущая вторая мировая война, и начать ее должна была Япония со штурма Владивостока. В этом романе муссировался вопрос о шпионаже советских корейцев в пользу Японии. Книга была растиражирована в огромном количестве, только в 1937 году было издано более 400 тысяч экземпляров.

Чтобы оправдать массовые репрессии, Сталин в докладе на Пленуме ЦК 3 марта 1937 года предупреждал, что Советский Союз в условиях капиталистического окружения наводнен иностранными шпионами, троцкистами и иными двурушниками, и призвал выявить их и обезвредить.

В апреле 1937 года в "Правде" появляются статьи о японском шпионаже на Дальнем Востоке, в которых подчеркивалось, что для японского шпионажа широко используются китайцы и корейцы, маскирующиеся под местных жителей.

Массовые аресты партийных, государственных, военных деятелей, представителей интеллигенции из числа корейцев начались задолго до их переселения. В 1935 году были расформированы корейские воинские части Красной Армии (7-й и 77-й полки, располагавшиеся в Спасске и Никольск-Уссурийском), почти все были расстреляны или погибли в ГУЛАГе. По словам начальника дальневосточного управления НКВД Г.С. Люшникова, только во время переселения (за два месяца) было арестовано 2500 корейцев (см. "Дорогой горьких испытаний" - М.: "Экслибрис-Пресс", 1997, с. 22).

Общее число жертв репрессий и переселения среди корейцев остается неизвестным. Профессор Хельсинского университета Ко Сонму отмечает, что к 1936 году общая численность корейцев составляла 205 тысяч человек, а число переселенных, по данным НКВД, не превышало 180 тысяч. Куда могли подеваться более 20 тысяч корейцев?

Шовинистическая политика по отношению к корейцам проводилась с одобрения Сталина с 20-х годов. Уже в 1922 году был принят Дальбюро РКП план выселения корейцев из Приморья. В период с 1927 года по 1932 год Политбюро ЦК ВКП(б) на своих секретных заседаниях неод-

нократно обсуждало вопрос “о корейцах”. Постановлением ВЦИК от 6 декабря 1926 года ставилась цель вытеснения корейцев с территории к югу от Хабаровска. Согласно пятилетнему плану, 150 тысяч корейцев Владивостокского округа подлежало выселению в необжитые районы Хабаровского округа: Курдагийский, Урмийский, Синдийский, Биджанобирский. В 1930 году переселено было 1625 человек, из них 1450 - в Хабаровский округ и 170 человек - в Казахстан. С февраля 1931 года осуществление плана переселения было отложено до 1937 года.

В стране, где на словах официально провозглашалось равенство всех людей независимо от национальной и расовой принадлежности, на деле существовали этнические группы, по отношению к которым проводилась другая политика. Никакие материальные лишения и другие отрицательные последствия переселения корейцев не сравнимы с теми социальными чувствами и реалиями, которые десятки лет сопровождали их жизнь: в паспорте особая отметка, запрещающая проживать за пределами Казахстана. Негласный запрет для вузов СССР принимать корейцев по ряду специальностей. В предвоенное время и в годы войны корейцев не призывали в армию, не отправляли на фронт даже добровольцев. Они мобилизовались только в трудовые лагеря. Все это только унижало людей, делало их неполноценными гражданами страны. Родители были не в состоянии объяснить детям, почему они на положении людей второго сорта.

Унитарный подход властей к решению национальных отношений, стремление интернациональные отношения ставить выше национальных привели на практике к этническому нигилизму, проявившемуся наиболее выпукло по отношению к национальным меньшинствам.

Главным отрицательным последствием переселения корейцев в 30-х годах явилось разрушение компактности их проживания. Распыление их по огромным территориям Средней Азии, а также закрытие национальных школ способствовали тому, что люди постепенно теряли свой родной язык. На сегодня для большинства этнических корейцев он перестал быть родным даже на бытовом уровне. Положение усугубляется тем, что после негласного снятия территориального ограничения на проживание усилился процесс миграции корейцев по всему бывшему Советскому Союзу. Утрата языка равносильна утрате национальной общности, ибо язык в первую очередь определяет такие важнейшие компоненты национального, как культура и психология.

Первые эшелоны с корейцами-переселенцами стали прибывать в Казахстан в конце сентября 1937 года. С этого времени началась история новой этнической группы – корейцев Казахстана. До весны 1938

года они прибывали в местах разгрузки и временного проживания, размещались в землянках, складах, конюшнях, брошенных мечетях, церквях, фермах.

В Северо-Казахстанскую область было переселено 2003 семей. Они были расселены в Сталинском, Келлеровском, Красноармейском и нынешнем Кызылжарском районах.

В спешке реализуемое переселение не имело четко продуманного плана. Многие эшелоны отправлялись с Дальнего Востока в Казахстан и Узбекистан без определения конкретного пункта назначения. Коррективы вносились позднее: семи эшелонам дважды в пути следования менялись пункты назначения.

Весной 1938 года фактически начался второй этап переселения уже внутри Казахстана, которому подверглось 60% корейского населения. Расстояние перевозок составляло от 20 до 4 тысяч километров. Основная масса людей была размещена на неосвоенных землях, землях разорившихся, ликвидированных колхозов.

Значительная часть корейского населения была расселена в Южно-Казахстанской области. Известно, что и по сей день это наиболее сложный по природно-климатическим, экологическим и социально-экономическим условиям регион. В 1937 году этот район относился к числу кочевых и полукочевых, в хозяйственном и культурном отношениях считался отсталым.

Казахстан только что сам перенес величайшую трагедию голода 30-х годов, унесшего более 2-х миллионов жизней. Государственная компания по оседанию кочевого и полукочевого населения требовала больших капиталовложений. Например, по данным отдела Наркомзема КазССР, для решения вопросов хозяйственного обустройства оседающего населения в 1937 году не хватало: круглого леса – 2124,5 м. куб., пиленого леса – 1847,0 м. куб, жердей – 3357,0 м. куб., гвоздей – 2,261 тонны, железа – 14,1 тонны, толя – 8760 рулонов, олифы - 3,47 тонны, извести – 30 тонн (ЦГА РК. Ф.74, оп. 11, д. 271, л.21)

II. О НАШИХ ЗЕМЛЯКАХ
(статьи, очерки краеведов)

СЛОВО, УСТРЕМЛЕННОЕ В БУДУЩЕЕ
Абатурова Р., Власова Л.

"Из казахских поэтов, писателей я, конечно, люблю Абая, - писал Мухтар Ауэзов, - после него люблю Магжана... Его поэтическая индивидуальность настолько уникальна, что он перерастает рамки своей эпохи. Из числа нынешних писателей только слово Магжана устремлено в будущее и достойно останется в памяти грядущих поколений..." Этого-то как раз и не хотелось тогдашним политическим мастерам заплечных дел. "Нет человека - нет проблемы", - говаривал Сталин. Но слово поэта переживает века. Поэтические строки Жумабаева, воскреснув из небытия, пришли в жизнь к третьему из "грядущих поколений".

А первыми с биографией поэта стали знакомиться следователи НКВД.

Из протокола допроса М. Жумабаева:

"Родился в Полудинской волости, в 1893 году, в семье крупного скотовода-бая. До 1909 года находился на иждивении у родителей, учился у мулл. В 1911 году отец отправляет меня в Уфу, где определяет в медресе Галлия. Здесь я стал готовиться для поступления в Омскую учительскую семинарию, для чего изучал русский язык. После окончания семинарии, в 1917 году, стал работать в областном казахском комитете. Затем поступил в учительский институт. Во время колчаковщины заведовал в Петропавловске двухгодичными учительскими курсами. Спустя год меня назначили редактором газеты "Бостандык туы". В 1923 году я уехал в Ташкент, где стал преподавать и работать членом казахской научной комиссии. Еще через год я поступил в Московский литературно-художественный институт, имел стипендию Туркестана. Но потом меня лишили этой стипендии, так как я состоял на службе в Центриздате. В 1926 году я вернулся в Петропавловск, где стал работать в совпартшколе, преподавать русский язык казахам, а казахский - русским"...

В 1923 году Туркестанское государственное издательство делает попытку издать Магжана Жумабаева. В предисловии ко второму изда-

нию, написанному Султанбеком Куджан-оглы, говорится: “Мы издали стихи Магжана Жумабаева, считая, что они заслуживают почетного места в киргизской литературе. Поэтические произведения автора читатели уже знают. Ясно, что в деле возрождения новой литературы там, где только начинает вырабатываться литературный язык, заслуга таких поэтов, как Магжан, громадна. Считающийся до сих пор в Туркестане языком кочевников-скотоводов и признанный неподходящим, неудобным для деловой переписки и для печати киргизский язык в стихах Магжана выявляется как гибкий, богатый, чистый и легкий и вполне обработанный. Поэтому мы в стихах Магжана имели в виду больше литературную сторону, чем их политическое содержание. И читатель не должен обращать внимания на те места, где встречаются противоречия марксистскому мировоззрению. А побольше обращать внимания на красоту и художественную сторону, на образность, должен серьезно вникать в их исторический смысл...”.

НКВД, напротив, обращало большое внимание именно на политическое содержание стихов Магжана. Как-то на квартиру к Магжану зашли “на огонек” следователь местного НКВД Губайдуллин и милиционер Шаяхметов. Гостевание их затянулось, пили кумыс, чаевничали, слушали стихи и эпиграммы, которые читал Магжан. Гости стихи нахваливали, а над героями эпиграмм, прототипами которых были руководители республики и городского НКВД, заразительно смеялись. Но уже наутро стало ясно, что их смех был деланным - Магжан получил приглашение прибыть по назначению в Алма-Ату. Затем - Москва, и дальше - по этапу в лагеря Карелии. Обвинение - стандартное: создание подпольной организации и написание произведений буржуазно-националистического толка.

Постановлением коллегии ОГПУ от 04.04.30 г. М. Жумабаев был осужден по ст. 58-11 и 58-10 УК РСФСР к 10 годам за создание в Ташкенте подпольной контрреволюционной организации. Вернулся он в 1936 году.

Вторично Магжан Жумабаев был осужден решением комиссии НКВД и прокуратуры СССР от 11 февраля 1938 года по статье 58-6 (шпионаж) и 58-11 (организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений и равно участию в антисоветской организации).

С чего начинается “дело”? Составлены справки двух сотрудников НКВД. В них указывается, что “с 1917 года Жумабаев состоял членом националистической организации “Ерлик” в Омске. Позднее был членом “Алашорды”, участвовал в организации борьбы с Советской властью. В

1922 году, будучи завербован в контрреволюционную организацию казахских националистов, проводил активную контрреволюционную деятельность, направленную на подготовку контрреволюционных повстанческих кадров для свержения Советской власти. А в 1929 году был уличен в контрреволюционной деятельности и осужден к 10 годам лагерей заключения, а в 1936 году, вернувшись из лагеря, восстановил старые связи и продолжает вести контрреволюционную работу".

Уголовное дело в отношении Жумабаева не возбуждалось, как того требовал процессуальный закон, а сразу начиналось с предъявления обвинения, когда еще не были никаких доказательств совершения преступления. Затем, 30 декабря, через четыре дня, Магжан Жумабаев допрашивался сотрудником УГБ НКВД:

- Вы арестованы как член антисоветской националистической организации, существовавшей в Казахстане, и по ее заданиям вели активную контрреволюционную работу. Признаете ли вы себя виновным в этом?

Магжан отвечает:

- Виновным в этом себя не признаю.

Допрос закончен. В протоколе больше нет ни слова, кроме подписи М. Жумабаева. Затем через семь дней, уже 6 января 1937 года, в деле появляется заявление Жумабаева на имя народного комиссара внутренних дел Казахстана. Жумабаев пишет: "Желая искупить свою вину перед Советской властью, чистосердечно заявляю, что предъявленное мне обвинение в том, что я занимался ... шпионской деятельностью в пользу одного из иностранных государств, подтверждаю. Шпионажем в пользу Японии я, Жумабаев, начал заниматься с 1919 года и по 1929 год, то есть по день моего ареста и отправки в лагеря. По отбытию таковых и возвращению в Казахстан в 1936 году я возобновил свою деятельность в пользу названных государств и восстановил свою связь с членами националистической организации. Завербовал меня Букейханов в 1919 году в городе Омске. Дополнительные показания о своей деятельности дам дополнительно".

Можно не сомневаться, что на Жумабаева было оказано как физическое, так и психологическое давление. Он уже отсидел в лагерях и хорошо знал повадки НКВД, знал, что все равно осудят. Не выдержав насилия, он оговорил себя в надежде сохранить себе жизнь. 6 января он написал заявление, и после этого, только 10 февраля, его начинают допрашивать.

Видимо, вопросы и показания были заранее составлены. Специально приводятся сотни фамилий, кого он якобы привлек к шпионской дея-

тельности, кого - в организацию “Алаш-Орда”. Показания были заранее отпечатаны на машинке. Сомнений нет - все дело было сфабриковано. Бездоказательно обвинение в шпионаже. Сам за себя говорит и факт, что Алихану Букейханову (осужденному в 1937 году) обвинение в шпионской деятельности не предъявлялось. Куда же он тогда завербовал Жумабаева?

В открытом письме М. Жумабаева от 21 мая 1937 года на имя председателя Совнаркома КазССР Исаева поэт просит о предоставлении ему возможности показать свое бесповоротное перерождение, окончательную перековку, свою преданность социалистической родине на деле, на творческой работе, дав возможность печататься в Казахстане.

Горько читать далее в этом письме признание в преступлениях, которых автор не совершал. Но ведь “раскаиваться” тогда было принято. Сталин любил “искренние раскаяния”. Случалось, кому-то они спасали жизнь.

8 июля 1960 года Жумабаев был посмертно реабилитирован. Вот что указывается в документе "Решение комиссии НКВД и Прокуратуры СССР от 11 февраля 1938 года в отношении его производством прекратить, поскольку за эти деяния Жумабаев был осужден к 10 годам и наказание отбыл”.

Выходит, что уже в 1938 году Жумабаев был осужден к расстрелу за то, за что он уже отбыл наказание. Кстати, когда Магжан отбыл свой десятилетний срок, он пытался искать справедливость. Обращался в Алма-Ату, в Союз писателей Казахстана.

В “деле” имеется письмо Сабита Муканова в адрес Жумабаева, где выражается надежда, что “если Магжан встал на путь исправления, то будет приниматься решение о принятии его в члены Союза писателей Казахстана”. Видимо, после этого Магжан поехал в Алма-Ату, где его в декабре 1937 года и взяли под стражу.

Ночь темна. Возносит степной
ураган
над округой
загробного царства курган.
Взял свечу, силюсь зажечь –
робость берет:
Вспыхнет ли?
Долгий ли свет ей дан?
Даже если ненастье, слякоть
и грязь,
Или ветер свирепый дует, ярясь,

Ты гори, огонек, я так искренне
рад,
Что ты в слабой руке
трепещешь, борясь.

(Из стихотворения “Ночь” в переводе североказахстанского поэта Владимира Акимова).

Вот так и муза поэта, подобно мерцающему огоньку свечи в ураганной ночи, помогала в трудные годы душам, застигнутым стихией эпохи, надеяться, обрести приют и тепло.

И потому так дороги нам бесценные магжановские творения, полные глубочайшего лиризма и высокой духовности.

Впервые с ходатайством о реабилитации, а также с заявлением с просьбой сообщить какие-либо сведения о судьбе Магжана Бикеновича обратилась его супруга Зулейха Жумабаева, которая проживала на станции Кара-гуга бывшего Конюховского района Северо-Казахстанской области. В 1959 году она пишет заявление на имя тогдашнего председателя Совета Министров СССР Хрущева. В результате этого ходатайства материалы архивно-следственного дела были пересмотрены в военном трибунале Туркестанского военного округа. 8 июля 1960 года было принято решение о реабилитации Магжана Жумабаева.

Редактор журнала “Простор” И.П. Шухов в 1965 году хотел ознакомить читателей с творческой судьбой выдающегося казахского поэта, но, видимо, тогда уже “хрущевская оттепель” шла на убыль, и дело Магжана Жумабаева оставалось закрытым. Магжана Жумабаева не издавали, о нем запрещалось писать и даже вспоминать. И знакомиться с Жумабаевым многие исследователи его творчества начинали по материалам досье, хранящимся в архиве КГБ:

Плыли тучи и дожди стучали.
А теперь иная полоса...
Если мы устали от печали –
Душу просветляют небеса.

(Из стихотворения “Жизнь”. Перевод с казахского А.Парщикова).

Кажется, в этих строках - вся жизнь поэта, через судьбу которого прошли грозы и ураганы времени. Но словно посветлело на небосклоне поэзии после возвращения его творчества к читателям.

И все-таки трудно найти более трагическую судьбу. Трудно было найти его стихи в газетных и журнальных публикациях полувековой давности. Все, что было связано с именем Магжана Жумабаева, вырезано бритвочкой или ножницами. Но стихи передавались из поколения в поколение, из уст в уста, перекладывались на музыку, исполнялись как

народные песни, пользовались и пользуются большой популярностью в странах Востока.

Всего каких-то несколько лет назад мы узнали о его судьбе. “А могли бы узнать о Магжане намного раньше, - с горечью восклицает известный североказахстанский поэт, член Союза писателей Муталлап Кангожин, - если бы кое-кто из писателей не использовал свое влияние, чтобы зачеркнуть славное имя в нашей литературе, конъюнктурно спекулируя на политических взглядах поэта, который никогда ни у какой партии не ходил в адъютантах”.

Что же касается русских читателей, то мы, безусловно, должны быть благодарны журналу “Дружба народов”, который впервые в 12 номере за 1988 год познакомил нас и с переводами стихов Магжана Жумабаева, и с письмом народного поэта Башкирии Сайфи Кудаша, где шла речь о том, что чувство соперничества, зависть к таланту, родовые пережитки были камнями преткновения в литературной среде, препятствующими полной реабилитации поэта.

Но особенно мы должны оценить то, что одним из первых в трудное противоборство с теми, кто в качестве главного аргумента выдвигали родословную поэта, подчеркивая байское происхождение и навешивая ярлык националиста, выступил редактор популярного журнала “Простор”, наш земляк Иван Петрович Шухов.

Сейчас идет процесс становления Республики Казахстан как правового государства. Свидетельство тому - Конституция Республики Казахстан, в которой гарантированы права и свободы граждан. Принят Закон об органах национальной безопасности Республики Казахстан, направленный, прежде всего, на защиту прав и интересов граждан нашей республики.

Прошли те времена, когда и органы госбезопасности, и другие правоохранительные органы являлись безмолвным орудием в руках режима той власти, тех правителей, которые вели необъявленную войну против своего народа путем массовых репрессий. Принимаемые законы правового государства будут надежным гарантом того, что страшные трагедии прошлого, ломавшие судьбы даже таких выдающихся талантливых людей, как Магжан Жумабаев, никогда у нас не повторятся.

МАГЖАН: НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ

Мелехин М.М.

Казалось бы, сегодня уже все известно о Магжане Жумабаеве (1893-1938 гг.), нашем земляке, великом казахском поэте. Он, как и

многие другие выдающиеся представители казахской интеллигенции, пал жертвой политических репрессий. Велико поэтическое наследие Магжана, в основном поднятое из небытия за последние годы.

Классик казахской литературы Мухтар Ауэзов, столетний юбилей которого отмечался в 1997 году, писал: "...люблю Магжана. Его поэтическая индивидуальность настолько уникальна, что он перерастает рамки своей эпохи... Из числа всех нынешних писателей только слово Магжана устремлено в будущее и достойно останется в памяти грядущих поколений".

Магжан известен также как крупный тюрколог, историк, лингвист, педагог, автор книги "Педагогика", учебников по казахскому языку и литературе.

Магжан Жумабаев был еще и журналистом. Именно он редактировал газету "Бостандык туы" в 1920-1921 годах, которая была первой газетой на казахском языке в нашем крае.

Биографы Магжана справедливо отмечают, что с конца 1922 года наш земляк пребывал в Ташкенте, где работал старшим преподавателем института просвещения. Именно там Магжан Жумабаев активно сотрудничал с журналами "Шолпан" и "Сана", опубликовав в них множество поэм, стихов и исследовательских работ.

Годы же 1921-1922, которые были очень трудными для нашего края, как-то выпадают из биографии поэта. А ведь именно в это время Магжан, сменив лирическую поэзию дня будущего на жесткую прозу дня настоящего, стал работать в жизненно важном учреждении. Архивные документы позволяют однозначно утверждать, что именно в этот период Магжан служил в Чрезвычайной комиссии помощи голодающим (Акмолгубкомпомгол), расположенной в Петропавловске. Будучи патриотом своей родины, поэт не мог оставаться в стороне от первостепенной проблемы того времени: спасения местного казахского населения от голода, ставшего следствием братоубийственной гражданской войны. Губернская комиссия была организована 2 августа 1921 года на основании положения, утвержденного КирЦИКом № 2013 от 29 ноября 1921 года.

Действуя вначале при Акмолинском губернском комитете РКП(б), а позднее при губисполкоме, комиссия занималась сбором пожертвований, отчислений в помощь голодающим, а также беспризорным детям. Ее деятельность распространялась на всю Акмолинскую губернию.

Документы государственного архива позволяют утверждать, что Магжан не засиживался подолгу в кабинете, а всегда был в гуще народа, использовал все возможное и невозможное, чтобы поменьше было горя,

слез умирающих от голода детей и инвалидов. Работники комиссии, среди которых были Нигмет Сыргабеков, Мухамедьяр Бурханов, Галим Байгазин, Иван Бебен, Георгий Сальков, пребывали в казахских аулах и русских селах, вели разъяснительную работу среди населения. Порой приходилось принимать и непопулярные решения, исходя из конкретной обстановки.

Так, в мандатах членов Комиссии отмечалось, что они имеют право:

"1. Привлекать для перевозки продуктов волостно-сельский и аульный гужевой транспорт.

2. Устраивать волостные съезды, совещания для обсуждения вопросов о помощи голодающим и устанавливать с согласия местного населения внутриволостные обложения. (Ведь продовольственной помощи ждать было неоткуда - М.М.).

3. Привлекать к ответственности всех без исключения лиц, тормозящих работу по оказанию помощи голодающим.

4. Пользоваться аппаратом волисполкомов, уделяя большую часть работы последних делу борьбы с голодом.

5. Привлекать к работе Помгола всех без исключения лиц, как-то: авторитетных аксакалов, председателей, членов аульных советов и пр.

Все советские и общественные управления призывают оказывать (такому-то) содействие по беспрепятственному разъезду его в районе и проведению в жизнь тех задач, которые возложены на него по борьбе с голодом".

Мандаты подписывали либо председатель Чрезвычайной комиссии А. Данилов, либо его заместитель - Магжан Жумабаев. В Комиссии в разное время (она существовала чуть больше года) работали Абдулмаликов, Айбасов, Жакупов, Яковлев, Соломонов, Смирнов. Почти все они позже стали жертвами политических репрессий середины 30-х годов.

Магжан Жумабаев, судя по мандату, был командирован в Петропавловский и Кокшетауский уезды 1 июля 1922 года. Его документ-удостоверение несколько отличается от других. Здесь больший акцент делается на "тщательный точный учет продуктов, поступивших в помощь голодающим", "адресную помощь детям", "действенную агитацию по усилению притока добровольных пожертвований". Даже этот маленький факт характеризует поэта как истинного гражданина-демократа, противника всякого рода насилия и ненависти.

И еще. Возможно, не самая главная и неизвестная черта нашего знаменитого земляка - он обладал исключительно красивым почерком. Подпись под документами, несколько коротеньких деловых записок, в

том числе в редакцию газеты “Бостандык туы”, редактором которой незадолго до этого был он сам, характеризуют его как человека аккуратного и делового.

АЛАШТЫҢ АБЗАЛ АЗАМАТЫ, АҚЫНЫ

Қайролла Мұқанов

Мен мұңдымен мұңдастым,
Адассам, ел деп адастым...
Жырладым елді жалпылай,
Жасырмай жүзді жоқтадым.

Қазақтың біртуар ұлы, қазақ әдебиетінің XX ғасыр басындағы жарық жұлдыздарының бірі – Мағжан Бекенұлы Жұмабаев. Өмірі мен өлеңдері аңызға айналған ақынның аты соңғы жарты ғасыр бойы айтылмай, аталмай келді. Сондықтан кейінгі буын бұл ақынды білмей, оның олеңдерін оқымай өсті. Өйткені оның кітаптары аузы ашылмайтын құлыптаулы сандықта сарғайып, тозып жатты; оның атын атауға да, кітаптарын оқуға да тыйым салынған еді. Ақын бір кездегі ақты қара, қараны ақ деп түсіндірген зорлық-зомбылық дәуірдің құрбаны болған еді.

Сонда бұл Мағжан Жұмабаев кім, қандай еңбегімен аты шыққан, не себептен оның атын атауға, шығармаларын оқуға тыйым салынған. Ол өзінің “Мен кім?” деген өлеңінде озін былай таныстырады:

Арыстанмын, айбатыма кім шыдар,
Жолбарыспын, маған қарсы кім тұрар.
Көкте - бұлт, жерде - желмін гулеген,
Жер еркесі- желдің жөнін кім сұрар...

Жалынмын мен, келме жақын, жанарсың,
Тұлпармын мен, шаңыма ермей қаларсың.
Күл болсын көк, жемірілсін жер, уайым жоқ,
Коз қырымен күліп қана қарармын...

Мен олмеймін, менікі де олмейді,
Надан адам олім жоғын білмейді.

Өзім- патша, өзім- қазы, өзім- би,
Қандай ессіз не қылдың деп тергейді?

Жалынмын мен, келме жақын, жанарсың,
Тұлпармын мен, шаңыма ермей қаларсың
Күл болсын көк, жемірілсін жер, уайым жоқ
Көз қырымен күліп қана қарармын...

Мен өлмеймін, менікі де өлмейді,
Надан адам өлім жоғын білмейді.
Өзім - патша, өзім - қазы, өзім - би,
Қандай ессіз не қылдың деп тергейді?

Мұндағы "Мен өлмеймін, менікі де өлмейді" деген ақын сөздерінің көрегендінен айтылғанын өмір дәлелдеп отыр 60 жылдан аса уақыт бойы деспотизм ақын үнін шығармай тұмшалап келсе де, енді естіліш, ақыры жалгастық тапқаны шындық.

Осы асқан романтикалық асқақ шумақтардан ақынның өз күшіне, өз талантына, өз тағдырына кәміл сенгенін байқаймыз. Ол өзінің асыл сөздерінің ардақты иесі бар екенін, ол иесі - ақыл-парасатты, үлкен жүректі туған халқы екенін білген сол туған халқына арнаған "Жан сөзі" деген әйгілі өлеңінде (1920ж.):

Қазақ елі, бір ауыз сөзім саған:
Болғайсың, сыншы болсаң әділ сыншы,
Кінәні жүрекке қой, қойма маған, -
деуінің төркіні де сонда жатыр.

Ақынның өмір жолына қысқаша шолу жасасақ: Мағжан Бекенұлы Жұмабаев 1893 ж. 25 маусымда бұрыңғы Ақмола губерниясының Петропавл уезіндегі Полудин болысында (қазіргі Солтүстік Қазақстан облысы Булаев ауданы Мағжан Жұмабаев атындағы совхоз) Сасықкөл деген көлдің жагасында әулетті от басында туған. Ол төрт жасында ауыл мұғалімінен оқып сауатын ашады. Баласының оқуға зиректігін көрген әкесі оны 1905 ж. Қызылжар қаласындағы медресеге оқуға береді. Бұл медресені Стамбул университетін бітірген, араб, парсы, түрік тілдерін еркін меңгерген жергілікті білімді

интеллигент сол кезде 38 жастағы Мұхаметжан қажы басқарған. Ол аталған тілдерден әрі шығыс халықтары тарихынан сабақ берген. Мағжан бұл медреседе араб, парсы, түрік тілдерін меңгеріп, сол тілдерде шыққан шығыс әдебиетінен және шығыс елдерінің тарихымен танысады. Оның ақындық таланты да осы жылдары ояна бастайды. Бұған оның 1910 ж. мамыр айында осы медресені бітіріп Сасыққөлдегі ауылына келе жатқанда шығарған "Айда атыңды, Сәрсембай" деген өлеңі дәлел.

Сол 1910 жылдың күзінде, медресені үздік бағамен бітірген Мағжан, озінің ауылдасы, әрі медреседе бірге оқыған досы, талапкер жазушы (СССР халық артисі Ермек Серкебаевтың әкесі) Бекмұқамбет Серкебаевпен бірге Уфа қаласындағы атақты "Ғалия" медресесіне барып оқуға түседі. Бұл сол кездегі мұсылмандық бағыттағы жоғары оқу орны болатын. Мұнда Мағжан, медресенің жетекшісі Сәлімгерей Жантуринмен, медреседе сабақ беретін ұстаз, белгілі татар жазушысы Ғалымжан Ибрагимов, қазақтың ұлы жазушысы Бейімбет Майлинмен, болашақ башқұрт жазушысы Сайфи Құдашпен, т. б. танысады.

Мағжан бұл медреседе көп оқымайды. Оның білім деңгейін және ақындық талантын байқаған Ғалымжан Ибрагимов: "Мұнда енді сен оқитындай оқу жоқ, сен білімнің жолын басқа жерден изде",- деп, ақыл береді. Кейіннен осы Ғалымжан Ибрагимов озінің көпшілікке таныс "Қазақ қызы" атты романына Мағжанның "Айға" деген өлеңінің мына бір шумағын эпиграф қып алады:

Кең дала, көресің ғой ана жатқан,
Жібектей жасыл шөптер бетін жапқан.
Асқар тау, балдан тәтті сулары бар,
Әне сол анам еді мені тапқан.

Бұдан соң Мағжанға ұстаз болған – оның аға замандасы, сол кездің өзінде атақты "Оян, қазақ!" атты жинағы шыққан қазақтың белгілі ақыны, публицисі, қоғам қайраткері Міржақып Дулатов. Ол бір қыс бойы Мағжанға орыс тілін үйретеді, орыс және шет ел ақындарының олеңдерін аударттырып, орыс әдебиетінің және тілінің нәрімен

сусындатады. Бұл Міржақыптың "Оян, қазақ!" кітабы үшін қуғынға түсіп Қызылжарға келіп паналаған кезі болатын. Осы кезде өзінің ағасы Асқарға жазған бір хатында Міржақып былай дейді:

"... Осы қалаға келгелі орысша оқытып жүрген шәкіртім, Мағжан Жұмабаев сынды ақыным бар. Оның менен жасы кіші, жазған өлеңдері тамаша, ақындығы күшті, өте дарынды жігіт. Екеуміздің өмірге деген" көзқарасымызда айырмашылық жоқ десем де болады, сырласып, достасып кеттік"

Осы кезде Мағжанға Орынборда Ахмет Байтұрсынов пен Міржақып Дулатов шығарып тұрған "Қазақ" газетінің де ықпалы зор болған. Ол өзі де бұл газет жұмысына белсенді ат салысқан, өлеңдері мен мақалаларын бастырып тұрған.

1909 жылы Петербург пен Уфа баспаханаларынан қазақ даласын дүр сілкіндірген үш кітап шықты. Олар: Абайдың өлеңдерінің алғашқы жинағы, Ахмет Байтұрсыновтың "Қырық мысалы", Міржақып Дулатовтың "Оян, қазағы!" еді. Мағжан, әрине, бұл кітаптардың бәрін оқыған.

1912 жылы Қазан қаласында Мағжанның "Шолпан" атты тұңғыш өлеңдер жинағы басылып шығады. Оны шығаруға Ғалымжан Ибрагимов көп көмек көрсеткен. Бұл жинақтағы өлеңдер өзінің соны сөзімен, қазақ поэзиясындағы жаңа өрнегімен көзге түседі. Мағжанның бұл кітабы қазақ поэзиясында 1909 жылы шыққан Абай жинағының жалғасындай әсер етті.

Мағжан осы жинағында ұлы ақынға арналған "Алтын хакім Абайға" өлеңін жариялаған. Бұл өлеңде жас Мағжанның бәрінен бұрын ойға көбірек көңіл бөлгені көрінеді:

Ай, жыл өтер, дүние көшін тартар,
Өлтіріп талай жанды, жүгін артар.
Көз ашып жұртың ояу болған сайын,
Хакім ата, тыныш бол, қадірің артар.

- деп Абайдың ұлылығына бас иеді, оның жыл өткен сайын қадірі арта беретінін көрсетеді.

1913 жылы Мағжан Омбы қаласындағы оқытушылар дайындайтын семинарияға оқуға түседі. Онда ол Сәкен

Сейфуллинмен танысады. Мұнда ол орыс әдебиетімен кеңірек танысады. Сонымен қатар ол халқының сол кездегі мүсәпір күйге түсуінің себебін де түсінеді, көп нәрсеге көзі ашылады. Қазақты жан-жағынан қысып еркін бермей, тұншықтырып отырған патша өкіметіне көзі жетеді. Өз алдына ел болмай, халықтың бордай тозып быт-шыты шығатынын сезе бастайды. Сонда да болашақтан үміт күтеді. Сонымен бірге халқының өткен күндеріне де көз тігеді. Сонау қантөгіс жорықтарға толы хандар мен бектер дәуірі оған нағыз еркіндік заманындай көрінеді. Ол кезде қазақтар өзімен-өзі болып, бұлғақтап өмір кешкендей болады. Ақын қиялы өткен күндерді шарлайды, жаралы жүрегіне содан тағат іздейді. 1913 жылы жазған "Орал тауы" атты өлеңінде:

Бір күнде сенің иең түрік еді,
Орын ғып көшіп-қонып жүріш еді.
Қорықпайтын таудан-тастан батыр түрік,
Қойныңа жайыменен кіріп еді.

Ер түрік ен далаға көрік еді,
Отырса, көшсе, қонса-ерік еді.
Тұрғанда бақыт құсы бастарында,
Іргесі жел-күн тимей берік еді.-

- деп ақын түрік елінің біртұтас болып тұрған кезін еске түсіреді. Бірақ өткен қайтып келмейтінін білген ақын енді өз заманын ойлап, елдің қамын жейді. Ол азаттық жолын өз халқының ұмытылатын, араласатын, аяусыз күреске түсетін шаруасы деп біледі.

Мезгілше мейлі келсін, тісі батсын,
Сұр жылан өзі оятсын, қатты шақсын.
Жаңадан жолбарыстай ұмтылармыз,
Көрелік төңіректі, тек таң атсын!

"Есімде... тек таң атсын!"- деген өлеңіндегі осы бір сөздер Мағжанның нағыз әлеумет ақыны бола бастағанының белгісі еді. Патша өкіметін сұр жыланға теңей отырып, сол жылан қазақты қатты шаға түссе, қазақта қарсы қимылдар еді, бостандыққа ұмтылар еді дегенді айтқысы келген. Бірнеше

ғасыр бойы елін тонап елдігінен, еркінен айырған, сонан соң дінінен, тілінен айырмақ болып отырған өкіметті ақын жүрегі қабылдай алар ма? Сондықтан да ол аяқ-қолы шырмалған туған елін бейғам отырмауға шақырады.

Қарманбай, қарап жатып бақ күтуге,
Ізденбей, аласұрып, тақ күтуге.
Тағдырда бір тақтайға жазулы деп,
Әр іске, кім үйретті, шақ күтуге?-

деп өзіне де, жұртқа да сұрақ қояды. "Дін үйреткенге" деген өлеңінде ол болмыстың осындай қасіретті құбылысын айтып қана қоймай, күреске шақырады:

Жоқ енді, жату болмас бос еңбексіз,
Жалбарып: "Жасаған!"- деп жас төкпеспіз.
Өзің де, сөзің де кет бізден аулақ,
Жаны олген, жүрегі өлген, мүндар кексіз.

- деп дін үйреткен молдалардың патша өкіметінің езгісіне шыдау керек деген үгітін сынай отырып, одан әрі:

Біз жаңа көрдік таңның желі ескенін,
Салқынмен сескендірмек боп ескенін.
Сылдырлап су, сыбдырлап жапырақтар:
"Есінді жи енді, алаш, тұр!"- дескенін,-

деп халқын оянуға, есін жиып, күреске шығуға үндейді.

1916 ж. маусым айындағы патша жарлығы бұрын әскерге алынуды білмеген қазақтарға аспан айналып жерге түскендей, дүние төңкерілгендей әсер етті. Осы оқиға әсерімен Мағжан "Орамал" атты өлеңді жазды:

Солдатша сымдай киініп,
Шекпені оның сұр ма екен?
Күрегіне сүйеніп,
Суықта жаурап тұр ма екен?

Жатқан шығар ор қазып,
Жауға ма, әлде өзіне?
Бұрыла алмай бой жазып,
Қайғы шығып жүзіне,-

деп соғысқа сүйген жарын аттандырып, артынан күтіп қалған жас келіншек атынан сөйлейді.

1917 ж. патшаны құлатқан ақпан революциясын басқа қазақ зиялылары сияқты Мағжан да қуана қарсы алды. Нағыз таң атты деп есептеген Мағжан сол жылғы жаз айларында құрылған "Алаш" партиясы басшыларының Қазақстан Россия федерациясы құрамында автономия алуы тиіс деген болжамына елікті. "Алаштың" құрылтай съезінде Мағжан оқу комиссиясына мүше болып сайланады.

Сол 1917 ж. ақпан айында Мағжан Қызылжар қаласында тұратын Шоқан Тастеміровтың қызы Зейнепке үйленеді. Бірақ көп ұзамай Зейнеп 1919ж. 10 ақпанда қайтыс болды. 9 айдан кейін одан туып қалған Граждан атты баласы да қайтып кетеді. Мағжан сол кезде оларға арнап озінің "Баланың қабір тасына" атты өлеңін шығарған.

1917ж. жазда Мағжан 24 жасында Омбының мұғалімдер семинариясын алтын медальмен бітіреді. Ол "Алаш" басшыларының өзіне тапсырған істерінен еш нәрсе өндіре алмады. Азғана қазақ оқығандарының басы бірікпеді. Бірімен бірі билікке таласты. Ақыры "Үш жүз" партиясы 1917 жылдың 19 қазаны күні Мағжанды абақтыға жапты.

"Үш жүздің" түрмесінде Мағжан 1918ж. мамыр айына дейін отырған. Осы түрмеде отырып ақын шешесі Гүлсімге, нағашы қарындасы Ғазизаға, әйелі Зейнепке арналған және басқа да бірнеше мұнды өлеңдер жазған.

Қазан революциясы күндері Мағжан, өзінің айтуы бойынша, сахнада не болып, не қойып жатқанын түсінбеген. Түрмеден ол Чехословак лаңы кезінде босайды. Абақтыдан шығысымен ол ауылын сағалайды. 1918 жылдың аяғында қылышынан қан тамған Колчак үкіметі дүрілдейді. Адмирал Колчак "Алаш Орда" үкіметін мойындамады. Қазақ автономиясы дегенді естігісі де келмеді, тек "Алаш Орданың" күшін өз мақсатында пайдалануды көздеді. Елдің бөстандық аламыз деген үміті күл-талқан болды. Қазақ басына түскен жаңа қасіретті Мағжан жаны күйзеле отырып мойындады. Осы кезден бастап Мағжан бұрынғы көзқарасынан айниды. Оның бір үлкен дәлелі Мағжанның өзі Ташкентте шыққан өлеңдер жинағында арнайы сілтеме жасап, 1918 ж. "Сібірде реакция кезінде жазылды" деген "Бөстандық" атты өлеңі.

Колчак қуылып, үкімет тізгінін большевиктер алғаннан кейін "Алаш" үкіметі таратылады. 1919ж. 4 сәуірде Бүкіл

Ресейлік Атқару комитеті (ВЦИК) "Алашорда" партиясының басшыларына кешірім жасайды. "Алаш" партиясы басшыларының бірі Ахмет Байтұрсынов РКП (б) қатарына кіріп, Орынборда сайланған алғашқы қазақ үкіметінің мүшесі, оқу-ағарту халық комиссары болады. Әлихан Бөкейханов Мәскеуге қызметке шақырылады. Омбыда мұғалімдер курсын басқарған Мағжан Жұмабаев Ақмола губерниялық "Бостандық туы" газетіне редактор болып тағайындалады әрі Қызылжарда мұғалімдер курсында қазақ тілі мен әдебиетінен және педагогикадан сабақ береді.

Мағжан жаңа өмірге белсене араласады. Олең-жырмен шектеліп қалмай, өмірдің әр саласын қамтитын мақалалар жазады. "Бостандық туы" газетінде оның "Бірінші май мейрамы", "Сайлау", "Жазылашақ оқу құралдары һәм мектебіміз", т.б. мақалалары жарық көреді. Сонымен қатар сол кезде Қызылжарда ашылған "қазақ-татар клубында" жиналған қазақ-татар жастарына өзінің жаңа өлеңдері мен дастандарын оқиды. 20-шы жылдары Мағжан махаббат тақырыбына арналған көптеген тамаша лирикалық олеңдер жазған.

Бірақ сол кездегі таптық күрес белсенділері бұл байдың баласы, кедейлерге қарсы, "Алашорданың" белді мүшесі деп Мағжанды бұл қызметтерінен тайдырады. Амалы таусылған Мағжан сонда да халқына кызмет істеу үшін жұмыс іздейді. Ақыры ол сол кездегі аштықтың салдарынан күн көрісі қиындаған жандарға көмектесетін ұжымға қызметке кіреді. Бұл туралы деректер осы 1997 жылдың басында Солтүстік Қазақстан облыстық архивінен табылады. Онда ақынның Ақмола губерниялық ашыққандарға көмек көрсету ("Пом.гол") төтенше комиссиясы төрағасының орынбасары қызметін атқарғаны жөнінде мандаты табылады. Оның берілу уақыты - 1922 жылдың 1-ші шілдесі. Онда барлық кеңестік мекемелер мен лауазымды адамдардың осы құжат иесіне баратын жеріне еш кедергісіз жетуіне және оған тапсырылған жұмыстың ойдағыдай орындалуына барынша қолдау көрсету қажеттігі жазылған. Осындай мандаттар басқа да көптеген адамдарға беріліпті. Соның алтауына Мағжан Жұмабаев өзі қол қойыпты. Соның бірі кейінгі республика басшылығында істеген, сталиндік кезі-

нде “Халық жауы “ ретінде атылған Нығымет Сырғабековке ақын қолымен берілген.

1921 жылы Мағжан Көкшетауға келіп Бурабай төңірегін аралайды, Ақан серінің өмір тарихына арналған материалдар жинайды, ”Оқжетпестің қуысында” деген поэмасын жазады.

1922 жылы Мағжанның “Шолпаннан” кейінгі екінші өлеңдер жинағы Қазан қаласында, ”Педагогика” атты ғылыми еңбегі Орынбор қаласында басылып шығады. Сол 1922 жылы Мағжан белгілі қазақ-совет қайраткерлері Нәзір Төреқұлова мен Тұрар Рысқұловтың шақыруымен Ташкентке қоныс аударады. Мұнда ол оқу-ағарту халық комиссары Сұлтанбек Қожановтың көмегімен қазақ оқу-ағарту институтына оқытушы болып орналасады, әрі қазақ-қырғыз білім комиссиясына мүше болып сайланады. Сонымен қатар ол Түркістан Компартиясы Орталық комитетінің органы “Ақ жол” газетінде істейді және Ташкентте сол кезде шығып тұрған “Шолпан”, ”Сана” журналдарының жұмысына да белсене араласады. Ташкентте Мағжан Мұхтар Әуезовпен танысады.

1920-1927 жылдары Мағжан Жұмабаев творчествосы ең шырқау биігіне көтеріледі. Атақты “Батыр Баян” поэмасы осы Ташкент қаласында дүниеге келеді. Осында Түркістан мен сыр циклдары жазылды. Ақан сері, Базар жырау, Абуәәкір Диваев туралы мақалалары жарық көреді. Осы кездері оның Кольцовтан, Горькийден, Лермонтовтан, Гетеден, Гейнеден, Феттен, Мамин-Сибиряктан, т.б. жасаған аудармалары, әр түрлі педагогикалық еңбектері басылып шықты. 1923 жылы ақынның үшінші өлеңдер жинағы Ташкентте жарық көрді.

Мағжан жаңа өмір көшіне 1924 жылы “Ақ жол” газетінде басылып шыққан “Қызыл жалау” өлеңін тудай желбіретіп қосылды.

-Жалынды жалау кімдікі?
Тұрағы тарғыл тас қия
Жалындай жалау сонікі,
- Ендеше, қазақ, сенікі!

Қанай жас жалау кімдікі?
Кімнің ұлы құс болса,

Қанай жалау сонікі,-
Ендеше, қазақ, сенікі”-

деп ақын қазақ елін тапқа болмей тұтас ұлт ретінде алып, өз ұлтының бостандық туына ие болғанын қуана паш етеді. Ол жаңа өмір өркендеуіне шын жүректен қуанды. “Жердің жұмырлығы”, ”Алатау”, “Оқудағы қарындас”, т.б. өлеңдерінде ауылдағы жақсылық, жаңалықтарды жырлады.

Осы жылдары ақын балаларға арнап көптеген әдемі өлеңдер жазды. Революция тақырыбына “Өтірік ертек”, “Шын ертек”, (“Жүсіп хан”) поэмаларын туғызды. Етектен тартқан ескілікті шенеді. Жаңаны тек жаңалығы үшін мақтай бермей, оған да сын көзімен қарады. Қаланың демалысы, от-түтін жайын сынады. Кең сахараның жұпар иісін сақтап қалуға шақырды. Экологиялық мәселені биік моральдық, адамгершілік өресіне көтерген жазушы ол кезде кемде-кем екенін ескерсек, Мағжанның ақындық жүрегінің алғырлығына тәнті боласың. Бұл мәселе өсіресе ақынның “Айда атыңды Сәрсембай”, т.б. өлеңдерінде орын алған. “Шойын жол” деген өлеңінде ақын ұлттың озық дәстүрлерін сақтап қалу проблемасын көтереді. Ол темір жолға, жалпы урбанизацияға қарсы еместі. Тек поезд өткен жерде ата-баба мирасынан айырылып қалмайық деп сақтандырады.

Бұл жылдары Мағжан сол кездегі өмірді ғана жырлап қойған жоқ. Ол сонымен бірге, өткен күн өрнектерін естен кетпес ертек етіп тамылжытып, тарихтың қиын кезеңінде алаштың ала туын котерген хан Абылай, батыр Баян, Қайсар Кенесарыларды асқақтата жырлады. Мұның басты себебі - ақын 20-шы жылдары бастан кешкен аласапыран заман сипатында жатыр. “Баян Батыр” дастанында ол:

“Жүрегім, мен зарлымын жарлыға,
Сұм өмір абақты ғой саналыға.
Қызыл тіл, қолым емес, кісендеулі,
Сондықтан жаным күйіп жанады да.
Қу өмір қызығы жоқ қажытқан соң,
Толғанып қарауым сол баяғыға,”

- деп жазып еді.

Ақын отаршылдық езгі мен надандықтың темір құрсауында, азаматтық соғыстың алапатында қырылып,

құрып бара жатқан алаппы үшін арыстан Абылай мен батыр Баяндарды үлгі етеді. Халқы тап болған тығырықтан шығар жол ерлік күресте, тәуелсіздікте, туысқан халықтардың бірігуінде деп біледі.

Болып жатқан шытырман, қайшылықты өмір шындығына көңілі толмаған ақын қазақ тарихынан рухына медет боларлық мысал іздейді. Сонда оның ойына XVIII ғасырда жоңғар жаулаушыларына қарсы ел бастап, ерлік корсеткен батырлар Бөгенбай, Қабанбай, Жәнібек, би Қазыбек, хан Абылай есімдері түседі. Ақын олардың өз заманында ел ұйтқысы бола білгенін, қазақ халқының тәуелсіздігі үшін жан аямай күрескенін мадақтайды.

Мағжан қазақ халқының бағытқа жетер жолы тек ұлттық тәуелсіздікке, өз тағдырын өзі шешетін жағдайға жету деп біледі. Оның ертедегі ерлер істеріне қайта оралып келе беретін себебі осыдан.

Күңіреніп ойлағанда Алаш жайын,
Жанымды орай берді ұлы уайым.
Кеудеме күннің нұры толғандай боп
Жырлаймын алты алаштың Абылайын.

Арсыға асқандайын тәуеп қылсам,
Кебедей Абылайдың Бурабайын.
Күңренген жырым менен мен разымын
Алаштың жоқтай білсем Баян-айым.
Жырлаймын, күңренемін өткенді ойлап,
Кеудеме ұлы уайым толған сайын, -

деп толғанады Мағжан "Батыр Баянда". 1923 ж. Ташкенттегі қазақ ғылым білім комиссиясының жолдауымен Мағжан Мәскеудегі жаңа ашылған әдеби-көркемөнер институтына оқуға түседі және Ағарту халық комиссары А. Луначарскийдің шақыруымен астанадағы күншығыс еңбекшілерінің университетінде сабақ береді. Сонымен қатар Нәзір Төреқұлов басқарып отырған күншығыс баспасында редактор болып қызмет істейді.

Мәскеуде болған 3,5 жылда Мағжан орыс және Батыс Европа әдебиетін терең зерттеп оқиды. Әдебиет-көркемөнер институтының сол кездегі басқарушысы Валерий Брюсовпен бірнеше мәрге кездесіп әңгімелеседі. Брюсовта Мағжан

өлеңдерімен танысады. Ол Мағжанды "қазақтың Пушкині" деп тегін айтпаған. Мағжан ертеректе өткен Бердяев, Соловьев секілді орыстың қиялшыл философтарының көзқарастарымен танысып, өзінің ойлау шеңберін, шеберлік жолындағы ізденістерін соны да күрделі жолға салып алады.

Бірақ Мағжанды көреалмаушылар оны Мәскеуде де тыныш қоймады. 1924ж. қарашаның 24-ші күншығыс еңбекшілері университетінің қасында ашылған "Жерлестік" атты студенттер ұйымының жиналысы Мағжан Жұмабаевтың 1923 ж. Ташкентте басылып шыққан өлеңдер жинағын талқылайды. Оған жинақтың авторы шақырылмайды.

Жиналыс "Мағжан өлеңдерінің көбінде өткенді көксейді, ескілікті іздейді, ұлтшылдықты жырлайды, озімшілдік, менмендікті дәріптейді" деген сындар айтып, Мағжанның өлеңдері "бұдан былай... газет, журнал бетіне тексерусіз басылмасын" деген қаулы қабылдайды. Сол кездегі "Еңбекші қазақ" газетінде сол "Жерлестік" жиналысының есебінен бастап жыл бойы /1925ж./ Мағжанға қарсы материалдар жарияланады. Осы кезден бастап-ақ ҚазАПП басшылары Мағжанға қарсы ұйымдасқан түрде шабуыл бастайды. Құлаш-құлаш мақалалар жазылып, оған ұлтшылсың, түрікшілсің, байшылсың, өзімшілсің деген айыптар тағыла береді.

Осындай жағдайда 1927ж. жазда Мағжан Мәскеудегі оқуын бітіреді. Ол Қазақстан астанасына келгісі келіп сол кездегі Республика партия ұйымының басшысы Голощекинге хат жазады. Бірақ Мағжанға еш қандай жауап берілмейді. Мағжан өз туған жері Қызылжарға келіп, ондағы қазақ педагогикалық техникумы мен совет-партия мектебінде алма кезек дәріс беріп жүреді.

Сол 1927 ж. 17 тамызда "Еңбекші қазақ" газетінде Мағжанның "Тоқсанның тобы" атты поэмасы басылып шығады. Бұған дейін Мағжан өлеңдерінде барлық қазақ ұлтына жаны ашып, барлық қазақты отаршылдыққа қарсы күреске шақыратын. Мәскеуде 3,5 жыл болып келген ақын совет үкіметінің ыңғайына көшіп халықтың көпшілігін құрайтын кедейлер жағын қолдайтынын білдіреді. Бұл поэмасында Мағжан оларды тоқсан деп, азын-аулақ байларды онға теңейді.

“Жырладым елді жалпылап,
Жасырман жүзді жақтадым,
Тоқсанға енді тоқтадым,
Толғанып, ойлап, талқылап...
Тоқсаннан сонау он аулақ,
Сонау оннан мен аулақ,
Мен тоқсанмен біргемін”-

деп ақын кедейлер жағына шыққанын көрсетеді. Бірақ тағдыр оны бұл беталысымен қалам тартуға жазбады. Ел басын сталинизмнің қара бұлты торлай бастады. Оның көлеңкесі алдымен Мағжан сынды маңдай алды боздақтарға түсті. Оған себеп те табылды.

Мағжан Мәскеуде оқып жүргенде “Алқа” деген әдеби үйірме ұйымдастырған болатын. Бұл 1925 ж. болатын. Содан төрт жыл өткен соң осы ұйым “контрреволюция ұясы” болып шыға келеді. Сол жаламен Мағжан 1929ж. шілденің басында Қызылжар қаласында тұтқындалып, алдымен Алматыға, одан Мәскеуге жөнелтіліп, сондағы “Бутырка” түрмесіне қамалады. Сондағы оған тағылған айыптар: ұлтшыл, байшыл, еңбекші халыққа жау, және контрреволюциялық ұйым құрды дегендер. Басқасын былай қойғанда оның “Тоқсанның тобы” мен “Толғау” сияқты еңбекші халықты, кеңес үкіметін жақтаған соңғы шығармалары шын жүректен емес көзбояушылық ретінде жазылған деп танылып мансұқталды. Мұндай пәлелердің жабылуы Мағжанға оңай соққан жоқ. Бұл оған енді барар жер, басар тауың қалған жоқ дегенмен бірдей еді. Совет тақырыбына беттеуге жолы кесілген Мағжан сол уақыттағы тұйыққа тірелген жайын 1929 ж. абақтыда тергеушіге берген жауабында былай сипаттайды:

“... К моему несчастью я жестоко был отвергнут тогдашними погододелателями в казахской литературе, впоследствии оказавшимися настоящими подлецами... Меня буквально парализовала поднятая этой кучкой в печати кампания...”

1930ж. 4-ші сәуірде Мағжан ОГПУ коллегисының қаулысымен РСФСР қылмыстық кодексінің 58-ші статьясының 10-шы және 11-ші баптары бойынша 10 жылға Карелияға жер аударылады.

Әйтсе де Мағжан түбінде әділет жеңетініне сенді, ізденді, күресті. Алыстағы Карелиядан әйелі Зылиқа арқылы Максим Горькиге ақтығын айтып хат жолдады. Сөйтіп, ұлы жазушының және оның әйелі Е.П. Пешкованың көмегімен қамаудан мерзімінен бұрын 1936 ж. босанып шықты.

Абақтыдан босанып келгесін Мағжан Қызылжардағы № 5 орыс орталау мектебінде орыс тілі мен әдебиетінен сабақ береді. Ақын шын көңілден совет еліне қызмет етпекке барын салады. Осы ниетімен не күш туса да айнымаймын деп "Қаламыма", "Жамбылға" деген өлеңдер жазады. Бірақ оған НКВД маза бермейді. 1937ж. қаңтар айының басында оны мектепте істеп жүрген қызметінен шығартып жібереді.

Енді оны ешбір мекеме жұмысқа алмайды. Әбден қысылған Мағжан 1937 ж. 20 ақпан күні Алматыдағы Сәбит Мұқановқа озінің қиын жағдайын айтып, астанаға баруды ойлап отырғанын білдіреді. Сәбең Мағжанға келіңіз деп жауап қайырған. Алматыға келген Мағжан мен Зылиханы Сәбит Мұқанов қарсы алады /1937 ж. наурыз айында/. Мағжан мен Зылиқа Сәкен Сейфуллиннің үйінде де қонақ болады. Бірақ бұл кезде Алматы да сталиндік қуғын-сүргін ісі бастайды. Мағжанды жұмысқа ешбір мекеме алмайды, алған күнде, кешікпей сенімсіз адам деп шығарып жібереді. Сол жылғы 24 қыркүйекте Сәкен Сейфуллин тұтқындалады. Сәбит Мұқанов 3 қазанда жазушылар одағының төрағалығынан босатылып, кешікпей партиядан шығарылады. Сондағы айыптың біреуі - "Мағжан Жұмабаевты қанаттарының астына алып, байшыл-ұлтшылдармен ауыз жаласуларын қоймай келеді" - деген жала болған.

Ақыры сол 1937 жылдың 27 желтоқсаны күні Мағжан да қамауға алынады. Ұлттық қауіпсіздік /бұрынғы Мемлекеттік қауіпсіздік/ комитетінің архивінде сақталған № 3881 Мағжан Жұмабаевты айыптау жөніндегі құпия іс 1937 ж. 30-шы желтоқсанда қозғалған. Оған тағылған айып былай жазылған: "Мағжан Жұмабаев алашордашы...1917ж. Омбы қаласында "Бірлік" ұлттық ұйымының мүшесі болған, кеңес өкіметіне қарсы күрес ұйымдастыруға қатысқан.

1922 ж. Байтұрсынов және басқалары басқарған революцияға қарсы қазақ ұлттық ұйымына жалданып кеңес өкіметін құлату үшін белсенді жұмыс жүргізді.

1929ж. революцияға қарсы қызметі әшкерленіп 10 ж. сотталды, концлагерге қамалды.

1936ж. лагерьден оралғаннан кейін ескі контрреволюциялық байланыстарын қалпына келтіріп, революцияға қарсы белсенді іс-қимылын одан әрі жалғастырды."

Ақынның тұрған үйінде жасалған тінту еш нәтиже бермесе де тағылған кінәні дәлелдейтін айғақтары болмаса да лейтенант Нұржанов жедел жауап алуға кірісіпті.

"Сұрақ: Сіз Қазақстандағы Кеңес өкіметіне қарсы ұлттық ұйымның мүшесі ретінде және оның тапсырмасы бойынша белсенді контрреволюциялық жұмыс жүргізгеніңіз үшін тұтқындалып отырсыз. Сіз өзіңіздің осы кінәңізді мойныңызға аласыз ба?

Жауап: Бұл орайда мен өзімді кінәлімін деп санамаймын." Тергеуші мен ақын арасында болған алғаш әңгіме осындай. Бір таңқаларлығы арада бір апта өткеннен кейін 1938 ж. қаңтардың 6-сында Мағжан Жұмабаев Қазақ ҚССР-нің ішкі істер халық комиссариатына өтініш жазып, өзіне тағылған барлық айыпты мойынына алатынын, 1919-1929 жылдар аралығында Бөкейхановқа жалданып Жапонияның пайдасына шпиондық жасағанын мәлімдепті. Осы айтылганды ақпанның 16-сы күні жауап алу кезінде де рас тапты. Әрине, бұл "мойындау" жәйдан-жәй емес, күшпен мойындатқан деуге болады.

Сөйтін, ақын НКВД комиссиясы мен КСРО прокуратурасының 1938 ж. 11 ақпандағы шешіміне сәйкес кеңес өкіметіне қарсы және шпиондық қызметі үшін ату жазасына кесіліп, үкім сол жылы наурыздың 19-ы күні орындалған. Осылай талайдың басын жұтқан зұлымдық заманның қолшоқпар қанішерлері дегендеріне жетіп тынған. Ақынға тағылған кінә мүлде дәлелденбеген. Мағжан Жұмабаевтың тағдырының қайғылы аяқталуына әкеліп соққан үкім азап пен мазаққа төзе алмай морт сынған ақынның өз мойындауына ғана негізделген. Мағжанды соңғы рет 20 ақпанда тергеген, тергеу хаттамасына қол қойғызып алған. Ал, ату туралы үкім 11 ақпанда, яғни сотқа дейін ақ-қарасын айырады-ау деген тергеу ісінен аттай 9 күн бұрын шығарылып, әзірленіп қойылған. Яғни тергеу аяқталмай тұрып үкім шығарылған. Екіншіден, Мағжан Жұмабаевтың ісі я сотта, я

болмаса үштік мәжілісінде қаралмапты. Іс құжатының соңына тілдей қағаз тіркелген – бұл атылу туралы акт: "Жұмабаев Мағжан Бекенұлы, № 377 хаттаманың қаулысы бойынша үкім жүзеге асты. 1938 ж. 19 наурызда атылды",- делінген. Кіші лейтенант Гайковичтің қолы. Сөйтіп, Мағжан Жұмабаевтың өмірі 45 жасқа жетпей қиылған.

Қайғы-қасіретке толы сол жылдар сияқты, ақынның ақталып халқына қайта оралуы да оңай болған жоқ. Бұл ретте 1959 ж. тамыз айында қозғалған № 4998-ші істің сыры аз емес. Бұл істің қозғалуына себепші болған ақынның жары Зылиха. 1959 ж. ол кездегі СССР министрлер Советінің төрағасы Н.С. Хрущевке хат жазады озінің жұбайы Мағжан Жұмабаевты ақтау туралы. Осы хаттың нәтижесінде 1960 жылдың шілде айында Түркістан әскери округінің әскери трибуналы ақынның ісін қайта қарап, оған тағылған айыптардың дәлелсіздігін ескеріп, оны ақтап шығарған. Бірақ бұл жолы да ақын толық ақталмайды. М. Жұмабаевтың шығармашылығымен танысу мақсатында Қазақ КСР Ғылым академиясының тіл және әдебиет институты мен Қазақстан жазушылар одағы ғалымдар мен жазушылардан топ құрады. Оған алты кісі кірген. Төрағасы Қазақстан жазушылар одағының хатшысы Ә. Тәжібаев. Бұл топ 1960 ж. мамырдың 19-нда "оте құпия" түрде Мемлекеттік қауіпсіздік комитетіне былай деп хабарлаған: "Сіздердің өтініштеріңіз бойынша жазушылар мен әдебиетшілердің бір тобы 1938ж. сотталған Мағжан Жұмабаевтың әдеби мұрасымен үстірт танысып шықты... Артында қалған жырларына келетін болсақ, тұтас алғанда өзінің идеялық негізінде буржуазиялық, ұлттық, демек контрреволюциялық сипатта болған". Осылай арнайы топ 1938 ж. НКВД қызметкерлері ойлап тапқан айыпты еш қиналмастан дәлелдеп тастаған. Бұл топтың қорытындысына тек қана қазақтың белгілі ақыны Сырбай Мәуленов қол қоймаған. Бұл ақын оз арын осылай сақтап қалған.

Сөйтіп, осы топтың көпшілігінің шешіміне сүйеніп Мемлекеттік қауіпсіздік комитеті ондаған жыл бойы қайғы жұтып, қасірет шеккен ұлы ақынның бостандыққа бұлқынған жырларына тағы да мықты құлып салып жауып тастаған. Алайда рухы күшті ақынның жырлары бұл тұтқыннан шығып

ақынды сүйген халқына қайта оралды. Бұл оралу ақынның 1988ж. желтоқсанда ақырғы рет ақталуынан кейін болды. Өзінің "Сағындым" деген түрмеден жазған олеңінде:

"Не көрсем де алаш үшін көргенім,
Маған атақ ұлтым үшін өлгенім.
Мен өлсем де, алаш өлмес, қогерер
Істей берсін қолдарынан келгенін.
Қалың елім, қалың қара алашым,
Қайраты мол, айбынды ер, алашым!
Өзі-ақ құлар сырың берме, сабыр қыл
Ақмақтар байқамаған шамасын"-

деп ұлты үшін өлімге басын тіккен ұлы ақын - Мағжан, кейінгі халқына сабырлық айтып, сұм заманның түбінде өзі-ақ құлайтынын бұдан 80 жылдай бұрын ғажайып көрегендікпен айтқан екен.

Қазіргі егемен Қазақстан халқы аяулы ақынның асыл мұрасын аса зор ықыласпен оқып, оның тамаша шығармаларынан тәлім-тәрбие алуда. Сондықтан ақын шығармалары енді ешқашан жоғалмақ емес.

Ә. АЙСАРИН

Қ. Омаров

Аға буын әке-аталарымыз тап болған 1934-37 жылғы кезең тарихта "Сталиндік репрессия жылдары" деген қаралы атауды тегін алмаған. Қазақтың сүт бетіндегі қаймағы сияқты ардақтысы да, аяулысы да, оқыған мен тоқыған коп біліктісі де, кош бастар көсемі де, соз бастар шешені де, сұрыптап алынып жіпке тізгендей "халық жауы" деген атпен ұсталып, қатарға қосылмады. Ахмет Байтұрсынов, Міржақып Дулатов, Сәкен Сейфуллин, Ільяс Жансүгіров, Бейімбет Майлин сияқты қазақ төңкерісінен кейін ел қамы үшін атқа қоған ұлы тұлғалар тобында біздің жерлесіміз Айсарин Әбдірахман барын біреу білсе, біреулер біле бермейді. Өйткені өмірдің қызығы мен шыжығын коп көрген Әбдірахман қазақ когінде жарқ етіп жанып, мезгілсіз ерте зорлықпен сондірілген азамат. Ұлтымыздың басқа да зиялы азаматтары сияқты Сталиннің жендеттері Әбдірахманды да атып

қойған жоқ, арттарында із қалдырмастай қылып, ғылыми еңбектерін, әдеби шығармаларын жойып жіберген. Екіншіден Ә.Айсарин аз жылда(сол кездегі өмірдің үрдісі солай болды емес пе?) Қазақстанның 10 шақты қаласында (облысында) қызмет істеген көрінеді. Оның бәрінен деректер жинау аса қиын. Ұлттық қауіпсіздік комитеттерінің архивінде сақталған мағлұмат өте аз және жаңсақ деректер де жоқ емес.

Облыстық ВХК архивінің Айсарин Әбдірахман туралы іс-қағазында: "ол 1900 жылы Солтүстік Қазақстан облысы, Төңкеріс ауданына қарасты Балуан колхозында туды",- деп жазылған. Бірақ Әбдірахман туғанда колхоз болмағаны белгілі, ал атақты жазушымыз Сәбит Мұқанов: "Ол екеуіміз бұрынғы Қызылжар (Петропавл) уезінің Аққұсақ болысының аралары жақын екі старшынында ол – 1898 жылы, мен 1900 ж. туғанбыз",- деп жазады. Басқа құжаттармен салыстырып көрсек, Сәбеңнің жазғаны шындыққа келеді. Әбдірахман 1898 жылы Аққұсақ болысынан Көшер ауылындадүниеге келген. Ауқатты, көзі қарақты, ел ағасы болған Көшер Айсарыұлы жасынан пысық, алғыр баласын көрші Көшебе-Керей Абылай ауылындағы молдаға оқуға береді. Әкесі әрі қарай оқытпақ ниетімен 13 жасар баласын Қызылжар қаласына жібереді, бірақ орысша оқу орындарына түсе алмай, Әбдірахман қалада біраз жүріп қалады. "Күрең-қасқа" оқиғасы, міне, сол кезде болған ғой. Көне көз қариялардың айтуы бойынша, жастықтың жалыны атқан Әбдірахманның ауыздығын шайнаған жас тұлпардай тулаған кезі. Қызылжардың бір сәнді үйінің алдында күймелі шанаға жегілген сүліктей күрең-қасқа атты жиі кореді. Елде ат құлағында ойнап өскен бала бірер қызықтап, тамашалап отіп жүреді. Бір күні туа біткен тәуекелділігі мен батылдығы бойын билеген бала аттың байлауын шешіп жіберіп, шанаға отырар-отырмастан Қызылжардан 200 шақырым жердегі аулына тартып отырған ғой. Сұлу арғымақ, келісті ат-тұрман, күймелі шана ел адамдарына таңсық. Жиналған халық баланың батылдығына, жүректілігіне таң қалады. Қақаған қыс, жынды боран, жер шалғай. Сонымен бірге аттың сұлулығына таң қалған топ бұл жылқыны малданайық десе, екінші біреулері семіздігіне қызығып сойып алайық дейді. Бірақ, бала оларға көнбей "бұл пышаққа қиятын мал емес, біраз мініп қызығын кордім, енді иесіне апарып беремін" деп қайтадан Қызылжарға аттанып кеткенін әкелеріміз айтып отыратын еді. Біздің Тұяқбай қажы ауылы Көшер ауылынан жаз жайлаулары

бөлек болғанымен, қыстаулары бір болған көрінеді. Атының қолына аман тигенін місе тұтпаған көпес, баланы сотқа беремін дегенде, ел ағасы, уезге танымал Көшебе-Керей Абылай араша түсіп, соттатпай алып қалса керек. Осы оқиғадан кейін өзін оқытқан молда (ол Уфадағы Ғалия медресесін бітірген, әдебиетке жақын Сейіткерей Мағазов деген кісі) баланың талантын, талабын ескеріп, көшерді көндіріп, Әбдірахманды Троицк мұғалімдер даярлайтын Уазифа медресесіне апарып оқуға түсіреді. Атақты ақын-революционер Баймағамбет Ізтөлин де сонда оқыған. Медресені бітіргеннен кейін ауылда мұғалім болып істейді.

1919 жылы Әбдірахман Петропавл (Қызылжар) губерниялық комсомол комитетіне инспектор болып жұмысқа орналасады. 1920 жылдың күзінде Орынборда өткен өлкелік комсомолдар съезіне делегат болып қатысып, өлкелік комитеттің мүшесі болып сайланған. Облыстық қауіпсіздік комитетіндегі жеке іспарағында 1919-1924 жылдары Петропавл, Семей, Орынбор қалаларында комсомол комитеттерінде қызметте болды деп жазылған. Бірақ, қандай қызметте, қай жылдары, қай облыста болғаны белгісіз. Ал қызметі туралы құжаттарды салыстыра отырып анықтағанымызда, комсомолда қызмет істеп жүрген Әбдірахман Әліби Жангелдин бастаған "Қызыл керуен" пойызына хатшы болып бекітілген. Бұл керуен 1921 жылы Торғай, Ақмола, Семей облыстарын аралап жас кеңес өкіметін нығайтуға үлес қосқаны белгілі. Семейде сапарын аяқтаған кезде Әбдірахманды сол уездің комсомол комитетінде жауапты қызметке тағайындап кетеді. Журналистікке икемі бар Әбдірахман сол сапарында көрген-білгенін қағазға түсіре берген екен, "сол қалың дәптер, - деп жазады Сәбең - 1937 жылы Әбдірахманды тұтқынға аланда, өзге материалдармен бірге КНБ-ның қарамағына ілініп, із-түзсіз "жоғалған" ("Әбдірахман Айсарин" Сәбит Мұқанов, Ленин туы, 1967 жыл 11-қазан).

Менің КНБ-ның табалдырығын тоздырып жүріп алған анықтама қағаздарымда былай деп жазылған: "Айсарин А. 1937 жылы 7-ші тамызда тұтқындалды. Тұтқындалу кезінде табылып, акт бойынша тәркіленген паспорты, аңшы мылтығы, оның оқтаулы патрондары (кейін ақшалай құны туыстарына қайтарылды) араб тілінде кітаптар".

Айсариннің шығармалары қазір қайда екені белгісіз. Бұл анықтамадағы араб тіліндегі кітаптар дегені араб әрпімен жазылған дүниелер болуы мүмкін, бірақ неше кітап екені,

авторлары көрсетілмеген. Сол сияқты оның шығармаларының аттары да, көлемінің қанша екені жазылмаған.

Өкініштісі сол, жазушының коп жылғы еңбектерін қалай жойып жібергендері туралы да дерек жоқ. Жолдастарының есінде аты ғана сақталған "Көн құрысса қалпына барады" деген повесі де із-түзсіз жоғалған. 1923 жылы Әбдірахман өз еліне оралып, халықсоты болып жұмыс істейді. Жазушылық, журналистік жұмыспен Әбдірахманның түбегейлі айналысуы 1926 жылдан басталды десек те болады. Өйткені 1926 жылдан 1935 жылға дейін Қызылорда, Ақмола, Алматы, Петропавл қалаларында газеттерде әрі іскер ұйымдастырушы, әрі өткір публицист ретінде халыққа танылды.

20-жылдардың басында Сәбит Мұқановтың жоғарыда айтылған мақаласына жүгінсек: "Бұл кезде Қазақстанда" "Ұшқын" атты (қазіргі Социалистік Қазақстан) газеті шыға бастаған соның сол кездегі алғашқы шығарушылары алқасында Әбдірахман Айсариннің есімі бар. Алқа мүшелері бірталай адам болғанымен негізгі шығарушылар екі-ақ адам екен, редактор – Мейірғали Алдоңғаров, секретары - Әбдірахман Айсарин. Оның "Шұға" деген қол қоятын мақала фельетондары сол кезден көзге түскен",- деп жазады Сәбең. Тағы бір тілге тиек етер дәлеліміз: Қазақстанда пролетарлық жазушылар ассоциациясы (алғашқы жазушылар одағы) Орынборда құрғандардың ішінде Әбдірахман болғандығы туралы аға жазушылардың естеліктерінде де айтылды. Сол ұйымдастырушылардың түскен фотосуреті де дәлел бола алады. Онда қазақ әдебиеті алыптарының ортасынан – С.Сейфуллин, С.Мұқанов, Ә.Айсарин, Қ.Әбдіқадыров, О.Беков, Ә.Байділдин, Х.Жүсіпбеков, т.б.- біздің жерлестеріміз орын алған. Ә.Айсарин 1932-1937 жылдары жазушылар одағының Қызылжар бөлімін басқаруы да, оның қаламы ұшқыр да өткір публицист қана емес, әдебиетке де қосқан үлесінің мол болғанын айқындай түседі. "Еңбекші қазақ", "Бостандық туы" газеттерінде жарияланған "Айжанның азабы" (1924 ж.), "Жүрек жұмбағы" (1927 ж.), "Кездес" т.б. біраз „Әңгімелері", Қазақстанның 15 жылдығына арналған жинақта жарық көрген екен. Бір топ шығармалары 1926 жылы "Жаңа әдебиет" журналында жарияланғаны табылып отыр. Әбдірахманның әдеби шығармаларын іздеп, зерттеп жүрген әдебиетшілер әзірге естілмейді, бұл болашақта қолға алынар кезек күттірмейтін істің бірі. Жас әдебиетшілердің бірі қолға алса қандай жақсы болар еді.

1930 жылдардың басында Әбдірахман ол кезде "буржуазиялық ұлтшыл жазушылар" деп аталған Мағжан Жұмабаев, Жүсіпбек Аймауытов, Мұхтар Әуезовтардың ықпалында болған. Бірақ оның бұл көзқарасы кейінірек Сәбит Мұқанов, Әбдірахман Байділдин төртеуінің "пролетарлық мәдениет бар ма?" деген пікірталас парағы шығарылуына кедергі болған жоқ. Бұл парақта Сәкеннің, Сәбиттің, Әбдірахманның шығармалары басылған. Сонымен бірге, Әбдірахман Абербахтың, Бухариннің, Троцкийдің, Ленинніің, Сталиннің шығармаларын талқылаған әдеби пікірталасын ұйымдастырғаны КНБ-дағы іс-қағазында бар екен. 1936 жылы ақпан айында Әбдірахманның ынтасымен, оның тікелей қатысуымен "жас жазушылардың теориялық білімін көтеру" үйірмесі ұйымдастырылған екен. Тілінің өткірлігі, мінезінің турашылдығы қай кезде болмасын "жердегі құдайларға" ұнай бере ме, үкімет әдебиет ұйымы басшыларын, оны 1935 жылдан журналистік жұмыстан шеттете бастаған көрінеді. Өйткені 1935 жылы Петропавлда облыстық оқу бөлімі құрылыс секторының меңгерушісі болып келуі, 1937 жылдың басынан, тұтқынға алынғанға дейін облаткомда мәдениет басқармасы бастығының орынбасары болып қызмет атқаруы соған дәлел. Бірақ ол сол жылдардың өзінде әдеби ірі шығармалар жазғаны анық. Амал қанша, өзі тұтқындалғанда бірге тәркіленіп алынған туындылар жарық көрмей жоғалып отыр. Ақталғанына 40 жыл болса да (1957ж. желтоқсанның алтысында КСРО-ның Жоғарғы Сот коллегиясы) Айсариннің әр саладағы еңбегін жинап-терш, әдеби публицистикалық шығармаларын бастыруға ешкімнің әрекет етпегені өкінішті-ақ. Саяси қуғын-сүргін көрген аяулы азаматтарды еске алу жылында жазылған осы мақала әдебиетшілерімізге ой салса екен деймін.

СРЕДИ ДЕВЯТНАДЦАТИ

Магазов К.

Тысяча девятьсот тридцать седьмой год был самым кровавым годом. Десятки тысяч рядовых рабочих, колхозников, интеллигентов, руководителей партийных, советских, хозяйственных органов Казахстана сидели в тюрьмах, многие из них уже были расстреляны без суда постановлением "тройки". Это не удовлетворило Москву. Газета "Правда" в номере за 21 сентября 1937 года опубликовала статью

своего собкора А. Пухова “На поводу у буржуазных националистов”, в которой подвергла резкой критике Л. Мирзояна, С.Нурпеисова, С. Ескараева, обвинив их в том, что “партийное руководство Казахстана не разоблачило ни одного сколько-нибудь видного буржуазного националиста”. Это дало новый импульс охоте за “врагами народа”, развязав руки НКВД республики в поисках “врагов”. Арестованы были все видные деятели культуры, такие как М.Жумабаев, С.Сейфуллин, И.Жансугуров, К.Жубанов, Б.Майлин, К.Таштитов, А.Байтурсынов и другие.

А вскоре после статьи “Правды” полностью было обезглавлено руководство республики во главе с первым секретарем ЦК КП(б) Казахстана Л. Мирзояном, пользовавшимся большим уважением среди казахстанцев.

В газете “Социалистическая Алма-Ата” за 22 марта 1938 года № 66 опубликовано сообщение: “В военной коллегии Верховного Суда Союза ССР 6-12 марта 1938 года выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР на закрытом судебном заседании в порядке Закона от 1 декабря 1934 года рассмотрела дело национал-фашистов, троцкистов и бухаринцев - Кулумбетова У., Сыргабекова Н., Ескараева С., Молдажанова И., Нурахметова Х., Иванова В.И., Случака В.Е., Чудочкина М.А., Бердина Б.И., Михайленко Л.Н, Жургенова Т., Садвокасова Ж., Досова А., Курамысова И., Сафарбекова С., Мусина А., Кошенбаева Х., Султанбекова Ж., Кенжина А. - по обвинению в измене Родине, в попытках отторжения Казахстана от СССР, превращая его в колонию иностранного империализма, в террористической деятельности, вредительской и диверсионной работе, и шпионаже в пользу иностранных государств, т.е. в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1, 58-6, 58-7, 58-8, 58-9 Уголовного Кодекса РСФСР.

Вышеперечисленные обвиняемые полностью признали себя виновными в предъявленных обвинениях. Выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведен в исполнение”.

Так была совершена злодейская расправа над девятнадцатью видными деятелями Казахстана. Среди них вторым по списку стоит имя нашего земляка Ныгымета Сыргабекова - народного комиссара земледелия Казахстана.

Ныгымет Сыргабеков родился в 1900 году в Бейнеткорской волости Петропавловского уезда в бедной крестьянской семье. В 1912 году отец, Сыргабек, отдал Ныгымета учиться в русско-казахское училище г. Петропавловска. По окончании его в 1916 г. Ныгымет

поступает в этом же городе в училище, дающее среднее образование. Однако это учебное заведение Н. Сыргабеков не мог окончить ввиду трудного материального положения.

В 1920 году Сыргабеков работал в Петропавловском уездном революционном комитете, затем - в Акмолинском Губкоме. В 1922-1923 гг. был председателем Акмолинского губернского суда, позже - прокурором республики. В последние годы перед арестом был избран членом бюро ЦК Компартии Казахстана, занимал пост наркома земледелия.

В период "хрущевской оттепели" в разные годы были пересмотрены уголовные дела 19-ти безвинно расстрелянных руководителей республики, и они реабилитированы из-за отсутствия состава преступления в их действиях. Установлено место их захоронения - в низине местечка Борадлай, под Алматы.

Узакбай Кулымбетов, председатель Совнаркома Казахской ССР, родился в Актюбинской области в 1891 году в семье бедного крестьянина. Трудовую деятельность начал учителем, работал в органах народного образования. В 1923-1925 гг. - председателем Акмолинского Губкома.

После голощекинского геноцида в Казахстане Узакбай Кулымбетов, будучи председателем КазЦИК, вместе с Левоном Исаевичем Мирэояном сделал многое, чтобы поднять разрушенное хозяйство республики.

Как руководитель национал-фашистской организации в Казахстане Узакбай Кулымбетов расстрелян 22 марта 1938 года вместе с 19 государственными деятелями Казахстана.

Жена Айыш как жена "врага народа" отбыла в АЛЖИРе 8 лет и 10 лет в ссылке. Дочери Акторе, Кабира, Орынша, сыновья Бостан, Болат отправлены в разные детдома.

Сулеймен Ескараев родился в 1897 году в Кзылординской области, член партии с 1918 года. Трудовую деятельность начал рабочим. В 1910-1919 годы - рабочий завода в г. Кзыл-орда. В 1921-1925 гг. в Ташкентской, Кзылординской областях занимал ответственные должности. В 1933-1937 годы работал вначале председателем Карагандинского областного исполнительного комитета (областной центр - г. Петропавловск), затем, перед арестом, - заместителем Председателя: Совнаркома Казахской ССР.

С. Ескараев вместе с 19 государственными деятелями был расстрелян 22 марта 1938 года, реабилитирован в январе 1957 года.

Как жена "врага народа" его жена Мария была осуждена и заключена в АЛЖИРе.

Турар Рыскулов 1894 года рождения. В 1927-1937 годы работал заместителем Председателя Совнаркома РСФСР, внес весомый вклад в развитие экономики, один из организаторов грандиозного строительства железной дороги "Турксиб". Он автор двух писем Сталину о голоде в Казахстане, где он подверг резкой критике Голощекина, раскрыл его преступления против народа, о грубых перегибах в коллективизации, что привело к голодной смерти сотни тысяч казахстанцев.

Арестован 21 мая 1937 года в Кисловодске, когда отдыхал с семьей в санатории. В 1938 году Турар Рыскулов был расстрелян. Его обвинили в том, что он из Москвы руководил национал-фашистскими и контрреволюционными троцкистскими организациями, что было чистейшими выдумками главарей террора.

Постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР 17 января 1957 года Турар Рыскулов был реабилитирован.

В 1937 году 10 июня была арестована беременная жена Рыскулова Азиза. В заключении родила дочь, которую обездоленные женщины-подруги назвали Рида. К счастью, Рида выжила, работает в Москве. Старшая дочь Сауле Тураровна - доктор биологических наук живет в Алматы. Семнадцатилетний сын Ескендир Рыскулов умер в ГУЛАГе.

ӨШКЕН ШАҢЫРАҚ

Қ.Магазов.

1928 жыл Есіл өзенін бауырлай қонған Еңбек ауылында (бұрынғы Ленин қазіргі Есіл ауданы) бұла өскен Мүслима арудың есінде мәңгіге қалды. Сол жылы 18-ге толып, бой түзеген сұлу да сымбатты жас қызға талай жігіттің көзі түскен болар. Талайы ынтықтығын айтып, сөз де салған шығар. Бірақ Мүслима "күйдім, жандым" деп ешкімге уәдесін беруге асықпайды.

Сөйтіп жүргенде осы ауылға Қызылжардан қызмет бабымен Ілиясов Әнес деген жас азамат келе қалды. Басы бос көрінеді. Европаша киінген, білімді де мәдениетті әрі көркем жігіт қыз көңіліне бірден ұнаған болар. Әнес те бір ауылдың сұлуы атанған Мүслиманы көзіне ілмей қалмаған шығар. Кешікпей екі жас өз еріктерімен қосылып, жеке отау тікті. Әп-өдемі советтік семья құрды.

Мүслима туралы аз да болса айтып өттік қой. Енді оның жұбайы Әнес Ілиясов туралы бірер сөз. Ол Рузаев ауданының тумасы. Жасынан өнер-білім қуған. Еңбек жолын мұғалімдіктен

бастаған. 1926 жылдан партия мүшесі. Кейін Петропавл уезі оқу бөлімінің инспекторы, Петропавл округі оқу бөлімі меңгерушісінің орынбасары болып істеген. Мүслимамен осы қызметінде жүргенде кездессе керек.

Әнеске түрмысқа шыққанда Мүслима хат танымайтын. Ол кездегі жағдайға қарасақ, бұған таңдануға болмайды. Көзі ашық азамат Әнес алған жарын отбасы, ошақ қасының сандыбалақ әйелі етуден аулақ-ты. Сондықтан Мүслиманың өз тілегімен сауатын аштырды. Орыс тілін тезірек үйренуі үшін оны тігіншілер курсына оқуға түсірді. Мүслима одан арғы білімін техникумда жалғастырып, оны 1935 жылы тамамдады. Сөйтіп Қызылжардағы қазақ бастауыш мектебінде ұстаздық ете бастады. Ал Әнес болса, бұл кезде педагогикалық техникумның директоры болып істеп жүрген-ді. Бұл қызметке ол 1929 жылы тағайындалған болатын. Осы жылдары Әнес Петропавл қалалық партия комитетінің мүшелігіне, қалалық Советтің депутаттығына сайланып жүрді.

Бірақ бұл бақыт ұзаққа созылмады. Өз халқына жау болып тиген сталиншіл жазалаушы режимнің зұлымдығы отызыншы жылдардың аяғына қарай тіпті асқына түсті. 1937-1939 жылдар сол зобалаңның әбден шарықтау шегіне жеткен кезі еді. Ақыры 1937 жылы сталиндік жендеттер Әнес пен Мүслиманың да шаңырағын ойран етіп, ортасына түсірді. Сол жылдың 26 желтоқсанында Әнес ұсталып, түрмеге жабылды. Арада төрт ай отпей, 1938 жылдың 6 көкегінде Мүслима тұтқындалды. Күн сайын жауап алатын тергеушінің қоятын сұрағы біреу-ақ:

-Күйеуің халық жауы. Ол туралы не білесің, соны айт!

Мүслиманың беретін жауабы да біреу-ақ:

-Еш жаманшылығын көрген, білген емеспін.

Тергеуші қанша қорқытса да, осы сөзден танбады. Содан ол Қызылжардағы түрмеде 3,5 ай жатқан. Одан соң 25 шілдеде Карлагтың арнайы бөлімшесінің 26-шы нүктесіне жіберілді. Бұл атақты АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников Родины) болатын. Мүслима тек осында әкелінген соң ғана "халық жауының" әйелі болғаны үшін бес жылға сотталғанын білді.

Сталиндік жендеттер үшін Әнес "халық жауы" болғанмен, күйеуінің халқына адал екендігіне Мүслима еш күмән келтірмеді. Өзі күйеуінің "кесірінен" қамауда жатса да, қаулаған өртке қанатымен су сепкен қарлығашша, Әнеске араша болуға ұмтылды. Осының дәлелі ретінде Мүслиманың АЛЖИР-де

жатып, 1939 жылдың 2 желтоқсанында Қазақ ССР Жоғарғы Сотына жазған арызынан үзінді келтірейін:

"... Күйеуім Ілиясов кедей семьясынан шыққан. Оны партия аяғынан тік тұрғызып, өсіріп, жауапты қызметке қойды. Ол жұмысты адал істеді... Күйеуімнің еш уақыт Совет өкіметіне қарсылық ой-пікірін байқаған жоқпын, оны неліктен кінәлайтыны маған белгісіз.

Ал мені не үшін кінәлайды, не үшін бас бостандығымнан айырды. Жалғыз қызым туралы мен осы күнге дейін еш хабар-ошар алған жоқпын.

Лагерьде адал еңбек етіп жүрмін, бостандықтан күдер үзбеймін. Өмірімнің ақырғы күніне дейін өз Отанымның патриотымын..."

Осы хатты оқығанда Мүслиманың еріне адалдығына, әділетке деген сенімінің күштілігіне еріксіз бас иесің. Екінші жағынан, адамзат тарихындағы ең көлгір, әрі ең қиянатшыл да озбыр режимнен рақым күткен, шындық іздеген Мүслиманың (ол тәріздес миллиондардың) соқыр үмітіне аяушылықпен қарайсың, Мүслима 1939 жылдың аяғында күйеуіне ара түсіп, Жоғарғы Сотқа хат жазып жүрсе, күйеуі Әнес 1938 жылдың 3 наурызында, яғни Мүслиманың өзі әлі тұтқындалмай тұрып-ақ атылып кеткен болатын. Не үшін атылған? Әрине "ұлтшыл-фашист" болғаны, Совет өкіметін күшпен құлатпақ болғаны, Жапонияға "шпиондық қызмет еткені" үшін атылған. Мұның бәрі жауыздық жала екенін әркім түсінер. Бірақ Әнестің тағдыры осылай болғанын бостандықта жүрін біле алмаған Мүслима АЛЖИР-де жатып қайдан білсін?!

Осы арыздың үзіндісіндегі Мүслиманың: "Жалғыз қызым туралы мен осы күнге дейін еш хабар-ошар алған жоқпын",- деген сөзіне тоқтала кетейін. "Жалғыз қызым" дегені Әнес пен Мүслиманың тұла бойы тұңғышы Ләйлі болатын. Ол 1932 жылы туыпты. Әкесі мен шешесі ұсталғанда, бес пен алты жастың аралығындағы сәби екен. Мүслима шеңгеліне ілінген соң, НКВД оны да қамқорлығына алыпты. Сөйтіп шырылдаған сәби балалар үйіне тапсырылып, арада бірер жыл өтпей Орынбор облысындағы Ново-Орскде 1939 жылы қайтыс болған.

Бірақ Әнес пен Мүслимада жалғыз қыз еместі. Ләйліден үш жыл кейін туған сіңлісі болыпты. Оның аты - Ғалия. Әкесі ұсталғанда, Ғалияны Омбы облысында тұратын нағашы шешесі алып кетіпті. Мүслима арызында Ләйліні "жалғыз қызым" демей,

"үлкен қызым" деп жазса, НКВД-ның қырағы қырғилары кіші қызын да іздеп тауып, балалар үйіне жонелтуі мүмкін-ді. Бірақ Ғалияның да ғұмыры қысқа болған, ол да қыршынынан қиылған. Ол нағашы шешесінің қолында 1946 жылы 11 жасында о дүниелік болған.

Ал енді Мүслиманың өз тағдырына оралайық. Алғашында оған ешқандай сотсыз бес жыл жаза кесілді дедік қой. Ол жылы Мүслиманың жасы 28-де ғана екен. Дені сау, көзі ашық әйел басына тап болған бақытсыздыққа жүнжімей, бар ауыртпалықты көтере білген. Лағерьде талай машақаттарды басынан өткерсе де, жұмысты аянбай істеп, тәзімділік көрсете білген. Өзі тәріздес өзге бақытсыз әйелдерге қуат беріп, болашақтан үміттерін үздірмеуге тырысқан. Осылай бес жылын өткізді. "Енді елге оралам ғой" деп жүрегі алып-ұшып жүргенде, оған ешқандай тергеу-сотсыз тағы да бес жыл қосып берілген. Сор маңдай әйел бұған да көніп, бостандыққа тек 1948 жылы ғана шыға алды.

Мүслиманың жүрегінде мұз болып қатқан шерді 1956 жылғы КОКП XX съезі біршама жібіткендей болды. Бұл съезд сталиндік зұлымдықтың пердесін ашты. Сосын Мүслима озінің күйеуі Әнес пен қызы Ләйлінің тағдырына іздеу сала бастады. КСРО Жоғарғы Сотының Әскери коллегиясы 1957 жылдың желтоқсан айында Ә.Ілиясовтың ісін қайта қарап, толық ақтап шығарды. Облыстық партия комитеті 1958 жылы оның партиялылығын қалпына келтірді. Қызының да тағдыры анықталды. Бірақ, не керек, мұ-ның бәрі кеш еді. Көңілге медет болғанмен, қор болған өмірді, жойылған сенімді, құлаған шаңырақты қайта қалпына келтіре, олген жары мен қыздарын тірілте алмады. Сол құса оның өзімен бірге қабірге де енген болар. Мүслима Ілиясова 1981 жылы Қызылжарда дүниеден өгті.

Осы мақаланы әзірлеу барысында мен Әнес туралы біраз құжаттарға үңілдім, оны білген адамдармен әңгімелестім. Біздің жерлесіміз Сәбит Мұқанов 60-шы жылдардың басында "Қазақ әдебиеті" газетінде "Мәдениеттің мықты ошағы" деген көлемді мақала жариялаған екен. Мақала өзіміздің педучилищеге арна-лыпты. Онда Әнес туралы да айтылыпты; "Педучилищенің өр-кендеуіне Ілиясов Әнестің еңбегі әсіресе зор. 1937 жылы культтің кесіріне ұшырап, "жау" деген жаламен тұтқынға алынбаса, Әнес осы сүйген қызметінде әлі күнге дейін болар ма еді, қайтер еді... Сәтсіз "сапардан" оралмаған Әнес Ілиясовтың аты бұл оқу орнының тарихына алтынмен жазылуға тиісті."

ПОДВИГ МАТЕРИ

Магазов К.

В этой истории нет ни капли вымысла. В том не было нужды. Жизнь так круто писала страницы судьбы семьи Жамболовых, что, как говорится, ни прибавить, ни убавить.

А сначала все складывалось хорошо. Глава семьи, Жамболов Абушахман, после окончания в Москве коммунистического университета трудящихся Востока был избран вторым секретарем Петропавловского горкома партии. Это было в 1934 году. Под стать мужу была и жена Рабига. В те годы, когда многие считали не обязательным учить дочерей, она с помощью брата Ергали Алдунгарова, работавшего тогда редактором республиканской газеты "Лениншил жас", поступила в школу-интернат, а затем закончила Оренбургский рабфак. Работала литсотрудником в областной газете.

На радость родителям росла дочь Луиза, а затем появился и столь желанный наследник. В честь одного из руководителей движения испанского народа против фашизма его назвали Диас.

Жамболовы вели большую общественную работу, пропагандировали казахскую литературу и искусство. Абушахман был близко знаком с Александром Затаевичем, известным композитором и искусствоведом Ахметом Жубановым. О Жамболове как собирателе и исполнителе первый написал в своей книге "1000 песен казахского народа", второй - в книге "Замана Булбулдары".

Шли годы, наполненные заботами о делах родного города, годы активной работы. Но надвигался тридцать седьмой. С тревогой Абушахман знакомился с материалами февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б), выступлением Сталина. Сын бедняка из аула Коксау, получивший образование при Советской власти, прошедший не одну проверку при периодических чистках парторганизаций, вряд ли предполагал, что дни его сочтены.

В партийной характеристике от 8 мая 1937 года говорится: "Жамболов - выдержанный партиец, политически грамотный, дисциплинированный работник". Но на душе было неспокойно. Начались массовые аресты в городе, селах и аулах. Близко знакомые честные люда оказались в застенках.

Сентябрьским днем беда, как смерч, ворвалась в дом. Постановлением бюро обкома партии 9.09.37 г. Жамболов был исключен из партии как враг партии и народа и заключен в тюрьму.

Дня через три уволили с работы и жену. Не раз вызывали ее в управление НКВД, предлагали отречься от мужа, изменить фамилию и фамилии детей. Уговаривали, угрожали арестом. Рабига каждый раз отказывалась, хотя знала, что за это она будет жестко наказана. Она уверенно заявляла, что ее муж - честный коммунист и арестован по какому-то недоразумению.

Вскоре у Рабиги забрали паспорт, взяли под подписку о невыезде, выселили из квартиры, но и это не сломило ее. С малолетней Луизой и грудным Диасом она ходила по городу в поисках угла. Но никто не торопился открыть двери семье "врага народа". После долгого мытарства нашлась, наконец, добрая женщина, предложившая времянку.

В тревоге проходили дни и ночи. И вот - стук в дверь, зашли двое, предъявили ордер на арест. Рабига держалась спокойно, без слез. Взяла Диаса, подняла над собой и сказала: "Мы с твоим отцом не враги народа. Придет время, нас оправдают. Будь достоин своего имени". У нее вырвали из рук мальчика и, забрав его с сестрой, увезли, а Рабигу увели под конвоем.

В камере Петропавловской тюрьмы вместе с ней оказались зубной врач Шапиро, стенографистка облисполкома Дубинина и другие женщины. В 1938 году Рабигу без постановления суда, без определения срока отправили в известный лагерь АЛЖИР (Акмолинский лагерь жен изменников Родины). И лишь через три года она вернулась в Петропавловск.

Первым долгом кинулась разыскивать детей. Дочь Луизу нашла в Сандыктауском детдоме Акмолинской области, а след сына оборвался. В доме ребенка была запись о приеме Диаса, но где он, никто не мог сказать. Все же Рабиге удалось узнать, что один из работников УНКВД своему знакомому, у которого не было детей, подсказал, что в доме ребенка есть хороший мальчик. При этом он посоветовал ему не называть себя и сразу поменять место жительства. Так тот и сделал.

Рабига находилась под надзором УНКВД, не могла устроиться на работу. Кто примет политзаключенную, жену врага народа? Не на что было жить. После долгого мытарства ей удалось устроиться рабочей на кожзавод. Все эти дни Рабига неотступно думала о сыне, строя бессонными ночами реальные и нереальные планы.

Однажды на собрании коллектива завода Рабига со слезами обратилась к людям: "Помогите найти пропавшего без вести сына...".

Неутешное горе, слезы матери тронули сидящих. Но никто не отозвался. После собрания директор завода Шакиров подозвал Рабигу. Сто-

явший рядом с директором мужчина сказал: “Я помогу вам найти сына”. “Даю тебе, Балтабай, отпуск, езжай с этой женщиной, помоги...”

В те мрачные годы в атмосфере всеобщего страха были люди, такие как Шакиров и Балтабай, сохранившие благородство. Они помогали несчастным, подвергая себя опасности.

Рабига не знала, чем отблагодарить этих добрых мужчин, которые взялись помочь. Сквозь слезы она лишь вымолвила: “Всю жизнь буду благодарна вам...”

Усыновитель Диаса Альжанов доводился Балтабаю дальним сватом. Как-то в Тайнче (Красноармейск) он встретил Альжанова. Поздоровались, разговорились. Он пригласил к себе в гости и не без гордости сказал, что у него растет сын Кенес. Позже Балтабай узнал, что Альжанов усыновил ребенка. Вот это и было основанием сказать, что он поможет Рабиге разыскать сына.

Альжанов часто бывал на базаре в Тайнче. Балтабай с Рабигой решили встретить его там. Поехать к нему в аул не решились, чтобы не вызвать подозрения, как-никак, он доводился родственником. Предположение оправдалось. Альжанова встретили на базаре, поздоровались, поговорили. Он вновь пригласил Балтабая к себе в гости, но он отказался, сославшись на занятость.

- Вот этот человек, должно быть, усыновил твоего Диаса, - сказал Балтабай, когда тот удалился. - Живет он в ауле Жана-жол. Дальше решай сама, мне нельзя, сама понимаешь...

Рабига вернулась домой одновременно и радостная и печальная. Появилась надежда и тревога: отдаст ли этот мужчина ее сына. Одной это не решить. Кто может помочь, если и близкие знакомые сторонятся, обходят при встречах? Она перебрала в памяти всех хороших товарищей и друзей мужа, семьи. Остановилась на Жакуле Оралдине. Старый коммунист, пользуется авторитетом в области. Рабига рассказала ему о своем горе.

В ауле Альжанов встретил их гостеприимно, по казахскому обычаю. Жакуле умел располагать людей, завязалась беседа, Рабига не отрывала глаз от мальчика, которому шел пятый годик. Ей хотелось подозвать малыша, обнять, поцеловать, сказать: “Родной ты мой...”, - но она сумела подавить свои чувства, украдкой вытерла слезы.

Тем временем Жакуле перешел конкретному разговору о том, что его и его спутницу привело в этот аул.

- У этой моей хорошей знакомой из детдома Петропавловска кто-то увез сына, - начал Жакуле, - вот несчастье для матери.. Может, что вам известно? - Альжанов сразу изменился в лице.

- Нет, ничего я не знаю, - насторожился он. - Сына ищите в другом ауле. А, может быть, он умер в детдоме, да скрывают от вас.

- Этот малыш мой сын, Диас, - не сдержалась Рабига. - Он мой...

- Вы что, в своем уме, - с гневом воскликнул хозяин дома. - Это наш сын, зовут его Кенес.

Дальнейший разговор был бесполезным. Пошли в аулсовет, где рассказали обо всем. Председатель Совета вызвал Альжанова с мальчиком.

- Какие приметы у сына, помните? - спросил он у Рабиги.

Мать задумалась. Ребенку был всего год, когда арестовали. Рабига напрягла память и вспомнила: "У моего Диаса под подбородком должен быть небольшой шрам".

Альжанов понял, что дело не в его пользу. Если подадут в суд, он лишится мальчика. Он уговаривал Рабигу, сулил большие деньги, но мать не могла согласиться...

Наконец, разгневавшись, Альжанов вытащил из-за голенища сапог нож и пригрозил: "Если не согласишься на мои условия, то зарежу и ребенка и себя".

Решением суда Рабига все же вернула своего сына и, несмотря на все трудности, дала ему образование, Диас, окончив пединститут, работал несколько лет учителем Бостандыкской средней школы Бишкульского района. Затем поступил в аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, сейчас - зав. кафедрой политологии Алматинского сельхозинститута. Жизнь врага народа не была сладкой. Но мать сумела его вырастить добропорядочным человеком и гражданином.

Через много лет Абушахману, Рабиге Жамболовым вернулось доброе имя. Сколько пережито! С клеймом врага народа расстреляли главу семьи. А каково было Рабиге?

Трагическая жизнь Рабиги - женщины-матери - это судьба ее сверстниц: казашек, русских, узбечек, татарок, которые испытали ужасы АЛЖИРа. Но они сохранили любовь, супружескую верность, воспитали честными людьми и патриотами своих детей.

ВОЗВРАЩЕННОЕ ИМЯ

Муканов Кайролла

Одним из представителей жертв репрессий начала 30-х годов является замечательный певец, композитор и поэт Ыбырай Сандыбаев. Хотя он стал жертвой тоталитарной системы и был объявлен врагом народа, а песни его были запрещены, народ всегда держал их в памяти. Песни

Ыбырая дошли до наших дней. Их с большим удовольствием и вдохновением поют до сих пор и будут петь следующие поколения.

Так кто же такой Ыбырай Сандыбаев и в чем сила и живучесть его творчества?

Ыбырай Сандыбаев родился в 1858 году в местечке Сандыбай Булагы (родник Сандыбая) у восточного подножия одинокой красивой горы Жалгыз-тау на территории Айыртауского района в семье бедного кузнеца Сандыбая. У Сандыбая были дочь Бопыш и сыновья: Шалгынбай и Ыбырай. Знаменитый акын и певец Тайжан - сын Бопыш и племянник Ыбырая.

Брат Сандыбая Абле имел высокое духовное образование, был признанным оратором, знал наизусть множество произведений знаменитых классиков восточной поэзии. Это не могло не влиять на духовный рост Ыбырая. Отец Ыбырая, Сандыбай, был бедным, но замечательным кузнецом, мастером своего дела.

Он хотел Ыбырая с детских лет научить своему ремеслу. Но Ыбырай не захотел стать кузнецом. В одном из своих ранних стихотворений он писал, что он не смог посвятить себя кузнечному делу, как отец.

Вначале мальчик Ыбырай постигает азы грамоты у своего дяди Абле, затем - у аульного муллы. Из-за бедности дальше учиться он не смог и занимался вместе с отцом домашним хозяйством: пас скот, косил сено, готовил топливо и т.д. Он знакомится с произведениями классиков восточной поэзии (Фирдоуси, Низами, Саади, Навои, Бируни, Омар Хайям и др.) не без помощи дяди Абле. В то же время он знакомится с произведениями своих старших современников, известных акынов, как Биржан сал, Акан сере, Орынбай, Шал, Нуркей, сам охотно поет их песни в сопровождении домбры и гармони на различных вечеринках и тоях. Подражая Биржан салу, Акан сере, он тоже ездит из аула в аул и поет песни своих старших наставников, при случае и сам создает песни. В своих песнях по сложившейся традиции хвалит разных богатых людей. Однако он не только хвалит, но и раскрывает недостатки своих персонажей. Он высмеивает негативные стороны деятельности волостных управителей, биев, царя Николая II. Позже - и советской власти.

В начале 90-х годов XIX века Ыбырай ездит по аулам Атбасарского уезда. Здесь он встречается и вступает в песенное состязание (айтыс) с такими акынами, как Есимбет, Доскей Алимбаев, Кудайберген (наставник Исы Байзакова) и др. В этих айтысах он одерживает победу. Темой его песен в айтысах являлись сопоставление искусства сложения песен, ораторство, борьба за свободу любви и др.

В сопровождении группы молодежи Ыбырай со своими песнями побывал в Атбасаре, Омске, Петропавловске, Кокшетау и других городах и аулах. В одной из своих песен он говорит о том, что он с песней объездил многие места Среднего жуза и высмеивал богатых глупцов, которые не знают цену песен.

Объезжая аулы, Ыбырай встречается со многими красивыми и умными девушками. Эти встречи вдохновляют его на создание новых лирических песен о любви. Так рождается его лирическая песня "Алтыбасар", посвященная красавице Алтынай, которая полюбила певца, но вынуждена выходить замуж за нелюбимого человека по воле родителей. В этот же период он создал знаменитую песню-айтыс "Айтыс Ыбырая и девушки Макпал". Здесь речь идет тоже о судьбе девушки, которая не имеет свободы в выборе жениха.

Ыбырай, как и другие его сверстники, занимается охотой на диких зверей. Одну из своих известных песен ("Песня охотника") он посвящает именно теме охоты. Это очень интересная песня. В ней говорится о том, как группа молодых джигитов после удачной охоты с трофеями заезжает в аул, останавливается в доме, где живет девушка-красавица. Здесь один из джигитов дарит девушке красивую шкуру лисицы и заводит интересный разговор о молодости, о любви. Отца девушки дома нет, мать - не очень строга, а невестка (жена старшего брата девушки) солидарна с джигитами. Поэтому идет интересная, свободная, веселая, шутливая беседа. Эта песня и сегодня поется и слушается с большим интересом.

В молодости Ыбырай был большим шутником, весельчаком, почти всегда говорил не простыми словами, а стихами, шутливыми песнями. Где бы он ни бывал, там всегда было веселье, шутки, игры.

В просторах Кокшетау он слушал стихи и песни знаменитых акынов Шоже, Орынбая, Нуркея, Тогжана, Биржана, Ахана, Балуан-Шолака и сам пел свои песни, получая отзывы о них от этих старших современников. Он особенно много общался со своим славным земляком Акан сере Корамсиным, считал его своим учителем-наставником. В 1913 году, когда умер Акан сере, Ыбырай посвятил ему свое стихотворение. Он всю жизнь пел песни Акана и был одним из их пропагандистов и распространителей.

Многие стихи и песни Ыбырая посвящены молодости, любви, любимым девушкам. К ним относятся, например: "Молодость", "Двадцать пять", "Ак тайлак" ("Белый верблюжонок"), "Я тоже вступил на путь интересной песни", "Каракоз" ("Черноглазая"), "Шалкы-на", "Балкурай", "Сыракты" и другие.

Одним из замечательных творений Ыбырая является его знаменитая песня “Гакку”, посвященная любимой девушке Какиме. В песне автор сравнивает свою любимую с величаво плывущей в голубом озере белой лебедью. Даже название песни “Гакку” созвучно со звуком, издаваемым этой птицей. Всю свою горячую любовь к Какиме с особенным вдохновением выразил певец в этой чудесной песне. Эта песня стала любимой песней народа.

В тридцатые годы композитор Е.Г. Брусиловский использовал эту песню в виде арии главной героини своей знаменитой оперы “Кыз Жибек”. Если раньше песня исполнялась в сопровождении одной домбры, то в опере - в сопровождении целого оркестра.

В 1936 году во время декады казахской литературы и искусства в Москве арию Кыз Жибек прекрасно исполнила юная казахская певица Куляш Байсеитова, получившая затем звание народной артистки СССР. После этого песня “Гакку” ставшая, как новорожденный, любимой песней народа, быстро распространяется и с любовью и почетом исполняется во многих странах мира. Теперь красивая мелодия этой песни ежедневно в шесть утра по республиканскому радио сообщает казахстанцам о наступлении нового дня над просторами страны и наполняет наши сердца особенной радостью и гордостью.

Песня Ыбырая “Гакку” вдохновляет многих поэтов, писателей Казахстана на создание новых произведений. Так, например, видный казахский поэт Какинбек Салыков по мотивам истории создания этой песни на основе горячей любви Ыбырая к красавице Какине написал поэму “Гакку”. А совсем недавно (24.10.1997 года) на сцене Петропавловского драмтеатра был поставлен спектакль-реквием “Гакку” артистами Кокшетауского казахского музыкально-драматического театра. Автор спектакля-реквиема - писатель из г. Кокшетау, лауреат премии им А. Байтурсынова Тулеген Кажыбаев.

Ыбырай Сандыбаев воспевал не только молодость и любовь, сочинял шутливые стихи. Он во многих своих стихах показывал и тяжелую жизнь родного народа. Об этом он говорит, например, в таких стихотворениях, как “Прежняя жизнь казаха”, “Те дни были темной ночью”.

В большом стихотворении “Жалгызтау” (“Одинокая гора”) он описывает тяжелое положение казахов в период столыпинской реакции. Здесь речь идет об изгнании местных казахов из своих родных земель в связи с заселением крестьян-переселнцев из внутренних областей России. Вместе с другими Ыбырай тоже был изгнан из родной земли, где остались могилы отца и деда. Это стихотворение являлось прощальной песней, в которой автор прощается с родной землей, с ее лугами, леса-

ми, дорогой сердцу одинокой горой (Жалгызгау), с могилами предков. Описывает он насильственные методы колониальной политики царской власти по вытеснению народа из родных мест.

Ыбырай Сандыбаев, испытавший тяжелую жизнь бедняка, приветствовал Октябрьскую революцию. Он одним из первых воспел эту революцию, советскую власть. В областной газете "Бостандык туы" ("Знамя свободы"), выходившей в г. Петропавловске, 25 мая 1925 года были помещены стихотворения Ыбырая Сандыбаева "Политика царя", "1917 год", "Октябрь", "Свет", "Новая власть", "Дедушка Ленин".

Уже в преклонном возрасте 66-летний Ыбырай сочинил песню "Калдыпган" ("Наследие"), ставшую завещанием певца молодому поколению. Здесь он вначале рассказывает о своей кипучей творческой деятельности в молодые годы, а затем говорит о том, что он теперь постарел и передает эстафету молодому поколению.

Народный артист Казахской ССР, автор книги "1000 песен казахского народа" композитор Александр Затаевич в своих воспоминаниях писал о том, что Ыбырай даже в преклонном возрасте замечательно пел в сопровождении домбры. По словам Сакена Сейфуллина, на вечере казахской молодежи в г. Петропавловске в октябре 1924 года он очень красиво и мелодично пел свою песню "Калдырган". Интересно то, что он с гордостью говорил Сакену Сейфуллину, что в молодости его голос был отчетливо слышен на расстоянии 7 километров.

Эта песня стала бессмертным памятником певца, оставленного им молодому поколению. Она до сих пор любовно поется во всех уголках нашей страны.

А.В. Затаевич первым записал песни Ыбырая Сандыбаева в своих сборниках "1000 песен казахского народа" (1925 г.) и "500 казахских песен" (1931 г.).

Сакен Сейфуллин, который встречался с Ыбыраем и слушал его пение из собственных уст певца, высоко ценил его талант и посвятил ему несколько куплетов в своей знаменитой поэме "Кокшетау". Писатель Сабит Муканов в своих воспоминаниях говорит о том, что после встречи с Сакеном Сейфуллиным, ознакомившись с его поэмой "Кокшетау", сочинил мелодию на его стихи, и его песни "Кокшетау" и "Красавец Кокше" стали любимыми песнями народа. Эти песни народ пел даже после объявления Ыбырая Сандыбаева и Сакена Сейфуллина врагами народа.

В 1969 году издательством "Мектеп" был выпущен этнографический сборник "Песни Ыбырая Сандыбаева". Собрав песни Ыбырая, составил к ним ноты, написал предисловие к сборнику член-

корреспондент АН Казахской ССР, доктор искусствоведческих наук, композитор Б.Г. Ерзакович.

Ыбырай не гонялся за богатством. Всю жизнь он сам был бедным и защищал бедных. В своих стихах и песнях он еще с юности разоблачал жадность и злоупотребления богатых, высмеивал их действия, направленные на притеснение бедноты. В советский период он высмеивал тех представителей советской власти, которые неумело вели работу в массах, чем вызывали гнев и смех простых тружеников. За это власть предержащие, конечно же, не любили певца, делали все, чтобы навредить ему. Даже некоторые его родственники были против него, из зависти и корысти писали на него жалобы. Многие завистники в начале 30-х годов, в период коллективизации, пишут в органы советской власти о том, что Ыбырай Сандыбаев против Советской власти, против коллективизации, что он хулит Советскую власть, восхваляет царя и т.д.

В период тоталитаризма такие жалобы не остались без последствий. 4 ноября 1930 года начинается следствие по делу Ыбырая Сандыбаева следователем Айыртауского районного отдела ГПУ Жунабаем Шаяхметовым. В тот же день престарелый певец был арестован и заключен в тюрьму. Вначале ему было предъявлено обвинение в пропаганде против колхозного строительства. Позднее к этому обвинению добавляется то, что Ыбырай в 1921 году якобы помогал белой банде в борьбе против советской власти, а когда белые были побеждены, их остатки прятал в своем ауле, помогал им убить трех красноармейцев, преследовавших их, и т.д. Таким образом, Ыбырай Сандыбаев выглядит по этим жалобам как настоящий враг народа.

На самом деле все это было ложью. В деле не было никаких подтверждающих эти вымыслы документов. Он в первые годы советской власти работал даже председателем волостного ревкома. Об этом он от чистого сердца говорил в одном из своих стихотворений: “Не забудь, казах, не забудь того, кто отрыл твои глаза из темного вонючего тумана. Это - дедушка Ленин...” И дальше: “Вспомнив прошлое время, иди открыто служить по новому пути”. Даже из этих немногих слов видно, что Ыбырай сам честно, открыто служил новой власти и призывал других к такой службе. Несмотря на это, певец был обвинен пунктами 10 и 13 статьи 58 и 7 пунктом статьи 59 Уголовного Кодекса РСФСР и привлечен к ответственности.

20 ноября 1930 года постановлением Северо-Казахстанского ОГПУ “тройка” приговорила Ыбырая Сандыбаева к расстрелу с конфискацией имущества. Позже этот приговор был заменен лишением свободы на 10

лет и ссылкой на Дальний Восток. Старый певец, конечно, не смог все это выдержать. Так он и погиб в заключении.

Большую роль в возвращении честного имени певца своему народу сыграл Сабит Муканов, который часто встречался с ним в 20-х годах и по-настоящему любил и ценил его. 25 ноября 1959 года он написал письмо секретарю ЦК Компартии Казахстана Н.Жангильдину о необходимости пересмотра дела безвинно пострадавшего певца Ыбырая Сандыбаева. ЦК поручает Прокуратуре республики проверить это дело и разобраться. 19 марта 1960 года Прокуратура республики, разобравшись в невиновности певца, посылает Верховному Суду Казахской ССР протест по делу Ы.Сандыбаева. 4 апреля 1960 года Коллегия по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР, рассмотрев этот вопрос, нашла, что 20 ноября 1930 года Ыбырай Сандыбаев был осужден "тройкой" без всякого основания, в деле нет никаких документов, доказывающих его обвинение. В связи с этим дело было прекращено. Он был признан безвинным и полностью реабилитирован.

Сегодня поэтическое и музыкальное наследие выдающегося поэта, певца и композитора Ыбырая Сандыбаева стало основной частью духовного богатства народа. Наследники певца, представители нового поколения понесли это бесценное наследие по всей великой степи, ибо над ним время не властно.

ЫБЫРАЙ САНДЫБАЕВ (1858-1930)

Құлмағанбетов, зейнеткер-педагог,
Мұқанов Қайролла, зейнеткер-педагог

Халқымыздың тарихында 1929-1939 жылдар қаралы жылдар болып қала береді. Өйткені осы жылдарда халықтың талай зиялы азаматтары, оның ішінде ақын-жазушылары, әнші-композиторлары жазықсыз жаламен сотталып, қуғын-сүргінге ұшырап өлім кетті. Солардың бірі және бірегейі, аспандағы аққумен үн қосқан асқақ ақын, күміс көмей әнші, әрі талай өнді өзі шығарған композитор Ыбырай Сандыбайұлы еді.

Ыбырай Сандыбайұлы 1858 жылы атақты Айыртаудың көрікті жерлерінің бірі Жалғызтау бөктерінің күншығыс беткейіндегі Сандыбай бұлағының басында (бұрынғы Көкшетау уезі, Октябрь болысы, 5-ші ауылда) шағын шаруа, зерделі зергер-ұстаның үйінде дүниеге келген. Руы Қарауыл, оның ішінде Жақсылық. Ыбырайдың арғы атасы Себден Абылай хан тұсында өмір сүрген, сөзге шешен, әрі зергер шебер болған. Себденнің

ұлы Дербісалы да онерлі болған. Дербісалыдан Әбіле, Мандай, Сандыбай деген үш ұл туады. Сандыбайдан Бопыш деген бір қыз және Шалғынбай, Ыбырай туады. Ыбырайдың апасы Бопыштан атақты Тайжан ақын, Шалғынбайдан Сүлеймен, Дәуіт деген балалар туған.

Ыбырайдың әкесінің ағасы Әбіле діни оқуды көп оқыған, сөзге жүйрік шешен, әрі оюшы шебер болған. Ол өз дәуірінде шығыстың классик ақын-жыршыларының шығармаларын "Шахнама" сияқты эпостарын жатқа білген. Ыбырайдың әкесі Сандыбай өнерлі, кедей адам болыпты. Ол білезік, сақина, сырға, шолпы, пышақ, т.б. соғып, өз еңбегімен күн көрген, темірден түйін түйген, зергерлікпен ел-жұртқа танылған шебер ұста болыпты.

Әкесі Сандыбай Ыбырайды 8 жасынан ұсталық өнерге үйретпекші болады. Бірақ, Ыбырай оның дегеніне көне қоймайды. Әкесі оны талай таяқ астына да алады. Жасынан әншілік, ақындыққа берілген Ыбырай таяққа да болмайды. Оның бір өлеңінде:

"Ағаштан арба, шана ие алмадым,
Басыма тері бөрік кие алмадым.
Әкеміз қара мұрын ұста болған
Көмірге өзімді-өзім қия алмадым",-

деуі Ыбырайдың онер жолын: әнші-жыршы, сал-сері, ақындық жолды мұрат тұтқандығын корсететін тұңғыш өршіл өлеңі болса керек.

Ыбырай ең алғаш өкесінің ағасы Әбіледен арабша үйреніп, кейін молдадан оқып, хат таниды. Әрі қарай оқуға қаражат жетпей, 17 жасқа дейін өке қасында үй шаруасымен айналысады. Мал бағып, шөп шабады. Сол кезде Біржан, Ақан, Орынбай, Шал, Нұркей сияқты салдық-серілікке салынып жүрген әнші-ақындарды коріп, олардың олеңдерін домбыраға, гармоньға қосып, ойын-тойларда ел аралап, өлең айтып кетеді.

Сол кездегі көптеген ақындар салты байларды мақтап, күн көріске талғажау ету еді. Ыбырай да сол жолға түседі. Бірақ, ол би-болыстарды, Николай патшаны, кейін кеңес үкіметінің жағымсыз қылықтарын да өлеңмен сынап, сықақтап отырған.

1890 жылдардың басында Ыбырай серілік құрып, қалпағына үкі тағып, күнкөріс қамымен Атбасар еліне аттанады. Осы кезден бастап ол Үкілі Ыбырай атанды. Атбасар жағында Ыбырай атақты ақын Доскей Әлімбаевпен, Есімбетпен, Иса Байзақов ұстаз

түтқан Құдайбергенмен, тағы басқа ақындармен кездесіп, айтысқа түсіп, өнерлерімен сынасады.

Ыбырайдың Есімбетпен және Доскеймен айтысы былай басталады:

Есімбет:

Ақ қамзол, қара қалпақ, шашың ұзын,
Мен сені танымайтын кімсің өзің- деп сұрағанда, Ыбырай:
Есеке, Арғындасақ жақыныңмын,
Қызыл тілден жүлде алған батырыңмын.
Атығай, Қарауылға аруақ шашқан,
Ыбырай –бесті жүйрік ақыныңмын,-

деп өзін таныстыра сөйлейді. Ыбырайға тең келмесін сезген Есімбет досы Доскейді шақырады. Ыбырай Доскейдің келуін күтпей:

Өлеңге өлең сата келгенім жоқ,
Өзімде өлең деген он екі арба-

деп өзінің өлеңге байлығын да айтып салады. Есімбеттің ақ дегені алғыс, қара дегені қарғыс болып түрганда Доскей аянсын ба, кіріп келіп амандаса салысымен:

Қай ру, қай нәсілден боласың сен,
Әуелі нәсілінді білдір маған,-

деп екілене сөйлейді. Оған Ыбырай тайсалмастан айтысып, шешендігімен Доскейді жеңеді. Ыбырай айтыстары негізінен ақындық өнер салыстыру, шешендік жарыс, махаббат, бостандық үшін күрес болып келеді.

Атбасар жағында жүргенде Ыбырай өзі сұлу, өзі ақылды Алтынай деген қызбен кездесіп, ұнатып қалады. Қыз да мұны ұнатып, екеуі жолығысып жүреді. Бірақ, қыздың айттырып қойған жері бар екен. Бұлар қосыла алмайтын болады. Ыбырай ескерткіш ретінде Алтынайға арнап ән шығарады. Бірақ, қыздың аты елге жайылмас үшін әнді оның атымен атамай, оның туған ауылы "Алтыбасар" деген атпен шығарады. Ән елге тарап кетеді.

Ыбырай жасында ойыншыл, әзілқой, не айтса да өлеңдетіп ұйқастыра сойлейтін сықаққой болған. Жүрген жері ойын-күлкі, думан болған. Ол ел аралап, салдық құрып, өлең айтумен қатар, ит жүгіртіп, құс салып, аңшылық кәсібімен де айналысады. Мұндай өмірді басынан кешірген ақын "Гәкку" өлеңінде: "Аралап талай жердің дәмін таттым, құс салып, айдын көлде дабыл қақтым", деген еді.

Есіл бойында аң аулап, қаршыға салып жүріп, кір тартушылардың жолындағы Дәнежін станциясында Мақпал есімді қызбен кездесіп, өзінің "Мақпал" атты өлеңін шығарады. Сол кезде және өзінің "Мақпал қызбен айтыс" атты өлеңін де шығарады. Бұл айтыстан сол замандағы қазақ қыздарының ауыр тұрмысын, бас еркінің жоқтығын көруге болады.

"Аңшының әні" атты өлеңінде Ыбырай оқушы жұртшылықты аңшылық кәсібіне еліктете, қызықтыра сөйлейді. Қарап жатқанша, жүйрік ат, қыран бүркіт, ұшқыр тазымен аң аулап, қызыл түлкісін бүркіт пен тазының қалай алғандығын, күн ұзақ тауда айналып, қанжығаға байлап алып, қызды ауылға келіп түсіп, әнші, домбырашы жігіттердің сайран құруын баяндайды. Қыз үйіне келіп түскеннен кейінгі көрініс ақын былай суреттейді:

Самауыр, ақ шәйнек пен түрса қайнап,
Отырса бір сұлу қыз көзі жайнап.
Сол күні қыз әкесі үйде жоқ боп,
Отырсақ әзілдесіп, күліп-ойнап.
Шешесі желөкпелеу жастау келсе,
Ол қызға бір жеңгесі қастау келсе.
Бір жігіт аузы епті түлкі сойып,
Әзілді, қалжың сөзді бастай берсе.
Сол жігіт бастай берсе әзіл сөзін,
Қараса қызға жігіт қадап көзін.
Ішінде махаббаттың оты лаулап,
Балқыса қорғасындай сонда сезім.

Ыбырай ақындығының арқасында Арқаның бірсыпыра жерін аралайды. Атбасарда, Омбыда, Көкшетауда, Қызылжарда, басқа да жерлерде болады. Ол өзінің бір өлеңінде:

Аралап орта жүзді тегістедім,
Жуанмен қадір білмес келіспедім.
Атығай, Қарауыл мен Керей, Уақ,
Сен - алма, мен - бір тауық жеміс тердім.

Жас ақын Көкшетау өңірінде Шөже, Орынбай, Нүркей, Тоғжан, Біржан, Ақандармен бірге жүріп, әндерін тыңдап, өзі де әндерін айтып, олардың алдында сынға түсіп отырған. Ол әсіресе атақты Ақан серімен көп серіктес болып, оны өзіне ұстаз тұтқан. 1913 жылы Ақан сері қайтыс болғанда Ыбырай оның қазасына арнап өлең шығарған. Онда мұндай сөздер бар:

Көз қайда айнадай боп жайнайтұғын,

Тіл қайда бұлбұлдай боп сайрайтұғын..

Ыбырай Ақанның өлеңдерін, әндерін, өмір туралы шежірелерін халыққа таратушылардың бірі болды.

Ыбырай адамның жастық кезіне арнап көптеген өлеңдер шығарған. Оның жастық өмірді жырлайтын өлеңдері "Жастық шақ", "Жолына мен де түстім қызық әннің", "Ақ тайлақ", "Жиырма бес" т.б. Жас ақын сәндікке бет бұрып, ән салып, серілік жолына түскендігін "Жолына мен де түстім қызық - әннің" деген өлеңінде:

Ән салып, серілікке талаптандым,
Тыңдамай коп ақылын барлық жанның.
Бөркіме үкі тағып сәндікпенен,
Жолына мен де түстім қызық әннің – деп жырлайды. "Жастық шақ" атты өлеңінде ақын жастарға: "Жанып түрған жас өмірің, желбіреген жастық шағым – алқызыл гүл, шешеннің сөзге жүйрік тілі мен талмайтын жағы болса, жігіттің жастық кезі – оның алтын шағы" екендігін айтады. Сол жас өмірдегі әрбір құбылыстарға коз жіберіш, өмірдің терең сырлы мағынасына түсіне біліп, "Жастық шағынды ойын-күлкімен откізсең, сенің дәуренің сол"- дейді "Сырғақты" деген өлеңінде. Ал, "Балқурай" атты олеңінде:

Жігіттің жас кезінде алтын шағы,
Шешеннің сөйлейтұғын тіл мен жағы.
Бұл дәурен енді қайта екі соқпас,
Құрбылар жастық шақта ойна да күл,- дейді.

Ақын кейінірек, жастық шағын аңсап айтқан "Жиырма бес" атты өлеңінде жас кезінде ойнақтап, ауыздықпен алысқан түлпарға мініп, қызды ауылдың сыртында ойнақ салып, қылаң етип бір көрініп, ауылдағы үлкендердің кейбіреулерінен алғыс, кейбіреулерінен қарғыс алып жүрген кездерін көз алдына елестетеді:

Келді кезім айтар сөз,
Жігіт жасы жиырма бес.
Қызды ауылдың сыртынан,
Қылаң еткен жиырма бес.
Қызды корсем құшақтап,
Құлай бір кеткен жиырма бес.
Күлдір-күлдір кісінетіп,
Күренді мінген жиырма бес.
Тастан қашқан түлкідей

Сылаң еткен жиырма бес.
Төрде жатқан кемінрден
Қарғыс алған жиырма бес.
Бесіктегі баладан
Алғыс алған жиырма бес.
Іздесең де табылмас
Өттің, кеттің жиырма бес - деп қызыққа толы жастық шағының тез өткеніне өкініш білдіреді.

Ыбырай Сандыбайұлының шоқтығы биік әндерінің бірі атақты "Гәкку" әні.

Құс салып айдын көлде дабыл қақтым,
Ән салып талай жердің дәмін таттым.
Жиылып қыз-бозбала отырғанда,
Гәккуді қайтқан қаздай қаңқылдаттым- дей келіп ақын сүйген қызы Кәкиманы аққу құсқа теңейді:
Шомылған айдын көлде сен бір аққу,
Мүндай сөз естіп пе едің бек ләззатлу.
Сырнай мен домбыраның арасында
Балқыған қорғасындай қайран Гәкку.

Бұл өлеңінде Ыбырай Кәкимаға деген сүйіспеншілігін, махаббат сезімін айтумен бірге, оған деген қол жетпес абзал арманын да білдіреді. Ән қайырмасындағы өлең сөздері аққудың үніне ұласатын "Гәк-ку, Гәк-ку" одағайларымен шебер үйлесімін тауып, ақын қиялынан туған арманды зарды жаңғырықтырып, күшейтіп тұрғандай әсер береді. Осылай алуан түрлі, терең сырлы лирикамен айтылатын Ыбырайдың "Гәкку" әні халқымыздың сүйіп айтатын әніне айналды. 30-шы жылдары композитор Е.Г.Брусиловскийдің "Қыз Жібек" операсында Жібек қыздың ариясы болып жаңа түрге енді. 1936 жылы қазақ өнерінің Москвада болған байқауында бұл ән-ария Шығыстың бұлбұлы атанған Күләш Бәйсейітованың орындауында бүкіл дүниежүзіне жайылып, жұртшылық құрметіне бөленді.

Бұрын домбыраның ғана сүйемелімен бір үйдің, бір ауылдың шеңберінен шыға алмаған ән, енді мың құбылған оркестрдің үніне ілесіп, биікке самғады, дүниеге жаңа келгендей қалыпқа түсіп, миллиондаған халықты тамсандырған рухани азыққа айналды. Осы әннің әсем әуені күн сайын таңертеңгі сағат алтыда қазақ радиосынан бүкіл қазақ сахарасын шарлап, жаңа күннің басталғанын жар салып жариялауы да барлық қазаққа ғажайып мақтаныш сезімімен жүрек тербететін әсер берді.

Ыбырай Сандыбайұлы халқын бар жүрегімен сүйген патриот ақын. Ол патша заманында халқының көрген қорлығын өз өлеңдерінде ашық айтқан. “Қазақтың ескі халі” деген өлеңінде:

Мал бағып, шаруа қуған қазақ еді,
Қоршылық көрген күні азап еді.
Ел қоры жұрттың соңы есепте жоқ
Қазақ байғұс әркімге мазақ еді-

десе, “Ол күндер қараңғы түн еді” деген өлеңінде:

Біреумен біреу дауласса,
Қазаққа тіпті нанбаған.
Ашуланса ұрғызып,
Тізе бүкпей тұрғызып,
Қазағың сөйтіп сорлаған..

деп қазақ халқының сол кездегі халін, тізесін батырған отаршылдықты айтып әшкерелейді.

Ыбырайдың Столыпин реакциясы кезінде өз елінің басындағы халықтың ауыр тұрмысын жырлаған ұзақ өлең-толғауының бірі - “Жалғызтау”. Мұнда ол патша өкіметінің қазақтарды өз ата қоныстарынан зорлықпен қуып, ол жерлерге орыс шаруаларын қоныстандырғанын әшкерелейді. Соның ішінде Ыбырайдың өзін де ата-қонысы Сандыбай бұлағынан қуған. Ақын патшалық Ресейдің отарлауына дейінгі жайды:

Жапырақты жайқалтып,
Жорға мініп тайпалтып,
Көшуші едік жайлауға.-

деп суреттей келіп, отарлаудан кейінгі жағдайды былай деп көрсетеді:

Жүрер жерің бекініп,
Енді түстік қамауға.
Керегін патша алып тұр
Жеріне ойран салып тұр.
Тастаған байлап құлындай
Зират-молаң қалып тұр.
Жайлауына жері жоқ,
Шабарына шөбі жоқ
Бейшара қазақ талып тұр.

Қазан төңкерісін, Кеңес үкіметін ең алғаш жырлағандардың бірі - Ыбырай. Қызылжар қаласында шығып тұрған “Бостандық

туы" ғазетінің 1925 жылғы мамыр айының 26-сындағы санында ақыннын "Патша саясаты", "1917 жыл", "Октябрь", "Совет", "Жаңа үкімет", "Ленин бабаң" атты өлеңдері басылған.

Ыбырай жасының ұлғайған шағында "Қалдырған" атты өлеңін шығарған. Ол балдырған жастық шағында ел алдында өлең айтып, талайларды сөзге қандырып, халқынан сый-құрмет көргенін айтады:

Жасымда болдым балдырған,
Талайды сөзге қандырған.
Айналайын халқымнан
Маңдайдан шырақ жандырған..

Ақын өткен қызықты, салдық, жастық өмірін армандап:

Қызығың дүние өткен күн,
Кейінгі қуып жеткен күн.
Байланбастан асаудай
Сырт айналып тепкен күн.
Қара бура қартайып,
Жар басына шөккен күн,
Қарлығып қатты дауысы
Жастар желдей ескен күн.-

деп, домбырасын Сұраганға беріп:

Алпысқа келдім аманат
Көрмедік ешбір жаманат.
"Қалдырғанды" тапсырдым
Сұраған, саған аманат-

деп әнін табыс етеді.

Сөйтіп ол өзінің бұл әнін өлмес ескерткіш ретінде өзінен кейінгі өсіп келе жатқан жас ұрпаққа арнап қалдырған.

Ыбырай мал, дүние жинап, дәулеттенуді қаламаған. Ол ел аралап жүргенде бай-манап, би-болыстардың қарапайым халыққа, кедей-кепшіктерге көрсетіп жүрген қиянаттарын өлеңмен беттеріне басып сынаған. Ол ойламаған жерде тыңдаушысын күлкіге кенелдірсе, өзінше-ақ ұялтып жылата білетін актер, комик те екендігін оның әзіл-оспақ, сын-сықақтарынан аңғаруға болады.

Бай-манаптар ақынның тапқыр, білімдар, шебер орындаушы артистігіне де кектенген. Оның осындай қасиетін көре алмаған қолында аз-кем билігі бар қара жүрек, содыр-сойқан жамағайын туыссымақтарының бірі Ыбырайдың сыртынан жалған жалалар іздеп, қуғын-сүргінге салар айла-шарғы мен арыздар жаздырады.

Осы жалған арыздар негізінде Солтүстік Қазақстан облыстық мемлекеттік саяси басқармасының (ГПУ) бұрынғы Айыртау аудандық бөлімшесінің бастығы Жұмабай Шаяхметов 1930 жылдың 4-ші қарашасында іс қозғайды. Нақ сол күні 72 жасар Ыбырай Сандыбайұлы қамауға алынады. Сонда оған тағылған айып қандай? Ақынның ісі 1921 жылғы оқиғаларға байланысты жүргізілген. Ең басты айып: оның "колхоз құрылысына қарсы үгіт-насихат таратқаны". Кейін осы жалаға неше түрлі пәле жамылып, Ыбырай 1921 жылы ақ бандалардың Совет үкіметіне қарсы жүргізген күресіне белсенділікпен қатысқан. Ақ бандаларды құртқан кезде олардың қалдықтарын өз еліне тығып, бұларды қуып жүрген үш қызыләскерді өлтіруге көмектескен, ел ішінде ру жікшілдігін қоздырып, оларды бір-біріне қарсы қойған, елді өзі билеу үшін Совет құрылысын нығайтуға кедергі жасаған нағыз қаскөй жау болып шыға келген.

Ыбырай "Колхоз құрылысына қарсы үгіт таратты" деген келсек, бұл тек жала. Шындығында ол сол кезде болыстық-революциялық комитеттің председателі болған және шын жүрегінен:

Ұмытпа, қазақ, ұмытпа!

ВОСКРЕСНУВШИЕ ИЗ ПЕПЛА ВРЕМЕНИ...

Любушин В.И.

Наступит ли прозрение в сознании общества... Двадцатый век для России, потом СССР, далее для стран СНГ - время необычайно тяжелое и трагическое. Какими мы выйдем из этого испытания, зависит от нас самих, от нашего стремления к истине и покаянию. История Северо-Казахстанской области, этой небольшой клеточки большой шахматной доски, отмечена всеми достижениями и падениями, традициями и надеждой, улыбкой и кровавыми метами всей страны. Казахстан долгое время был местом ссылки не только отдельных людей, но и целых народов. Да и сам он пострадал от кровавых репрессий не меньше, чем другие республики бывшего Союза. Самое поучительное, наверное, не только почему власть и общество руководствуются часто злобой и насилием, но и высота человеческого духа, мужество, состояние человека в самых экстремальных и невыносимых условиях.

В нашем очерке будут представлены судьбы и люди из различных слоев: простая крестьянка, выдающийся философ, скульптор, поэт, композитор, художник. Их жизнь так или иначе связана с нашим городом,

городом на северной границе Казахстана, названным при основании в честь святых Петра и Павла.

***

Клавдии Егоровне Быковой, в девичестве Русиновой, идет 91-ый год. Она одна из старейших жительниц нашего города. Необыкновенно яркий рассказчик, хлебосольная и гостеприимная хозяйка. Много пришлось ей хлебнуть горя, многое перевидать на своем веку. Но удивительно и другое - удалось сохранить живой ум и дар острого точного слова. Послушаем ее рассказ:

"Родилась я в Новониколаевской губернии 25 августа 1907 года, ныне это Новосибирская область. Село наше называлось Меньшиково, было в нем триста дворов, две мельницы, около протекала резвая речушка, в которой мы любили плескаться. Хорошие места... Много ягод, грибов, ореха. Часто в лес ходили за ними и собирали для дома.

Семья была большая, дружная. Отец, Егор Федорович, после семилетней службы в армии вернулся домой и женился на Прасковье Гордеевой. Нарожали нас семь детей. Старше меня - сестра Татьяна, остальные - братья и сестры младше - братовья Саня, Вася, Борис, сестры Александра и Ира. Жили хорошо, дружно, на столе все основное было, да и прикупали что-нибудь в местной лавке. Хозяйство было крепкое, и беды не знали.

А привалила она, и великая, как революция и гражданская война начались.

Господи, каких ужасов мы не обтерпелись тогда. Через наше Меньшиково кого только не проносило. И белые, и красные, поляки, и чехи, австрияки и партизаны разной окраски.

Всем дай, всех накорми, не пикай - иначе пристрелят - и все тут. Вскоре мать дорогую потеряли - от тифа скончалась. А через этих всех "друзей народа" разорилось наше хозяйство, а мы часто голодали.

С мужем моим, Александром Яковлевичем Быковым, познакомилась я у себя на дому. Отец сдавал комнату для приезжих совслужащих. Гражданская война закончилась, раны постепенно затягивались, но жили бедно, плоховато. Вот Саня и "глаз положил" на меня. Была ли любовь с первого взгляда? Нет, дуростью такой не занимались. Главное, что отец скажет... А любовь уже потом, как дети пошли. Воспитывать, кормить их надо было... Вот и вся любовь. Но хороший человек Саша был, разговаривать с людьми умел, культура у него была, всегда при галстуке. Сгубил его сослуживец, которого муж критиковал за нечистоплотные дела. И все про это знали.

Жили тогда в Татарке и создали Платоновскую коммуну в 1930 году. Саша стал ее председателем, а потом заведующим хозяйством в совхозе 261. Очень честный и открытый был. И написал этот Иуда на него донос. И я хорошо запомнила, как мужа арестовывали.

Случилось это в три часа ночи 12 марта 1938 года. Спали мы, уже трое детей было - старшая дочка Тамара, Феликс и совсем еще маленький Валентин. Проснулись - слышим, стучат. Саша поднялся, открыл дверь, входят милиционеры. "Быков Александр Яковлевич!" - спрашивают... Саша кивнул, а сам, как береза, побелел. "Мы вас арестовываем как врага народа, поедете с нами в Чистоозерное". Дали ему одеться, попрощались мы, дети ревут, беду почуяли. А он меня успокаивает, говорит, что это ошибка какая-то. Мне не разрешили его провожать. Долго потом я выясняла его судьбу, и все говорили мне, что он живой. То в Новосибирске, то в Куйбышеве, то на фронте. И только недавно младшему сыну моему, Валентину, из Управления ФСБ по Новосибирской области на его запрос бумагу прислали. Обманывали все меня, погиб он в том же году, расстреляли... Реабилитирован в 1957 году за отсутствием состава преступления.

И что это за времена были! Любую ложь напиши на человека, и его обязательно погубят. Тяжело и сейчас, но такого страхолюдства, дай Бог, чтобы никогда не было больше."

Вспоминается, что самые тягостные дни начались после ареста мужа. Одна осталась, с тремя детьми. Правда, родственники помогали, люди из совхоза. Сашу-то за справедливость любили и уважали, но были и такие, которые увидят - и рыло в сторону воротят, дескать, жена врага народа. Ох, и натерпелась я, хаживая по этим комендатурам и тюрьмам. И ноженьки мои болят с тех пор. Часами, сутками время проводила около тюрем.

Через следователя Матросова (его, бедолагу, тоже потом ликвидировали) получила от моего незабвенного записку. И написано там: "Живи, Клавушка, по своему усмотрению. Воспитывай детей по-коммунистически и люби. Саша".

Так и обмерла я, все помутилось во мне. Очнулась, а следователь поддерживает меня и водичкой в лицо брызжет. А еще помню, как сегодня, как Сашу и других в эшелоне отправляли. На перрон милицию нагнали, а я здание вокзала обогнула, свистки... Ну, думаю: "Пропади все пропадом..." И бегу за медленно отходящим поездом. Смотрю, Саша наголо остриженный, улыбается мне, рукою машет, что-то кричит. А я тоже кричу, бегу, узелок ему с харчами и табачком передаю... Так вот и увезли навсегда.

Сколько я потом с детишками мыкалась! Не принимали на работу: жена "врага народа". Но были и хорошие люди, немало их. И скрывали мое прошлое, и детишкам то валеночки, то из одежонки дадут что-нибудь. Работала на самых грязных работах: то в столовой рабочей и мойщицей посуды (это хорошо – поесть можно было), а чаще - поломойкой и туалеты чистила. Иной раз везу своих ребятишек на санках и плачу от бессилия. А снег в глаза, мороз кусается... Несколько раз руки и ноги обмораживала. Все это в военное время. Но дети тоже помогали, особенно старшие - Тамара и Феликс. Через них я и в Петропавловске очутилась и данное время здесь живу.

Всех выучила, вырастила... Сейчас, правда, Феликса нет с нами. Радуют дети и особенно внуки и правнуки. Младший, Валентин, - руководитель строителей, в Тюмени работает, Тамара на пенсии и мне помогает. А внуки и внучки все высшее образование получили, уже их дети силу набирают.

Верю, есть высшая справедливость. За страдания мужа и мои Бог дал мне большое и дружное поколение Быковых.

***

С Петропавловском связана судьба, к сожалению, трагическая судьба, видного русского философа из круга Рерихов Александра Ивановича Клизовского. В замечательном труде "Основы миропонимания Новой Эпохи" он писал: "Откуда мы пришли, куда идем, какая цель существования на земле? Есть ли жизнь, как сказал поэт, "дар напрасный, дар случайный", или же в беспрерывно вечном круговороте жизни таится какой-нибудь глубокий смысл? Какой смысл в кратковременном человеческом существовании, завершением которого должна быть неизбежная, неотвратимая смерть?"

Вечером 22 июня 1941 года (какое стечение трагических событий - в этот день фашистская Германия напала на СССР) группа чекистов явилась на рижскую квартиру Клизовского и арестовала его. Ему, бывшему русскому офицеру, получившему ранение и оказавшемуся в 1914 году в плену у немцев, а потом безработным в буржуазной Латвии учеником секции Пакта Рериха, философу и литератору, на данный момент исполнилось шестьдесят семь лет (родился он 15 (2) января 1874 г. в г. Сувалки Российской Польши).

Люди в галифе и хромовых сапогах очень торопились. Клизовскому разрешили взять пару белья, и с маленькой сумкой, в летнем пальто он ушел из дома, не зная, что он ушел в бессмертие...

Так что же послужило причиной ареста человека пожилого и не занимавшегося политикой, тем более, антисоветской? В какой-то степени

ответ на наш вопрос даст его дело, хранившееся в политуправлении г. Риги: "Александр Клизовский состоит в нелегальной организации русских монархистов "Русская группа для поддержания военных занятий" 1937 год".

Чудовищная ложь! Кем она была инсценирована... Каким добровольцем по грязным доносам, или это была продуманная система лжи в карательных органах, созданная для массовых чисток и репрессий? Думаю, что последний довод более убедителен, но опирались при этом на "своих".

Итак, после ареста поезд с зеками из Прибалтики прибывает на станцию Петропавловск в Казахстане. Из Рижского централа Александр Клизовский попадает в общую тюрьму № 22 г. Петропавловска... Старый, больной человек на тюремных нарах, в унизительных условиях вспоминает, что ему даже не разрешили взять немного книг из своей библиотеки... Вспоминал, как грубые и влажные руки проникали во все карманы и обшаривали потаенные уголки тела... Вспоминал, как нащупали медальон с портретом Учителя (Николая Рериха) и велели оставить дома... Многое вспоминал, но никак не мог поверить в закономерность происходящего, казалось, это какая-то чудовищная ошибка.

Во время нового наступления немцев в 1942 году по инициативе И. Сталина и Л. Берии был отдан приказ освободить тюрьмы и лагеря от наиболее "опасных политических элементов". 29 апреля 1942 года Александр Клизовский, 67-ми лет, философ-эзотерик был расстрелян, как и многие другие заключенные, не относящиеся к уголовникам. Над всей страной и над каждым ее жителем встала тогда тень смерти... Как провидчески прозвучала реминисценция из Библии в книге философа: "Не наступи на скорпиона и предупреди меня об ехидне". "Скорпион" укусил. И смертельно укусил. А "ехидна" поглощала обреченных людей, обманывая родственников извещениями подобного типа: "отправлен в больницу", "умер от сердечной недостаточности".

Сохранилась последняя фотография А.И. Клизовского. Он сильно постарел, бородка, в отличие от усов, вся в белизне страданий, седая. Взгляд открытый, высокий лоб мыслителя. В глазах, красивых и замечательных, много грусти, усталости и мысли, пытливой и неуничтожимой. Прекрасное лицо Человека, посеявшего семена мудрости для Нового Мира, который, к сожалению, еще не наступил: "Этой волчьей психологии, которая привела людей на край бездны, должен быть положен предел, иначе, действительно, как дикие звери, люди перережут друг другу горло. Необходимо научиться братскому друг к другу отношению".

Александр Иванович Клизовский, “этот тихий русский мыслитель”, был посмертно реабилитирован в 1989 году в связи с отсутствием состава преступления.

***

По главной улице города, что носила имя В.И. Ленина (бывший Вознесенский проспект), вымощенной еще до революции брусчаткой, с высокими деревянными тротуарами и уютными небольшими домиками степенно и крупно вышагивал человек, чем-то отдаленно внешне напоминающий “советского графа”, известного писателя Алексея Толстого.

Александр Иванович Эллер, эстонский скульптор из Таллина, чье имя упоминается в большом труде “История искусств народов СССР”, том 9, Москва, 1984 год. Почему этот человек в сером элегантном костюме с неизменной трубкой в уголке рта оказался в далеком провинциальном Петропавловске первых послевоенных лет?

Обратимся к скупым фактам. Родился Александр Эллер в 1891 году в Таллинне. Рано проявил художественную одаренность, стал государственным стипендиатом в 20-е годы и студентом Берлинской академии художеств.

Молодой скульптор, желая совершенствовать свое искусство (к этому времени он известен в Германии), едет в Париж на стажировку к Антуану Бурделю, великому маэстро ваяния. После этого следуют персональные выставки работ Александра Эллера в Париже и Вене, Риме и Берлине, Таллинне. Какие перспективы! Он работает самозабвенно и с вдохновением, он вот-вот войдет в элиту лидеров европейского искусства. Его скульптуры приобретают музеи с мировой известностью. Но, увы, этому не суждено сбыться.

С первых месяцев войны Эстония и Таллинн были заняты немецкой армией и снова стал устанавливаться жестокими мерами новый порядок. Незадолго до этого советские войска оккупировали маленькую независимую республику. Одна унизительная несвобода сменилась другой.

К фашистам Эллер не испытывал никаких симпатий, но Германию, страну великой культуры, любил, тем более, несколько лет учился в Берлине. К советскому режиму как представитель эстонской интеллигенции относился враждебно. Многочисленные “чистки”, “проработки”, репрессии, запреты на выезд, бесцеремонный и наглый контроль за высказываниями и поведением людей вряд ли способствовали дружеским отношениям.

Новые оккупационные власти искали эстонцев прогермански настроенных - в первую очередь, во вторую - хорошо знающих немецкий

язык. Александр Эллер знал язык, он учился в Германии. А так как об этом были наслышаны, то его вызвали в комендатуру.

- Господин Эллер! От имени фюрера мы предлагаем Вам пост директора театра оперы и балета в Таллинне и надеемся на плодотворное сотрудничество... Повисла долгая пауза, затем прозвучало холодно и бесстрастно:

- Подумайте, но германские власти не советуют Вам отказываться от предложения...

Что передумал за эти краткие минуты Эллер, мы так полностью и не узнаем. Вряд ли собирался он стать красным партизаном, взрывающим гранатами или бомбами храм искусства - театр. А, может, бежать, но как и куда? Не исключалось и чувство страха за себя, ближних. Но, возможно, мыслилось сохранить для будущего театр, певцов, актеров, музыкантов, художников. Война рано или поздно закончится, а эстонский народ, его культура будут продолжать свою жизнь. И он принял предложение стать директором театра.

Когда же советские части вступили в Таллинн, то участь скульптора и директора театра была решена. По статье "за сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами" он был осужден на ссылку в далекий заполярный Салехард.

Страшные морозы с затяжной зимой, когда твой плевок мгновенно превращается в сосульку, короткий день в три часа, тяжелая физическая работа - вот что ожидало Александра Эллера. Но "чудо" спасает его, он оказывается в Петропавловске.

В Петропавловске у жены руководителя самого страшного тогда ведомства, которое называлось МГБ, Александры Ивановны Максимовой, возникло страстное желание построить в городе музыкальную школу. Нужен был скульптор должного уровня, не накладный для областной казны. Случайно узнав от одной ссыльной эстонки, работавшей на Максимовых, что у нее есть знакомый скульптор в Салехарде, Александра Ивановна, нажав энергично на всемогущего супруга, добивается, что ее тезка, ссыльный скульптор Александр Эллер, оказался на поселении в нашем городе.

Где же находилась эта музыкальная школа, которую пришлось оформлять талантливому эстонцу? Ее здание стояло на пересечении улиц Ленина и Мира, чуть правее и в глубине от двухэтажного Дома учителя. Особенно запечатлелся в памяти орнамент, украшавший здание музыкальной школы и выполненный в традициях казахской национальной культуры. В небольшом, но уютном концертном зале на посетителей взирали белоснежные барельефы с изображениями Чайковского,

Бетховена, Римского-Корсакова, Джамбула, Абая и других. Школу (и зачем?) снесли, судьба барельефов неизвестна.

К счастью, тогдашний директор областного музея, ныне заслуженный деятель культуры Казахстана и пенсионер К.С. Ушков, заказал опальному скульптору серию бюстов выдающихся просветителей Казахстана: Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева, Джамбула Джабаева. Портреты из гипса находятся в хранилище Музея изобразительных искусств, являющегося филиалом областного музея.

В 1952 году, незадолго до смерти Сталина, Эллеру разрешили вернуться на родину. Скульптор много работал и выставлялся, но суровое наказание не прошло бесследно. Он в чем-то надломился и стал много выпивать.

Александр Иванович Эллер - художник, сломленный жестоким и безжалостным временем, художник честный и талантливый, "академик" по стилю, строгий в линиях и лепке. Он оставил свой след в искусстве Эстонии и Казахстана, СССР и Европы. Не будем забывать о нем.

***

Наверное, самая страшная и драматическая история приключилась с литовским антропологом Атанасом Пошкой. Участник знаменитых английских экспедиций по раскопкам древнейшей цивилизации Мохенджо-даро в Индии, плодовитый писатель, написавший двенадцать томов путевых очерков "От Балтики до Бенгалии", человек, объездивший почти весь мир, директор Национальной библиотеки в Вильнюсе, он волею исторического рока оказался тоже в Петропавловске, где работал в местном краеведческом музее.

Известно, что он учился в Бомбейском и Калькуттском университетах, стажировался в Кембридже, где должен был защищать магистерскую диссертацию в конце июня-июле 1941 года. У него уже был куплен билет на пароход, уплывающий в Англию. Но, по не зависящим от него причинам, дальнейшая научная карьера была резко оборвана.

Началась Вторая мировая война. К этому времени Атанас Пошка (он родился в 1904 году) занимал в буржуазной Литве пост директора Национальной библиотеки. Начинал работу до захвата Прибалтики в 1939-1940 гг. советской армией, продолжал ее при новых властях на очень короткий период до прихода немцев, а потом сохранил свое место и при них, благодаря знанию языка. А владел он многими. Кроме литовского свободно говорил на английском, немецком, понимал на польском, дружен был с несколькими языками Индии, хуже всего - на русском языке. Это и понятно. "Русский опыт" у него стал одним из последних и самых горьких. Он, как и Эллер, был осужден "за сотруд-

ничество с оккупантами". Другими оккупантами выслан в самые суровые края - в Воркуту. Теперь не только было покончено с научной карьерой антрополога, но исковеркана и под угрозой оказалась сама жизнь. Выручили только исключительная физическая сила и здоровье. Да и мастером был на все руки. Но характер стремительно портился - он стал скрытным и подозрительным, недоверчивым и холодным. .

Лежа на нарах, Атанас часто вспоминал родной Вильнюс и хутор неподалеку от него, где он любил выращивать экзотические цветы с длинными латинскими названиями. А еще, вглядываясь в северное ночное небо и останавливая взор на любимом созвездии, вспоминал другое, сказочное и неповторимое небо Индии. И, раздумывая о настоящем, он теперь только осознанно стал понимать, что же с ним произошло... Исполнителей режима Атанас называл бранным русским словом "суки". Они обезглавили в конце 30-х годов эстонских офицеров, чтобы не было профессионального сопротивления, а за интеллигенцию принялись в 1945-1946 гг., и он, Атанас, из этого потока обреченных. Все, что его окружало, было ужасной несправедливостью: и доставка в эти суровые места, и тяжелый неоплачиваемый труд, пища - разве можно ею считать то, что на языке зэков называется баландой? В общем, не позавидуешь. Из жары - в царство жуткого холода, и это ощущение - на всю жизнь.

Вот как описывает А.Солженицын только доставку к месту назначения: "От других беспересадочных поездов дальнего следования красный эшелон отличается тем, что севший в него не знает - вылезет ли... арестантские эшелоны с освобожденных территорий - то прибалтийский, то польский, то немецкий, то наши из Европы - шли без печек и приходили, везя при себе вагон или два трупов..." Страшная одиссея, не правда ли? Ну, а после прибытия отправляли то на лесоповал, то на строительство железной дороги, где тоже горы трупов. Атанас Пошка это все выдержал. Могучий организм у него был, но глубоко затаил в себе боль и обиду, ненависть, внешне почти не демонстрируемую. Жизнь осторожности учила. В сентябре 1949 года антрополог из легендарного Мохенджо-даро был этапирован из Воркуты в Петропавловск.

Здесь пристроили его в музее, учитывая высокую и редкую профессиональную квалификацию. Перед немногочисленными сотрудниками этого заведения литовец предстал мужчиной выше среднего роста, с бородкой "а ля Буланже", плохо говорящим на русском языке. Он не пил и не курил, часто взрывался грубостью. Жил в пристройке музея одиноким, ни с кем не входящим в близкие отношения. Восхищала всех его необыкновенная физическая сила. Четверо здоровых мужиков не без труда управлялись с каменной бабой - памятником архаической культу-

ры здешних мест. Он как-то один свободно перетащил ее на другое место (менялись экспозиции), вызвав изумление своих коллег. Играючи переносил стволы старинных литых пушек на лафеты орудий.

Прирабатывал тем, что овладел дополнительно навыками препаратора - готовил чучела птиц и парнокопытных животных. Но особенно поражали его антропологические знания. Здесь он был на высоте. И памятью от этого человека осталась талантливо им сделанная экспозиция "Древо жизни от приматов до человека", по-латыни "Arbor vita".

Только в 1952 году Атанасу Пошке разрешили вернуться в Литву. Ему уже было далеко за сорок. Одна портретная деталь. Те, кто его знал, вспоминают его тяжелый взгляд. Благо, что природа не обделила его умом и физической мощью, но сколько выстраданного и убитого в зародыше стоит в этих немигающих и строгих глазах! Глазах человека из Мохенджо-даро, занесенного историческими судьбами в наш город.

***

Еще одна судьба. Сергей Яковлевич Райхенберг, одаренный мастер исторического пейзажа. После убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 года по Ленинграду прокатились массовые аресты и репрессии. Появился повод для укрепления личной диктатуры И. Сталина, коммунистического царя.

Под серп смерти попадают даже несовершеннолетние дети, беззаконные суды троек стали типичным явлением. Как и первый наш персонаж Александр Быков, Сережа Райхенберг был осужден "за участие в троцкистско-зиновьевском блоке и антисоветскую агитацию". Правда, его не расстреляли, а сослали на каторгу на Колыму. Душа многочисленных дискуссий по проблемам искусства, остроумный собеседник, человек, горячо верящий в ту коммунистическую утопию, о которой писали газеты и кричали голоса вождей из репродукторов, он не представлял, да и не мог представить, что ходит по краю пропасти.

Десять лет для молодого художника, да еще в царстве смерти, прозвучали похоронным маршем для дальнейшей карьеры в искусстве. Сергей Райхенберг прошел свои "жизненные университеты" на Колыме, в так называемом Дальстрое. Это были круги дантова ада. Ведь "перевоспитывали" не только советская власть, но урки - воры и бандиты. Выжил, наверное, потому что как художник, понадобился для КПЧ (культурно-просветительная часть), да и кулаками хорошими обладал. Их силу уважали.

Между лагпунктами шло соцсоревнование. Поэтому в них были свои газеты, театры, оркестры, эстрадные коллективы. Достаточно назвать имена В. Козина, Л. Руслановой, Э. Рознера, К. Эггер, Г. Жженова,

Н. Эрдмана и других. В этих зэковских театрах вперемешку со всякой идеологической шелухой-однодневкой ставилась и русская классика, но гораздо реже.

На Колыме не хватало солнца, в прямом и переносном смысле. Полночные звезды да мертвенно светящие лампы, прожектора не прибавляли света человеческой душе. Вот почему потребность в друге, друзьях была самой настоятельной.

Там, на лесоповале, познакомились и работали в паре молодой художник Сергей Райхенберг (1913 года рождения) и большой русский художник Василий Шухаев, после выставки в Париже оказавшийся в местах "не столь отдаленных".

Потом, когда они станут работать художниками в КПЧ (культурно-просветительной части), руководителем "мазилок" сделают предприимчивого и умеющего устроиться Райхенберга. Но в отношениях между собой Василий Иванович был для Сергея человеком, хорошо знающим Александра Блока и Всеволода Мейерхольда, Валерия Брюсова и Александра Скрябина, Мастером с большой буквы.

И когда Василию Ивановичу, портретисту божьей милостью, надо было "малевать" вождей, от Ленина и Сталина до Ежова и Кагановича, он просил: "Сережа, замени меня, душа стенает от всех этих "соколов" и "соколят"..." И Сережа шел писать портреты вождей, зарабатывая очередные благодарности от начальства и с болью думая о том, что эта халтура так и не даст ему времени для любимого дела - творчества.

После отсидки сроком в десять лет лагерная эпопея хотя и пошла на спад, но "наказание" на этом не заканчивалось. Сергею Райхенбергу пришлось возвращаться не в любимый Ленинград, а во Владивосток. Это было место новой ссылки. То ли кто-то что-то "настучал", то ли попал он под новую проработочную чистку и борьбу с безродными космополитами. Под шум волн Тихого океана и громких песен о советско-китайской дружбе он стал работать художником во Владивостоке, в театре оперетты, сошелся с женщиной - театральным костюмером, обрел семью. Ее звали Ольгой Ивановной, у нее уже был взрослый сын.

Вскоре, в 1949 году, ему разрешили поселиться в Петропавловске. Город приобрел не только талантливого художника - мастера пейзажного жанра, но и главного художника областного театра. Известно, что он написал ярко и запоминающееся сценографию к спектаклю по пьесе Я.Райниса "Вей, ветерок!".

В нашем областном музее сохранилось несколько полотен Сергея Райхенберга. Назову некоторые: "Торг на Ишиме", "Петропавловская

крепость", "Разлив реки Ишим в 1912 году", "Яблони в цвету", "Владивостокский порт" (нуждается в реставрации).

В 1956 году Сергей Яковлевич Райхенберг уезжает в Ростов-на-Дону, на родину жены. Ему тогда было около сорока трех. Но выглядел он старше своих лет. Совсем облысел, стал полноватым. Осадок от лагерной жизни, о которой он очень близким людям рассказывал жуткие и почти неправдоподобные по своей жестокости эпизоды, убавили в нем доверие к людям. На то ведь были веские причины - уроки Колымы и Дальстроя, загубившие миллионы человеческих жизней. И тем не менее, будем благодарны художнику, воспевшему в своих творениях город святых Петра и Павла.

***

Завершает наше повествование история о братьях Потехиных. Один из них - Сергей, талантливый русский поэт, другой, Леонид, - не менее талантливый композитор. Первый - расстрелян 8-го мая 1938 года по приговору Особой тройки на Дальстрое, второй - погиб на фронтах Великой Отечественной, под Новгородом, летом 1942 года.

В дворянской семье Потехиных у Николая Авксентьевича Потехина и его супруги было три сына: Сергей Николаевич, поэт и студент инженерно-строительного института из Воронежа, Леонид Николаевич - педагог и студент музыкального, младшего звали Борис, он, в конце концов, дослужился в советское время (60-70 годы) до вице-адмирала Тихоокеанского флота и пользовался большим авторитетом среди моряков. У трех братьев была и сестра Ирина. Ирина Николаевна до распада Союза жила в Харькове и стала известным поэтом.

Существует трехтомное дело о Сергее Потехине и справка-выписка из него. Первое - в архивах КГБ, вторая - в Петропавловском музее. В нашем городе оказался не по своей воле. Арестован был в 1932 году и судим коллегией ОГПУ по статье 58-ой, пункт 10, за "антисоветскую агитацию" вместе с братом Леонидом, тоже студентом, только Воронежского музыкального техникума.

В результате очередного доноса Сергей в январе 1935 года был переведен в поселок Щучье, а еще через два месяца - в Акмолинск. Брат Леонид остался в Петропавловске. Так черная судьбина разделила их, и уже навсегда, 6 марта 1936 года, буквально за день до Международного женского праздника, Сергей был арестован и снова этапирован в Петропавловск для допросов. Следствие велось с пристрастием. И 4 августа Особым Совещанием при НКВД СССР Сергей Потехин с группой товарищей был приговорен к десяти годам лагерей на Колыме. В обвини-

тельном заключении сказано: “Писал упаднические стихи, чуждые социалистическому строительству”.

Писать стихи несколько иные - о вечности и любви, - чем требовали партия и Сталин, за это надо было сажать и расстреливать. Ведь такая же участь постигла крестьянских поэтов: Н. Клюева, С. Клычкова, Ширяевца, нашего земляка П. Васильева. Финал завершился для Сергея Потехина в 26 лет трагически, 12 апреля 1938 года он был арестован в Магаданском лагере по доносу солагерника и 23 апреля этого же года приговорен к высшей мере наказания. Жизнь оборвалась рано, примерно, как у Лермонтова. Но, в отличие от знаменитого классика, семь с лишним лет были проведены в тюрьмах, ссылках, лагерях. К моменту ареста в Акмолинске вместе с ним арестовали еще двадцать два человека. Среди них - Борис Иоффе, Роде, Васильев, Смирнов (инициалы, к сожалению, неизвестны). У нас тлеет маленькая надежда, что часть из них, может быть, выжила и сообщит нам дополнительные факты.

Если у Сергея все шло по линии стремительного приближения к гибели, то Леониду поначалу, вроде бы, везло. После Свирьлага и Петропавловска (здесь кроме педагогической работы он подрабатывал в кинотеатре игрой на пианино, сопровождая музыкой немые фильмы), Леонид уезжает в Ленинград, где, в конце концов, становится студентом Ленинградской консерватории у известного композитора и музыковеда Б.Асафьева и Гнесиных.

Сохранилась фотография, старая фотография сентября 1940 года (началась Вторая мировая война), где он был изображен со своим другом, ленинградским поэтом Львом Кацнельбогеном и своей женой Тоней. Красавец, как и его брат, с удивительно выразительными глазами, часто тоскующими, он много сочинял и писал в области музыки.

В 1941 году уходит на фронт и становится командиром минометного взвода. В Кургане, будучи на военных курсах подготовки, незадолго до гибели писал в письме: “Осталось немного мирных дней и выезжаю на фронт этой страшной войны. Настроение... как у Лермонтова - перед дуэлью. Твой Леонид”. Предчувствие его не обмануло. Вскоре он погиб смертью храбрых, и его имя занесено на доску Памяти в ленинградском музыкальном училище, куда он после ссылки в Петропавловске поступил сразу на второй курс. Потом уже была консерватория, которую он с блеском закончил в 1941 году.

Помянем же этих людей, талантливых, прошедших через страшный конвейер подозрений, ссылок, смерти, но не предавших своего духовного “я”.

P.S. Автор благодарит за предоставленные сведения и факты пенсионерку К.Е. Быкову, заслуженного работника культуры Казахстана К.С. Ушкова, супругов Мелехиных - работников архива и музея, майора КНБ Р.А. Абатурову, горожан, звонивших в процессе работы и делящихся своими воспоминаниями.

СУДЬБА ПРОКУРОРА

Мамытов Н.К.

Трагичной является судьба бывшего прокурора Пресновского района тов. Фазылова Хасена Фазыловича. Родился он в 1903 году в ауле Коспармак Атбасарского района ныне Северо-Казахстанской области. В 1914 году у него умер отец. Хасен с 11 лет сам добывал хлеб, работая батраком и пастухом до 1924 года. В 1922 году, в 19 лет, он стал кандидатом в члены ВКП(б). Как он сказал в последнем слове на своем процессе, он никогда не имел своего хозяйства, "воспитала меня партия Ленина-Сталина", членом которой он стал в 1924 году. В анкете прокурора и графе "образование" им собственноручно написано: "Самоучка". В 1934 году он был выдвинут партией на должность прокурора Карагандинского района, а с апреля 1936 года стал прокурором Пресновского района. Однако уже в 1937 году (34 лет от роду) он осужден по приговору выездной сессии специальной коллегии Северо-Казахстанского областного суда от 3.10.1937 года в с. Пресновка.

Судом он признан виновным в том, что состоял членом и руководителем контрреволюционной национал-фашистской организации в блоке с троцкистской организацией в целях свержения советской власти, отторжения Казахстана от Советского Союза и реставрации капитализма в СССР, руководил изменнической и контрреволюционной вредительской деятельностью в Пресновском районе. Его действия были квалифицированы по ст.58 п. 7, 58 п. 11, 58 п. 14 УК РСФСР. В отношении Фазылова Х. 4.09.1937 г. по постановлению лейтенанта госбезопасности Никитина была избрана мера пресечения - содержание под стражей в следственной тюрьме Северо-Казахстанского Обл УНКВД. В квартире Фазылова в г. Петропавловске по ул. Коммунистической, 25, был произведен обыск, в процессе которого изъяты: паспорт, военный билет, папка с документами, справками, перепиской, записная книжка, 2 общих тетради, фотокарточки, книга о Ленине и старый портфель. Ни заслуживающих внимания вещей, ни денег у него не было, хотя первоначально его обвиняли и во взяточничестве.

При допросах на предварительном следствии и в судебном заседании Фазылов Х. не признал своей вины в предъявленном ему обвинении. В последнем слове он сказал: "Я ничего не знал о контрреволюционной группе. Может быть, я допускал ошибки, но мне никто не помогал, хотя я просил помощи и у секретаря райкома, и у председателя РИК. Свидетели, которые дают показания, привлекались прокуратурой к ответственности и дают показания из чувства мести. Прошу дать возможность исправить свои ошибки, работать в дальнейшем и проявить свою активность в социалистическом строительстве".

Но ему такой возможности не дали. Судом Фазылов был приговорен к высшей мере уголовного наказания - расстрелу. Остались его жена, Фазылова Кайша, 28 лет, сын Наби -7 лет и мать Ракия - 68 лет. Вместе с ним также к высшей мере наказания - расстрелу - были осуждены первый секретарь Пресновского райкома Конюхов В.С., председатель РИК Капаров Карим, Уразбаев Нияз. К заключению в тюрьме на 10 лет были осуждены народный судья Пресновского района Майкотов Акишбек, 1906 года рождения, народный следователь Пресновского района Отепов Сейдахмет, 1912 года рождения, уроженец с. Любиски Есильского района Казахской ССР, который до 1929 г. проживал в юрте-землянке, Калугин С.Г., Гоменюк А. М., Гребешок И.И., Искаков С.

Приговор объявлен как окончательный и обжалованию не подлежащий. Однако через 2,5 года определением Суда СССР от 14.03.1940 года по протесту Председателя Верховного Суда СССР приговор суда в части осуждения Фазылова, Конюхова, Капарова и Уразбаева по ст.ст. 58-11 и 58-14 УК РСФСР отменен и дело в этой части прекращено.

Преступление же указанных лиц, предусмотренное в ст. 58-7 УК РСФСР, переквалифицировано на ст. 109 УК РСФСР и мера наказания им определена в 5 лет лишения свободы каждому. Но, увы! За смертью их приговор в части отбытия лишения свободы в исполнение не приводить.

В адрес председателя Северо-Казахстанского облсуда 7.04.1940 года было направлено председателем судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР Камероном уголовное дело в 12-ти томах с совершенно секретной сопроводительной, в которой было предписан: "Определение надлежит хранить при деле в совершенно секретном порядке. О проведении в исполнение приговора родственникам осужденных не сообщать!".

А чуть позже по постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 23.10.1959 года по протесту Генерального прокурора СССР приговор специальной коллегии Северо-Казахстанского областного суда от

3.10.1940 года в отношении Фазылова Хасена и всех осужденных с ним лиц отменен и делопроизводство по нему прекращено за отсутствием состава преступления в их действиях.

РЕКВИЕМ
Шевченко С.П.

Недавно исполнилось бы сто лет моему отцу Павлу Михайловичу Шевченко. Он прожил неполных сорок два года, не имел высоких титулов, громкого имени, один из миллионов и миллионов простых смертных.

В семейном кругу мы скромно отметили его юбилей. Календарно эти сто лет вписываются в двадцатый век, которому Александр Блок в самом его начале напророчил "неслыханные перемены, невиданные мятежи".

Пророчество сбылось. Век вместил в себя две мировые войны, три революции только в России, кошмары фашистских концлагерей и сталинского ГУЛАГа, Хиросиму, Нагасаки и Чернобыль, крушение мировой колониальной системы, распад СССР. В эти же сто лет люди вышли в космос, высадились на Луне, проникли в тайну живой клетки.

В бесчисленности людских судеб, вершившихся на протяжении века, столетняя хроника любой отдельно взятой фамилии - бесконечно малая величина. Но что такое история человечества, если не сумма всех этих бесконечно малых?

Семерых сыновей и дочь растил Михайло Шевченко, переселившийся с Харьковщины в Северный Казахстан в начале 90-х годов прошлого века. Он был землепашцем и мастеровым человеком, катал валенки, выделывал кожи, плел сети, кузнечничал, плотничал. Старший сын окончил двухклассную церковноприходскую школу, братья-погодки выучивались грамоте один у другого. Жила семья небогато, но будущее казалось Михаиле безоблачным: смышлеными, крепкими, охочими к работе росли сыновья. И в кошмарном сне не могло присниться ему и его Катерине, для какой страшной жатвы растят они их.

Сошлись народы на бойню первой мировой войны. Четверо из семи поспели к ней во всей юношеской красе и силе. Двое старших сложили головы на германской. Моему отцу выпала иная доля. Он пошел добровольцем в Русский экспедиционный корпус, формировавшийся для отправки в помощь союзной Франции. Отбор был строгий - брали парней только грамотных, хорошего роста, без единого физического изъяна на

лице. Русского солдата надлежало представить Европе в наилучшем виде.

Союзники пушечное мясо, поставляемое им из России, не жалели. Русский корпус бросали в самые кровавые мясорубки. После февральской революции и отречения царя солдаты потребовали возвращения на родину. Французы взяли корпус в окружение и предложили сложить оружие. Ультиматум был отклонен. Союзники открыли артиллерийский и пулеметный огонь на уничтожение. Корпус капитулировал и был разоружен. Солдатам отдали команду, кто согласен воевать - налево, кто хочет в Россию - направо. Мой отец шагнул вправо. И оказался за колючей проволокой в Алжире.

В 1921 году через Владивосток "алжирцы" возвратились на родину. Через разоренную гражданской войной Россию, в теплушках по Великой сибирской магистрали больше месяца добирался отец до Петропавловска. Там свалил его сыпной тиф. Выжил, но не успел окрепнуть, настиг его тиф возвратный. И все же не судьба была ему тогда лечь в братскую яму, куда без счета свозили людей.

До родного села было сорок километров. Заросший щетиной, с запавшими глазами, в жалком подобии солдатской шинели за несколько суток дотащился он домой.

На приступке у дверей хаты сидела седая старуха, медленно шевеля вязальными спицами. Картина была далеко не библейской - в честь возвращения блудного сына здесь явно не был уготован для заклания упитанный телец.

Обмерла старая, когда сын, наконец, объявился ей. Полуслепая, щупала руками его лицо, шептала:

- Боже ж мий, боже! Выплакала я очи, погано бачу: Хто же ты, сын мий, чи Виктор, чи Дмитрий, чи Павел?

После германской, гражданской войны, колчаковщины, продразверсток, крестьянских восстаний, голодного мора 21 года был объявлен НЭП. Ожила торговля, задымили трубы заводов и фабрик. Уверовал в свое новое счастье и селянин.

Видно, крепкой закваски был Михайло, если в двадцать пятом с пятерыми уже женатыми сыновьями и замужней дочерью выселился из большого села Борки на хутор. За одно лето среди тучных черноземов с березовыми колками, неподалеку от рыбного озера вырос этот хутор с белеными, крытыми камышом хатами. Сыновья пахали, сеяли, жали хлеб, старик мастерил, рыбачил, разводил пчел, баловал медом ораву внуков.

Какая пышная могла быть крона у древа, посаженного дедом! Наверняка, были бы у хуторян, спаянных кровным родством, добротные постройки, ухоженные поля, тучный скот, пруды, мельница. Но, накатила коллективизация. Дед свел в колхоз "коняку", сдал ходок. "Добрый був коняка, тэж и ходок, зэлэзный, на зализном ходу," - и десятилетия спустя сокрушался дед. Сыновья, зять "поутикали" с хутора кто куда.

...Недавно побывал я в Северном Казахстане, разыскал с родственниками место, где было наше родовое гнездо. Скорбно постояли над едва заметными пригорками, оставшимися на месте былых подворий.

Сколько таких гнезд раздавило, вмяло в землю железное колесо коллективизации!

А там накатила еще более страшная беда. В 1938 году арестовали моего отца и его брата. Потом загрохотала Великая Отечественная. Трое младших с той войны не вернулись. Всех своих сыновей пережили Михайло и Катерина, доживая век в нужде и неизбывном горе. Последние двадцать лет Катерина была слепой...

Много горького, унижающего довелось мне испытать как сыну врага народа. Я начинал свою биографию без вины виноватым перед обществом. Я не был комсомольцем, мне была закрыта дорога в партию, не светила карьера ни на одном поприще.

В годы моего отрочества словосочетания "враг народа", "пятьдесят восьмая статья", "без права переписки" были расхожими в житейских толках - в тюрьмах и лагерях отбывали сроки близкие чуть не в каждой семье.

Не знаю, как по статистике, а личное восприятие осталось такое: по меньшей мере, половина взрослого мужского населения изведала лиха репрессий. Напомню, что не только тридцать седьмой и тридцать восьмой были. Судили за колоски с колхозного поля, за горсть зерна с тока для голодных детей, за "вредительство", халатность, а позже - за опоздания на работу, бывших в оккупации, в плену - нет конца этому скорбному перечню.

Первый раз отца арестовали в 1937 году, но через несколько месяцев выпустили. По рассказам матери знаю, что многие, советовали ему уехать куда-нибудь, исчезнуть из поля зрения органов. Он не послушал умных советов.

- Я прошел такую проверку, что мне уже опасаться нечего...

Теперь известно, что многие, сменив место жительства, спаслись от арестов, разнарядку выполнили за счет других.

Когда его "брали" первый раз, он держался спокойно, говорил, что произошло недоразумение и он скоро вернется. Когда же пришли за ним

второй раз (как всегда в четыре-пять утра), он не мог застегнуть пуговицы, был смертельно бледен. У него был каллиграфический почерк, а на сохранившемся протоколе обыска (в результате которого у японского шпиона были изъяты охотничье ружье, несколько патронов и стреляных гильз, "переписка на двух листах" - кулинарные рецепты, переписанные каракулями малограмотной жены шпиона), расписался он неуклюжими прыгающими буквами. Он уже знал, что ожидало его.

Двадцать лет спустя старый товарищ отца поведал мне, что рассказал ему отец, выйдя из сталинского застенка. Двадцать лет хранил он эту тайну в себе, как и тайну того места, где закопал георгиевские кресты, чтобы скрыть свое неблагонадежное прошлое. Успевший повоевать еще и в Великую Отечественную, едва выживший после тяжелого ранения, старый седой человек, он плакал, пересказывая мне, каким нечеловеческим мукам подвергся отец при первом знакомстве с системой ГУЛАГа. Так что я еще до солженицинских и других публикаций кое-что знал о костоломных приемах следствия.

День за днем ходила мама в приземистое здание на Пушкинской. Ни одного свидания с мужем ей не дали, ни одной передачи не приняли. Осужден по 58-ой статье на десять лет без права переписки, - вот все, что она выходила. Вдруг по городу разносился слух, что в такой-то день со станции будут отправлять эшелон с осужденными. Сотни молодых и пожилых женщин с узелками, с детьми собирались с раннего утра где-нибудь в стационарном тупике в надежде хоть на мгновение увидеть родное лицо. Чаще всего ожидания были напрасными, а если иной раз и случалось видеть, как пригоняли к вагонам заключенных, свирепая охрана с собаками и на сотню метров к ним не подпускала.

Подростком я написал несколько писем Берии с просьбой пересмотреть дело отца как осужденного по ошибке. После каждого письма маму вызывали повесткой, стращали, грозили посадить и меня, как только достигну совершеннолетия, если буду "идти по стопам отца".

Потом началась война, и наше горе утонуло во всеобщем: счет потерям шел по нарастающей, и если на фронтах люди погибали за родину, что значили жизни врагов этой родины?

В 1948 году затеплилась надежда - истек объявленный срок, может, и объявятся канувшие в безвестность? Но глухо оставалось в дальних и ближних местах, где их надежно упрятали, - необъятны были просторы родины. На ее просторах нашлось место и для нового пополнения репрессированными - бывшими в плену, в оккупации, а там и морганистами-менделистами, космополитами, всех и не упомнить.

Лишь в 1956 году отца посмертно реабилитировали. В справке, выданной семье, было указано: умер от сердечной недостаточности в 1942 году. Казалось, занавес над судьбой отца окончательно опустился.

Шло десятилетие за десятилетием, и многое из тайного становилось явным. Чудом уцелевшие в жерновах сталинско-бериевской машины, превращавшей в лагерную пыль миллионы узников, рассказали нам и всему миру о всех кругах гулаговского ада. Но эта правда была все же одна на всех. А каждой семье хотелось знать, где, когда, как погиб отец, сын, брат, сестра.

Мне в этом плане "посчастливилось".

В 1990 году во всесоюзном масштабе шла новая волна - реабилитация незаконно репрессированных. Родственники из Петропавловска прислали мне номер североказахстанской областной газеты "Ленинское знамя", в котором была опубликована по материалам КГБ большая статья В.Ткача "Дело N...". Как пример типичного по методам фабрикации обвинения и следствия в статье приводилось дело отца.

Слепить обвинение отцу мастерам беззакония было нетрудно - как-никак был за границей, тут до шпиона любой иностранной разведки рукой подать. А вот совсем неграмотный родной дядя по матери расписываться не умел, а тоже японским шпионом оказался. Дядя Федор был грузчиком, играючи таскал на спине двенадцатипудовые тюки. Что надо было сделать с таким богатырем, чтобы выбить из него признательные показания?

В течение трех дней допросов ни отец, ни его брат, ни дядя Федор предъявленные им обвинения не признавали, на четвертый день полностью их признали.

В статье приводится весь известный набор средств следствия: нестерпимо яркий электрический свет в камере, круглосуточные без сна допросы, избиения. Но была еще одна деталь. В трудных случаях за работу брался мастер заплечных дел Щ. На обыкновенной табуретке он наловчился ломать подследственным позвоночники...

(Что ж, спрос рождал предложение. Эпохе нужны были не только доносчики, осведомители, но и палачи. В "Известиях ЦК КПСС" (1990г.) вычитал однажды такое: твердокаменный большевик Ю.Л. Пятаков из следственного изолятора обращается в ЦК с письмом, в котором в порядке своей реабилитации выражает готовность лично расстрелять своих подельщиков, в том числе бывшую жену. Впрочем, имеем ли мы право судить его? Может быть, и ему ломали позвоночник, прежде чем он написал такое письмо?).

После признания вины все трое были осуждены на десять лет без права переписки. Лгали в 1956 году, когда выдавали справки о посмертной реабилитации и смерти по разным причинам в разные годы. И тогда еще невмочь было сказать правду. Видно, по известной любви к трудовому народу не хотели травмировать его. Кто-то же сидел, расписывал сотни тысяч жертв, кто, когда, от какой болезни умер. Больше полвека понадобилось, чтобы решиться сказать правду.

Я, наконец, похоронил своего отца. А из головы все не выходила табуретка. О ней буду помнить до последнего дня в этом мире.

Мы не отмечали дни рождения отца, не провожали его на пенсию и в последний путь. Его как бы и не было никогда. Был. И этот очерк - в память его мученической жизни.

Мне не дано знать, каким выдастся новый век. Да светит новым поколениям более счастливая звезда!

ҚАСІРЕТТІ ЖЫЛДАР САЛҚЫНЫ

Ғаббасов М.

Үстіміздегі жылды Елбасымыздың "Жалпыжұрттық татулық пен саяси қуғын-сүргін құрбандарын еске алу жылы деп жариялау туралы" шығарған Жарлығына халқымыз ризашылық білдіріп, оны мемлекетімізде ұлтаралық татулықты нығайту мақсатындағы беделді саяси шаралы іске бағалап отыр. Бұл Жарлық дүниежүзілік қоғамдастыққа Қазақстанның беделін нығайту, тұрақтылықты, азаматтық және ұлтаралық татулықты сақтау жолында маңызы зор құжат болып табылады.

Бүгінгі таңда ұлтаралық өзара түсіністік пен тату-тәтті қарым-қатынастың біздің бәріміз үшін қай кездегіден болса да мәні зор. Президентіміздің бұл Жарлығы еліміздегі көптеген көленкелі жағдайлардың кіреукелі бетін ашып, сан пікірлі ой толқындарын тудырды, біздің адамдардың көп жылдар бойы көрген зорлық-зомбылықтарын терең қарап, айқындап талдауға мүмкіндік берді.

Тарих біздің халықтың маңдайына, тағдыр-талантына қыруар киыншылықтар жазыпты. Бұл туралы тарихи деректер мен архивтік құжаттар қазақ халқының әртүрлі қайғы-қасіретке толы жағдайларға ұшыраганын айқын дәлелдеп береді. Мысалы, жоңгарлардың қазақ жеріне дүркін-дүркін шабуыл жасауы салдарынан халқымыз "Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама"

деп аталатын қасіретке ұшырап, ұзын саны бір миллионнан астам адамнан айрылған.

Одан кейінгі 1921-1922 жылдардағы ашаршылықтан және оған ілесе келген Қазақстанда ауылшарушылығын зорлап ұжымдастыру, көшпелі және жартылай көшпелі қазақ шаруаларын ешбір дайындықсыз, күштеп отырықшыландыру, Сталиннің тікелей қолдауымен Голощекиннің соқыр саясаты жүзеге асқан 1932 жылғы ашаршылықтың салдарынан 2 миллионға жуық қазақ халқы мерт болды, бір миллион үш жүз мыңы ата-қоныс Отанын тастап, көз көрмеген алыс қиырларға жер ауып кетті. Егер 1930 жылы Қазақстанда 5 миллион 873 мың халық бары тіркелсе, 1933 жылы оның саны 2 миллион 493 мың адамға дейін қысқарған, яғни опатты жылдар халықтың тең жартысынан астамын жоқ еткен.

Осы қасірет жылдары одан кейін де жалғасып, халықтың басына қара бұлт үйірді. 1937 жылғы зұлымдық сталиндік әкімшіл-әміршіл жүйеніңхалыққа қарсы "ұлы терроры" ең алдымен елдің зиялы, бетке ұстар азаматтарына қарсы бағытталған еді. Отызыншы жылдардың басында өткен 1917-1920 жылдардағы Алаш партиясы мен Алашорда қозғалысына қатысқан қазақ зиялыларына ОГПУ тарапынан ұйымдастырылған екі үлкен сот процесін білеміз. Соның бірі – басы Ахмет Байтұрсынов бар, қырықтан астам адамға ОГПУ 1930 жылы 4 сәуірде өз үкімін шығарып, оларды түрмеге, концентрациялық лагерлерге отырғызды және қайсы біреулерін жер аударды. 1932 жылғы сәуірде ОГПУ Мұхаметжан Тынышпаев бастаған 20-дан астам зиялыны Ресейдің Воронеж облысына жер аударды. Олардың арасынан елге қайтқандарын және осы "тазалауға" ілікпеген басқа қазақ зиялыларын ОГПУ кейінгі 1937-1938 жылдары "халық жауы" деген жаламен бәрібір көзін жойды.

1937 жылы Қазақстанда жаппай жүзеге асырылған "халық жауларына" қарсы науқан белгілі қоғам, мемлекет, ғылым, өдебиет, өнер қайраткерлерімен бірге сан мыңдаған қатардағы қарапайым адамдарды қамтып, олардың "үштіктің үкімімен" атылғандары атылып, қалғандары ГУЛАГ-тың алыстағы лагерлеріне қамалды. Мұның өзі ұлттың өсіп-өнетін қымбат генетикалық қорын жою болып табылатыны сөзсіз. Осы жылдары Қазақстанда саяси қуғын-сүргіннің салдарынан 100 мыңнан астам адам сотталып, 25 мыңнан астам адам атылды.

Осындай нақақтан құрбан болып кеткен жандар әр облыста, аудандарда, ауылдарда көптеп саналады. Сондай нақақтан құрбан болған ауылымыздың бірер азаматтары жайлы өз білетіндерімді және азды-көпті жинаған деректерімді қоса отырып айтып беруді жөн көрдім.

Бастауыш мектепте оқып жүрген кезімде бұрынғы Қызыләскер ауданының орталығы болған Өрнек ауылында нағашымның қолында тұрдым. Қазір бұл аттас аудан да, ауыл да жоқ. Сол ауылда Әубәкір, Смағұл деген ағайынды жандардың жанұялары тұрды. Өздері кедей шаруадан шыққан, төрт ағайынды деп еститінбіз. Бізге, ауыл балаларына Әубәкір өте жақын болды. Мүмкін балажандығы шығар, әлде саятшыл, аңшылық дарқан көңілінен бе екен, әйтеуір бізді, өте жақсы көріп, майын тамызып, талай қызықты әңгімелер айтушы еді.

Сол әуеннің көп әңгімелерінен Мәскеуде үлкен оқуда оқып жүрген інісі Әбушахман туралы мақтанышпен айтып отыратыны есімде қалыпты. Айтса айтқандай, сол Әбушахман Жанболов Мәскеудің шығыс еңбекшілері коммунистік университетін бітіргеннен кейін, 1934 жылы Петропавл қалалық партия комитетінің хатшысы болып сайланып, қызмет істейді.

Көп кешікпей облыс орталығы - Петропавлда, облыстың ауыл-селоларында тұтқынға алу басталады. Жаппай қуғын-сүргін кезінде, 1937 жылдың қыркүйек айында Әбушахман Жанболовты тұтқындап, түрмеге салады. "Халық жауының" әйелі деп жарын да тұтқындайды. Содан Әбушахман қайтып оралған жоқ.

Біздің Есіл ауданындағы Жекекөл ауылында Ұлбай Төлепбергенов деген азамат болған. Оның шыққан тегі қарапайым. Руы Керей, Төлепберген атасы жалғызілікті кедей адам болса керек. Одан Сүттібай деген жалғыз ұл туады. Сол Сүттібай жалшылықта жүріп өзі сияқты жалшы қызға үйленіп, 1906 жылы туған ұлының есімін Ұлбай қойыпты. Онысы жалғызілікті адамның тым болмаса балам үлға бай болсын дегені болса керек. Бірақ тағдыр оған жазбаған. Анасынан екі жаста, әкесінен он төрт жасында айырылған Ұлбай жетім өсті. Өзінің қысқа ғұмырында екі әйелге қосылғанмен, олардан ұрпақ көрген жоқ.

Жетім болса да, ерте жетілін, пысық болып өсті. Кеңес өкіметі орнаған жылдары әркімге жалданып жұмыс істеп жүріп, батырақтар мен кедейлердің балаларына арналған ақ отауда оқып сауатын ашады. Қазан төңкерісін үлкен қуанышпен қарсы алып, ауыл өміріндегі жаңашыл істерге белсене араласады. 1926-1927

жылдары ауылдық мектепте сауатын жетілдіре түседі. Одан кейін арнайы ашылған әр түрлі партиялық курстарда оқып, партиялық-бұқаралық жұмыстарға дем қояды. Сөйтіп, 1930 жылы коммунистік партия қатарына қабылданады. Білімге ұмтылған жас және онымен тынбай, одан кейінгі жылдары облыстық және өлкелік партия комитеттерінің жанынан ашылған арнайы курстарды бітіріп шығады. Партиялық қызметіп 1931 жылы Төңкеріс аудандық партия комитетінде насихатшылықтан бастайды. Келер жылы Бейнетқор аудандық партия комитетіне бөлім бастығы қызметіне ауыстырылды. Одан осында аудандық атқару комитетінің төрағасы болып тағайындалады. Бұл қызметте көп істей алмайды, 1936 жылы ауыр науқастан, уақытша зейнет демалысына шығады да, Жекекөл ауылына көшіп келеді.

Зердесі ояу, көзі ашық, басшылық қызметтерде болған қарап отырсын ба, ауылдағы бұқаралық, әлеуметтік жұмыстарға араласады. Осында жылға жетпей партия қатарына екпінді колхозшыларды тартып, бастауыш партия ұйымын құрады, өзі оның хатшысы болып сайланады. Ауылда жаңадан мектеп салдырады. Колхоздың экономикасын көтеруде көп еңбек сіңіреді.

Осы Жекекөл ұжымшарында атқарылып жатқан жарқын істерді көре алмаған біреулер Төлепбергенов байдың қызын алып отыр, қайын жұртымен байланысы бар деп Приишим аудандық партия комитетіне арыз түсіреді. Осы арыз басқа да мәселелермен бірге 1937 жылдың тоғызыншы қазанында біріккен кусталық жабық партия жиналысында қаралады. Жиналысқа барлығы 9 коммунист және 4 партия мүшелігіне кандидат қатысыпты.

Жиналыста Төлепбергенов екі рет байдың қызына үйленген, сол бай қайын жұртымен байланысы бар, бір әйелінің інісін ұжымшарға есепші етіп орналастырды деп кінә тағылған. Сонымен бірге, Бейнетқор ауданында қызмет істеп жүргенде Семенков деген адаммен сыбайлас болған, ал ол болса контрреволюционер, троцкист болып шықты делінген.

Жиналыста сөйлеген 7 коммунистің алтауы Төлепбергенов туралы жақсы пікірлер білдіріп, оған қатаң сөгіс беруді ғана қолдаған, оның ішінде аудандық партия комитетінің екінші хатшысы Щербаков та бар. Алайда, қыңыр тартқан екі адам біреуі ауданнан келген Кулаков деген уәкіл және милиция қызметкері Жоламанов деген қайта-қайта шығып сөйлеп, әділ пікір айтқандарды қорқытып-үркітеді. Ұлбайды партиядан шығаруға жандарын салады. Сайып келгенде, әлгілердің айтқаны болып, қол

көтеріске салғанда алты адам олардың жағына шығады. Сөйтіп, Төлепбергенов партиядан қуылады.

Осы жиналыста Кулаков пен Жоламановтардың ұсынысы бойынша, аудандық партия комитетінің екінші хатшысы Щербаковқа Ұлбайды қолдағаны, ымырашылдыққа барғаны үшін айып тағылып, оның осы әрекеті аудандық партия комитетіне хабарлансын деген қаулы қабылданады. Ал, мұндай қаулыдан соң адам тағдырының, әсіресе қанды шеңгелді 1937 жылы немен аяқталары белгілі.

Әңгімеміз Ұлбай туралы болғандықтан, оған қайта оралайық. Сол жылдың қазан айында ауыл азаматының басына қара бұлт үйіріліп, өмірінің қайғылы кезеңі басталады. Қазан айының 20 күні үйінде тінту жүргізілген, оған Мұсабайұлы Елеуке қатысқан. 1937 жылы 29 қазанда оған айыптау қорытындысы тапсырылады. Онда үкіметке қарсы контрреволюциялық, ұлтшылдық колхозшылардың арасында арандатушылық жұмыстар жүргізуге қатысқан, байдың қызына үйленген деген айыптар бар. Солтүстік Қазақстан облыстық НКВД басқармасының 1937 жылғы 26 қарашадағы № 904-ші істі қараған "үштік" мәжілісінің шешімімен Төлепбергенов Ұлбай он жылға еңбекпен түзету лагеріне қамалды.

Нақақтан-нақақ запа шеккен Ұлбайдың өмірінің соңғы сағатына дейін қамалған қапасы іргеміздегі Омбы лагері. Оның осынау тамұққа тең лагерде 1942 жылдың жетінші ақпанына дейін жан адам білген жоқ. Оны республикалық прокуратураның тергеу бөлімі 1943 жылдың 3 тамызында Төлепбергеновтың ісі бойынша жазалау шарасын қайта қарау туралы қатынасына жауап алғанда бірақ білген. Ал елден ағайын-туыстары болса, сол уақытқа дейін Ұлбайдың қаза болғанын білместен оның отырған жерін іздестіріп, қайта-қайта сұрау сала берген. Сөйтіп, Омбы облысының НКВД басқармасы ОУРЗ-сынан 1944 жылдың 29 ақпанында келген соңғы жауап бар үмітті үзді, жазықсыз жан пида болды.

Сталиндік қасірет жылдарының осы сияқты құрбандары қай ауылдан болсын табылады. Биылғы жазықсыз құрбандарды еске алу жылы талай ақтаңдақтардың бетін аша түсті. Бүгінде зейнет жасындағы біздер сол ауыртпалықты тікелей өз басымыздан өткермегенмен, ел басына түскен қасіретті жылдар салқынын бала болсақ та жүрегімізде сезініп остік. Жазықсыздан жалаға

ұшыраған ардақтыларымыз, ағаларымыз, бауырларымыз есімізде. Олардың аруақтары үшін де қолыма қалам алдым.

ЗА ШПИОНАЖ В ПОЛЬЗУ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РАЗВЕДКИ

Михайлов М.Т.

Мне, как и моим сверстникам, родившимся в предвоенные годы, и мальчишками, с 8-10-летнего возраста, уже работавшим в военные годы Отечественной войны на полях и животноводческих фермах колхозов под девизом: "Все для фронта - все для победы", трудно было понять все события того времени. Прибытие немцев, чеченцев, ингушей в с. Имантав нашей области мы восприняли как должное. И наше поколение мальчишек, русских и татар, сдружилось с этими "врагами народа" и оказывало им всяческую помощь. Не понимая всего, мы в то же время по вечерам на посиделках слышали от своих матерей, которые тихим шепотом произносили: "Да какие же они враги? Такие же люди, как и мы". И еще вспоминали 20-30-е годы всеобщей коллективизации, голодные годы 32-33. А сколько людей увезли из Имантава, большинство из которых не вернулось. "А ты помнишь, Мария, Агриппина, те проклятые 37-38 годы, спецкомендатуры Берия?". "Да, помним, Анна". И наступала гнетущая тишина, и только слышен был их тихий гнетущий плач.

Повзрослев и получив образование, мы стали прозревать и менять свое отношение к "отцу народов" и деяниям И.В.Сталина.

По роду своей профессии мне приходится много заниматься исследованиями по истории края. Общая обстановка в 20-30-е годы XX века в стране отражалась, как в фокусе, как в с. Имантав, так и в г. Петропавловске. Приведу лишь три примера из нашей городской жизни.

28 апреля 1936 г. на партийном собрании кожзавода был исключен из рядов ВКП(б) И. Щеколдин. Он хорошо работал и активно участвовал в общественной жизни. В вину ему была поставлена служба у Колчака в 1919 г., хотя при приеме в партию в 1930 г. он указал в анкете данный факт. Дальнейшую судьбу его не удалось установить. Известно лишь одно, что с этого времени он не проживал больше в кожевенном поселке.

В этот же период как враг народа был исключен из партии директор завода С.Р. Шевченко, направленный на завод вышестоящими партийными органами. Решением "тройки" НКВД области за "шпионаж в пользу чехословацкой разведки" он был приговорен к расстрелу.

В 30-х годах на кожзаводе много лет безупречно трудился Иван Никитич Ишин. Биография у него, как и у его сверстников, проста. Трудное детство, учеба в начальной школе, пионерия, комсомолия. Здесь, на заводе, вступил в партию. Коммунисты-кожевники в самые трагические годы избрали его секретарем партийной организации. Со слов хорошо знавших И.Н. Ишина людей, можно узнать, что это был честный и добрый человек, преданный делу партии коммунист, который чутко и внимательно относился к людям и этим снискал себе заслуженный авторитет.

Вот что рассказывает об отце дочь Ишина Александра Ивановна:

- В 1938 году ночью к нам пришли на квартиру с обыском. Перевернули все: что-то искали. Отец перед уходом успел сказать маме:

- Береги детей [а нас было четверо]. Я ни в чем не виноват. Партия разберется, и я вернусь...

Как жену врага народа маму уволили с работы и выселили из квартиры. Все наше имущество поместилось на одну повозку. Семья осталась без средств к существованию. Мама пошла в НКВД и сказала:

- Забрали мужа, заберите и меня с детьми.

Ей ответили:

- Если надо, заберем...

Но все же позвонили на завод и сказали, чтобы детную мать обеспечили работой. Ей разрешили быть уборщицей в школе.

Все годы после ареста отца Ишины жили в поселке кожевенного завода. Повзрослев, дети пошли на завод, где работали, без отрыва от производства получили образование и, как говорят, вышли в люди.

К И.Н. Ишину, как и С.Р. Шевченко, была применена формулировка “шпионаж в пользу чехословацкой разведки”. Установить место захоронения Р.С.Шевченко и И.Н.Ишина не удалось.

В 1956 г. они были реабилитированы. Решением бюро Северо-Казахстанского обкома Компартии Казахстана от 26 сентября 1989 г. С.Р. Шевченко и И.Н. Ишин были восстановлены в партии.

ЧЕЛОВЕК НЕИССЯКАЕМОЙ ЭНЕРГИИ

Трусов В.И.

Как известно, беспощадный молох сталинских репрессий обрушился в первую очередь на лучших представителей партии, государственных деятелей, руководителей народного хозяйства, культуры. Североказахстанцы помнят и чтут имена таких неординарных, выдающихся личностей, как В.Г. Барлебен, А.Н. Сыргабеков, С. Сейфулин, А.

Айтиев, Ф.Т. Рузаев, П. Лазутин, М.К. Аммосов и многих других, чья жизнь и деятельность была связана с Северным Казахстаном, и многие из которых ушли из жизни с клеймом "враг народа". Это были люди многих национальностей, объединенные одной общей целью – возродить экономику края, улучшить жизнь народа.

Именно такую задачу поставил перед собой Максим Кирович Аммосов, якут по национальности, коммунист, подлинный интернационалист – по убеждениям, прекрасный организатор-хозяйственник, прибыв в Петропавловск весной 1934 г. в качестве ответственного секретаря Карагандинского обкома партии (Петропавловск был административным центром этой области в 1932-1934 гг.). Карагандинская область, объединявшая в те годы огромную территорию нынешних пяти областей – Карагандинской, Акмолинской, Северо-Казахстанской и Жезказганской, - имела большой удельный вес в республике по производству и заготовкам зерна. Эта область сдавала государству треть хлеба, заготавливаемого всем Казахстаном.

В эти годы начинается новый этап колхозного строительства, который требовал улучшить руководство, добиться ведения хозяйства на жестких плановых началах. С особой остротой стоял вопрос увеличения поголовья скота, которое, как известно, в предыдущие два-три года в республике резко сократилось.

Естественно, решение этих вопросов требовало огромных усилий от партийной организации.

С первого же дня Аммосов горячо взялся за дело. Как человека неиссякаемой энергии, его радовало каждое новое дело, которое ложилось на его плечи, как бы трудно не приходилось.

Бывший помощник Аммосова, Войханский, рассказывает: "Приехали мы в Петропавловск, и Аммосов сразу же приступил к организации подготовки к весенне-полевой кампании… тракторов, конечно, было мало, основной тягловой силой была лошадь. Не хватало сеялок и других прицепных орудий… нелегко было руководить в этих условиях сельским хозяйством… Максим Кирович не знал себе равных в труде. Он буквально работал по 24 часа в сутки в течение многих недель весенней посевной кампании и во время уборочных работ".

К 9 часам, как свидетельствует Войханский, он являлся на работу в обком, проводил обычный рабочий день, а затем уезжал в какой-нибудь колхоз или совхоз, за ночь успевал уехать из областного центра на 200-300 километров. В пути, в намеченных пунктах, он советовался с колхозниками, руководителями бригад, проверял, как проводятся намечен-

ные мероприятия, а к утру успевал вовремя прибыть на работу в обком партии.

Аммосов быстро завоевал уважение и любовь трудящихся области. Он был очень прост в общении с людьми, быстро находил общий язык с любым человеком: рабочим, колхозником, служащим, не кичился своим положением, и люди тянулись к нему с открытой душой. Он часто получал от них письма, где они, как своему лучшему другу, рассказывали о трудовых делах.

Аммосова восхищали просторы и богатство Казахстана. Он был влюблен в Северный Казахстан, в его людей.

В 1935 году в связи с 15-летием республики он писал: "Наша область обладает огромными земельными фондами для развития земледелия вширь. Мы обладаем неограниченными возможностями для подъема целины, для освоения новых земель и для расширения посевов. Мы должны всемерно продолжать линию на перевод посевов по преимуществу по новым землям…".

Целина не давала покоя Аммосову. Он часто говорил: "Придет время, когда мы разовьем промышленность, наработаем тракторов, и тогда мы эту землю обязательно без остатка освоим".

Несмотря на острую нехватку техники, Аммосов добивался того, чтобы колхозы и совхозы ежегодно распахивали как можно больше целинных земель. За 1934-1935 годы только колхозами области было вовлечено в оборот 666 тысячи гектаров новых земель. По тому времени это было огромным достижением – 666 тысяч составляли две трети всей посевной площади колхозов области. Выросла и урожайность. В 1934 году, как писал Аммосов, "мы получили рекордно высокий урожай", - от 12 до 15 центнеров на круг. В 1934 и 1935 годах Карагандинская область вышла на первое место в Казахстане по урожайности зерновых.

В тридцатые годы пафосом огромной, щедрой на природные богатства области, которой руководил М.К. Аммосов, в центре внимания была в первую очередь Караганда. 1934 год был для нее переломным.

Вся страна помогала строить Караганду, и в первую очередь - североказахстанцы. Обкому партии и его руководителям приходилось заботиться буквально обо всем: о завозе оборудования, об обеспечении шахтеров водой, о строительстве шахт-гигантов, о поддержке первых трудовых рекордов, о создании хотя бы минимальных удобств для первостроителей нового очага индустрии. Караганда была всего лишь одной из забот руководителей области. Но Максим Кирович в бурном потоке жизни чувствовал себя как в родной стихии. Казалось, впору

разорваться на части – всюду и везде надо успевать, но это не ожесточило его, а придавало новые силы.

В декабре 1935 года обком партии решил созвать первый областной слет стахановцев промышленности и транспорта.

Слет был многолюдным: съехались 200 делегатов. “Присутствует цвет рабочего класса нашей области”, - с гордостью отмечал М.К.Аммосов.

Сохранилась сокращенная стенограмма речи М.К.Аммосова на этом слете. Горячо и страстно приветствовал он стахановцев, называя известные имена рабочих.

“Над фигурами людей - участников этого слета, - говорил он, - стоило бы потрудиться своей кистью художнику, чтобы запечатлеть и показать всем образцы этих замечательных людей нашей эпохи.

Вот славная шеренга наших лучших рабочих кадров, вынесшая на своих плечах всю тяжесть создания и поднятия нашей промышленности и транспорта – товарищи Кузембаев, Ракишев, Кузьмин, Рузаев, Барон, Исимов…”

В конце 1936 года М.К.Аммосов был избран первым секретарем Киргизского обкома партии, а в марте 1937 года – первым секретарем ЦК Компартии Киргизии. Тепло провожали Максима те, кто стал его единомышленниками, опорой в работе, партийный, советский и комсомольский актив. Никто не мог тогда подумать, что дни жизни Аммосова уже сочтены, что он, как и многие лучшие представители ленинской когорты революционеров, падет жертвой сталинских репрессий.

“Легендарный Максим”, “солдат революции” - так называют Аммосова на его родине, в Якутии, таким его знают и североказахстанцы. Все, что он успел сделать для развития нашего края, стало яркой страницей истории.

ГОДЫ УНИЖЕНИЯ И ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Магазов К.М.

Не обошла стороной репрессия конца 30-х годов мой родной аул Бостандык, что в Мамлютском районе. Над мирным, затаившимся между березовыми колками аулом пронеслись, как смерч, слухи об арестах “врагов народа” в соседних аулах, селах Жекекуль, Каратал, Ново-Михайловка, Андреевка. Стальная рука террора достигла и нашего аула. В августе 1937 года Приишимский РоНКВД арестовал 60-летнего Мухамеджанова Абыкея. Более месяца на неоднократных издевательских допросах он категорически отрицал предъявленные ему обвинения, что

он руководитель национал-фашистской организации, действующей на территории Приишимского района. Наконец, заставили А. Мухамеджанова назвать "членов" руководимой им "организации": сына бая, председателя колхоза Мухамедию Ашитова, председателя аулсовета Калимоллу Карабатырова, сына муллы Магаза Сагиндыкова. Все они были арестованы.

Навсегда я запомнил 20 сентября 1937 года – день ареста отца, Магаза Сагиндыкова. Мне было 10 лет. Знал, отец был первым председателем аулсовета. Первым вступил в колхоз. Пользовался авторитетом. С арестом отца кончилось мое детство, семья наша (мать, четверо детей) стала семьей "врага народа". Сиротская доля, унизительное положение не могли не ранить моего детского сердца. Мой отец - враг народа? Нет, не может быть! Если кто из сверстников или взрослых по горячке или по злости (были и такие) называл меня отпрыском врага народа, сразу вступал "в бой", защищая имя отца.

Шли годы унижения. В 1941 году окончил семилетку. Началась война. Со слезами люди провожали на фронт мужей, сыновей, братьев. К концу сорок первого начали приходить первые похоронки. Оплакивали неутешное горе. Но горе было другого рода. Оно было связано с судьбой Родины, борьбой за ее независимость, всенародным стремлением во что бы то ни стало разгромить напавшего врага. Народ знал, за что гибнут его сыны. Подростки вместе с женщинами, стариками пахали, сеяли, убирали урожай. Все для фронта.

Вскоре стали возвращаться с фронта раненые солдаты. До глубокой ночи при коптилках слушали аульчане рассказ фронтовика, расспрашивали, не видел ли он сына, мужа… нам, подросткам, рассказы солдат казались романтичными. Не знаю, чего было больше во мне: "патриотизма" или желания доказать кровью, что мой отец не "враг народа", но я искал пути, как попасть на фронт. В 1943 году мне было 16 лет, и представился желанный случай. В конторе колхоза встретил офицера военкомата. На ломанном русском языке объяснил, что хочу на фронт. Он спросил, сколько лет, я соврал, прибавив себе два года.

На войне как на войне, воевал, как все. Был ранен. В 1949 году демобилизовался и меня, молодого коммуниста, райком партии направил в органы МВД, видимо, учли то, что последние годы служил в Берлине в войсках МГБ. Приняли меня помощником оперработника Приишимского РоМВД. Не знаю, как прошел проверки, видимо мои земляки не "выдали" меня. Но все же кто-то донес. Через месяца два меня вызвали в областное управление МВД и сказали, что я уволен… Я доказывал, что прошел проверку на фронте, имею боевые награды, что охранял

товарища Сталина на Берлинской конференции, за что имею правительственную благодарность, почему мне такое недоверие? Начальник отдела кадров, как мне помнится, фамилия его Сухов, внимательно выслушав, сказал: "Я все понимаю, в тридцать седьмом многие пострадали без вины. Но я тебе не могу помочь, такова инструкция". Было обидно, тяжело на душе. Но я не опустился. Поступив заочно в Петропавловский учительский институт, решил посвятить себя школе. Несмотря на все пережитое, всегда занимал активную жизненную позицию. Ощутив на себе с детства всю пагубность несправедливости, физиологически не терплю несправедливости ко всем, во всем. Кто работал со мной, полагаю, знает об этом. Спасибо людям, они за это ценили меня. Работая в школе учителем, директором, коммунистами не раз был избран неосвобожденным секретарем парторганизации колхоза. И вот в 1953 году вновь меня пригласили в Ленинский райком партии и предложили работу в аппарате, но я мялся... первый секретарь райкома Г.И. Плевако, человек волевой, настоял. Прошло месяцев семь, Григорий Иванович приглашает меня и спрашивает: "Где ваш отец?". Я ответил ему, что в 1937 году его арестовали, не знаю, за что, и не знаю, где он. Помолчав, первый секретарь посмотрел с участием на меня и сказал: "Жалко тебя, Магазов, что же делать?". При всей своей строгости Г.И. Плевако ко мне относился уважительно. Всего несколько дней назад он беседовал со мной, что будет рекомендовать меня секретарем парткома МТС, но увы... я вновь ушел в школу. Собственно говоря, я ничего не терял, вернулся к любимой работе по специальности, но все же терзала иногда мысль: "Есть ли более суровое моральное наказание, чем быть без вины виноватым, считаться неблагонадежным в своей стране, которую ты защищал на полях сражений, пролил кровь, мог быть убитым".

В 1956 году, будучи освобожденным секретарем парторганизации колхоза им. Ленина Ленинского района, на собрании читал закрытое письмо ЦК КПСС в красной обложке с грифом "секретно" "О культе личности Сталина и преодолении его последствий". Было одинаково радостно и горестно. Боже мой, сколько погублено жизней. С миллионов безвинно пострадавших сняли клеймо "врага народа". В 1958 году мой отец Сагиндыков Магаз был реабилитирован. Расстрелян он был постановлением Северо-Казахстанской "тройки" 11 ноября 1937 года. Я ознакомился с его уголовным делом. Он обвинялся как член национал-фашистской организации, а постановлением "тройки" расстрелян как сын муллы, без заключительного обвинения, без указания статьи УК РСФСР. Постановление "тройки" никем не подписано. На предвари-

тельном следствии обвиняли как члена национал-фашистской организации, ведущей работу в пользу Японии, а расстреляли отца как сына муллы. Какой парадокс. Мой дед, отец моего отца Сагиндык, умер в родном ауле в 1933 году в возрасте 87 лет. Очень рано лишившись родителей, он сумел получить хорошее образование, дал образование шестерым детям, учил грамоте детей аула и пользовался большим авторитетом в окрестности аула. Вплоть до 50-х годов аксакалы разных районов нашей области при встрече, узнав, что я внук Сагиндыка, с уважением отзывались о нем и приветливо относились ко мне, молодому тогда человеку, как к выходцу из хорошей семьи. Властям и мертвый дед был враждебным, и отца моего расстреляли только за то, что он сын муллы.

ФЕДОТ... ИМЕННО ТОТ

Мелехин М.М.

... Летом 1957 года он зашел в областной историко-краеведческий музей и долго стоял перед стендом, на котором были фотографии первых депутатов Верховного Совета СССР от Северо-Казахстанской области Н.С. Кузнецова и Ф.П. Целых.

- Почему вы их выставляете? Это же враги народа, - обратился посетитель к подошедшему директору музея К.С. Ушкову и как-то странно улыбнулся.

- Это не враги, - услышал он в ответ. – Они были незаконно репрессированы, вот совсем недавно реабилитированы.

- Перед вами, - тихо сказал посетитель, - бывший председатель Северо-Казахстанского облисполкома Целых Федот Павлович. Это я на фотографии. Да-да, Федот, именно тот самый, который прямо с IV областной партконференции в начале июня 1938 года был взят в "черный воронок", арестован как враг народа.

"Ударная волна" сталинских репрессий уже вовсю бушевала в Северном Казахстане. Позади был 37-ой и полгода 38-го. Группа костоломов во главе с начальником НКВД П.Е. Пановым (как многие "исполнители", он несколько позже был арестован и расстрелян), выполняя директивы сверху, уже арестовала значительную часть хозяйственных руководителей. Что уж там говорить о простых смертных.

Врагами народа были объявлены, сняты с должностей и арестованы первый секретарь обкома партии Н.С. Кузнецов, секретарь обкома партии Н.И. Патылицин, областной прокурор А.Х. Пумпур-Андреев, начальник областного земельного управления В.А. Витер, облвоенком

С.А. Азмухамедов, начальник политотдела отделения железной дороги Д.И. Чернецов, заведующие отделами обкома и первые секретари райкомов партии: В.А. Копылов, П.Н. Гуляев, А. Жамбулов, И.И. Шанаев, С.Д. Джолосбаев, К. Шентыбаев, М. Сулейменов, К.Т. Слепышев, Я.А. Вишневский и другие. Были также арестованы и "давали показания о шпионско-вредительской деятельности" первый секретарь обкома комсомола В. Теленбаев, редактор областной газеты "Ленин туы" С. Усенов, председатель Петропавловского горисполкома Ш. Хасенов...

Недавно избранный на должность председателя облисполкома Ф.П. Целых ощущал "дыхание ареста" каждый день.

И вот, наконец, очередная областная партконференция, проходившая в Петропавловске с 1 по 9 июня 1938 года. Очевидно, НКВДэшникам не интересно стало брать людей "втихушку", и они провели процесс ареста первого человека власти области публично, с размахом. В первый же день работы конференции Ф.П. Целых и заведующий сельхозотделом И.М. Власов были арестованы под одобрительные возгласы делегатов, ибо члены "троцкистско-зиновьевского блока" должны получить заслуженное наказание (в архиве в документах партконференции хранится мандат делегата Ф.П. Целых, отобранный у него публично).

... В Петропавловск он прибыл совсем молодым человеком из Атбасара, так сказать, на повышение, в 1923 году. В недавно образованную Акмолинскую губернию (ее центром был Петропавловск) требовались энергичные, деловые кадры. Коренной казахстанец, он имел за своими плечами крестьянский труд в селах родного Атбасарского уезда, службу в царской армии (дослужился до фельдфебеля 20-го Сибирского стрелкового полка), участвовал в боевых действиях повстанческой армии под руководством Амангельды Иманова. В гражданской войне - политрук роты Красной Армии, позднее - военком батальона ЧОН в Атбасаре.

В августе 1922 года Федот Павлович избирается ответственным секретарем уездного комитета партии. Все трудности восстановления экономики края легли на его плечи, ибо проблем, тягот и лишений было с избытком...

В 1935 году он избирается секретарем Петропавловского горкома партии. В это время уже шли аресты и, хотя они были не столь массовыми, вызывали тревожные раздумья. Многих "врагов народа" он знал лично и никак не мог поверить, что они являлись таковыми.

В особо доверительной обстановке дома родные иногда высказывали свои опасения и сомнения о происходящих событиях, но он твердо верил: сам абсолютно чист, с ним ничего не случится. Словно в подтверждение правоты в 1937 году Федот Павлович вновь "идет на повы-

шение" - становится председателем Северо-Казахстанского облисполкома. Почетную обязанность народного избранника - депутата Верховного Совета СССР - он совмещает с высшими партийными званиями члена ЦК Компартии Казахстана и члена бюро обкома. В это время он неоднократно встречался с руководителями Казахстана Л.И.Мирзояном, С.Нурпеисовым, У.Д.Исаевым, С.Сейфуллиным, А.Казакпаевым и другими. При его непосредственном участии закладывались основы промышленного, строительного, транспортного и сельскохозяйственного производства области, образованной накануне (29 июня 1936 года).

После ареста и ускоренного следствия по сфабрикованному делу, состоявшему в якобы скрытой враждебной деятельности против существующего строя, Ф.П.Целых был осужден к длительному тюремному заключению в один из "островов" "Архипелага ГУЛАГ" в Архангельской области.

Почти двенадцать (!) лет провел здесь наш земляк. Только в 1956 году, после освобождения и полной реабилитации, сумел он возвратиться в родные края... О годах, проведенных в лагере, вспоминать не любил - жизнь прошла, и прошлого возвратить никому не дано...

Несколько позднее выехал на постоянное жительство к родственникам в Киев, где и скончался в 86-летнем возрасте. Сегодня уместно вспомнить добрым словом тысячи наших земляков, людей с оборванной или искалеченной судьбой, ставших жертвами тогдашнего тоталитарного режима.

Среди них и он. Целых Федот Павлович.

ЧЕЛОВЕК ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ

Мелехин М.М.

Этот день - 21 мая 1938 года - разделил жизнь Николая Семеновича Кузнецова, первого секретаря Северо-Казахстанского обкома ВКП(б), на две половины. Первую - насыщенную трудной, но интересной работой, радостью созидания, и вторую - переполненную лишениями, физическими и духовными потрясениями. Именно в этот злополучный день вожак коммунистов нашего края прибыл по вызову в Алма-Ату, в ЦК Компартии Казахстана и был арестован в гостинице. На долгие годы он стал "врагом народа".

О чем он думал в первое время своей новой жизни? О том, что произошла трагическая ошибка и правда вот-вот восторжествует? Или вспомнил о том, что в подобной ситуации ему уже приходилось бывать? В 1919 году он побывал в плену у колчаковцев. Но там были чужие,

враги. А здесь свои. Со многими он был хорошо знаком, встречался на различного рода кворумах, жал руки...

Реденс, Панов, Павлов - эти люди хорошо были известны в Казахстане. Не мог он знать только одного: эти и многие другие работники НКВД стали исполнителями воли "великого вождя", который отдал приказ - открыть огонь по партийным кадрам, прикрываясь лживым лозунгом "выкорчевывания и разгрома всех наших врагов, троцкистско-японско-германских шпионов и диверсантов, бухаринских реставраторов капитализма, контрреволюционных казахских националистов и всех двурушников, замаскированных врагов партии и народа".

Н.С. Кузнецов родился в 1898 году в деревне Абрамово Косинского района (нынешней Пермской области) в бедной крестьянской семье. В 14 лет становится молотобойцем на местной кузнице. Два года бурлачил на лесосплаве у графа Строганова. Восемнадцатилетним был призван в царскую армию. В г. Самаре встретил февральскую революцию. Идеи социализма, созвучные с внутренним пониманием правды жизни, привели его в лагерь большевиков. В апреле 1917 года вступил в партию.

Вскоре после Октябрьской революции молодой большевик возвратился в родные края Северного Приуралья и активно включился в работу. Вместе со старшим братом, красногвардейцем, Николай Семенович работал над организацией партийных ячеек, укреплением власти Советов на местах. Вскоре они расстались: Кузнецов-младший командируется в Пермь на военно-агитаторские курсы.

Будучи в краткосрочном отпуске у отца в конце 1918 года, узнал, что в Пермь попасть уже не сможет, путь отрезан белыми. Он становится заместителем, а затем и командиром партизанского отряда. Выданный предателями, оказался в плену у колчаковцев, подвергался жесточайшим пыткам. К счастью, среди охраны оказался друг детства, Петр Чугайлов, который и помог ему организовать побег...

Воевал в составе регулярной Красной Армии. После изгнания белых из родных мест стал председателем ревкома, политработником, военкомом полка. В начале 1920 года решением Пермского обкома партии был отозван из армии и стал партийным работником. Осенью 1920 года Н.С. Кузнецов уехал на учебу в Москву, в Коммуниверситет имени Свердлова.

В марте 1933 года по мобилизации ЦК ВКП(б) прибыл в Казахстан - в Карагандинскую (Северо-Казахстанскую) область начальником политотдела одной из крупнейших на севере республики Тайнчинской МТС. Через год, в апреле 1934-го, он - начальник областного политсектора МТС, а затем – заведующий сельскохозяйственным отделом обко-

ма партии. Будучи начальником политотдела МТС, избирался депутатом XVII съезда ВКП(б).

Весной 1937 года Н.С. Кузнецов утверждается первым секретарем соседней - Кустанайской области. Это было тяжелое время. На февральско-мартовском (1937 года) Пленуме ЦК ВКП(б) Сталину и его окружению удалось протащить "теоретический фундамент" резкого усиления массовых репрессий под демагогическим лозунгом - "критика невзирая на лица". Именно здесь, в Кустанае, как справедливо отмечает публицист Рой Медведев в своих очерках "О Сталине и сталинизме", ходил Н.С. Кузнецов в местную тюрьму и добивался освобождения многих коммунистов. Он категорически запретил Павлову (начальнику Кустанайского управления НКВД) применять пытки. Однако специально в Москву по вопросу прекращения "избивания кадров" Н.С. Кузнецов не ездил и приема у Сталина (как утверждает Рой Медведев) не добивался.

Об этом эпизоде лучше всех рассказывал сам Н.С. Кузнецов: "...На июльском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) я рискнул обратиться с этим вопросом к Сталину. Он, не выслушав меня до конца, прервал и предложил все изложить Маленкову. Маленков тоже прервал меня, предложил ехать в Кустанай и оттуда "написать докладную записку в ЦК на имя Сталина, а мы здесь разберемся". Я не совсем был доволен таким отношением, мне стало ясно, что Сталин и Маленков знают об избиении наших партийных кадров. По приезду в Кустанай я все же написал об этом докладную с приложением к ней фактических материалов и послал по линии фельдсвязи на имя Сталина".

Неожиданно Николая Семеновича переводят в Петропавловск. 3 ноября 1937 года Н.С. Кузнецов избирается исполняющим обязанности первого секретаря Северо-Казахстанского обкома партии. Репрессии в то время достигли своего пика.

В конце 1937 года проводятся первые выборы в Верховный Совет СССР. Мандат депутата от нашей области наряду с другими кандидатами получает и Н.С. Кузнецов - партийный вожак коммунистов Приишимья. Они и сегодня хранятся в партийном архиве - предвыборные листовки с биографией кандидата в депутаты, где броским текстом написано: "Трудящиеся Петропавловского городского избирательного округа! Выбирайте депутатом в Совет Союза преданного делу нашей родной Коммунистической партии товарища Кузнецова Николая Семеновича!". В этом документе не было и тени фальши. Однако один пожилой житель Петропавловска рассказывал автору этих строк о том, как он, будучи мальчишкой, срывал эти листовки с заборов города, за что в

милиции платили по 25 копеек за штуку... В это время, в начале лета 1938 года, Н.С. Кузнецов был уже "врагом народа". Будучи коми-пермяком по национальности (или угрофинн, как писал в анкете), он был обвинен в шпионаже в пользу Финляндии и протаскивании в жизнь троцкизма. Исключается из партии. Тюрьма, ежедневные допросы. Рой Медведев отмечает (ж. "Знамя", № 3, 1989. С. 169): "Самые изощрённые истязания перенес Н.С. Кузнецов, но не оговорил ни себя, ни товарищей. В первый же "конвейер" он простоял восемь суток подряд перед следователем, на девятые упал, потеряв сознание, но ничего не подписал". Решением Особого совещания Н.С. Кузнецов 26 октября 1940 года был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет.

Не меньшие трудности выпали на долю мужественного человека в дальнейшем. Его освободили лишь в начале 1947 года, почти через год после незаконно "отмеренного" ему срока. Узнает самое печальное - погибла в тюрьме его жена, инструктор Петропавловского горкома А.Т. Вилесова. Она пошла на смерть, но не отказалась от своего мужа. Неизвестно, где дети. Умерла мать, погиб на войне брат. Еще в конце 1929 года был убит кулаками отец... Он едет к сестре во Львов, но без прописки не может устроиться на работу.

Лишь смерть Сталина и последовавшая за ней борьба партии с культом личности и его вредными последствиями дают Н.С. Кузнецову надежду на торжество справедливости. К этому времени он работает в Тихорецком лесопитомнике, проходит путь от рядового рабочего до и.о. руководителя, а затем трудится агрономом Таманской МТС (местному руководству все казалось, что слишком "большим начальником" стал бывший политзаключенный). Здесь, наконец, он получает известие о том, что Военная коллегия Верховного Суда страны от 15 октября 1955 года его полностью реабилитировала.

И, наконец, окончательное решение КПК при ЦК КПСС от 24 января 1957 года: "Ввиду того, что Кузнецов Н.С. был исключен из партии в 1938 году по необоснованным обвинениям и в настоящее время судебными органами полностью реабилитирован, во изменение решения Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 20 декабря 1955 года считать его членом КПСС с апреля 1917 года без указанного перерыва в партийном стаже. Поручить Темрюкскому райкому КПСС Краснодарского края оформить т. Кузнецову Н.С. выдачу новых партийных документов. Председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Н. Шверник".

Правда, наконец, восторжествовала. Николай Семенович был сыном своей эпохи, безгранично верил в "великого Сталина", считал, что

в его трагедии виноваты враги, пробравшиеся в органы НКВД. Он много писал о пережитом, стараясь отразить все, как было; есть у него и воспоминания о В.И. Ленине. Умер Н.С. Кузнецов в 1967 году. В настоящее время в Пермском издательстве вышла книга о его жизненном пути. И для нас, североказахстанцев, интересна судьба человека, связавшего свои молодые годы с Казахстаном, человека исковерканной судьбы, прошедшего через тюрьмы, лагеря и лишения, но навсегда оставшегося Человеком.

ЭТО НАШЕЙ ИСТОРИИ СТРОКИ

Физов А. С.

Все дальше уходят в глубь истории трагические для нашей страны годы. Но невозможно предать их забвению, выветрить из памяти народной. Как известно, в 1989 году возобновилась работа по реабилитации жертв сталинского террора, прекратившаяся в свое время с приходом к власти Брежнева.

По Северо-Казахстанской области в 1989 году было пересмотрено 1 233 уголовных дела, реабилитированы 1 700 незаконно репрессированных лиц. Фамилии многих из них были опубликованы на страницах газеты "Ленинское знамя", и хотелось бы, чтобы эта кропотливая и весьма трудоемкая работа была продолжена нынче, особенно в год общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий.

Вот что пишет "Казахстанская правда" в номере от 11 января 1997 года: "В 1938 году в Казахстане органы госбезопасности возглавлял свояк Сталина С.Ф. Реденс, и только за десять дней, с 25 февраля по 13 марта, было обезглавлено все партийно-советское руководство республики и областей. В Алматы расстреляли 569 человек. Что и говорить, это было настоящее истребление руководящих кадров, ученых, писателей и т.д.". А мне в связи с этим вспоминается случай из жизни с. Полудино в то время.

В период выборов в Верховные Советы страны и республики в нашей школе висели портреты кандидатов в депутаты Садыка Нурпеисова (он работал в аппарате Президиума Верховного Совета СССР) и Н.С. Кузнецова, первого секретаря Северо-Казахстанского обкома партии. Потом, спустя некоторое время, нас выстроили на линейку, и директор школы П.П. Смирнов (он погиб под Москвой в 1942 г.) объявил, что "люди, за которых мы голосовали, оказались врагами народа". Портреты, естественно, были сняты, а вместо них появились плакат "Ежовые рукавицы, давите врагов народа".

Тогда же в Полудино были арестованы секретари райкома Вишневский и Я.М. Ром, председатель райисполкома Стариков, учитель труда И.М. Карий, зав. РОНО М.С. Вебер, жена его осталась с семерыми детьми, один другого меньше, и скиталась по чужим хатам.

В селе Раевке были арестованы простые крестьяне: колхозники Г.Г. Зюзь и С.С. Трунов, а также бывший офицер царской армии, полный кавалер Георгиевских крестов, строитель Советской власти Н.В. Гуренко. Все они были оклеветаны.

В каждом селе, хуторе, ауле арестовывались люди и увозились в неизвестном направлении.

Так, из с. Кара-Гуга увезли спокойного, тихого плотника, 53-летнего А.Н. Самарина. Были арестованы П.Н. Шарый, тракторист совхоза "Чистопольский", А.П.Штыков из с. Октябрьского, Н.А. Желдяк и А.Т. Савельев из с. Лебяжка.

Список этот можно продолжать. Всех этих людей объявили "врагами народа", иностранными агентами и т.д., хотя некоторые не ведали грамоты и расписывались крестиком. В основном репрессировали мужчин, или поодиночке, или весь корень родичей. Так, с хутора Каганаевского были взяты шесть мужчин из рода Вагнеров (от 32 до 70 лет) и их родственница Е.К. Масольд, домохозяйка.

На вокзалах слезы лились рекою. В том же 1938 году в Полудинском клубе (здание бывшей церкви) три дня шел судебный процесс выездной областной коллегии над зоотехником Токушинского совхоза (хутор Гринево) Зубовым. Это был показательный суд. И мы, школьная ребятня, бегали к этому зданию, говоря между собой: "Врага судят, какого-то шпиона". Нам казалось, что партия делает все правильно. Так были воспитаны. Тогда родных детей заставляли отрекаться от своих отцов, а жен - от мужей.

НКВД было выше райкома. И после войны на бюро райкома всегда присутствовали начальники НКВД, КГБ и прокурор. Если же кого-то строго осуждали, особенно руководителей, то сразу брали под стражу.

Просматривая газеты в областном госархиве за 1937-37 гг., видишь, как усердно писали журналисты, селькоры, обвиняя бригадиров, полеводов, зоотехников, председателей за какие-нибудь промахи, обязательно вставляли в текст слова "вредительство", "это на пользу врагу" и т.д.

Многие известные люди прошли в те годы через казахстанские тюрьмы. Среди них - Галина Иосифовна Серебрякова, писательница, автор трилогии о жизни и деятельности Карла Маркса, человек сложной, трагической судьбы.

Участница гражданской войны, она вступила в литературу в тридцатые годы, а уже в 1936 г. была арестована. Двадцать лет провела эта женщина в Алма-атинской тюрьме. Очень обрадовалась, когда ее навестил поэт Николай Тихонов, но вскоре после этого началась слежка и за Тихоновым.

Александра Алексеевна Федорова была выслана из Москвы в Северный Казахстан, в Полудино, вместе с дочерью сестры Зои. Вике было всего 11 месяцев. А актрису Зою Алексеевну посадили в Калужскую тюрьму, где она пробыла 9 лет. Причина была в том, что на одном из приемов у И.В. Сталина актриса попросила вождя похлопотать за отца, которого арестовали в 1936 году. Спустя пару недель после разговора Зою Алексеевну арестовали. Улыбка вождя оказалась для нее трагической.

Девочка Вика (а полудинцы ее помнят, в нашем селе она прожила два года) тетю звала мамой. И только в 14-летнем возрасте она узнала о настоящей матери, когда тетя из Петропавловска отправила Вику к матери в Москву, то на Казанском вокзале удивленно смотрела девочка на двух незнакомых женщин. А одна почему-то обнимала ее и целовала, приговаривая: "Моя ты доченька, милая, как же ты выросла". А рядом с актрисой стояла подруга, тоже вся в слезах - Лидия Русланова.

Вика тоже стала известной актрисой, снималась во многих фильмах. У меня хранится журнал "Советский экран" за март 1990 г. с автографом Вики, присланный писательницей, членом коллегии журнала Эльгой Михайловной Лындиной. Сейчас Виктория Федорова живет в США и занимается бизнесом. А ее мать, Зою Алексеевну, работники КГБ застрелили в ее же квартире за то, что хотела выехать в Америку к дочери и мужу Роджерсу Бэкону - контр-адмиралу, бывшему военному атташе США в СССР, высланному из Москвы после ареста Зои Федоровой.

...Когда я лежал во время войны в госпиталях в Петропавловске, туда же был доставлен областной судья Заваленко Петр Ильич. Мы часто разговаривали. И помнится, он говорил: "После каждого судебного процесса я не сплю неделями и не ем. Душа болит. Но сказать не могу".

Честно говоря, по молодости лет я тогда никак не мог понять его мрачного настроения, еще не научившись соотносить и анализировать события. И лишь спустя годы понял, как тяжело было на душе у этого человека, волею судьбы вынужденного подписывать трагические приговоры.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИТОТДЕЛА

Физов А.С.

Проходя или проезжая по дороге Скворцовка - Игнатовка, вижу захламленные кустарники, деревья акации, клена, а когда-то стояла густо позаросшая лесополоса вдоль грейдера Полудино - Раевка. И перед глазами встает образ автора этого насаждения - начальника политотдела Полудинской МТС - Якова Моисеевича Рома.

Когда появлялась легковая машина возле колхозной конторы или сельского Совета, мы, деревенская ребятня, подходили к машине и любовались ею, а также вышедшим из нее Я.М. Ромом.

Он обязательно подходил к кому-нибудь из нас и гладил по голове, спрашивая про жизнь, учебу, родителей.

Он был коренастый, среднего роста, с высоким лбом, в очках, через плечо портупея, полевая сумка, наган. С ним иногда приезжала редактор политотдельской многотиражки Нина Дмитриевна Араловец - мать Наташи Ковшовой. А то просто приезжала на ходке с извозчиком за материалом для многотиражки "За большевистские колхозы".

Мы всегда любовались этими людьми и завидовали им, мечтая быть такими же. Они были для нас недосягаемы. А если и с кем из нас еще и разговаривали, то мы обязательно дома сообщали об этой "важной" новости: "А меня начальник по голове погладил".

Помнится 1934 год. Косили рожь. Подъехала "эмка" (так называли легковую автомашину). Из нее вышел Я.М. Ром. Он, как всегда, ходил по полям, присутствовал на обеде и пробовал кушание.

В полосе новой загонки машинист лобогрейки М.Н. Родионов "поучал" мальчика матом за то, что он не мог справиться с коровами, которые были запряжены в лобогрейку, и сделал огрех: "Ты что, мать-перемать, справиться не можешь, утянуть не можешь коров. Видишь, огрех, иди и вырывай! Тебе уже 12 лет, ты же мужчина!" И снова мат. Мальчик плакал.

Ром подошел к М.Н. Родионову и сделал ему замечание, заступился за мальчика. Но все-таки мальчика дядя Миша, как мы его звали, убрал с погоничей и послал подпаском коров.

Урожай был хороший, но колхозы еще не окрепли: сказывалось голое администрирование Ф.И. Голощекина, секретаря ЦК Компартии Казахстана (известная его деятельность по созданию колхозов, совхозов и руководству Казахстаном). После освобождения Ф.И. Голощекина с должности дело в Казахстане пошло на улучшение. Стало возможным осмыслить случившееся и подвергнуть критике курс Голощекина.

Для выправления положения в сельском хозяйстве по решению ЦК партии создаются политотделы МТС. Им поручалось восстановить подорванные позиции партии в массах тружеников села, вскрывать перегибы прежних лет, а главное, в иной, смягченной форме реализовывать изначальную функцию колхозов - обеспечить бесперебойные поставки продовольствия, зерна. Такая задача, как считалось, по плечу только подготовленным, закаленным партийным кадрам.

По решению ЦК ВКП(б) в нашу Северо-Казахстанскую область на работу в Политотдел прибыли член партии с 1917 года Н.С. Кузнецов, вице-консул Ген.консульства СССР в Польше (Львов), член партии с 1918 года А.А. Величко, аспирант института редких элементов, член партии с 1919 года Я.М. Ром, московский аспирант, латыш, член партии с 1920 года Бойтман, зав. кафедрой политэкономии института цветных металлов, член партии с 1920 года В.А. Копылов, зам. наркомзема, член партии с 1918 года В.Г. Лукьянов и другие.

Яков Моисеевич Ром был культурным, высокообразованным организатором, с большим опытом партийной, политической работы. На заре советской власти (1918-1919 гг.) работал в Петроградском совнархозе и состоял членом коллегии секции по металлу и ответсекретарем. С 1919 г. находился в армии на Южном фронте в качестве начальника политотдела армии. Был членом Грозненского, Владикавказского ревкома и членом оргбюро Грозненского ОК ВКП(б). В период НЭПа Яков Моисеевич работал редактором бюллетеня культурной жизни СССР, издаваемого в ВОКСе для заграницы. Вскоре комитет назначил его заместителем председателя издательства “Долой неграмотность”, и здесь же был избран генеральным секретарем издательства и одновременно консультантом по печати. В 1931 г. избран членом Ленинского райкома в Москве. Вместе с учеными Перкиным и Избаровским создавал в Москве городок науки и техники, а потом возглавлял его. В этом же году, оставив директорство, перешел на учебу в аспирантуру редких металлов под руководством профессора Башилова и В.И. Глебовой.

В марте 1933 года по решению ЦК ВКП(б) Я.М. Ром прибыл в нашу область на должность начальника Политотдела Полудинской МТС. В своей работе стремился укреплять колхозы и обучать руководящие кадры. Но особая заслуга его - по хозяйственному устройству откочевников. Инициатива Политотдела Полудинской МТС и колхозников явилась ярким образцом проявления дружбы между народами, помощи русских колхозников казахам.

В области по методу Политотдела Полудинской МТС было устроено 1560 семей казахов-откочевников (См. в сб.: “Северо-Казахстанская

область в 1917-1957 гг.". С. 79). В мае 1934 года Ром Яков Моисеевич был награжден орденом Ленина за боевое, самоотверженное выполнение директив партии и правительства о социалистическом переустройстве деревни.

Я.М. Ром в своей работе был вежливым, чутким и внимательным к людям. У начальника политотдела всегда колхозники находили защиту. Так, пожилой колхозник Цибулаев из колхоза "Путь Ильича" (с. Камышлово Советского района) с горечью сказал Рому, что его по возрасту отстранили от сельхозработ, заявив: "На мыло только годными нас почитают". Чтобы вовлечь стариков в производство, были организованы агро- и зооветкурсы. Ведь у стариков был богатый опыт по сельскому хозяйству. Пожилые люди стремились на производстве держать дисциплину и порядок. Если дело разбирается на собрании, то критиковали, невзирая на лица, в том числе и своих родичей. Так, старик агростароста Аман из колхоза им. Макса Гельца (с.Скворцовка) резко критиковал односельчан за нерадивость, в том числе и свою дочь.

Колхозники работали круглый год, им и отдохнуть некогда. Заметив это, Яков Моисеевич вместе с политотдельцами энергично взялся за возрождение соцкультбыта на селе. Так, весной 1934 года в с. Полудино была организована первая конференция по культурному обслуживанию таборов.

Я.М. Ром в начале 1935 года был избран первым секретарем Полудинского райкома партии "как инициативный, положительный работник" - такую характеристику давал секретарь обкома М.К. Аммосов.

В мае 1935 года по решению ЦК партии, принятому по настоянию Сталина, началась масштабная проверка партийных документов, вылившаяся в подлинную "охоту на ведьм".

И вот передо мной архивные документы Я. М. Рома, где сказано, что во время первой чистки партии, в связи с прошлым в Бунде, исключался из партии, а потом восстанавливался. В 1933 и 1934 гг. снова была проверка, через год вновь проверка личного дела, и получает открытое предупреждение за то, что скрыл в анкете об исключении из партии в 1924 году.

А в 1936 году - вновь проверка и обвинение в том, что состоял в контрреволюционной организации Бунда (социал-демократический союз, возникший в октябре 1897 г. в западных губерниях России - А.Ф.) и скрыл при заполнении анкеты, будучи начальником Политотдела Полудинской МТС. Был снят с должности первого секретаря, исключен из партии, а после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) (1937 г.)

был осужден на 25 лет как враг народа и сочувствующий идеям Троцкого. На груди его был орден Ленина.

Вместе с ним были осуждены Стариков - председатель Полудинского РИКа, Вишневский - секретарь райкома и многие другие. В Москве осталась жена Я.М. Рома - писательница Игумнова Татьяна, автор книги "Маркизетовый поход".

И пошла его судьба по сибирским тюрьмам. По свидетельству писателя, бывшего собкора "Комсомольской правды" Бориса Дьякова, который сидел вместе с Ромом, Якова Моисеевича носили по лагерям на носилках: отказали ноги. В 1956 году Я.М. Ром был реабилитирован, а через год скончался в Москве в возрасте 67 лет.

Таков тернистый путь старого большевика, патриота Родины и ученого, талантливого организатора. Память о нем в сердцах полудинцев осталась навсегда.

"...ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ"

Салахова О.А.

Конец 1927 года. Масштабные программы развития промышленности под угрозой срыва. Хлебозаготовительная кампания, организованная с целью увеличения производства продовольственных товаров для стремительно растущего городского населения, терпит фиаско.

Но проблема осталась. Более того, она возведена в ранг государственной политики - проведение форсированной коллективизации, в результате которой сотни тысяч крестьянских семей были ввергнуты в пучину страданий и унижений лагерного спецпереселенческого существования. Система массированной перекачки финансовых, материальных и трудовых ресурсов из аграрного сектора в индустриальный сработала безотказно. Последствия - голод 1932-1933 гг., который стал одной из самых трагических страниц в истории советского крестьянства. Это был первый в истории деревни искусственно организованный голод, унесший десятки тысяч крестьянских жизней и подорвавший здоровье выживших. 1934-1936 гг. шли, а материальное благосостояние народа оставалось прежним.

Для объяснения вопросов, возникавших в сознании масс, подыскивались новые, все более извращенные, но всегда конкретные и понятные "маленькому человеку" объяснения причин аварий на производстве, нехватки товаров повседневного спроса, перебоев с продовольствием.

Раз нарастают трудности, значит, усиливают свою подрывную деятельность враги народа.

"Враги народа" - представители эксплуататорских классов, "пробравшиеся" в партию, в государственные органы, на заводы, в колхозы, и коммунисты, "завербованные иностранными разведками".

Повергнув в опалу "начальников", власть, с одной стороны, удовлетворила ущемленное чувство социальной справедливости (общество 30-х было далеко не эгалитарным. Имелись значительные различия в уровне доходов, образе жизни между крестьянами, рабочими, значительным слоем интеллигенции, номенклатурой). Помимо этого, вокруг наиболее образованной, способной к выработке и принятию самостоятельных решений части общества создавалась атмосфера общественного недоверия ("гнилая интеллигенция", "бюрократы"), над ней постоянно висел дамоклов меч репрессий. Это в корне подавляло всякую оппозицию, сепаратизм, свело до минимума коррупцию, теневую экономику.

Импульс новому витку широкомасштабных репрессий был дан на печально известном февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б), изобличавшем "уроки вредительства, диверсий и шпионажа японско-немецко-троцкистских агентов по НКВД". Началось очередное перетряхивание кадров "партократии". Над страной витал дух всеобщей подозрительности и страха.

Масштабы устрашения, жестокость сталинизма сковали волю многих, что привело к моральной деградации. И как следствие всего происходившего появились многочисленные доносы на партийных работников

Одной из жертв такого доноса в 1937 году стал председатель Красноармейского райисполкома Вагнер Адольф Иванович.

Судьба этого человека была закрытой темой вплоть до периода открытия "спецхранов" в начале 90-х годов. В этот период документы, отражающие период сталинских репрессий, становятся достоянием гласности.

Из документов государственных архивов Северо-Казахстанской области, архивов бывших партийных органов, комитета государственной безопасности, собранных воедино, можно восстановить политический портрет этого человека яркой, но трагической судьбы.

Родился Адольф Иванович в 1888 г. в семье малоимущего середняка в с. Шендорф АССР немцев Поволжья. Закончив в 1906 г. педкласс Марксштадского центрального училища, он обучает грамоте детей и взрослое население, ведет церковно-приходские книги, в местном костеле играет на органе.

В 1913 г. Адольф Иванович с семьей переехал в с. Рождественское Акмолинской области, где, овладев казахским языком, продолжает учительствовать, обучая грамоте детей из близлежащих аулов. Здесь же для жителей немецкой национальности он организует и проводит лютеранские моления.

В период первой мировой войны он попадает под общую мобилизацию и направляется на Туркестанский фронт, где проходит службу в инженерно-строительной дружине писарем. В 1918 г. во избежание мобилизации в армию Колчака добавляет себе несколько лет возраста, после чего демобилизуется.

В последующие годы продолжает работу в сфере образования.

Человек недюжинных способностей, прекрасный организатор, способный воодушевить и повести за собой людей, он направляется на самые трудные участки. В 1929 году как опытный организатор и член партии, прошедший "чистку" без замечаний, Вагнер Адольф Иванович был направлен на ликвидацию контрреволюционных выступлений немцев, проживающих в Акмолинской области. В этот же период он принимает активное участие в организации коллективных хозяйств.

Зимой 1932-1933 гг., будучи председателем Тельманского райисполкома, в экстремальных условиях, за 6 дней, он организовал вывоз полутора тысяч хозяйств кочевников, обреченных на голодную смерть.

Зимой 1934 года под руководством Адольфа Ивановича был произведен сбор продовольственной помощи порядка 50 тонн зерна населению Четского района Карагандинской области. Груз был доставлен по месту назначения без потерь.

Осенью 1934 г. по поручению партии Вагнер А.И. занимается организацией новой административно-территориальной единицы - Красноармейского района, которым в последствии и руководит в должности председателя райисполкома.

Пройдя очередную чистку в партийных органах, весной 1936 г. Вагнер по поручению партии проводит организационные мероприятия по образованию Келлеровского района. На его территории было образовано 14 поселков, в которых были размещены трудпереселенцы, которыми ведал областной отдел переселения НКВД.

Навыки земледельца и хозяйственника, полученные от отца - малоимущего середняка, помогают Вагнеру А.И. в хозяйственной деятельности. Высокий интеллектуальный уровень, чувство персональной ответственности, способность самостоятельного мышления при решении жизненно важных вопросов, практичность, интернационализм, умение реально оценивать состояние дел ставили Вагнера А.И. выше ряда

руководящих партийных работников, в том числе стоявших к нему в оппозиции. В результате, последние, действуя по общеизвестному принципу "кто не с нами, тот против нас", при активной "помощи" работников НКВД добились того, что 27 июля 1937 г. Вагнер А.И. был арестован. Ему инкриминировалось "пособничество немецкой разведке и подготовка с другими агентами разведки контрреволюционного движения против Советской власти в случае нападения Германии". ("В 1913 году был завербован лютеранским пастором Торне для шпионской работы против России и после этого был направлен в Акмолинскую группу немецких сел. В 1918-1925 гг. неоднократно передавал немецкой разведке шпионские сведения через участников Омской шпионской организации Штибине и Теске", - из протокола допроса).

К делу были приобщены копии протоколов допросов уже "разоблаченных врагов народа", подтверждающих причастность Вагнера к враждебной агентуре.

Руководил следствием по делу бывшего председателя райисполкома начальник УНКВД по Северо-Казахстанской области Панов (в 1940 г. за применение "незаконных методов" - пыток и избиений и фальсификацию ряда уголовных дел в период 1937-1938 гг. - он был осужден и приговорен к расстрелу).

Попытка Вагнера А.И. аргументированно доказать несостоятельность выдвинутых против него обвинений была обречена на провал. Результатом процесса, основанного на фальсификации, лжи, политическом терроре, физических пытках и угрозе физического уничтожения близких родственников - жены, детей, внуков, - стало "саморазоблачение" Вагнера.

22 декабря 1937 года решением комиссии НКВД и прокурора СССР Вагнер Адольф Иванович был осужден и приговорен к расстрелу. 14 января 1938 г. приговор был приведен в исполнение.

Истребление и искоренение врагов народа сопровождалось пропагандистской шумихой, поэтому отношение общественности к завуалированному террору было однозначным. Так, в газете "За большевистские колхозы" с. Ново-Сухотино 12 марта 1938 г. была опубликована заметка библиотекаря парткабинета Назаровой Маруси следующего содержания: "...я присоединяюсь к многомиллионным голосам народа расстрелять гадов из правотроцкистского блока". Клеймо врага народа стало роковым для всех членов семьи Вагнера, которые незамедлительно были направлены на "перевоспитание" в ГУЛАГ. Лишь после разоблачения Сталина на XX съезде Кремль был вынужден

признать перед миром, что все политические процессы были сфабрикованы путем применения "незаконных методов".

"Хрущевская оттепель" положила начало реабилитации жертв чисток Сталина.

Так, 24 февраля 1960 года Военный трибунал Туркестанского военного округа отменил решение комиссии НКВД и Прокурора СССР от 22 декабря 1937 года по делу Вагнера А.И. за отсутствием состава преступления.

27 декабря 1990 г. на заседании бюро Кокчетавского обкома Компартии КазССР был рассмотрен вопрос и вынесено решение "о партийной реабилитации Вагнера Адольфа Ивановича и восстановлении его в партии с 1932 г. посмертно".

"ПУСТЬ ЗНАЮТ ВНУКИ..."

Абильмажинов С.А.

Волна массовых репрессий 1937-1938 годов докатилась и до наших казахских аулов. Наступило время всеобщего подозрения. Аульчане, даже близкие родственники, боялись обронить лишнее слово, ибо знали, что стараниями всякого рода доносчиков могут попасть в "черный список". В аулах царил страх.

Но, несмотря на предосторожности, в разных аулах случались аресты. Беда нагрянула и в нашу семью.

Мой дядя, Нургали Смаилов, был арестован как враг народа. Родственники были напуганы, и все недоумевали, не видя никаких причин для столь страшного обвинения. Ведь по родословной Нургали был безупречно чист: отца его не было в живых, а деда он не помнил. В Среднем жузе дед Кенжеболат и его потомство берут свое начало от древнего племенного союза атугаев, ближе - от есентанрыкцев. Может быть, среди них и были состоятельные люди - настоящие баи. Но ни Кенжеболата, ни его сыновей Смаила и Сулеймена не причисляли к богачам.

Три сына было у Смаила. Старший из них, Кобен, умер в год свершения Октябрьской революции, так что он не мог быть противником Советской власти. Двое других сыновей Смаила - Абильмажин и Нургали - вступили в колхоз "Жанатлек" Бейнеткорского (ныне Аккайынского) района. Это было в 1929 году. Во время кампании по ликвидации кулачества и баев как класса с конфискацией их имущества братьев не трогали, так как они не могли быть отнесены к категории сверхзажиточных шаруа. За что же тогда взяли Нургали?

Нагрянувшие в "Жанатлек" сотрудники НКВД Жанабаев и Александр Попович предъявили ордер № 15 на арест Нургали Смаилова и на обыск в его доме. Обыск ничего не дал и не мог дать, так как ни документов, ни вещей, которые бы уличали Нургали в какой-либо преступной деятельности, в природе не существовало.

Но те, кто поднаторел в нарушении законности, мало обращали внимания на формальную сторону дела. Любопытен в этом отношении один штрих. Упомянутые сотрудники НКВД при произведении обыска у Нургали в качестве понятого привлекли... старшего брата арестованного Абильмажина. При этом Жанбаев и Попович сознательно пошли на подлог, изменив фамилию понятого: в протоколе обыска он значился как Исмаилов (вместо Смаилова).

Абильмажин, естественно, не мог тогда обнаружить искажения, так как ни он, ни его брат не были обучены русской грамоте, они были знакомы только с арабским алфавитом.

Дядю увезли. Это случилось 13 сентября 1937 года.

Так за что же пострадал Нургали Смаилов?

Чтобы понять всю нелепость и несостоятельность предъявленного ему обвинения, думаю, небезынтересно будет вернуться к первоначальному документу, подшитому в "дело" дяди, а именно - к протоколу, составленному при его аресте и обыске. Вот выдержки из него (явные грамматические ошибки и погрешности пришлось исправить, сохранив при этом стиль автора - помощника оперуполномоченного РОНКВД Жанабаева):

"...При обыске присутствовали: Исмаилов Абильмажин, Попович Александр Тихонович, сотрудник РО.

При обыске ничего не обнаружено.

Смаилов Нургали родился 12.11.1901 года в колхозе "Жанатлек" Сартомарского аулсовета Бейнеткорского района. Крестьянин-скотовод, в союзе не состоит, колхозник.

В момент ареста имеет 1 корову, 1 теленка, дом земляной. В колхозе с 1929 года.

До 1929 года имел в хозяйстве: лошадей - 3, коров - 3, овец и коз - 4, волов - 1 пару, рогатый молодняк - 2, имел -1 сенокосилку, земляной дом.

Гражданство СССР. Беспартийный. Малограмотный.

Судим в 1932 году по закону от 7. VIII. за расхищение колхозного имущества на 10 лет лишения свободы.

Жена Айша - 31 год. Дочь Зейнизаиб - 7 лет, сын Айтбай -12 лет.

Средний рост, не имеет 2 зубов верхних".

Меня в этом "документе" удивляет не то, что напарник Жанабаева, производивший вместе с ним арест и обыск, упоминается в то же время как второй понятой. Видимо, такая практика у тогдашних "держиморд" уже стала привычным делом, нормой поведения.

Удивляет же меня тот пункт в протоколе, где говорится о судимости дяди, если он действительно был осужден на 10 лет лишения свободы, то каким образом он к моменту ареста оказался дома? Что, сбежал с мест заключения и, не скрываясь, отрыто в течение 5 лет находился в ауле и трудился в колхозе? Невероятно! Тут концы с концами не сходятся. Замечу только, что ничего такого, похожего на правду, мне не известно. О "судимости" своего отца не знал мой двоюродный брат Айтбай. Он, лишившийся родителя в двенадцатилетнем возрасте, непременно рассказал бы мне о таком факте, если бы он действительно имел место.

Я уверен, что миф о судимости Нургали Смаилова специально, намеренно придуман сотрудниками НКВД, чтобы дать следователям хоть одну зацепку для правдоподобного обвинения очередной жертвы произвола.

Когда читаю само обвинительное заключение, составленное 8 октября 1937 года, я еще и еще раз убеждаюсь в верности своей догадки. Вот что инкриминировалось дяде:

"- связь с контрреволюционными ячейками в ряде районов области, которые основной своей задачей считают отторжение Казахстана от СССР и свержение Советской власти, создание буржуазно-демократического государства на территории Казахстана (одна из контрреволюционных ячеек раскрыта и ликвидирована в Бейнеткорском районе);

- участие в сколачивании контрреволюционных групп в колхозах для проведения вредительской работы;

- распространение среди населения алаш-ординских идей;

- дискредитация мероприятий парии и правительства по колхозному и национальному вопросу;

- хищение государственного и колхозного имущества;

- проведение в колхозах вредительской работы, направленной на подрыв экономической мощи колхозов;

- распространение пораженческих слухов о скором падении Советской власти, восстановлении царского строя с помощью капиталистических стран".

Невероятно, но так выглядит грубо, по-топорному сфабрикованное обвинение. Для чего была нужна такая стряпня, каждый пункт которой

подводил невинного человека под расстрельную статью Уголовного Кодекса? Да, все делалось во исполнение распоряжения "тройки" (Сталин, Молотов, Каганович) от 30 июля 1937 года. Местным же палачам было безразлично, кому отрубать голову: они из кожи вон лезли, чтобы в точности выполнить спущенную сверху план-разнарядку. Так, малограмотный, далекий от политики, скромный колхозник в одночасье стал опасным врагом советского строя.

Меня поразила та быстрота, с какой действовала репрессивная машина тех лет. С момента ареста дяди Нургали следствию понадобилось лишь 25 дней, чтобы передать дело на рассмотрение в суде. А так называемый суд (местная "тройка" УНКВД) состоялся 11 октября 1937 года, то есть, через 3 дня после получения обвинительного заключения, подписанного оперуполномоченным 4-го отдела УГБ Северо-Казахстанского облуправления НКВД сержантом безопасности Рафиковым. "Тройка" же, не утруждая себя тщательным разбором дела, в спешном порядке вынесла смертный приговор, который немедленно, в тот же день, был приведен в исполнение.

Так погиб Нургали Смаилов.

Всю правду о несчастной судьбе дяди я узнал лишь недавно, и удалось мне это благодаря наступившим переменам в жизни общества. Оказывается, еще почти сорок лет назад (31 марта 1958 года) Президиум облсуда отменил Постановление "тройки" от 11 октября 1937 года и дело производством прекратил.

Не ведая об этом, я в том же 1958 году попросился на прием к В.Т.Шевченко, возглавлявшему тогда областное управление КГБ, с тем, чтобы получить какие-либо сведения о судьбе дяди. Василий Тарасович принял меня хорошо и пообещал распорядиться, чтобы мне ответили по существу вопроса.

И, действительно, вскоре я получил ответ через отдел милиции Советского района. В официальном сообщении говорилось о том, что гражданин Смаилов Нургали, осужденный в 1937 году на 10 лет лишения свободы, умер от болезни в 1943 году в Соколовском районе, свидетельство о смерти можно получить в Булаевском районном бюро ЗАГСа; конфискованное имущество будет возвращено по решению суда.

Ныне покойные жена дяди - тетя Айша, ее дети Айтбай и Зейнизаиб после ознакомления с содержанием полученного ответа органов заявили мне, что довольно того, что узнали, а по судам таскаться не будут; свидетельства о смерти не надо, вместо этого лучше будет, если устроят поминки по умершему с ритуальным чтением аятов из Корана.

Члены дядиной семьи ушли из жизни, так и не узнав настоящей правды и поверив в обман репрессивных органов. Тайное стало явным только после провозглашения Казахстана суверенным, независимым государством. В октябре 1996 года я получил официальный документ, подписанный тогдашним прокурором области Мерзадиновым Е.С. Привожу его текст полностью:

"Справка о реабилитации. Смаилов Нургали, 1901 года рождения, уроженец колхоза "Жанатлек" Сартомарского аулсовета Бейнеткорского района постановлением тройки УНКВД Северо-Казахстанской области от 11.10. 1937 г. был осужден к высшей мере наказания – расстрелу за участие в контрреволюционной организации, проведение вредительской работы в колхозах, направленной на срыв мероприятий партии и правительства, Постановлением Президиума Северо-Казахстанского областного суда от 31.03.1958 г. Постановление тройки УНКВД от 11.10.37 г. в отношении Смаилова Нургали отменено и дело производством прекращено в соответствии с пунктом "б" ст. 204 УПК РСФСР.

Смаилов Нургали реабилитирован посмертно".

Рассказывая о судьбе дяди, я преследовал одну лишь цель: пусть его потомки - внуки от сына Айтбая и дочери Зейнизаиб, а также последующие поколения – знают, кем был их дед (прадед и т.д.), в какое время жил, за что безвинно пострадал.

Действительно, есть кому поминать Нургали Смаилова. Мой двоюродный брат Айтбай и его жена Батима вырастали пять сыновей и пять дочерей. Все они обзавелись семьями, имеют детей. Есть дети, оставшиеся после Зейнизаиб и ее мужа Бахытжана Шаяхметова.

ГДЕ ЗОЛОТО РОЮТ В ГОРАХ

Ильиных Л.В.

Колеса вагона-теплушки постукивают в такт одной его мысли, как бурав, сверлившей в мозгу: "За что? За что?". Времени в дороге было много, и Федя Овсянников еще и еще раз прокручивал события последних месяцев. Тогда, казалось, ничто не предвещало беды. На исходе лето 1937 года, август. Ребята из Миролюбова и Новорыбинки, с которыми недавно сидел за одной партой в Пресновской средней школе, частенько встречались по вечерам, допоздна вели свои мальчишечьи разговоры. Им было по 17, вся жизнь впереди. Чтобы не топать в Миролюбово и Новорыбинку, договаривались идти навстречу друг другу. Так и встречались где-то на полпути. Там, на опушке было у них свое заветное местечко.

Однажды новорыбинцы привели с собой незнакомого парня. Как объяснили они, жил он в Петухово, сам родом из Новорыбинки. По возрасту он был гораздо старше их всех. И тогда у Феди мелькнула мысль: какой интерес взрослому, работающему парню встречаться со вчерашними школярами?

В тот раз все было как всегда. При расставании посетовали, что, видимо, больше им не собраться так вместе: кто уезжал в город учиться, кто - работать, помогать родителям. Не пришлось. По другой причине.

Ровно через неделю начались аресты. За юными "врагами народа" приехали аж из Петухово. На допросах требовали назвать соучастников группы по подготовке вооруженного восстания. Предъявили даже ржавый пистолет без патронов, котрый они нашли как-то в лесу. Хранился пистолет у кого-то из пацанов. И вот, надо же, - вещественное доказательство. Хотел Федя сказать, что не годится этот "дедушка" для стрельбы даже по воробьям, но не сказал, встретившись со взглядом сурового следователя.

Сопоставив все события последних месяцев, Федя уже почти не сомневался: сдал их тот самый парень из Петухово. Вот только непонятно, за что? Что они такого крамольного говорили? "Ни-че-го, ни-че-го", - простучали в такт его мыслям колеса на стыках. Ехал 17-летний "враг народа" на восток, к самому Тихому океану.

Потом дней 9 или 10 плыли они в Петропавловск-Камчатский. Бывалые лица смекнули: значит, везут их в Магадан, в один из самых страшных лагерей ГУЛАГа. И, правда, не дав ни дня для отдыха, их этап отправился к Магадану. Но оказалось, что этот город был не последней точкой их трудного пути. Посадив арестантов на машины, колонна двинулась по дороге, вглубь материка еще на 600 километров. Ехали по насквозь промерзшей тундре, перемежающейся тайгой. По обе стороны от дороги высились сопки, покрытые снегом. Холод, казалось, пробирал до самого сердца.

"Прииск "Нечаянный"", - прочитал Федор вывеску на здании, должно быть, конторы. "Вот уж поистине "Нечаянный"", - подумалось ему. Дали день отдыха, поскольку люди едва держались на ногах. Это понял даже суровый начальник лагеря. Зато назавтра - кайло в руки и пошел в забой. Добывали золото для Державы. Десятник объявил коротко и доходчиво: не выполнишь норму - 400 граммов хлеба, выполнишь - получишь вдвое больше. "Здесь вам не Крым, так что привар - сушеная картошка и каша, - добавил он после паузы. - Опять же, если выполнишь норму".

Через два года Федора Овсянникова перевели на прииск "Гастелло". Здесь он пробыл до звонка. Работал и забойщиком, и откатчиком, и бурильщиком, ставил крепи - огромные бревна-сваи, чтобы не обвалилась порода, помогал взрывникам. Его ценили и товарищи по несчастью, и десятники: немногословный деревенский парень поражал недюжинной физической силой, всегда приходил на помощь тем, кто слабее. И хотя условия здесь были адские, никогда не жаловался.

Однако и такого, как Федор Овсянников, свалила болезнь. В лазаретном бараке, куда его полуживого притащили товарищи, поставили диагноз: воспаление легких. Выздоравливал долго, сам, поскольку ни о каких лекарствах речи не шло. Есть силы и здоровье - выживешь, нет - на твое место прибудут десятки новых "врагов народа". Репрессивная машина работала на полную катушку. В лагере имелась своя похоронная бригада. И она никогда не сидела без работы.

Скупое северное солнце уже начинало пригревать оттаивающие прогалины, когда Федор вышел из лазарета. В забой ему было нельзя, да и толку там от него, еле стоящего на ногах, никакого. Перевели как грамотного (все же 8 классов за плечами) на легкую работу, в контору счетоводом.

В 1946 году, когда Федору Овсянникову исполнилось уже 26 лет, пришел с Большой земли приказ о его освобождении. Приказ-то пришел, а об отправке домой речи не шло. Нужно ждать, когда придет специальная телеграмма с разрешением покинуть прииск. Этой телеграммы он ждал почти год, работая в той же шахте. От заключенных отличался лишь тем, что ходил на работу без конвоя.

Целый месяц добирался Федор до родной Миролюбовки. Снова, как и десять лет назад, вагон-теплушка, долгие остановки на полустанках. Неделю пробыл он на вокзале в Омске, не мог купить билет до Петропавловска. Там же твердо решил для себя: если он считает себя невиновным, а он так и думает, то негоже уезжать из родного села. Односельчане встретили его хорошо, как будто и не было тех страшных десяти лет. Устроился в контору счетоводом. Работал на совесть. Однако председатель колхоза нет-нет, да и упрекнет его в "страшных грехах юности". Тут же председателю подпевали и члены правления, мол, у нас за просто так не посадят.

Однажды Федор Николаевич не выдержал и поехал в Пресновку, к районному начальству, попросился в любое село. Перевели опытного счетовода в Буденновское. Не успел приехать, следом пришел донос, знайте, кого берете, - "врага народа". Видимо, из Миролюбово не один донос написан, поскольку Федор Николаевич вновь оказался на допросе

в НКВД. За то же самое он теперь еще 5 лет должен отмечаться в спецкомендатуре, никуда из села не выезжать. Словом, уголовное дело, "состряпанное" в 1937 году, опять сыграло с ним злую шутку.

Кто знает, как сложилась бы дальнейшая судьба Ф.Н. Овсянникова, если бы не встретился ему прекрасный человек, отличный руководитель Пресновского Заготзерно Иван Кузьмич Черных. Мужик от сохи, потомственный крестьянин, которому было неважно твое прошлое, лишь бы ты работал на совесть, да в полную силу. Он хотел назначить Федора Николаевича главным бухгалтером, но тот сам отказался, а попросился на низшую должность, таксировщиком. Хотел узнать весь процесс бухгалтерского учета в Заготзерно. Там же дорос до заместителя главного бухгалтера. В 1955 году отправили Ф.Н. Овсянникова в Алма-Ату учиться. Вернулся с "красными" корочками.

Вскоре из землянки Овсянниковы перебрались в небольшой домик-пятистенок, которому были рады, как дворцу. К тому времени у Федора Николаевича семья состояла из жены Надежды Тимофеевны, двух детей - Коли и Верочки, да старушки-матери. Как-то в дом к Овсянниковым заглянул один высокий районный начальник и удивился аскетическому жилью главного бухгалтера. Но они рады были и такому. Конечно, в перспективе Федор Николаевич мечтал о большом доме, где будет место и детям, а, может быть, когда-нибудь и внукам.

Но судьба распорядилась по-своему. Перевели опытного бухгалтера в Петропавловск, в СМУ "Элеваторельстрой". А жить определили в семейное общежитие, опять в тесноте, но, слава Богу, не в обиде. Другие времена пошли, клеймо "врага народа" никто не ставил. Вскоре дали двухкомнатную квартиру.

После курсов, которые он проходил в Москве, перевели Федора Николаевича зам. главного бухгалтера в трест "Спецводопроводсельстрой". Коллектив треста и проводил ветерана на заслуженный отдых.

Скоро у Федора Николаевича и Надежды Тимофеевны золотая свадьба. В дом к родителям придут дочь с сыном, зять, невестка, внуки и правнуки. Может быть, приедет внук Сережа - курсант Высшего военного училища. В этот день, по обычаю, принято юбилярам дарить новые золотые кольца взамен старых, 50-летней давности. Но у Овсянниковых этого обычая придерживаться не станут. И не потому, что денег жалко. Не может с тех магадановских пор смотреть Федор Николаевич на золото. Слишком страшную цену порой платят люди за эту красоту.

МАТЕРИАЛЫ О РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Алтаева Т.

ЖАКУПОВ ЖУСУП

Жакупов Жусуп родился в 1898 г. в ауле № 7 Энбекшильдерской волости Кокчетавского уезда Акмолинской губернии в бедной крестьянской семье.

Детство у Жусупа было холодное и голодное. С ранних лет познал голод, нужду, гнет и бесправие.

С 1914 по 1916 год работал в Дмитриевской пармельнице. Жусуп был в центре активистов среди казахской и русской бедноты, у которой было сильное стремление к борьбе за свои права, свободную жизнь, за справедливость. В 1924 году был избран председателем аулсовета № 7 Энбекшильдерской волости. В 1926 году был принят в члены КПСС. С еще большей напористостью повел он борьбу с саботажем, кулаками и контрреволюцией. После окончания курсов заведующих избами-читальнями он работал заведующим Энбекшильдерской волостной избой-читальней. В 1927 году был избран председателем Энбекшильдерского волисполкома. С 1928 по 1930 год работал секретарем волисполкома и председателем Райпотребсоюза. С 1930 до 1932 год работал председателем Кзыласкерского, Тонкерисского райисполкомов, директором Боянской МТС Северо-Казахстанской области, Ворошиловской МТС Карагандинской области. Куда бы партия ни посылала Жусупа, он везде оправдывал доверие. В 1935 году за безупречный труд был награжден юбилейной медалью “15 лет Казахстана”.

Главным в своей работе Жакупов считал укрепление дружбы народов разных национальностей. В этом он видел силу Советской власти.

Однако в 1937 году он был арестован охраной НКВД. Как “враг народа” был приговорен к смертной казни.

Из воспоминаний сына Жакупова Жусупа - Ахметжана Жусуповича известно, что приговор исполнен в 1938 году на территории Алма-Атинской области.

В 1957 году Военной коллегией Верховного Суда СССР Жакупов Жусуп был реабилитирован посмертно.

РАХИМЖАН ОДЕЕВ

Каждый человек - целая история. Эти слова вполне можно отнести к нашему земляку Рахимжану Одееву.

В 1940 году жители пяти аулов Щучинского района Жангабыл, Карбаскан, Махамбет, Кулолген и Каске получили приказ районного

руководства о том, чтобы все жители переехали в местность Курнекты и объединились в колхоз. Переезд был не так-то прост, на голое место. Семья Одеевых жила очень бедно. К тому времени шестидесятилетний труженик был в ответе за малолетних детей и больную супругу. Старшему сыну Шакиру было 11 лет, Кенесу - 7, а младшему - Толеу - всего 2 года. Поэтому семья Одеева не в состоянии была построить дом на новом месте. И когда все переехали в колхоз, семья Одеева была вынуждена остаться жить в ауле.

Сам Рахимжан Одеев на своей единственной кобыле перевозил стройматериалы для строительства нового колхоза, семена, сеял, пахал.

Рахимжан Одеев никогда не отказывался от колхозной работы. Трудился с утра до вечера наравне со всеми. С большой ответственностью относился ко всем поручениям. Всегда отличался честностью и порядочностью,

Однажды, во время перевозки семян, Р. Одеев был арестован. В доме произвели обыск, искали какие-то бумаги, вспоминает супруга Рахимжана, Бадигуль апай.

Р. Одеева некоторое время держали в подвале здания милиции г. Щучинска. Затем отвезли в Акмолинскую тюрьму. Он был расстрелян. Его обвинили в том, что не переехал со всеми в колхоз "Курнекты", был против колхоза, против политики советской власти.

Бадигуль апай прожила больше века, ей в этом году 103 года, но боль в ее сердце не утихла. Страшные события тех дней сегодня общеизвестны, но лишь немногие, кто их лично пережил, способны до конца осознать весь ужас трагедии, унесшей жизни десятков тысяч ни в чем не повинных людей.

ПЕТРОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ

Одной из жертв политических репрессий в 1936 году стал начальник Осоавиахима Щучинского района Петров Иван Николаевич.

Иван Николаевич родился в 1912 году в многодетной семье одного из первых поселенцев станицы Щучинской. Их дом был построен шестым по счету. После службы в армии окончил Ленинградскую школу связи. В 1934 году был назначен начальником Осоавиахима района.

Человек недюжинных способностей, прекрасный организатор, воодушевлявший и ведущий за собой молодежь, всегда жил с верой и надеждой на будущее.

В июле 1936 года в дом Петровых пришли два гостя. С одним из них Иван был хорошо знаком. Сидели на подоконнике открытого окна и о чем-то разговаривали. "Второй, незнакомый, что-то все высматривал,

выискивал, - вспоминает сестра Ивана, Сергиенко Елена Николаевна. - Нашел на печке ящик с отсыревшими патронами. Но больше всего его возмутил альбом сестры Татьяны, где на первой странице было написано стихотворение Есенина "Ты жива еще, моя старушка". Он возмущался: "Как?! Стихи Есенина в доме?" Затем гости, беседуя с Иваном, вышли из дому. С тех пор Иван не вернулся домой".

Только в 1955 году двое в штатском приехали и вежливо сообщили матери Ивана, что сын ее ни в чем не виноват, что она может оформлять себе пенсию за пострадавшего сына. В документе было сказано, что он умер от сыпного тифа в Северных лагерях ИТЛ 15 января 1945 года. Но в действительности было иначе.

Попытка И.Петрова аргументировано доказать несостоятельность выдвинутых против него обвинений была обречена на провал. Результатом процесса, основанного на фальсификации, лжи, политическом терроре, пытках и угрозе стало "саморазоблачение". Иван Петров в октябре 1936 года был расстрелян недалеко от г. Петропавловска. Об этом в архивах нашел документы его родной брат, писатель Борис Петров. По документам он выяснил, что донос на него сделал первый заместитель И. Данчев. Лишь "хрущевская оттепель", которая положила начало открытой реабилитации, вернула честное имя Ивана Петрова.

РАХЫМЖАН СУЛЕЙМЕНОВ

Бюратай Рахимжановна Сулейменова, главный врач санатория "Щучинский", всегда знала, что ее отец Рахымжан Сулейменов, репрессированный в 1948 году, был невиновен. Но только недавно получила документ, подтверждающий это. "Приговор суда, постановление НКВД и последующие судебные постановления в отношении Сулейменова Рахымжана признаны необоснованными. На основании Закона Республики Казахстан "О реабилитации жертв массовых политических репрессий" он реабилитирован".

Рахымжан Сулейменов был одним из передовых людей поселка Боровое. Фронтовик. Воевал на Втором Белорусском фронте. Был ранен. Вернулся в 1945 году с наградами. И в мирное время не жалел себя. Работал заместителем директора артели имени Калинина. Вел заготовительные работы. Был трудолюбивым, справедливым, всегда видел человеческое горе, шел людям навстречу.

Основной причиной его ареста, как потом выяснилось, был факт, что его отец был волостным. Хотя Рахымжан остался сиротой в восемь

лет, ему пришлось пострадать даже за несуществующую вину своего отца.

В 1955 году он вернулся больным и вскоре умер.

ЕСМАГАНБЕТОВ ОСПАН

Есмаганбетов Оспан, 1877 года рождения, жил в ауле Жангабыл Щучинского района Акмолинской области. Работал колхозником. Был арестован 20 мая 1940 года по статье 58 УК РСФСР, осужден к 5 годам исправительно-трудовых работ. Однако 10 сентября 1942 года умер от подагры и похоронен на кладбище Чистюньского лагеря отделения ИТЛ Алтайского края, могила № 354. Он был обвинен за агитацию против колхоза. Донос был сделан бригадиром колхоза. Несмотря на то, что, по данным следствия, донос не был подтвержден очевидцами и свидетелем, Есмаганбетов О. был осужден.

Позже Постановлением Президиума Верховного Суда Казахской ССР от 17 ноября 1989 года приговор Алма-Атинского областного суда от 20 ноября 1940 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР от 10 февраля 1941 года в отношении Есмаганбетова Оспана отменено и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления, Есмаганбетов Оспан реабилитирован.

ВОСПОМИНАНИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫХ, ИХ РОДСТВЕННИКОВ И ЗЕМЛЯКОВ

Дусурупмов К.

Воспоминания родственника Болатова Торе, персонального пенсионера, проживающего в городе Акмоле, о Сейте Сарсенбаеве.

Сейт Сарсенбаев, 1900 года рождения. С 1925 года член Коммунистической партии. После окончания учебы его оставили преподавателем партийной школы в г. Ташкенте. После преподавательской работы работал в городском партийном комитете г. Караганды, первым секретарем Енбекшильдерского райкома партии и до ареста - первым секретарем Айыртауского райкома партии. Обвинив его за связи с врагами народа, “тройка” приговаривает его к 25 годам лишения свободы.

Отсидев в итоге 17 лет, возвращается в родной свой аул Козакша Красноармейского района Кокшетауской области. После реабилитации восстановлен в партии. В 1974 году умер.

По материалам областного архива подготовил зав. отделом по языкам С. Мамбетов о Баенбаеве Шайхы.

Баенбаев Шайхы родился в 1895 году в селе Козакша Красноармейского района Кокшетауской области. Член партии с 1926 года. После завершения одноклассной аульной школы работал учителем. В 1931 году направляется в Москву на двухгодичные курсы нацпартработников. После курсов вернулся в Бейкеткорский район и был назначен заведующим отдела культуры. Через год переведен в райком партии инструктором, еще через год - получил новое назначение в Зерендинский район. В 1938 году, 13 июня, был арестован органами НКВД.

28 октября 1938 года - решение "тройки" НКВД Северо-Казахстанской области: приговорить к расстрелу за участие в националистической алашординской организации, шпионские действия в пользу японской разведки.

В 1959 году, 20 июля, Военным трибуналом Туркестанского военного округа постановление "тройки" УНКВД Северо-Казахстанской области от 28 октября 1938 года в отношении Баенбаева отменено и его дело производством прекращено за отсутствием события преступления.

В связи с тем, что Баенбаев Ш. судебными органами реабилитирован, он восстановлен в партии с 1926 года посмертно.

Воспоминания дочери брата Тихона Ивановича Жидкова (1927 г. рождения) Жидковой Клавдии Павловны.

Жидков Тихон Иванович, 1906 года рождения, работал в колхозе трактористом и, после назначения, председателем колхоза "Ленинский путь". В 1938 году назначен заведующим райздрава Красноармейского района Кокчетавской области, летом 1938 года приговор "тройки" к расстрелу как шпиона германской разведки был выполнен. После - реабилитирован посмертно.

ПИСЬМО О СМЯГЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ И.В. СТАЛИНУ

Головина Любовь Сергеевна - 1896 года рождения, осуждена Северо-Казахстанским областным судом 11.X. 1940 г. по статье 58 на 10 лет.

Письмо о смягчении наказания И.В. Сталину:

"Дорогой отец, Иосиф Виссарионович, обращаюсь к Вам, как к отцу и благожелателю, за милостью и справедливостью. Я осуждена невинно, ошибочно и прошу о полном помиловании и снятии с меня позорного имени осужденной, так как хочу быть незапятнанной гражданкой Советского Союза. Умоляю Вас прочитать мое письмо - я горячо люблю свою Родину, предана Советскому Союзу и впредь буду всеми

поступками и работой доказывать это на каждом шагу. Я родилась в очень бедной семье, но образование получила хорошее.

Во взрослых детях случайно имела некоторое время земельное имущество, которое уже в 1936 году у меня польское правительство отобрало - все до последнего аршина. Так что к освобождению нас в Западной Белоруссии от поляков - у меня абсолютно ничего не было: я была уже 4 года так бедна, что даже жить не на что было. Меня же выслали с мужем как людей имущего класса. Живя высланной в колхозе "2-ая пятилетка" Казахской ССР, я нажила врагов - хозяев бывшей моей квартиры, которые не получили от меня ожидаемых подарков и были на меня злы; когда же я приобрела еще нового врага - из-за увеличительного стеклышка, сын "казака" (как он себя называл) Филиппова взял у меня увеличительное стеклышко, через которое я читаю; я заявила отцу, а тот очень обиделся и пообещал отомстить мне, устроить мне "штуку", что и выполнил. Соединясь с бывшими моими врагами, написал донос в НКВД. Я была 21.X.1940 года арестована на 10 лет и 5 лет лишения прав по 58, 10 статье и теперь мучаюсь в Петропавловской тюрьме, благодаря этим глупейшим доносам".

III. СЛОВА ЖИВЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ

Здесь помещены воспоминания людей, ставших жертвами политических репрессий в 20-50-е, 80-е годы, их близких родственников.

Расстрелы, тюрьмы, лагеря, депортации, невероятно тяжелые условия жизни, моральные травмы детей и родственников репрессированных, спецпереселенцев, трудармейцев - все это ярко отражено в публикуемых материалах. В них воссозданы образы погибших в застенках ГУЛАГа, прошедших через ад лагерей талантливых писателей, педагогов, рабочих, колхозников, служащих - людей различных национальностей, профессий. Слова живых свидетелей объединяет незаживающая боль от пережитого, страстное желание не допустить повторения трагедии.

БОЛЬ ЛИХОЛЕТЬЯ

***Габбасов М.Г.*, ветеран войны и труда, персональный пенсионер республиканского значения, г. Петропавловск**

Нашему народу выпало множество исторических испытаний. Об этом свидетельствуют архивные документы и исторические факты. Во времена джунгарского нашествия было истреблено более одного миллиона казахов.

Около двух миллионов казахов погибло, и один миллион триста тысяч человек покинули родные края в результате голода 1921-1922 годов, сопровождавшегося повсеместной насильственной коллективизацией, внедрением оседлого образа жизни в среде кочевых и полукочевых казахов без создания для этого социальных условий, в результате близорукой политики ставленника Сталина Голощекина. Население Казахстана сократилось с 5 млн. 873 тыс. человек в 1930 году до 2 млн. 493 тыс. человек в 1933 году.

Не менее бедственными были и последующие годы. Жертвами репрессий 1937 года стали, прежде всего, лучшие сыны народа, антинародный "великий террор" правящего административно-командного режима был направлен в первую очередь против них. Нам известны два громких судебных процесса, инициированных ОГПУ против казахской интеллигенции, участвовавшей в движениях партии Алаш и Алашорды в начале тридцатых годов. Приговором ОГПУ от 4 апреля 1930 года более 40 человек во главе с Ахметом Байтурсыновым были приговорены к длительным срокам тюремного заключения, отправлены в концлагеря

или сосланы в другие края. В апреле 1932 года ОГПУ приговорил к ссылке более 20 интеллигентов, руководимых Мухаметжаном Тынышбаевым. Тех, кому удалось вернуться на Родину или избежать "большой чистки", ликвидировали во времена кампаний против "врагов народа" в 1937 - 1938 годы.

Много тысяч простых граждан настигла та же участь, и они были либо расстреляны по приговору "тройки", либо заточены в концлагеря ГУЛАГа. Это было равносильно преднамеренному уничтожению генофонда народа. В те годы в результате политических преследований в Казахстане было осуждено более 100 тысяч человек и 25 тысяч расстреляно. Невинных жертв репрессий можно встретить в каждой области, в каждом ауле. Хочу рассказать о таких людях из своего аула.

Посещая начальную школу в ауле Орнек, бывшем центре Кызыласкерского района, я жил у родственника. В том ауле жили братья Аубакир и Смагул. Мы, дети, очень полюбили простодушного Аубакира, выходца из бедной семьи. Ему очень нравилось общаться с детьми, часами рассказывал забавные охотничьи истории.

Мне запомнилось, как он с гордостью рассказывал о своем младшем брате Абушахмане, который учился в Москве и подавал большие надежды. Как ожидали, закончив Московский Коммунистический университет трудящихся Востока, Абушахман Жанболов начал работать в 1934 году секретарем Петропавловского горкома партии.

Скоро начались аресты в Петропавловске, в селах и аулах области. В разгар массовых репрессий в 1937 году Абушахмана Жанболова заключили в тюрьму. Была арестована и жена "врага народа". Абушахман так и не вернулся в родной аул.

В нашем ауле Жекеколь Есильского района жил Улбай Толепбергенов из простого сословия. Дед Толепбергена из рода Керей, по словам современников, был из бедной семьи и не имел родственников. У него был единственный сын - Суттибай, который батрачил всю жизнь. Жена его также была служанкой в знатной семье. В надежде на то, что их потомкам не придется испытывать лишения, они назвали своего сына Улбай (богатый сын). Но их сладким мечтам не суждено было сбыться. Лишившись родителей в раннем детстве, Улбай рос в сиротстве. За недолгую свою жизнь он женился дважды, но детей у него не было.

Но судьбой он был наделен неутомимой энергией. В первые годы Советской власти получил образование в школе для детей батраков. После революции он с большим энтузиазмом включился в общественную жизнь. В 1926-1927 годах он повысил свое образование в аульной школе, прошел партийные курсы. В 1930 году его приняли в партию.

Его партийная карьера началась в 1931 году в качестве пропагандиста Тонкерисского районного комитета партии. В следующем году его перевели заведующим отделом Бейнеткорского райкома партии. Затем он был назначен председателем райисполкома. Но в этой должности он проработал недолго. После тяжелого недуга он переехал в Жекеколь и вышел на пенсию.

Эрудированный и активный, он и здесь не мог оставаться в стороне от общественной работы. В Жекеколе он организовал парторганизацию и стал ее секретарем. Открыл в ауле школу, поднял на ноги экономику колхоза.

Среди односельчан нашлись завистники. В Приишимский райком партии улетела анонимка о том, что Толепбергенов женат на дочери богача, с которым поддерживает связь. Это письмо было рассмотрено 9 октября 1937 года на закрытом собрании кустовой парторганизации. На собрании Толепбергенов обвинялся также в том, что он, якобы, знаком с неким контрреволюционером-троцкистом Семенковым.

6 коммунистов из 7 присутствующих, в том числе представитель райкома партии Щербаков, высказались положительно о Толепбергенове и предложили ограничиться строгим выговором. Но уполномоченный из района Кулаков, сотрудник милиции Жоламанов, шантажируя присутствующих, настояли на исключении Улбая из партии. Им удалось путем давления привлечь на свою сторону большинство участников собрания при голосовании. Толепбергенов был исключен из партии.

По предложению Кулакова и Жоламанова райком партии был проинформирован о поведении Щебакова, поддержавшего на собрании Толепбергенова. А чем грозило человеку в те годы подозрение в пособничестве врагу народа, известно.

Над головой Улбая нависла черная туча трагедии. 20 октября с участием Елеуке Мусабайулы в его квартире был произведен обыск. 29 октября ему была вручено обвинительное заключение, которое содержало абсурдные обвинения в контрреволюционной деятельности, в националистической и подрывной агитации среди колхозников, в сотрудничестве с баями.

Решением “тройки” НКВД Северо-Казахстанской области, рассмотревшей 26 ноября 1937 года дело № 904, Улбай Толепбергенов был приговорен к десяти годам трудового исправительного лагеря.

Место заключения, где Улбай, жертва репрессии, провел последние часы своей жизни, находится в Омской области. До февраля 1944 года никому не было известно, что он умер в этом напоминающем сущий ад лагере 7 февраля 1942 года. Следственный отдел прокуратуры респуб-

лики узнал об этом только 7 августа 1943 года, когда получил ответ на многократные запросы об обстоятельствах гибели Толепбергенова. Этот ответ прервал последнюю ниточку надежды.

Мы, люди пожилого возраста, дети тревожного времени, еще в те годы чувствовали сердцем щемящую боль народной трагедии. Помним старших братьев, родственников, необоснованно обвиненных и рано ушедших из жизни. Склоняя седую голову перед их светлой памятью, я почувствовал своим святым долгом написать о них.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Алпысов Тасболат, 1934 г. рожд., г. Степняк

Мой отец - Таукаев Алпыс - бывший председатель колхоза "Жанаталап" Сталинского (ныне Алексеевского) района Акмолинской области. Его арестовали в августе 1937 года, когда мне шел всего третий год. Естественно, я его не помню. К сожалению, не осталось ни одной его фотографии.

По словам очевидцев, он был требовательным, строгим человеком, хорошим организатором производства. Каменные базы (помещения для скота), построенные из местного камня, до сих пор стоят в селе, где он жил. Мать, болевшая до этого, не выдержав такого горя, умерла в 1938 году. Итак, мы с сестрой, которая старше меня на 10 лет (она умерла в начале 1997 года), остались круглыми сиротами. Воспитывались и жили у двоюродных родственников. Это были замечательные, добрые люди. Вообще, вспоминая те годы, завидуешь доброте и порядочности, миру и согласию людей тех лет.

Сейчас вспоминаю, сколько обид, трудностей и слез, упреков, что ты сын "врага народа". Теперь все это позади - в прошлом, только горькие воспоминания. Единственное, что хочу отметить, в 60-е годы, при вступлении в ряды КПСС, я обратился к первому секретарю райкома партии, мол, у меня отец репрессирован, что делать? Он умный, толковый был руководитель, ответил: "Да, кто виноват, кто - нет - рассудит время, а в автобиографии пиши, как есть, а то найдется какой-то дурак и напишет, что ты скрыл об этом". Так и было, но все обошлось.

Таким образом, до 1992 года я ничего не знал и не мог знать об отце. После выхода Указа Президента СССР от 13 августа 1990 года "О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50 годов" на свое обращение в органы Комитета нацбезопасности Акмолинской области получил ответы, справку о реабилитации и смерти. В них говорится, что Таукаев Алпыс, уроженец Северо-Казахстанской области,

Сталинского района, до 31 августа 1937 года проживающий в с. Жанаталап, работал председателем колхоза "Жанаталап". По приговору "тройки" УНКВД Северо-Казахстанской области от 11 октября 1937 года осужден по ст. 58 часть 10,11 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы.

Президиум Акмолинского областного суда определением 4 декабря 1959 года отменил уголовное дело, которое производством прекращено за отсутствием состава преступления в действиях Таукаева.

В другой справке - о смерти - значится, что Таукаев Алпыс умер 5 апреля 1948 года, место смерти - Сороклаг НКВД, пос. Вожаель, Коми АССР. Почему после окончания срока заключения его не отпустили, ведь он осужден на 8 лет, а умер в 1948 году? Это до сих пор мне не известно. В единственном письме, которое мы получили в конце 1941 года, было сказано, что они направляются в сторону Архангельска. Он даже не знал, что умерла его жена.

Итак, справедливость восторжествовала, но отца-то нет, остались только воспоминания. Считаю, что я достойно продолжил дело отца - верно служить народу. Проработав 42 года в городе Степняке, районном центре Энбекшильдерского района, сейчас нахожусь на пенсии. Работал долгие годы в партийных и советских органах, а на отдых ушел с должности секретаря районного маслихата - собрания депутатов. Неоднократно избирался членом пленума, бюро райкома партии, депутатом районного Совета народных депутатов, награжден тремя медалями. Имею троих детей.

"...ОПРАВДАЛИ ПОСЛЕ СМЕРТИ"

Аубакиров К., пенсионер, п. Айдабул

Я тогда учился в 7 классе. Однажды, когда мы с матерью остались одни, она мне рассказала эту историю: "В 1938 году, когда забрали твоего отца (он в то время работал председателем Зерендинского райисполкома) Аубакира Ильясова, тебе было всего 4 года. Его содержали в Петропавловской тюрьме. На свидание и переписку разрешения не давали, только принимали передачи, и то было неизвестно, куда они потом направлялись. Разрешали стирку грязного белья. Однажды, когда начала стирать, в подкладке свитера нашла записку. Там было написано: "Они хотят, чтобы я признался в том, чего не совершал". Это была единственная весть от него за 10 лет пребывания в тюрьме".

Моя мать не выдержала этого сурового испытания и в 1949 году скончалась. После этого я много раз писал в различные органы, вплоть

до Москвы, вождю всех народов Сталину. Но вразумительного ответа не получил. Приятную весть получил только весной 1958 года. Там было написано: "Из-за отсутствия состава преступления дело приостановлено. Постановление от 4 октября 1938 года считать утратившим силу". Отца оправдали после смерти.

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Батталова Надия, г. Алматы

Мой отец, Мустафин Сейтбаттал (Баттал), родился в 1892 году в ауле № 3 Энбекшильдерского района Кокшетауской области. Начальное образование получил у муллы, у него научился грамоте. Жажда к познанию окружающего мира, вывести свой народ из мрака невежества и безграмотности привела молодого юношу к единственно правильному решению: учиться дальше, обогатить свой природный ум знаниями. Будучи уже самостоятельным, 16-летним молодым человеком, отправляется в город Стамбул, предварительно собрав деньги для дальней дороги у родственников. Без труда он поступает в 1908 году в Учительскую семинарию г. Стамбула в Турции, которую успешно заканчивает в 1913 году. После завершения учебы в семинарии мой отец возвращается в Семипалатинск, где работает учителем казахского языка и географии в школе, на курсах. Здесь он знакомится с передовой интеллигенцией, которая тоже была озабочена судьбой своего народа: Алиханом Букейхановым, Ауэзовым Мухтаром, Ибрагимовым Хайруллой, Абдугалимовым Асеном, Турганбаевым Мананом, Аймаутовым, Ахметом Байтурсыновым, Сатпаевым, с доктором Асылбеком Сеитовым, спасшим не одну сотню жизней от эпидемий и страшных болезней, свирепствующих в Степном Прииртышье. Позднее мой отец близко сходится с младшим братом Сеитова - Муратбеком. В Семипалатинске отец знакомится со своей будущей женой Умуш Аюповой. Ее отец, Аюм - старший брат Раимжана Марсекова.

Моя мать воспитывалась в семье Раимжана Марсекова - руководителя политической организации интеллигенции того времени Алаш. Он работал в Семипалатинске мировым судьей. Марсеков - один из первых казахов, закончивших юридический факультет Санкт-Петербургского университета. А моя мама много лет проработала в школах преподавателем русского языка, так как она училась в русской гимназии в г. Семипалатинске. В 1970 году умерла в Алма-Ате.

По рассказам моей матери, отец работал в г. Кокшетау в отделе народного образования. В 1925-1930 гг. в г. Петропавловске преподавал в

педтехникуме. Здесь он познакомился и близко подружился с Магжаном Жумабаевым, Сабитом Мукановым, Жаканом Сыздыковым, Тлеушиным, Серкебаевым Бекмухамедом. Отец занимался литературной деятельностью.

При аресте изъяли:

1. Папки с личными документами и аттестат об окончании турецкой учительской семинарии в г.Стамбуле.

2. Роман "Аюэн-Кажун", переведенный с французского на турецкий, "Герой Джани" (турецкий), перевод отца в рукописях на казахский язык, Коксанжак (каз.)

3. Рукописи произведений отца.

4. Рукописи-изречения Бия Толе.

5. Рукописи споров бия Калия и писателя Уске.

6. Рукопись писателя Вахита.

7. Рукопись произведений споров поэтов Орумбая с Шортанбаем.

По словам моей мамы, роман отца, переведенный с турецкого, "Коксанжак", был отправлен Сабиту Муканову в г. Алма-Ату в 30-е годы, но бесследно исчез.

В редком фонде библиотеки Академии наук нашла только две книги, изданные в г. Казани и в г.Ташкенте: повесть "Шернияз" и роман "Зуфнун".

В г. Петропавловске в педтехникуме у него учились: Исмаилов Есмагамбет, его он помог устроить в начале в детский дом, так как он рос сиротой, Хусаинов Шахмет, Хасенова Базараим, Темирбекова Сакыткамал, которых я знаю. В 1931-1932 гг. отец работал в школе преподавателем в г. Казгородок Энбекшильдерского района, где продолжается семейная дружба с Муратбеком Сеитовым, врачом-хирургом. У моего отца и Муратбека Сеитова было много общих тем для беседы. Мой отец очень любил свою работу, старался сеять ростки добра и знаний среди своих учеников. Он мог часами заниматься с ними, забывая о времени. Не мог мой отец равнодушно пройти, если человек был в беде, нуждался в помощи. Он не раз приводил домой голодных и обездоленных детей, кормил их. Может быть, есть люди, которые помнят отца. Но были и такие, как например, Сулейменов Габит из Усть-Каменогорска, писавший на него, что он завербовал его на курсы "Алаш-Орды". Я думаю, отец хотел, чтобы он научился грамоте.

Отца арестовали 25.04.1937 г. в г. Степняке, где он работал в школе учителем. До этого помню один случай. Моего отца вызвали в прокуратуру за то, что он сделал замечание учителю, говорящему с учениками только на русском языке. Он объяснил ему, что с ними надо было гово-

рить на их родном языке, так как они еще не освоили русский язык. Прокурор достаточно ясно дал понять, что отца обвиняют в национализме. На это отец ответил, что никогда не был противником русского языка. Ярким доказательством этого служит то, что он отдал свою единственную дочь учиться в русскую школу, а жена является учителем русского языка. Еще в местной газете была описана в искаженном виде встреча двух старых друзей: Мустафина и Магжана Жумабаева в доме Биляла Молдыбаева в г. Степняке. После ареста отца маму выгнали из школы как жену "врага народа", в 1937 г. арестовали Муратбека Сеитова и Биляла Молдыбаева. Жену Сеитова забрали с детьми из нашего дома в 1937 г.

Отец был расстрелян в 1937 г. 16 сентября в г. Петропавловске. Приговор был вынесен 13.09.1937 г. "тройкой" НКВД, членом "тройки" был Шаяхметов, впоследствии секретарь ЦК Компартии Казахстана.

В 1938 г. я поступила в горно-металлургический техникум г. Щучинска и, хотя успешно его закончила в конце 1941 г., получив специальность техника-металлурга, но не могла нигде устроиться по той же причине - дочь "врага народа".

Вскоре я вышла замуж за Сатыбая Хасенова - железнодорожника. Муж проработал на железной дороге более 40 лет, где занимал ответственные посты: управляющий Карагандинской, а затем Алмаатинской железными дорогами. Прожили мы очень дружно и счастливо. Умер он в 1984 г. Мы с ним воспитали шестерых детей, все имеют высшее образование, у меня прекрасные дети, я счастливая мать и бабушка двенадцати внуков.

"...ЕЕ НАЗЫВАЛИ "ДЕКАБРИСТКОЙ"..."

Каримов Б.К., пенсионер, Акжарский район

Гаухар окончила Московский технологический институт пищевой промышленности. Год проработала на Кокшетауском элеваторе. Услышав, что ПТУ-1 готовит специалистов ее профиля, попросилась преподавателем. Почти семь лет готовила лаборантов, мукомолов, специалистов комбикормовых заводов, одновременно работала и воспитателем.

18 декабря 1986 года передали по радио о событиях в Алматы. По городу поползли слухи иного, чем передавали по радио, содержания: молодежь Алматы вышла на центральную площадь, чтобы выразить несогласие с решением центра о назначении первым руководителем республики совершенного постороннего человека, незнакомого с усло-

виями, особенностями жизни народа, его традициями, обычаями. Событие взволновало ее. Она, зная настроение своих учащихся, студентов города, полагала, что подобное может произойти и в Кокшетау. Гаухар пошла к своим воспитанникам. Увидела, что они тоже взволнованы, активно обсуждают события в столице, спорят. Ребята не стали таить мысли, планы от своих учителей. По долгу службы Гаухар обязана была сказать ребятам: "Нет, вы не правы. Надо верить тому, что сообщают газеты, радио, телевидение. Партия не может лгать". Но не смогла. Не в ее характере думать одно, а говорить другое. Тем более, что партия во всеуслышание ежедневно, ежемесячно говорила о демократическом обновлении, о приоритете прав человека. Мысли учеников и учителей совпали: нельзя унижать целую нацию, не считаться с ее мнением, желанием.

"Но идти на площадь, на неразрешенный митинг - это не согласуется с законом, - сказала она своим ученикам. - Давайте искать другие пути выражения солидарности с алматинской молодежью". Ей показалось, что смогла их убедить.

Утром следующего дня, как обычно, пошла она на занятия. Учебные классы оказались полупустыми. "Значит, не послушались, - сверлила тревожная мысль, - пошли на площадь". Директор срочно пригласил преподавателей в кабинет. Там друг у друга спрашивали: где учащиеся? Гаухар догадывалась, где они могут быть, но надеялась, что ее подопечные не пошли на площадь. И если даже точно знала бы, что они пошли на митинг, не сказала. Учащиеся верили ей, что не выдаст. И колесо закрутилось. Гаухар вызвали в горотдел милиции. Допрашивали сутки без перерыва. Почему учащиеся выступили? Чем они недовольны? Что не нравится в новом руководителе республики? Вот основные вопросы, на которые хотели получить свой ответ следователи. Не нужно было большого ума, чтобы догадаться, к чему они клонят, какого признания добиваются. Гаухар понимала, какой опасности она, ее товарищи подвергаются. Если бы следователям удалось обвинить их в национализме, тюрьмы не миновать. Здесь необходимо было мое вмешательство. Я пошел на прием к первому секретарю обкома партии. Только после этого ее освободили от допросов. Но мытарства этим не окончились. Еще долгие годы висела тень этих событий над ее судьбой.

В день освобождения от допросов в милиции ее отстранили от работы. В трудовой книжке появилась запись: "24.12. 1986-го. Уволена по ст. 248/3 КЗОТ КазССР за совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального поступка, несовместимого с продолжением данной работы". Такую запись в трудовой книжке в народе

называют “волчьим билетом”, с которым устроиться на работу практически невозможно. Так оно и случилось.

Куда ни приходила, посмотрев на запись в трудовой книжке, иногда просто, услышав ее фамилию и последнее место работы, отказывались трудоустроить. Видя, как переживает, мучается дочь, я написал заявление в прокуратуру о незаконном увольнении ее с работы, восстановлении на должность. 14 января 1987 года получил ответ, подписанный юристом 1 класса, старшим помощником прокурора, следующего содержания: “Ваша дочь приказом директора СПТУ-1 уволена с согласия профкома. Оснований для вынесения протеста на предмет отмены данного приказа не имеется”. Понадобилось долгих десять лет, чтобы той же прокуратуре обнаружить незаконность изгнания с работы молодого специалиста.

Гаухар все чаще замечала, что ее в глаза и за глаза называют “декабристкой”. В то время это было чуть ли не самым ругательным словом. Ей хотелось спрятаться, затаиться, чтобы не видеть людей, не встречаться с их укоряющим взглядом, не слышать осуждающие ее слова. Охватило отчаяние.

Побыв немного дома, уехала куда глаза глядят. Оказалась в селе Викторовке. Не надеясь на успех, зашла к директору местного совхоза “40 лет Казахстана” Б.И. Обухову. Борис Иванович посмотрел трудовую книжку, диплом об образовании.

- Поработай пока лаборантом, - сказал он. Гаухар, наверное, никогда не забудет этой минуты.

Работать Гаухар любила, умела. А в этот раз очень старалась. Вскоре перевели учетчиком в бригады. В свободное от основной работы время помогала плановому отделу.

Позже назначили экономистом-статистом. Последние четыре года она - главный экономист этого хозяйства.

Спустя 10 лет получил справку прокуратуры области. В ней сообщается, что приказ директора ПТУ-1 об увольнении гражданки Каримовой Гаухар Берушевны с должности за совершение аморального поступка, выразившегося в проведении агитации и подстрекательстве учащихся училища к выражению негативных проявлений, происшедших 19 декабря в г. Кокшетау, признан незаконным, необоснованным, и на основе Закона Республики Казахстан “О реабилитации жертв политических репрессий” она реабилитирована.

"... 20 ЛЕТ С КЛЕЙМОМ "ВРАГ НАРОДА"..."

Кутемгенова Мапу, Акжарский район

Пожалуй, мало семей в нашей стране, которых обошли стороной репрессии 30-40-х годов. Не обошли стороной и нашу семью. Муж мой, Кутемгенов Курман, 1909 года рождения, работал учителем в Бостандыкской семилетней школе Москаленского района Омской области, кандидат в члены партии.

В октябре 1937 года бюро Москаленского райкома ВКП(б) исключило его из кандидатов как врага народа. Приговором военной коллегии он был осужден по самой "популярной" тогда статье - 58-ой. Его ждали десять лет тюремного заключения строгого режима за то, что, якобы, являлся членом контрреволюционной организации, вел работу по подготовке вооруженного восстания против советской власти, работал по развалу колхоза, намечал проведение диверсионных актов по разбору железнодорожных линий и крушению поездов. Как сейчас помню тот "черный ворон" (так тогда называли в народе машину, приезжавшую из НКВД), который приехал за мужем. Перевернули весь дом, искали какие-то улики, но что можно было найти?

Его этапировали в Сибирь, в г. Магадан, на рудник "Урчан" Тенькинского горнопромышленного управления "Дальстрой". Холод, голод, тяжелый труд и быт в невыносимых условиях, а главное - моральное потрясение от случившегося - унесли многих заключенных раньше времени в могилу. Курман вынес все мучения и ужасы сталинских лагерей, отсидев "от звонка до звонка" свой срок. Двадцать долгих лет он носил клеймо "врага народа".

В 1957 году дело по обвинению мужа было пересмотрено Военным трибуналом Сибирского военного округа. За отсутствием состава преступления был полностью реабилитирован.

Обо всем этом говорю потому, чтобы вспомнили люди еще раз имена невинных жертв сталинских репрессий. Нам надо знать, через какие муки, страдания они прошли, и сделать все, чтобы такое у нас никогда не повторилось.

"НЕ ЗНАЮ ЛИЦА ОТЦА..."

Смагулова К.

Слова, вынесенные в заголовок, касаются семьи Айдархана Сугралинова. А фразу эту произнесла его дочь Кульзира Смагулова, проживающая в Булаевском лесхозе. Не знает она лица отца, потому что не

сохранилось даже фотографии. Он не ушел из семьи, не бросил жену, троих детей, а судьба распорядилась так, что его увезли из небольшого аула Коскуль, где был тогда колхоз, чтобы предать суду. Вменили ему в вину антисоветскую, антиколхозную агитацию. Был он простым колхозником-трудягой, голос которого и в родном ауле не все слышали. И вдруг его назвали злостным агитатором против советской власти. В день, когда Айдархана арестовали, он возил в свой колхоз семенное зерно, готовился к посевной, а его прямо на дороге остановили. На короткий период, пока еще не нашли полуторку, закрыли в чьем-то доме, а затем вместе еще с несколькими товарищами увезли. Ничего не знала о нем его семья.

Мать, Кулянда Алимовна, кое-как подняла на ноги троих детей. Она испытала недоверие начальства, косые взгляды сельчан. Семью окрестили семьей "врага народа". Со слезами рассказывает дочь Айдархана Кульзира, как их, детей, даже из интернатов выгнали, она не могла поступить, куда хотела, не принимали в комсомол. А сколько в детстве выплакала она слез! Мать и подросшие ее дети все еще боялись что-либо разузнать о судьбе отца. И только в 1958 году старший брат получил похоронку. Помянули Айдархана Сугралинова по казахскому обычаю.

"Я ЧУТЬ НЕ ДОШЕЛ ДО СУМАСШЕСТВИЯ..."

Таскулов Василий (Кенжетай), с. Кировка Жамбылского района СКО

С двух лет я остался сиротой на попечении у Чепис Парасковьи в с. Исаевка. В 1930-1931 гг. начался голод. Я попал в Курганскую область, в с. Б.Сидоровка, где поступил в школу и окончил 7 классов. Зимой учился, летом работал. После окончания школы стал работать пастухом в Курганском свиносовхозе в с. Б.Дубровное. Оттуда в 1940г. 26 сентября был призван в Красную Армию в Хабаровский край, г. Биробиджан Еврейского национального округа. Служил рядовым, окончил санитарные курсы, затем меня отправили в Московское военно-техническое училище, где я проучился с 1942 по 1944 гг. Оттуда был направлен в Алма-Ату, в Казахстанский пограничный округ. В качестве начальника перевалочной базы был направлен на станцию Жангызтюбе, после - в Топлев Мыс в г. Зайсан, в 50-ый кавалерийский отряд в/ч 2017. Срочно был вызван в Москву в отдел кадров погранвойск. Начальник (фамилию не помню) сказал, что устроят меня в Москве, а оказалось, что меня арестовали органы госбезопасности, и я был посажен в

тюрьму 5 января 1946 г. Меня обвинили в контрреволюционной агитации, предъявив мне обвинение по ст. 58-11 УК РСФСР. В 1946 г. 23 марта мне был определен срок наказания - 10 лет ИТЛ. Во внутренней тюрьме КГБ на Б. Лубянке принудили меня подписать ложные документы. Способами принуждения были голод, бессонница, физические испытания. Я чуть не дошел до сумасшествия, и по совету одного заключенного сделал это, так как я мог не выйти оттуда живым.

После Лубянки меня сажают в Бутырскую тюрьму. Здесь были случаи, когда некоторые люди сходили с ума. Потом меня переводят в тюрьму на Красной Пресне. Тюрьма была переполнена, здесь сидели и уголовники, и политические. Отсюда этапом был направлен в лагеря. Этапировали нас в грузовом вагоне 15 суток до Владивостока, на каждой станции нас проверяли и пересчитывали охранники с дубинками и собаками. Пища (баланда) доставалась не всем, голодные отбирали друг у друга даже эти крохи. Владивостокский перевалочный лагерь встретил нас словами "Добро пожаловать!". Заключенные радовались, что теперь их будут кормить. Лагерь был смешанным, переполненным.

Дальше меня отправили вместе с другими заключенными на пароходе по Японскому морю в бухту Ольга Ольгинского района. Плыли мы в трюме, который был переполнен до отказа. Пищи не давали. Воду подавали через люк сверху шлангом в бочку. Многих укачивало. Воды не хватало. Люди устраивали давку, а отдельные захлебывались в этой бочке. Из Ольгинского лагеря меня через некоторое время снова отправили во Владивостокскую гюрьму или из-за того, что я служил в Хабаровском крае и знал этот район, или из-за доносов "стукачей". Из Владивостока я попадаю в Иркутскую тюрьму, затем в Новосибирскую, а оттуда в "столыпинском" вагоне был отправлен в Горьковскую область, станция Сухобезводная. В вагоне нас везли - как скот, были даже случаи убийства охранников. В это время я тяжело заболел дизентерией, но умирать не хотелось. Встречаются и среди заключенных добрые люди: однажды угостили меня сухарем (граммов 25). Я его съел, и мне стало лучше, я стал поправляться. В Горьковском лагере я работал на лесоповале. Народу была уйма. Среди рабочих были передовики-"тысячники", "двухсоттысячники". Их поддерживало начальство лагеря; многие же рабочие не могли даже выполнить норму в 2,5 м^3. Их кормили плохо. Приходилось есть лебеду, крапиву. Некоторые ели даже крыс и человеческое мясо. Я дошел до 3 категории истощения, не мог ходить на работу, иногда полз по-пластунски, чтобы не быть наказанным. Ходили на лесоповал за 9 км от лагеря каждый день в любую погоду. Затем меня поместили в лагерную больницу на 2 недели. Когда я немного

пришел в себя и мог уже ходить, то помогал во всем санитарам, техперсоналу: чинил белье, чистил картошку на кухне. И за мое трудолюбие меня оставили в больнице санитаром. Но и этот труд не был легким. Кроме поддержания чистоты и порядка, помощи врачу, я должен был хоронить умерших, а их было 3-4 в день. Имен у нас не было. Каждому был присвоен номер, который писали на одежде, и звали нас по номерам.

Из этого лагеря меня этапом перебросили в Карагандинский лагерь. Мы строили город Чурбайнура в 30 км от Караганды. Здесь я работал каменщиком. Все работы: переноска кирпичей на 4 этаж, замес раствора и т.д. - производились вручную. Наши бараки были поделены на секции по 21 человеку. Я был назначен бригадиром, и меня невзлюбил один из заключенных. Среди заключенных нередко происходили драки и убийства, и мне по дружбе сообщили, что хотят меня убить якобы "за стукачество", чего на самом деле не было. И так как меня предупредили, то и убийство не состоялось. После этого я оставил должность бригадира.

Следующим лагерем был Воркутинский (Коми АССР). Здесь я работал в шахте бурильщиком на горном комбайне, затем газомером. В лагере был устроен бунт: заключенные требовали права переписки с родными, свободную, без номера, одежду, карандаши, бумагу. Требовали представителей из Москвы. Требования заключенных были удовлетворены. А в 1955 году, по отбытии срока наказания, я был освобожден из-под стражи и оставлен на пожизненное поселение без права выезда. Выдали мне 9 августа 1955 г. характеристику за подписью начальника подразделения п/я Ж-175/15 Захарова в том, что я к работе относился честно и добросовестно. Затем я стал писать родственникам на родину, в Казахстан, чтобы мне достали справку из с/совета о том, что у меня на родине престарелые родители, хозяйство и т.п. Такую справку мне достали, и, благодаря ей, мне разрешили выезд из Воркуты. До 1966 года я жил в с. Октябрь, работал разнорабочим. После и до настоящего времени живу в с. Кировка. Работал кочегаром в школе.

За свой труд имею награды и поощрения: медали "Ветеран труда", "За доблестный труд в ВОВ", "50 лет Победы в ВОВ 1941-1945 гг.", право на льготы на всей территории СССР. Из документов имею справки: 1) об освобождении из-под стражи за подписью начальника подразделения п/я Ж-175/15 Самодурова; 2) о реабилитации за подписью председателя военного трибунала ТУРКВО Приймака; 3) об освобождении от ссылки за подписью начальника отдела Сейлиханова; 4) архивную справку об освобождении из ссылки-поселения за подписью начальника ЦКИ УГСК Мурзагалиева.

В данный момент являюсь пенсионером, инвалидом I группы по зрению. Имею жену-инвалида II группы и сына 1975 года рождения.

Хочу пожелать, чтобы на нашей казахстанской земле был всегда мир, дружба между, народами. Людям желаю упорного благотворного труда на благо родины, терпения, мира и согласия.

"ЗАБРАЛИ, КТО ПОПАЛСЯ ПОД РУКУ..."

Хамитов Бекмухамет, п. Кишкенеколь Уалихановского района

Я, Хамитов Бекмухаммед, родился в 1920 году в ауле № 6 с. Улкен Карой Кзылтусского района Северо-Казахстанской области. Отец, Манапов Хамит, мать, Халима Жакыпкызы, тоже выросли в с. Улкен Карой, простые рабочие. Из рода Аскары Керей Есенберды. Здесь, в Улкен Карой, было 25-30 аулов, близко расположенных друг от друга.

Мать умерла в 1934 году. Отец Хамит повторно не женился. В семье кроме меня двое сестер, которые к тому времени были замужем. Работал отец сначала в товариществе, а потом в колхозе.

В 1937 году переехали в Крутинский район Омской области, где жил Манапов Анапия, родной брат отца. Жили мы в деревне Карангы арал, а колхоз назывался "Красный Казах". В феврале месяце 1938 года рано утром село окружили вооруженные люди и забрали 7-8 человек, кто попался им под руки. Среди них был и мой отец. Так я остался сиротой в 8 лет. От отца не было никаких известий, и никто их не искал. Вдобавок к сиротству я назывался сыном "врага народа". Учился до 4 класса и пошел работать. В 1943 году переехал в Улкен Карой, устроился на работу в колхоз. С детства претерпел столько насилия, унижений, на каждом шагу слышал, что я сын "врага народа". Все меня избегали. До 1956 года мы были "людьми второго сорта" или "врагами народа".

В 1954 году написал несколько заявлений Главному прокурору Верховного Совета СССР. В 1956 году в ноябре месяце получил письмо от Новосибирского военного трибунала: "Дело Манапова Хамита было рассмотрено, и в связи с отсутствием преступления дело остановлено". И внизу подпись: полковник Шалагин. Я был рад за отца, что его реабилитировали. После по этому адресу написал письмо, если отца реабилитировали, почему он не едет домой. На это письмо КГБ г.Омска в Кзылтусское отделение милиции передало: "13 июня 1949 года отец умер от сердечной недостаточности".

В начале 1997 года, в связи с болезнью, для обследования поехал в г. Омск. Там в газете прочитал статью о репрессированных в 1937-1938 гг. Чтобы наверняка узнать об отце, я познакомился в архиве с его де-

лом. По ходу ознакомления с делом я был поражен обвинением, неграмотностью людей, которые вели дело. В нем нет обоснованного доказательства вины. Следователь заставил "свидетелей" со стороны подписаться в деле.

Возможно, мои заявления были причиной того, что в 1956 году дело отца было заново рассмотрено, были опрошены проходившие по делу "свидетели". Я поразился, что все они не знали, в каком свидетельстве расписывались...

14 июня 1938 года по делу отца было принято заключительное обвинение. Никаких отдельных бумаг не было, в обвинительном заключении было написано: "К расстрелу". Отец до конца не признавался в совершении преступления. В деле имеется запись: "Приговор исполнен 17 июня 1938 года".

Таким образом, сообщение о том, что он умер в 1949 году от сердечной болезни, было неправдой. Его расстреляли 17 июня 1938 года.

Пусть эти горькие строки останутся в память потомкам о тех временах.

АСЫЛ БЕЙНЕ

Жақияқызы Әспет

Тарихымыздың ащы шындықтары егемендікке қолымыз жеткеннен кейін ғана ашылып, көңілімізді алаң етіп, мазамызды кетірген ойларымызды, пікірлерімізді, ұсыныстарымызды іркілмей, еркін айту мүмкіндігі бертін ғана туғанын мойындасақ керек. Өткенсіз бүгініміз жоқ екенін талайына тағдыр жазғандар ғана емес, қазіргі және келер ұрпақ ұғынуын, зердесінде ұстап, пайымдай алуларын, сабақ болуын қалар едік.

Біздің әкеміз Жақия Уақабаев кешегі Сталиндік қуғын-сүргінге ұшыраған қатардағы журналистердің бірі ғана. Ол 1904 жылы Уақ руының Әбдіреш-Нұрқан ауылында (қазіргі Жамбыл ауданындағы Есперлі ауылы) туған. Жасында ауыл молдасынан оқып, сауатын ашқан. Ұлы Октябрьдің дүмпуі әкемізге де әсер етіп, ауыл арасындағы саяси жұмыстарға араласа бастаған. Заманның ағымына қарай, қысқа мерзімдік курстарда оқып, 1924-1927 жылдары ауыл мектептерінде мұғалім болған. 1925-1931 жылдары Төңкеріс аудандық /қазіргі Жамбыл ауданы/ оқу бөлімінің меңгерушісі қызметін атқарған. Қарап отырсақ, сол тұстағы адамдардың оқуға, білімге деген құштарлығы алабөтен болса керек. Жан бағуды ғана қанағат тұтпаған.

Әкеміз 1931 жылы елімізді жаппай жайлаған аштыққа, басқаға да қарамастан, Алматыда Комвуздың қысқа мерзімдік журналистика курсын тауысады. Содан кейін Төңкеріс аудандық "Кеңес" және Атбасар аудандық газеттерінің редакторы болыпты.

1935-1937 жылдары Солтүстік Қазақстан облыстық "Ленин туы" қазіргі "Солтүстік Қазақстан" газетінде ауыл шаруашылығы бөлімін басқарған, әрі партия ұйымының хатшысы болған.

Анамыздың айтуы бойынша, әкемізді 1937 жылдың 20 желтоқсанында жұмыс орнынан ұстап әкеткен көрінеді. Таңертең жұмысқа кеткен әкемізді анамыз түскі тамаққа күтеді, келмейді, кешке дейін күтеді, келмейді.

Ертеңіне қызмет орнына іздеп барса, тұтқындап әкетіпті. Бір айдай сергелдеңге түсіп, сабылғанмен, анамыз әкемізбен жолығыса алмайды. Өзі жоқтың козі жоқ емес пе. Үйден таяқтағандай қуып шығады. Шиеттей үш қызын (Әспет, Зура, Зара) ауылға жіберіп, өзі Мұхаметжан деген кісінің үйін паналап, бір жылдай тұрады. Елге оралғанның өзінде маңдайы тасқа тигендей болады. "Халық жауының әйелі" деген айдар кенедей жабысып, қыр соңынан қалмайды. Үрей мен күдігі қатар жүріп, колхоз жұмысына араласады. Көппен көрген корешегі шығар, бәрін қайталап айтып қайтейін.

Осыдан аттай 40 жыл бұрын 1957 жылы Түркістан әскери округінің әскери трибуналынан әкеміз ақталды деген хабар алдық. Одан кейін араға 32 жыл салып барып, 1989 жылдың шілдесінде Солтүстік Қазақстан облыстық партия комитетінің бюросы партиялық жағынан да ақтады. Әрине, құрбан болған әкеміз тіріліп, ортамызға қайтып оралған жоқ. Бірақ, адал есімі ақталғаныны өзін қанағат тұттық, қуандық. Өйткені әкеміздің адалдығын, халық пен қоғам алдында зәредей кінәсі жоқтығын өзіміз білсек те, ел біле бермейтін. Оның ұрпағы, біздер, құсалықпен күн кешкенімізді, алдымыздан үмітімізді үзбегенімізді, тырбанып еңбек еткенімізді несін жасырайық.

Әкеміз жайында журналист Мәлік Мұқанов кезінде өзіміздің "Ленин туы" газетінде "Жария етіп, ақтайық" айдарымен "Телегей трагедияның тырнақтай сынығы" деген мақаласында келістіре жазып, көңілімізден шыққан еді. Ол архив құжаттарының ізімен іздене тексеріп, кінәсі жоқтығына қалың оқырман көзін жеткізген болатын.

Мәлік ініміз анықтағандай, әкеміз жалғыз сотталмапты. 1937 жылдың 5 ақпанында онымен бірге бес адам сотталыпты.

Соттаушы - Ішкі Істер халық комисссариатының Солтүстік Қазақстан облыстық басқармасының "үштігі". Айыптаушы прокурор да, айыпкерлерді қорғайтын адвокат та қатыстырылмаған. Ол ол ма, сотқа айыпталушылардың өздері де қатыстырылмапты. Үкім олардың сыртынан шығарылған. Оларға ақталу тұрмақ, бір ауыз ақтық сөз айтудың өзіне мүрсат берілмеген. Қаһарлы "үштік" алты адамның өмірі мен тағдырын бір-ақ парақ қағазға сыйдырған. Бесеуі ату жазасына, біреуі он жыл лагерге кесілген.

"Біздің бұрынғы қаламдасымыз Ж. Уақбаевтың "халық жауы" ретіндегі қылмыстары қандай екен? Одан жауап алу протоколында былай делінген: "Саналы түрде газет бетінде көктемгі егіс, күзгі орақ, сүдігер жырту науқандарына әзірлік туралы жазбаған, жазса кешіктіріп жазған. Газет бетінде ауыл шаруашылығының стахановшыларын екпінділерін көрсетпеген. Лайық емес адамдарды мақтап жазған". Бар "қылмысы" осы.

Ал, шынтуайтына келсек, Ж. Уақбаев сабырлы мінезді, кішіпейіл, үлкенге де, кішіге де жұғымды азамат, өз ісіне, Совет үкіметіне шынайы берілген коммунист болған.

1957 жылы оның ісі қайта қаралғанда Ж. Уақбаевпен кезінде бірге қызмет еткен F. Нұрмолдин, Н. Ибрагимов, Қ. Сүлейменов тәрізді журналистер оған осындай мінездеме берген" деп жазған еді М.Мұқанов.

Өткен қайтып оралмайды. Әкеміздің артында қалған ұрпағы - біздер бармыз. Оның асыл бейнесін, азаматтық тұлғасын біз әрқашан жадымыздан шығармаймыз.

"ДОМОЙ НЕ ВЕРНУЛСЯ. АРЕСТОВАН..."

Воронова (Зайцева) А.Г, с. Пресновка Жамбылского района СКО

Село Лобаново - в полверсте от станции Комаричи Брянской области. Многие селяне находили себе работу на железной дороге. Потому, видно, не без трудностей шла на селе коллективизация крестьянских хозяйств. В начале 40-х годов создали колхоз. Вступила в колхоз и семья Зайцевых. Аграфена Максимовна еле успевала варить похлебку, выпекать коврижки хлеба, стирать и сушить одежонку своих пятерых дочурок. Старшей было 12 лет. Муж ее - чуть свет, косу на плечо - и на луга.

Работали, не покладая рук, а из нужды выбраться - не могли. Однажды Григорий сказал жене: "Наши мужики приглашают на транспорт.

Пойду грузчиком в погрузконтору. Все-таки деньжонок получу". Уже через год имя лучшего производственника Г. Зайцева занесли на Доску Почета. Радовала отца - главу семейства - и другая новость: на свет появилась младшая дочь Шура. Два месяца исполнилось ребенку, когда в ночь на 27октября 1937 отец ушел на станцию выгружать прибывшие вагоны, утром не вернулся. К вечеру в погрузконторе Аграфене Максимовне сообщили тяжкую весть: Гришу арестовали, увезли во Львов.

Шло время. Дочки повзрослели. Двое окончили институты. Мария - педагогический, Александра - сельскохозяйственный, Екатерина - лучшая телефонистка на почте в Комаричах, Валентина - работница местного поселкового Совета, затем ЗАГСа, трудоустроились Анна и Ксения.

Казалось, что тучи над головой рассеялись. Жизнь входила в нормальное русло. Умные, понимающие люди сочувственно относились к семье Зайцевых. Но дамоклов меч, оказывается, все еще висел над семьей. Когда администрация и профкомитет почты предложили телефонистку Екатерину Зайцеву как лучшего работника для награждения медалью, то одна из высоких чиновниц, коим было доверено решать судьбы людей, категорически отвергла ее: "Нет, она дочка врага народа". Те же слова сказали и в адрес другой сестры - Марии, когда та решила вступить в партию.

Много воды утекло с тех пор. Недавно, спустя 57 лет, сестры Зайцевы получили из Курской областной прокуратуры официальный ответ-письмо: "Государство возвратило светлое имя вашему отцу Григорию Афанасьевичу".

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ - ПЕРФИЛЬЕВЕ ДМИТРИИ СЕРГЕЕВИЧЕ

Гришкова П.Д., г. Петропавловск

Я это помню, как если бы это было вчера. Детская память - она крепка. Отец у нас был очень добрым, умным. Он любил свою жену и нас до безумия. Я была к нему привязана, как собачонка. Если он уходил в двери, я вылезала со стороны окна и бежала за ним. Куда бы он ни ехал, я всегда была с ним. Я была старшей дочерью (старший брат был с 1925 года, я - с 1930 г., а там – мал мала меньше – с 1932 г., 1935г., и мать оставалась беременной). Отца забрали 30 марта, а девочка родилась 29 сентября 1937 г. Год 1937 был для нас годом горечи, обиды и утрат. Я этот день запомнила на всю жизнь. Был солнечный день, уже были прогалины, и мы играли на солнышке. Я увидела, как по улице

идет мой отец с двумя мужчинами. Он был в середине. Я побежала к нему навстречу и – на шею, как всегда. Но отец взял меня крепко за руку и сказал: "Пойдем домой…". Я тараторила: "Папка, это что, к нам квартиранты?". К нам часто сельсовет направлял уполномоченных на ночлег. У нас всегда было чисто, уютно.

Когда зашли в дом, сразу двери закрыли на крючок. У нас были две женщины. Сидели, беседовали за чашкой чая. Им приказали сидеть на месте, начали делать обыск. Все, что можно было, рвали, драли. В подполе завалинки были обшиты железом – все сорвали, землей засыпали всю картошку и ларь с мукой. В комнате висели два портрета под стеклом – Ленин и Куйбышев, с обратной стороны все содрали, но ничего не нашли. Отца увели, а мы, дети врага народа, как нам было присвоено это звание, остались одни, один на один с горем. Брату было 11 лет, а мне – 7, еще одной сестре – 5 лет, 1 год и 3 месяца – еще одной и родившаяся уже после ареста отца. И что видели наша мать и мы с ней? Унижение, голод, непосильную работу. Но все выжили. Кто как мог, выкарабкивался. От отца мы не получили ни одного письма. Мать ходила в Боголюбово (12 километров пешком), носила передачи. Отец заболел, цингой уничтожило все зубы. Ей передали, что нужны лимоны. Принесла их в следующий раз, ей сказали: "Если есть дети, могут прийти проститься". И мы с братом ходили. Я отца не узнала. Он был худой, старый и все время гладил меня по голове. А когда его уводили, я так вцепилась за его шею и кричала: "Папка, не уходи!". Меня оторвали и швырнули, как кошку блудливую. И еще один сказал: "Вражья поросль". Но я в это время не знала, что это такое, и когда пришли домой, я мамочке рассказывала, что один злой дяденька назвал меня поросенком… вот такие у меня воспоминания. Я так молила Бога, чтобы вернули нам отца. Стояла на коленях перед иконой и молила: "Боженька, верни нам папку, нам так тяжело!" - и плакала.

И уже взрослой, когда мне было 20-21 год, я работала поваром в столовой МВД (что на площади), она была филиалом головной столовой № 2. Уже много времени проработала, все было нормально, а там провести обед – нужны были стальные нервы. Ведь кроме спасибо и доброй улыбки ничего нам не нужно было. А тут прошел обед, и меня вызывают секретарь треста столовых и ресторанов Фисюк Д.Т. и сотрудник МВД Никишко (какой он пост занимал, я не знаю), вышла я в зал, там ни души. Ну, думаю, что-то случились. Мне сразу перекрестный допрос: кто я, где родилась, крестилась? Мать нас воспитала честными, работящими, уважительными. Я все рассказала, кто мои родители, где жила, училась. Об отце я сразу соврала, сказала, что он умер, когда - не знаю

и от чего – не знаю. Поняла, что меня ждет участь отца. “А что, тебе никто никогда не говорил, где твой отец?”. Я сказала, что нет, я знаю только, что он умер. Никишко сразу поднялся и пошел, а мне скомандовали: передать в срочном порядке материальные ценности. Так я была освобождена от занимаемой должности, повар, окончившая училище с отличием, по всем предметам на 5, повар II разряда. И меня направили на военный завод № 239, где я работала, а затылком чувствовала взгляд Никишко.

Уже после, когда мать вызвали и сказали, что отец наш оправдан и невиновен, я случайно встретила Никишко в гастрономе. Он задержал на мне взгляд и прошел, а я все вспомнила, как это было. И опять все нахлынуло... Вот такие были у нас детство и юность. Сиротство, война, голод... Мать осталась 31 года вдовой с пятерыми детьми на руках. Мы все постарели, поизносились. Мать и брат умерли, земля им пухом. Но 30 марта мы все помним как день траура. Мать всегда говорила: “Сегодня вашему отцу вот столько-то лет как забрали...” - и мы, его дети, пронесли это через всю жизнь. Сельчане отзывались о нем с уважением, говорили: “Мужик толковый, хозяйственный”. Говорили, что когда был бригадиром, спал на ящике, где хранился печеный хлеб, чтоб не растащили, чтоб накормить всех. Дружил с казахами. Уже прошло много лет, а они все время заезжали к нам с гостинцами, цокали языками и говорили: “Ах, Митька, Митька! Пропал ни за грош!”. Привозили пшено, пшеницу, поддерживали нас, поднимали дух матери. А нам гостинцем был сухой творог. Мать говаривала, что вот вернулся бы отец, да посмотрел, какие выросли у него дети... И еще она говорила, что дети выросли хорошими, ни один не пошел по плохой дороге благодаря Господу Богу, он сжалился над ними и посочувствовал их сиротству. Мать была умная, грамотная, волевая женщина. Она занимала по тем временам важные посты: бригадир, учетчик. Всю жизнь была председателем ревизионной комиссии. Ни одного совещания без нее не проходило. Она грамотно, красиво писала протоколы, акты.

Сегодня известно, что отец, Перфильев Дмитрий Сергеевич, был расстрелян 19 сентября 1937 года. 30 апреля 1993 года реабилитирован.

Ну, вот кажется, и все. Я рано уехала из семьи на заработки, что помнила и помню, написала.

“ЧТОБЫ НЕ ПОВТОРИЛОСЬ КОШМАРНОЕ ПРОШЛОЕ...”

Догадина А.А.

Я, Догадина Александра Андреевна, вместе с родителями в 1931 году была незаконно переселена по политическим мотивам из Московской области и направлена на спецпоселение в Казахстан. Сначала были арестованы все мужчины. Потом, в один из дней, были посланы уполномоченные, которые должны были подготовить семьи к ссылке. Что могла подготовить к дороге одна женщина с малыми детьми? Ничего. Только детей, немного еды и их одежду. Погрузили нас на подводы и повезли на станцию, где были наши арестованные отцы. Каждый отец искал свою семью.

Погрузившись в товарные вагоны, тронулись в путь, который был очень тяжелым для всех, особенно для детей. 26 марта нас привезли в Степняк. Поселили в бараки без крыш. Это жилье укрывало нас только от ветра. Видя такое положение с жильем, местные совместно с переселенцами стали устанавливать юрты. Теснота, грязь, мухи не давали покоя. Началась эпидемия, вымирали целыми семьями. Хоронили без гробов. Особенно трудно было с детьми и стариками.

Силами переселенцев и с помощью местных жителей за одно лето было построено 100 землянок. Каждая семья получила свой уголок в землянке. Весь этот район землянок был окопан глубокой канавой, и были мы под наблюдением коменданта.

Благодаря поддержке местного населения репрессированные люди выкарабкались из тяжелого положения. Мужчины пошли работать в шахту, на стройку (Степняк строился). В одной из землянок была открыта школа, дети пошли учиться. Казахстан стал нашим домом.

Сейчас у нас положение тоже не из легких, но тут нам требуется взаимная поддержка, а особенно пожилым людям. Основное, чтобы был мир и согласие на земле, взаимная поддержка. Так хочется спокойно прожить свои последние годы жизни, чтоб не повторилось то, что мы пережили в 30-е годы.

“НЕ ТОЛЬКО УБИВАЛИ, НО ЕЩЕ И ГРАБИЛИ...”

Домбровский Ф., п. Есенгельда Карагиндинской обл.

Прочитал в газете “Ленинское знамя” (ныне “Северный Казахстан”) “Это нужно живым”. Как же так получается, мы и вся мировая прогрессивная общественность требуем наказания преступников, которые чинили бесчинства и убийства во время Второй мировой войны над

мирными жителями (и не только советскими). И в это же время всеми силами пытаемся узнать имена тех, кто в угоду своему хозяину, спасая свою шкуру, выносил смертный приговор ни в чем не повинным советским людям, при том - честным труженикам.

Был декабрь 1937 года. Шло предвыборное собрание. Встает колхозник с с. Становое Сюникаев Нигматула, если я не забыл, выступил с критикой. На второй день Сюникаева уже не было в селе, и по сей день мы ничего не знаем о нем. В придачу к этому еще 15 человек этого же села в течение полугода (1938-го) не стало. В том числе и наш отец - Домбровский Иван Иосифович - колхозник, инвалид (еще до революции получил травму правой руки, потом ампутация выше локтя). Перебивался с куска на кусок, а когда вступил в колхоз, была хоть какая-то постоянная работа. И вот он - "враг народа", а мы - дети "врага народа", как нам говорили прямо в глаза, и не где-нибудь, а в школе. Конфисковали имущество арестованных. А куда оно пошло? - Растащили по себе эти самые органы, что выносили приговор. Выходит, что не только убивали, но еще и грабили.

Ну, что ж, пусть будут прокляты эти настоящие враги советской власти, убийцы и грабители.

ОПРАВДАТЬ НЕВОЗМОЖНО

Ерофеев Н.А.

Последнее время на страницах некоторых газет высказывается мысль о "реанимации" И.В. Сталина. Аргумент в том, что страна, якобы, достигла огромных успехов в промышленности, сельском хозяйстве, искусстве и т.д.

Отчасти это правда, но основная правда та, что крупные промышленные предприятия строились силой ГУЛАГа, колхозники были крепостными, так как не имели паспортов и не могли выехать за пределы своего колхоза без разрешения председателя сельсовета и председателя колхоза; культура и литература создавались на восхвалении "Отца народов" и его окружения. Поэтому говорить о периоде сталинизма как периоде "Строительства Социализма" - значит, говорить заведомую ложь.

Сталин любил говорить и писать о коммунистической морали, но в действительности Сталин не был коммунистом, его деятельность напоминала императоров и цезарей Римской империи.

Партийно-государственная машина для Сталина и его окружения была средством безраздельного единовластия при полной поддержке ВКП(б).

Над личностью человека висел меч сталинизма, партийные структуры, не задумываясь, утверждали незаконные аресты и расстрелы советских людей. В стране действовал один закон, приговор. “Тройки”, “двойки” в течение одного часа выносили приговоры и в основном - расстрелы.

Некоторые публицисты провозглашали Сталина величайшим государственным деятелем всех эпох и времен, одним из величайших полководцев советской эпохи. Все это не соответствовало действительности.

Коротко рассмотрим деятельность Сталина после смерти В.И. Ленина. В известном письме-завещании В.И. Ленин предлагает: “Переместить Сталина с должности генерального секретаря ЦК ВКП(б) на другую работу”.

К великому сожалению, трагедия нашей страны в том, что ЦК ВКП(б) не прислушался к письму-завещанию В.И. Ленина, что привело к огромным необоснованным репрессиям, к человеческим жертвам, чудовищным преступлениям со стороны Сталина и его ближайшего окружения к своему собственному народу.

Страшные, кровавые 1936-1939 годы. Расстрелы и расстрелы, уничтожение наиболее умных государственных талантливых личностей, талантливых полководцев, ученых.

Некоторые публицисты, стараясь реабилитировать Сталина, говорят: "Сталин не знал о расстрелах...” Глупости. Кто бы без санкции Сталина осмелился поднять руку на П.П.Постышева, А.С.Бубнова, И.А.Зеленского, Л.Б.Каменева, Э.И.Квиринга, А.В.Косырева, С.В.Косиора, Н.Н.Крестинского, М.Н.Кабакова, Е.А.Преображенского, Х.Г.Пятакова, Я.Э. Рудзутака, А.И. Рыкова, А.П.Серебрякова, Е.С.Строева, М.П.Томского, Н.А.Угланова, К.В.Уханова, В.Я.Чубаря, Р.В.Шмидта, Р.И.Эйхе и многих, многих видных государственных деятелей нашей страны, членов партии с 1905-1910 гг., которые с оружием в руках отстаивали Советское государство, сподвижников великого Ленина.

Роберт Индрикович Эйхе в своем предсмертном обращении-письме к Сталину в 1939 г. писал: “Тяжело умирать в тюрьме при власти, за которую всю жизнь я боролся...”.

До сего времени люди старшего поколения в Сибири помнят добрым словом внимательность к людям со стороны Р.И. Эйхе, когда он

был первым секретарем Сибирского и Западно-Сибирского крайкомов и Новосибирского горкома партии в 1929-1937 гг.

Или другой пример. Павел Петрович Постышев - любимец партии, человек кристальной чистоты, как и все вышеупомянутые коммунисты, расстрелянные в 1936-1939 гг., на вопрос Сталина: "Кто Вы?" - ответил: "Я большевик, тов. Сталин, большевик...". После этого участь П.П. Постышева была решена - расстрел.

Громадные потери в период сталинизма понесла Красная Армия. Невзирая на заслуги перед партией, государством, народом, арестованы и расстреляны в 1937 г. в июне месяце Тухачевский, Уборевич, Якир, Корк, Фельдман, Примков, Эйдеман, Путна и др.

С личного разрешения Сталина к арестованным применяли страшные средневековые инквизиторские пытки, в результате которых добивались ложных показаний "о преступной деятельности". Показания арестованных направлялись лично Сталину, который без всякого разбирательства решал вопрос о судьбе и аресте ни в чем не повинных людей.

Другой страшный, трагический пример в истории нашего государства: "60% делегатов XVII партийного съезда ВКП(б) были расстреляны...". И опять же, некоторые личности, реабилитируя Сталина, повторяли: "Сталин ничего не знал...".

Сталин все знал, но он старался руками НКВД и своих приближенных уничтожить всех тех, кто видел в Сталине маньяка, убийцу, изувера всех веков, хитрого, изворотливого, с умом провокатора, зверя.

Или еще пример: выпускники 1936 г. Промышленной академии РСФСР-СССР в количестве 55 человек в период 1937-1939 гг. были расстреляны.

Когда я говорю о Сталине в отрицательном аспекте, мне обычно защитники Сталина говорят: "Вы не можете простить Сталину расстрел Вашего отца в 1938 году в возрасте 38 лет..."

И это правильно. Как можно забыть мне и моей матери, моим двум сестрам, когда 15 июля 1938 года в присутствии всей семьи за обеденным столом был арестован мой отец Ерофеев Александр Петрович, крупный партийно-хозяйственный специалист, окончивший Промышленную академию РСФСР-СССР в 1937 г., расстрелян 1 октября 1938 года с формулировкой "тройки": "Японо-немецкий шпион, участник контрреволюционного заговора по свержению Советской власти, за связь с Бухариным, Рыковым, Пятаковым, Зеленским и другими врагами народа...". Страшно, страшно подумать обо всем этом.

Мой отец, Ерофеев Александр Петрович, посмертно реабилитирован по всем статьям в октябре 1956 года. Однако мне и моим всем родственникам это не дает основания все забыть и простить.

Сталин любил говорить: "Сын за отца не отвечает...". Ложь! Я лично все негативное сталинизма на себе испытал. В это время, когда в стране пели песню "Широка страна моя родная", мы, дети и родственники "врагов народа", были отвержены, нам всюду был закрыт путь, как в учебе, так и в работе.

Все страдания, моральные невзгоды в период сталинизма невозможно высказать.

У меня одно понимание - сталинизму нет прощения. Всем нам надо принять необходимые меры по недопущению в нашей стране сталинизма.

На предприятии, где я работаю, в настоящее время работает дочь легендарного героя гражданской войны, строителя и руководителя металлургического Магнитогорского завода Челябинской области. Отец ее расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1956 г. Спросил ее о Сталине. И она с горькими слезами дает пояснения, что значит сталинизм.

Или другой пример: встречаюсь с сыном маршала В.К. Блюхера В.В. Блюхером - он без волнения и слез не может вспоминать о гибели своего отца.

Пройдут годы, и история окончательно предъявит все "векселя для оплаты" тоталитарной системе - сталинскому кровавому режиму.

Сегодня создаются различные политические, партийные группировки и объединения.

Я вступил в партию Ленина 14 ноября 1941 г. в боях под Москвой, будучи сержантом, командиром противотанкового орудия, и воевал не за Сталина, а за свою Родину, награжден 6 боевыми орденами и многими медалями СССР. И не соглашусь никогда с возникновением такого политического течения или партии, которая защищает Сталина, делая рядовых членов партии заложниками безумной тоталитарной системы.

Из конъюнктурных соображений, иначе не скажешь, вчерашние лидеры, ранее с трибун клявшиеся в верности марксизму-ленинизму, вдруг "прозрели", стали "демократами", не разъясняя сути демократии, тогда как в своей практической работе делают то же самое, что и ранее.

"Неосталинизм" - крайне опасное явление. Данные личности, которые стояли на вершине политической пирамиды, вдруг отказались от своих прежних взглядов и убеждений. Нет и не может быть доверия к тем, кто так быстро меняет свои политические убеждения.

Я не собирался и не собираюсь выходить из рядов коммунистов, ибо вступил в партию коммунистов не на ковровой дорожке, а в боях за свою страну, и у меня была одна мысль - защищать свою родину от врага.

Я не согласен со сталинизмом, не приемлю неосталинизм, но я уверен, что партия Великого Ленина возродится, отбросив все негативное, в конечном итоге завоюет доверие всего народа.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА №11
заседания тройки УНКВД Северо-Казахстанской области
от 30 сентября 1938 г.

Слушали	Постановили
Дело № 727, по обвинению ЕРОФЕЕВА Александра Петровича – 1900 г. рождения, уроженца с. Большая Лука, Керенского района, Тамбовской области, русский, гр-н СССР. Работал в Облпотребсоюзе. Обвиняется в том, что в 1936 г. завербован агентом японской разведки ЗЕЛИНСКИМ. Собирал шпионские сведения о состоянии спец. поселков, о товарообороте и передавал через агента БАЛТЫШКИНА для японской разведки. Состоял членом правотроцкистской, диверсионно-вредительской организации и проводил активную диверсионно-вредительскую работу в советской торговле. ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ. (Д-к тов. ЛИТВИНОВ)	ЕРОФЕЕВА Александра Петровича - РАССТРЕЛЯТЬ

Секретарь тройки роспись КОЧЕТОВ

М.П.

СПРАВКА

Зеленский Исаак Абрамович (1890-1938 гг.)

председатель Центросоюза СССР, член ЦК ВКП(б). Расстрелян 1938 г.

Балтышкин Михаил Антонович (1890-1937 гг.) председатель Облпотребсоюза СКОО, член ВКП(б). Расстрелян 1937 г.

Роспись (Кочетов)

Секретарь тройки УНКВД СКОО

30 сентября 1938 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

СПРАВКА

Решение Тройки УНКВД по Северо-Казахстанской области, КССР, от 30-го сентября 1938 года, протокол № 11, о расстреле.

1. ЕРОФЕЕВА Александра Петровича приведен в исполнение 1-го октября 1938 года в 23 часа.

Ст. Инспектор 8 ОТД. УШБ

СКОУ НКВД роспись КОЧЕТОВ

М.П.

ПРОКУРАТУРА СССР

Прокуратура
Северо-Казахстанской области
642000 г.Петропавловск
ул. Мира, 85, т. 6-46-36

7.02.89 г. № 9/19

620075 г. Свердловск,
ул. Луначарского, 87, кв. 67
гр. Ерофееву Н.А.

Ваше письмо, адресованное в ЦК КПСС, о реабилитации отца рассмотрено прокуратурой Северо-Казахстанской области. Ерофеев Александр Петрович, 17 сентября 1900 года рождения решением тройки УНКВД по Северо-Казахстанской области расстрелян 1 октября 1938 года.

Согласно ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов", уголовное дело в отношении Ерофеева А.П. 6 марта 1989 года прекращено. Он реабилитирован посмертно.

Какими-либо другими данными не располагаем.

Первый заместитель облпрокурора советник юстиции С. К. Курлеутов.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) Ерофеев Александр Петрович
умер(ла) 1 октября 1938 года
1 октября тысяча девятьсот тридцать восьмого года
в возрасте 38 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
1989 года июня месяца 14 числа
произведена запись за № 14
Причина смерти – расстрел.
Место смерти: город, селение: г. Петропавловск
село_____
район_____
область: Северо-Казахстанская
республика: Казахская ССР
Место регистрации: городской ЗАГС
г. Петропавловск, Сев.-Каз. обл. Дата выдачи "14" июня 1989 г.
Заведующий отелом (бюро)
записи актов гражданского состояния Роспись
МП.
I-НЛ № 350214

"ПРЯМО С РАБОТЫ - В "ЧЕРНЫЙ ВОРОНОК""

Иотов К.Д, с. Жданово Булаевского района
(записано со слов самого Иотова К.Д.)

В 1920 году их крестьянская семья была раскулачена, следующий год, 1921, стал для них голодным годом.

В 1930 году их семью выслали на Урал в г. Надеждинск (ныне Серов). Места были дикие, необжитые, семье Иотовых пришлось очень туго. Умерла мать в 1931 году. Осталось их четверо братьев: старшему было 20, а младшему - 2 года. Старший брат предложил Кириллу бежать, оставив двух малолетних братьев, но он не согласился. Брат ушел один, и с тех пор о нем ничего не известно. Скорее всего, он был где-то сразу схвачен, потому что в голодное время тому, кто выдаст бежавшего, даже его труп, давали пуд зерна.

В 1932 году семья переехала в г. Копейск к бабушке Степаниде. Кирилл начал рано работать, первое время занимался извозом, затем в 16 лет, прибавив себе два года, пошел работать в шахту, ведь там можно было получить килограммовый паек хлеба. Младший брат очень часто

болел и умер в 5 лет, а средний жив, проживает сейчас в Челябинской области.

В 1938 году, 7 июля, прямо с работы в спецодежде посадили в "черный воронок" - и в тюрьму, объявили врагом народа. Недели две шло так называемое "следствие". Следователь на допросах сказал прямо: "Виновен, не виновен - отсюда не выйдешь". В декабре этого же года этапом отправляют в Архангельскую область в г. Каргаполь (КарЛАГ).

Привели нас около 3 тысяч человек на необжитую голую землю. Вольные и немощные жили в сырых, наспех срубленных бараках, а кто помоложе - у костров.

Среди заключенных были высококвалифицированные специалисты, люди искусства, кремлевские врачи. Любая свободная минута - артисты пели песни. Через 20 дней на голом месте появились постройки, стали обживаться. В заключении пробыл 10 лет, после чего был осужден по 58 статье и сослан в Красноярский край на 7 лет. Туда же, на ссылку, в 1950 году приехала жена. В 1954 году после окончания срока приехали в эти края, где жил средний брат. Семье все равно надо было начинать с нуля, поэтому и решили с женой остаться здесь.

В совхозе Ждановский ("Золотая нива") работал агрономом, механизатором. В 1958 году принял руководство бригадой и работал бригадиром до самой пенсии. В селе знают как честного, неутомимого труженика, человека с большой и открытой душой.

"НИ О ЧЕМ НЕ СПРАШИВАЯ, ОБЪЯВИЛИ СРОК – 10 ЛЕТ..."

Китриш З.С, с. Пресновка Жамбылского района СКО
(запись со слов Китриш З.С.)

Отец ее - Сергей Иванович Сапронов, родом из с. Богатое, - самый обыкновенный человек: не очень грамотный, не очень разбирающийся в проблемах политики, но хорошо знающий одно: чтобы жить, надо трудиться. Ведь надо было содержать семью, и немалую - жена, три малолетних дочери и сестра-инвалидка. Все члены семьи по своим возможностям работали.

И вот ноябрьская ночь 1937 года. Зоя Сергеевна вспоминает: "Страшная ночь! Пришли милиционеры, предъявили какую-то бумагу, начали обыск. Перевернули все, очень придирались, почему у тети в сундуке хранится псалтырь. Ну, а других-то бумаг и не было, кроме наших учебников да тетрадок". Зоя училась в первом классе, Валя - во втором. Искали, как выяснилось, документы, подтверждающие связь с

заграницей. Отца увезли, потом от него пришло письмо. Эти слова врезались в память. Отец писал: "Судила нас тройка, ни о чем не спрашивали, ничего не писали, а срок объявили - 10 лет. Правда, с правом переписки". В этих письмах не было уныния, горечи. Отец ободрял, говорил, что все это ненадолго что, наверное, разберутся, что скоро встретимся, чтобы дети хорошо учились. Надеялась на встречу и семья.

Началась война, Сергей Иванович просился на фронт, ему обещали, но... В 1942 году он попал под обвал, и вскоре в семью Сапроновых пришло письмо, написанное рукой чужого человека, сообщавшего о смерти отца. Вот и все. Теперь не было даже надежды. А сколько вынесла на своих плечах мать, оставшись одна, выбиваясь из сил в эти тяжелые годы, она сделала все, чтобы сохранить, сберечь семью. Во время войны женщины, у кого мужья были на фронте, имели хоть какие-то льготы. Таким семьям, как Сапроновы, не полагалось ничего. Только своему упорному труду обязаны они были тем, что все три сестры закончили школу, получили высшее образование. Это было их мечтой, их целью. Две сестры - Валентина и Зоя - стали учительницами, младшая - одним из редакторов Сибирского издательства. Можно сказать, что им повезло, повезло и на хороших людей, друзей, соседей, знакомых. Никогда Сапроновы ни от кого не слышали обидных слов, даже намеков.

В 1961 году накануне знаменитого съезда КПСС Зоя Сергеевна вступила в партию. Ей же пришлось читать закрытое письмо съезда на собрании коммунистов района. Вечером рассказала об этом и матери, и она, тяжело вздохнув, сказала: "Где же вы, милые, раньше были?" Как бы сложилась судьба, не случись всего этого?

- Не знаю, - говорит Зоя Сергеевна. - Наверное, по-другому. Да это и не важно. Главное - это боль, что ни мама, ни тетя так и не увидели газеты "Ленинское знамя", где имя Сапронова Сергея Ивановича стоит в одном ряду с реабилитированными.

"КТО ВОЗМЕСТИТ МОРАЛЬНЫЕ СТРАДАНИЯ?.."

Ошкович Я.Е., с.Соколовка Кызылжарского района
(Подготовил к публикации А. Пряников, с. Соколовка)

Я, Яков Ефимович Ошкович, родился в 1915 году в г. Воронеже. Семья наша была из самых бедных, мать совсем безграмотная. Она овдовела в 1923 г., и я, в то время единственный сын у матери, в восемь лет остался без отца. Но затем мать вышла замуж вторично, за вдовца с

четырьмя детьми: три сына и дочь, все были старше меня. Появились у них в последующие годы и еще дети в такой же пропорции: три сына и дочка. Так что семья наша через несколько лет достигла 10 человек, и понятно, что прокормить ее было нелегко. Было и холодно, и голодно, но все надо было пережить. Мы пережили. Работать начинали с малых лет, было не до большого образования.

Я, к примеру, окончил только два класса школы первой ступени, а затем начал помогать отчиму. Он развозил по городу на тачке вещи пассажирам, прибывшим из других городов. А поскольку извозчиков в то время не было или было немного, заработок был хоть небольшой, но постоянный. А затем я устроился учеником в частную фирму по ремонту примусов, платил мне хозяин-нэпман лишь 15 копеек в месяц. Проработал у него 3 года, а как только исполнилось 15 лет; пошел на завод учиться на шлифовщика, затем - на никелировищика. Там и прошла моя юность до самого призыва в армию.

Призвали меня в 1937 году в Военно-Морской флот, направили служить матросом в г. Кронштадт. А через два месяца после начала Великой Отечественной войны, в августе 1941 года, наше соединение направили в г. Симферополь, воевал в составе 7-ой бригады морской пехоты. Попали мы туда в самый разгар жестоких боев. Трое суток подряд находились под шквальным огнем противника, потеряли много своих товарищей по оружию, но все же отстояли, удержали и неимоверным напряжением сил занятые рубежи. Я в течение этих трех дней был дважды ранен, но оставался в строю. Помню, в разгар танкового наступления врага подползает ко мне младший лейтенант, наш командир взвода, спрашивает: “Ошкович, у тебя гранаты есть?” “Осталось три штуки,” - отвечаю. “Видишь, танк приближается, надо его, гада, подбить!” Я подобрался поближе, вижу – прет, прямо на меня, и люк открыт - очень жарко было. Укрылся за камнем, метнул гранату - прямо в люк угодил. Танк остановился, задымил. Вернулся доложить, а командир уже убит.

Немцы не гнушались никакими методами, чтобы “выкурить” нас с занятых позиций. Забрасывали диверсантов к нам в тыл под видом советских бойцов, гражданских людей, а то и санитаров. Вспоминается такой эпизод. Смотрю я, во время боя стрельба немного утихла. Оглянулся назад, вижу: идут два санитара, оба в белых новеньких халатах, низко склонились, пробираются между камнями, обломками скал. Сразу мелькнула мысль: что-то не то, наши с носилками во время боя не ходят и в халатах тем более - явная ж демаскировка. А фашисты ни санинструкторов, ни врачей не щадили, стреляли и по ним почем зря. Подскочил, сдернул полотно - там пулемет немецкий. Тут же выстрелил. Один

упал, второй метнулся в сторону и скрылся. А под вечер собрал нас командир батальона, сосчитал - совсем мало осталось в живых, не раненых. А надо вновь отбивать атаки. Вернулись в окопы. Вскоре меня ранило в левое плечо, довольно сильно. Подошел ко мне политрук, порвал тельняшку, сделал из нее жгут, перевязал руку, чтобы остановить кровотечение, перебинтовал и сказал: "Иди в медсанбат". А уже ночь, темно, где медсанбат - не знаю. Пошел, шатаясь, голова кружится, думаю: кто-нибудь укажет. Но никто не попался навстречу. Шел всю ночь, а к утру оказался на местности, занятой немцами, один-одинешенек.

Решил пробираться в Воронеж, к своим, которых не видел уже четыре года. Шел около месяца, в основном ночами, днем боялся попасть на глаза немцам, угодить в плен, а то и на верную смерть - на мне же матросская форма была. Не знаю даже, как перешел линию фронта, но боевых частей не нашел - все эвакуировались. Слава Богу, осталась в Воронеже одна знакомая старушка. Она меня накормила, дала одежду покойного мужа, а мою всю сожгла - завшивел сильно во время скитаний.

Рана моя еще болела, но на третий день после прихода в Воронеж я, чтобы не считали дезертиром, пошел в областной военкомат. Меня направили в 15-ый запасной стрелковый полк.

А в канун Первого мая 1943 года меня вдруг арестовали, продержали в тюрьме 7 месяцев. В день выдавали по 200 граммов хлеба, часто вызывали на допросы. Видимо, подозревали, что я был завербован немцами, которых я видел только в бою через прорезь прицела. А порой задавали совсем несуразные вопросы, к примеру, вроде я говорил кому-то, что немецкие пистолеты лучше наших, советских. А я немецкого пистолета отродясь в руках не держал. Как мог сравнить? Даже разговора у нас такого не было.

Много исписал следователь бумаги по моим допросам, а затем, в конце последней нашей беседы, говорит: "Распишись вот здесь". А что написал - не прочитал, и сам я прочесть не мог, грамоты маловато, да и ослаб очень, думалось - все равно умирать, а где - какая разница? Так и "загремел" на 10 лет в сталинско-бериевские лагеря до марта 1953 года с последующей высылкой в Северный Казахстан на 5 лет.

Здесь и живу я уже больше сорока лет, дожил до пенсии, до 82 лет. Работал до пенсии в Соколовской МТС, затем здесь же, на ремонтно-механическом заводе. И только через 18 лет после ареста и осуждения без всякого суда Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации пересмотрела мое дело, и я получил на руки справку следующего содержания:

"Дело по обвинению Ошковича Я.Е, 1915 г. рождения, до ареста 30 апреля 1943 г. рядового 15-го запасного стрелкового полка, необоснованно осужденного по ст. 58 "Б.", 58-10 ч.2 УК РСФСР, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 31 января 1961 г. Приговор Военного округа от 20 ноября 1943 г. в отношении Ошковича Я.Е. отменен, и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления. Ошкович Я.Е, по данному делу полностью реабилитирован.

Зам. председателя Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР, генерал-майор юстиции П. Лихачев."

Хорошо, что благодаря полученной в детстве и юности трудовой закалке, крепкому организму я выжил. Несколько десятилетий до ухода на пенсию, на заслуженный отдых, трудился на благо общества и пользуюсь льготами участника Великой Отечественной войны. Но кто и как возместит моральное страдание в течение целого десятилетия? Все эти годы меня преследовало чувство какой-то ущербности, неполноценности, когда каждый мог бросить, и не только сгоряча, в ходе любого спора, мне в лицо: "Чего ты выступаешь? Ты же сидел, был осужден. Смотри, чтобы опять не посадили!"

"НИКТО НЕ СУДИЛ, ЗА ЧТО ЗАБРАЛИ, НЕ ЗНАЮ..."

Першин Н.Н., с. Пресновка Жамбылского района СКО

Родился в с. Новорыбинке, в семье колхозника. Семья была большая: пятеро своих да двое приемных детей. Из-за нужды и голода школу пришлось оставить после 4 класса. В 15 лет пошел работать в колхоз, а в 1937 году, когда исполнилось 19, арестовали и привезли в г. Куйбышев.

В Куйбышеве, в зоне, вытащили столы на улицу, построили весь новый этап - 250 человек. Заседала "тройка". Каждый подходил к столу. Меня спросили: "Фамилия? Статья?". Я ответил, что меня никто не судил, и за что забрали, не знаю. "А раз не знаете, вот Вам срок - 10 лет. Статья 58, пункт 10 и 11. 10-я статья - за то, что лишнее сказал, 11-я - групповая".

До сих пор не знаю, что же такого мог сказать, за что сидел. Я не просто сидел, а работал на лесоповале. Затем на Севере строил железную дорогу от Котласа до Воркуты, при этом страшно голодали, мерзли зимой, страдали от жары и комарья летом. Сколько было радости, когда в 1947 году вернулся домой, но радость была недолгой. В 1949 году опять забрали - теперь в Петропавловск, как объяснили в органах - по старому делу. Через два года освободили, и еще 4 года состоял на учете в комендатуре. И только в 1954 году сняли обвинение, получил паспорт.

Потом, как и все, работал, растил детей вместе с женой Таисией. В 1997 г. в октябре месяце в семье Першиных был юбилей - 50 лет совместной жизни.

"БОРОЛСЯ ЗА ЧИСТОТУ ПРАВОСЛАВИЯ..."

Плотникова С.П., г. Петропавловск

Мой дедушка, отец моей мамы, Бирюков Иван Степанович, 1874 года рождения, окончил духовную семинарию. Являлся священником Крепостной церкви г. Петропавловска, которая теперь разрушена (в последнее время там находился завод им. Калинина). Я очень хорошо помню эту церковь. Она стояла на горе, вся белая с золотыми куполами, красивой оградой и воротами. Особенно мне запомнился колокольный звон. Он отличался своей чистотой и музыкальностью.

Отец дедушки тоже был священником этой церкви, мой прадед. Я его хорошо помню. Похоронен он в ограде этой церкви. На могиле лежала большая мраморная плита с надписью и крестом. Вокруг - бархатная травка. Я часто девочкой ходила в эту церковь, мне нравилось быть в ограде церкви.

Дедушка жил с семьей под горой, напротив церкви Петра и Павла, по улице Розы Люксембург, дом 27. Этот дом стоит и до сих пор, цел и невредим. Мы жили рядом, дом 25, сообщались калиткой внутри дворов. Дедушка любил нас, внуков. В свободное время делали снежные горки, качели, всевозможные игрушки, научил он нас выпиливать лобзиком по дереву. Это очень пригодилось в жизни. Вечерами много читали. Всегда украшали к новому году елку (вопреки запретам), готовили подарки. Собиралось много детей.

Дедушка и внешне был красивый человек - высокий, с темными волнистыми волосами и чудесными глазами, всегда ходил в рясе с большим крестом. Чувствовалась физическая и нравственная сила. Очень жаль, что фотографии ни одной не сохранилось - все было уничтожено.

Дедушка боролся за чистоту православия с обновленцами, сектантами, протестантами, изуверами. Вот и поплатился жизнью.

Бабушка - Бирюкова Павла Кузьмовна, 1871 года рождения, акушерка, имея хороший голос, пела в церковном хоре, во всем помогала дедушке.

Семья деда была большая, имели шесть детей. По-разному сложились судьбы детей "врага народа", но все они честно и преданно служили народу.

Все эти годы мы не могли поверить тому, что наш дед, Бирюков Иван Степанович, - враг народа. Только благодаря демократизации общества пришла правда о прошлом. Тысячам безвинно репрессированных вернули честное имя и моему деду тоже.

В управлении Комитета национальной безопасности я ознакомилась с делом дедушки. Фотографии в деле нет. Прочла следующие документы:

Ордер на арест

6 ноября 1937 года был арестован.

Заседание тройки состоялось 22/XI - 37 г.

Обвинен. Проводил агитацию против мероприятий партии и правительства.

Постановление

Бирюкова Ивана Степановича расстрелять, личное имущество конфисковать.

22/XI - 37 г. был расстрелян, место смерти не установлено.

7 апреля 1989 г. Бирюков Иван Степанович был реабилитирован.

Пока мы - внуки - живы, память о нашем дедушке Иване Степановиче жива в наших сердцах, но мы все старики, жизнь наша на закате.

Хотелось бы увековечить память о нашем дедушке, он это заслужил. Почему-то о Петропавловской крепости и крепостной церкви нигде не упоминается.

"СВОЮ БИОГРАФИЮ НЕ ПОЖЕЛАЛ БЫ ПЕРЕЖИТЬ НИКОМУ..."

Салахов И.Н., писатель, с. Красный Яр СКО

Ибрагим Салахов - человек, родившийся на прекрасной земле Кокшетау. Здесь начался его стремительный жизненный и творческий взлет. Судьба, видно, такая, что этот взлет был грубо прерван черной волей...

Сейчас я работаю над книгой "Кокшетауские татары". Отрывки из нее опубликованы в нескольких номерах журнала "Мирас", выходящего в Казани на татарском и английском языках. Работать уже тяжеловато: за долгую жизнь исписаны сотни тысяч страниц, зрение стало плохое. Кстати, архивами не пользуюсь. Почему? Я не рассматриваю свою новую книгу как строго документальное исследование. Но основная часть моей жизни прожита здесь, я же сам - живой свидетель, очевидец эпохи. А вовремя записанные воспоминания десятков горожан - это разве не документ? Их воспоминания - ценные фрагменты книги. Успеть бы дописать ее.

Школьником послал первые стихи в журнал “Октябрь баласы”, который редактировал поэт Муса Джалиль. Они были опубликованы. Так что после татарской семилетки лучшей дороги для себя, нежели учеба в Казани, не искал. Приехал туда в 1927-ом. Три года - в педтехникуме. Работа в детских газетах и журналах. Те годы встречался с Мусой Джалилем. Общая точка для контактов - мы оба писали для детей. А потом получил ответственное поручение - организовать выпуск юношеского журнала “Ялкын” (“Пламя”). Редактором в нем я не стал, для этого надо было иметь партбилет. Но поручение в качестве ответсекретаря выполнил, участвовал в выпуске первых номеров. Между прочим, журнал этот жив по сей день, и хороший журнал, печатается на финской бумаге, отличная полиграфия, прекрасно смотрится.

Какие это были стремительные годы! Перо опережало мысли, желание было огромное испытать себя во всех жанрах. Творчество не прервали даже три года службы в Красной Армии. Да-да, военную лямку я тоже тянул, закончив полковую школу в Казани и став младшим командиром. К пьесе “Любовь” скоро добавился сборник стихов об армии “На посту”, а потом вышла повесть “Дуэль”. На последнем году службы подал заявление на филологический факультет Казанского пединститута, много печатался, доучился до третьего курса. А потом - арест и провал в долгое безвременье.

Свою биографию не пожелал бы пережить никому. Даже нейтрально, со стороны, пусть любой представит: молодой, подающий надежды, где-то честолюбивый, уже отмеченный общественностью 26-летний литератор (заметьте, даже еще студент), и сразу за этим он же - на тюремных нарах по нелепейшему обвинению. Тогда ведь казалось, что жизнь кончилась. Мне дали десять лет тюремного режима. Полтора года сидел в одиночной камере Тобольского политизолятора. Знал, что рядом десятки молодых партийцев, комсомольцев из Казани. Затем, на барже - до Омска, оттуда этапом - на Дальний Восток, в трюме парохода, куда битком набили политзеков, - на север, в Магадан, на золотые прииски.

Разумеется, личными впечатлениями я не могу документировать масштабы кровавого террора до точных чисел безвинно убиенных, искалеченных, количество сломанных судеб. Но вот вам такая деталь - БАМ в 70-е годы гремел всесоюзной стройкой. Однако строить-то “железку” Абакан-Тайшет начали задолго до войны зеки, и колонии для них вдоль трассы будущей магистрали располагались в 2-3 километрах друг от друга. На каждом колымском прииске была своя зона. Сколько же через эту мясорубку было пропущено человеческого материала - теплого, живого, талантливого, мастеровитого, мечтательного!

Человека грешно обрекать на постоянное унижение холодом, голодом, каторжной работой. А это как - молодому творческому человеку - 10 лет без права переписки!? Тут ужас не только от того, что родные не знают, где ты и жив ли? Это немыслимо для человека мыслящего, для которого перо в руке - как ежедневная пища...

Мое "освобождение" в 56-м году было огромным моральным облегчением. Меня уже не чурались, как прокаженного, не корили отца за сына - "врага народа", мои маленькие сыновья перестали быть детьми "врага народа". Я в таком возрасте, что уже не держу зла ни на время, ни на конкретных людей. Человеку нельзя изводить себя, помня только черное. Ведь жизнь по-новому все равно не проживешь. Конечно, при иных обстоятельствах мог бы и, вероятно, стать писателем покрупнее, более известным в мире. Но чего не случилось, того не случилось. Я рад каждому прожитому году и ни один не вычеркиваю из судьбы.

В общем и целом, у меня вышло 20 книг. Говорят, "Черная Колыма" - самая главная из них. Главное, считаю, сохранить в себе человека - в тюрьме ли, в лагере, в тяготах ли жизни, когда и холод, и голод, и кушать нечего. И не подличать, не унижать ни себя, ни других.

И коль скоро так уж необходим совет аксакала молодым, то скажу: поставь перед собой цель и иди к ней, несмотря ни на какие невзгоды и препятствия. И так до гробовой доски. С одним непременным условием - чтобы цель твоя была благородной.

"ПОПЛАТИЛИСЬ ЗА ТО, ЧТО МНОГО РАБОТАЛИ..."

Сербина З.Г., г. Петропавловск

Я решила написать о судьбе своих самых близких родственников и своей семье. Начну со старших, то есть с родителей моей матери.

Жили они в с. Старая Михайловка Мамлютского района. У них было три сына и три дочери. Как только началось это гонение, старшие сыновья уехали кто куда. Две дочери замужем были.

Дедушка мой по матери, Зибарев Яков Герасимович, уроженец этого же села, был репрессирован в 1929 году и с семьей выслан в Узбекистан, в Кара-Калпакскую АССР, остров Муйнак (Аральское море). Семья их на то время была из шести человек. Бабушка Татьяна Герасимовна, сын младший, Иван Яковлевич, ему было 22 года, жена его, Александра Леонтьевна, еще моложе, и девочка 6 месяцев. Еще у них была младшая дочь Антонина в возрасте 15 лет. Она в это время училась в Петропавловске на агронома, и она осталась, не уехала. Говорили, что ее спрятали.

Привезли их на этот остров буквально на открытое место, строить портовый город. Как им там пришлось, страшно подумать. Кругом песок, жара невыносимая, и не было даже пресной воды. Так, за первые полгода из семьи в 5 человек остался в живых один дядя Иван Яковлевич.

Первой умерла бабушка Татьяна, потом и дедушка Яков, а им было всего немногим за пятьдесят лет. Потом умерли девочка и жена дяди. Прожил там Иван Яковлевич 17 лет. Выезд разрешен был только после войны. В Великую Отечественную войну дядя был на фронте, а, демобилизовавшись, приехал сначала в Петухово, а потом уехал в Новосибирскую область.

А вот за что пострадала эта семья?

Только за то, что много работали. В семье было три сына и три дочери. Занимались хлеборобством и держали скот. Излишки продуктов продавали. На вырученные деньги старались купить разный инвентарь (сенокосилки, лобогрейки и др.). На покупку молотилки скооперировались несколько дворов. В конце огорода была ветряная мельница.

А в основном, как говорила моя мать, проработали на государство. Вырученные деньги дедушка сдавал в Петуховский банк. Сначала они пропали как николаевские, а потом как керенские (это слова матери).

Ну, был по тому времени крестовый дом под железом, а мебели-то, наверное, не было, да и другого убранства.

Вот и поплатились за то, что много работали.

И моя семья была раскулачена.

Отец Третьяков Григорий Михайлович, мать Анастасия Яковлевна, бабушка Мария Петровна, сестра отца Нина в возрасте 16 лет и двое маленьких детей. Мне - три года, младшей - полтора.

Родители-то мои были совсем молодые. Только что построили дом, но еще до конца он не был отделан. Большого хозяйства еще не успели развести.

Отец вступил в комсомол, ведь приняли же его. И все-таки раскулачили, видимо, нужно было выполнять план по раскулачиванию.

Два раза отбирали этот дом. Первый раз даже пеленки из-под ребенка вытащили. Девочка очень испугалась и потом долго болела. На второй раз вещи кое-какие оставили, а дом отобрали и все остальное, что было в хозяйстве.

Пожили на квартире у дальних родственников и уехали по чужим документам, сменили несколько мест жительства. Так спаслись от выселения.

Отец работал в колхозах по найму счетоводом (бухгалтером) в Омской области. И как только приезжали из района, то предлагали ему вести слежку за кем-нибудь, а за ним, видимо, еще кто-нибудь следил.

В конце концов, отец решился приехать на родину и рассказать все как есть.

Это и я уже помню, что приезжали из райцентра и всегда ночью его вызывали, и все о чем-то расспрашивали.

Вскоре началась война, и его в 1943 году взяли в армию, хотя он уже был очень больной. Через полгода его комиссовали, приехал домой, через месяц умер.

Я работала в колхозе счетоводом после окончания курсов, была агитатором, так вот, ко мне всегда были придирки, все как на кулацкое отродье смотрели.

В бригады я ходила, боевые листки писала, собирали теплые вещи и еще многое - все для фронта! И все это мы выполняли не каждый в отдельности, а с кем-нибудь. В бригаду-то надо было ездить за 7-9 км. И мы боялись ходить по одному. В мой адрес могли сказать, что стоит ли ей доверять. Я приходила домой и плакала. А было-то мне 16-17 лет.

Не дай Бог, чтобы это повторилось.

РАССКАЗ ОБ ОТЦЕ

Сечной В..А.

"...Что знаем мы про братьев, про друзей,
Что знаем о единственной своей?
И про отца родного своего?
Мы знаем все, не знаем ничего..."

Е. Евтушенко

"Стало модно сегодня с высоких трибун говорить о том, что у моей Родины нет истории. Но ведь история – это, прежде всего, люди", - вот с этих слов начал своя рассказ Василий Алексеевич Сечной - сын реабилитированного посмертно Сечного Алексея Антоновича. Сегодня нужно понять время 30-х годов и помнить о нем, чтобы извлечь уроки, чтобы оградить себя от повторения прошлых ошибок.

Сечной Алексей Антонович родился в Петровке, в простой, дружной крестьянской семье. Труд в семье Сечных был главным в жизни.

Было все, как у других - трудное детство, юность, любовь, семьи... Все оборвалось ранним сентябрьским утром 1937 года. И хотя Васятке было лет-то совсем мало, помнит, как плакала мать, упав на колени.

“Уже потом, спустя много лет, она рассказывала своим детям все подробно, как обнял он свою ненаглядную Катю и детей и сказал: “Береги детей”. А еще сказал: “Пусть знают дети, что “врагом своего народа” я никогда не был”. Тягостным было прощание, которое оказалось - навсегда”.

Глубоко противоречивым было социально-психологическое состояние общества. В нем сочеталось все: вера в лучшее будущее и в то же время страх перед неизвестностью причин, порождавших аресты, террор, пропажу тысяч людей. Был отец, по словам матери, вспыльчивый, но справедливый. Многое ему не нравилось в колхозе, а именно - уравниловка.

Любил он, со слов матери, повторять такие слова: “Вот если все будут трудиться на совесть, то окрепнет колхозное хозяйство. Важно, чтобы человек чувствовал себя хозяином своей земли...”

Не нравилась ему бесхозяйственность, жестокость руководителей колхозного движения.

У колхозников была отрезана значительная доля приусадебных участков, а невыработка минимума трудодней влекла исключение из колхоза и, очень часто, уголовное преследование. Алексей Сечной не мог не сказать свое возражение против произвола. И вот арест.

Приговор был краток:

“Враг народа, антисоветчик”. Донос был сделан односельчанином, которого давно нет в живых, но остались дети и внуки.

Говорят, что время лечит людей, но только никогда не зарастают душевные раны.

“Сколько пережила мать и мы, дети, - вспоминает Василий. - Я и в армию пошел с ярлыком “сын врага народа””. И вот только восемь лет назад пришло запоздалое известие. Посмертно реабилитирован”.

Всего девять дней прожил после ареста Алексей Сечной. Прошло время, уходят люди. Их не возвратить, но остается память, которую мы должны хранить.

“ПОКА ЖИВУ, БУДУ ПОМНИТЬ...”

Сидорова А.А., г. Петропавловск

Я - дочь репрессированного. Мой отец был честным человеком и безвинно пострадал в годы сталинского террора.

Я хорошо помню то смутное время и хорошо помню своего отца - Кузьмина Андрея Устиновича, 1882 года рождения. Работал он в колхо-

зе им. Сталина с. Уктуз Бердюжского района Тюменской области (в то время наш район относился к Омской области).

Когда отца пришли арестовывать, его не было дома. Он работал грузчиком, уехал с шофером на машине в г. Ишим. Когда он приехал, в сельсовете ему сказали, чтобы он взял свой паспорт и пошел в Бердюжье в милицию. Мне тогда было 16 лет, сестре Зое - 7, а маме - 47 лет.

Отец верил, что советская власть справедлива и разберется, что он ни в чем не виноват. Пошел сам и сдался в органы НКВД, хотя мама его просила не ходить, но он не хотел, чтобы нас потом терзали. И вот его, честного колхозника, который хотел, чтобы все работали хорошо, чтобы жизнь в колхозе улучшилась, забрали и обвинили в том, что будто бы он вступил в состав контрреволюционной повстанческой организации и дал согласие на вооруженную борьбу с Советской властью, будто бы проводил контрреволюционную пораженческую агитацию и агитацию, направленную на срыв хозяйственных и политических кампаний, проводимых на селе.

15/XI - 1937 г. осудили "тройкой", приговорили к высшей мере наказания - расстрелу по ст. 58-11 УК РСФСР. Постановление приведено в исполнение 7/XII -1937 года.

Он, мой родной отец, член колхоза, честный труженик, неграмотный, не был членом этой организации, да ее и не было в Уктузе, а его заставили признаться, хотя он был невиновен.

Тюменский областной суд мне ответил: "Постановление "Тройки" УНКВД Омской (ныне Тюменской обл.) от 15/XI - 1937 г. в отношении Кузьмина Андрея Устиновича отменено, дело прекращено за отсутствием состава преступления, Кузьмин Андрей Устинович полностью реабилитирован.

И. о. пред. Тюменского обл. суда Гришин М.Н."

Расстреляли его в Омске. Я была на том месте, где их расстреливали, но там построены две больницы - детская и туберкулезная. О месте расстрела мне сказали в Омске, в НКВД, а место захоронения неизвестно, могил нет.

Прошло 60 лет со дня смерти моего милого отца, Кузьмина Андрея Устиновича, а все было, как будто недавно, я не могу успокоиться, и память о нем будет в сердце, пока я живу на земле.

Помнят о нем и внуки, и родственники. А мы, его две дочери, не забудем, пока мы живы.

Шестеро внуков, и правнуки моего отца, и племянница живут так же, как мы с сестрой, в г. Петропавловске, и знают о том, что его расстреляли безвинно.

В 1990 г. прислали мне свидетельство о смерти моего отца, что он был расстрелян 7/XII-1937.

"ВЫСЛАН КАК СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫЙ ЭЛЕМЕНТ..."

Токаржевская Е.Н., пенсионерка, с. Зеренда

Я до сих пор храню огромное количество бумаг, писем, справок, ответов из разных органов о судьбе своего отца, Сочинского Николая Ивановича, высланного с Украины с семьей как социально-опасный элемент. Он обвинялся в том, что, являясь агентом польских разведорганов, собирал шпионские сведения и проводил работу по развалу колхоза. За это он был арестован в 1938 году. Его дальнейшая судьба была неизвестна. Через много лет узнали, что он был расстрелян 4 июня 1939 года решением бывшей тройки УНКВД Северо-Казахстанской области. Позже за отсутствием состава преступления он был полностью реабилитирован. А что вынесла наша семья: и голод, и холод, и унижение, не было возможностей даже учиться. Жили в голодной степи Келлеровского района. Село состояло из таких же, как мы, переселенцев. Объединялись по две семьи, строили землянки, в которых и перезимовали. С раннего детства познали, что такое труд. Когда забрали отца, мама осталась с 4-мя детьми. Работала день и ночь, чтобы как-то прокормить семью. Только в шестидесятые годы времена улучшились. Мы начали учиться в вечерней школе. Я пошла на курсы ветеринаров. Но в душе навсегда осталась обида. Потому что мы, дети того времени, не знали детства, юности, радости. Всю сознательную жизнь я собирала материалы о судьбе отца - и все богатство - портфель с документами, перепиской.

"БЫЛ ОТЕЦ КУЗНЕЦОМ. БЛОХУ МОГ ПОДКОВАТЬ"

Филиппова А.М., пенсионерка, г. Петропавловск

Хочу рассказать вам о моем отце, Пустовом Макаре Игнатьевиче, год рождения не помню, но, примерно, теперь было бы ему лет 84-86 (спросить не у кого).

Мы проживали в селе Иваново-Петровка Ленинского (ныне Есильского) района Северо-Казахстанской области. Папа, мама - Ульяна Матвеевна, дедушка - Игнат Никитович и нас пять детей, старшему -13 лет. Папа был из потомственных кузнецов, работал в колхозе (тогда - им. Буденного) кузнецом. И такой кузнец один в округе - как говорят, блоху

мог подковать. Активист большой - первым вступил в колхоз, когда они стали организовываться, красивый и строгий.

Зимой 1937 года (месяц не помню) под вечер около нашего дома остановились сани-розвальни, два человека вошли в избу, дали команду отцу: "Собирайся". Мама, дедушка, и мы - пять глоток - закричали... Мы, дети еще, не очень понимали, что это значит. Это уже позже, когда подросли, все поняли.

Отец был хорошим охотником, приучал старшего сына к тому. В то время за пушнину выдавали ситец, вот он и сдавал, чтобы одеть свою "ораву". Забрали ружье, два тулупа, два полушубка и еще кое-что, что приглянулось негодяям, выгребли всю пшеницу, муку... Вот мы и остались голодными и холодными, кое-как перебиваясь в те тяжелые годы.

Мама работала в колхозе от темна до темна, а мы оставались на попечении дедушки (отец папы). Он за нами следил и кормил нас, а ему уже было за семьдесят. Стали посылать на работу в колхоз и братишек. Один был совсем маленький. Рано-рано бригадир постучит в окно - пусть, мол, мальчишки идут пахать (это на быках в большинстве случаев) или убирать сено. Мама заплачет: "Они ведь еще совсем дети". "Молчи, не забывай, что вы - семья "врага народа"".

Очень долго от отца не было писем. Мама поедет, вернее, пойдет в Явленку - в райцентр, там какой-нибудь проходимец запросит деньги, чтобы помочь ей найти мужа. Копейки отберет, и никаких результатов. Потом папа прислал письмо, где писал, как мне помнится, что находится на Байкале, и что их там 9 тысяч человек, и что их всех судила "Тройка", всем зачитали: десять лет. А откуда мы знали, что это за "тройка". Отец и там работал кузнецом. Однажды, не помню, сколько прошло времени, к нам зашел мужчина, который там находился с отцом, его отпустили почему-то, кажется, он был из Кокшетау, принес нам письмо и рассказал все об их жизни. Говорил: "Это, как мешок, скалы и тайга, и захочешь убежать, то никуда не денешься".

Боже мой! Как же нам трудно было жить. А потом, в войну, мама работала и агрономом, полеводом; заменяла председателя колхоза. Помню, у нас в избе стояли постоянно большие снопы пшеницы разных сортов. Наименования пшеницы я помню до сих пор. Я рано вышла замуж, еще не было 19 лет. Вскоре стала вдовой, получила похоронную на мужа. Сестренку тоже выдали замуж, когда ей еще не было 17 лет. Они прожили с мужем 44 года.

Братишка Николай (предпоследний) умер на 17-ом году. Пас "штабных лошадей", как тогда называли, на которых ездил председатель колхоза. Он уснул на сырой земле весной, и через 1,5 месяца его

уже не стало. Дедушка был на покосе, косил для своей коровки, бежал в грозу домой, и его около села убило молнией. Просил похоронить его с Николаем, что и сделали. Мама умерла в 63 года, воспитав еще и чужих 10 детей.

"ПОКЛОНИТЬСЯ БЫ ПРАХУ ОТЦА..."

Фурсова А.И., пенсионерка, г. Петропавловск

Я проработала 36 лет преподавателем русского языка и литературы в Явленской средней школе. Решила написать Вам о своем отце, Засыпкине Иване Александровиче, 1902 года рождения.

Он был репрессирован осенью 1937 года. Отец работал кузнецом на 1-ом отделении Тарангульского совхоза Ленинского района (ныне - Есильского).

Семья наша состояла из 6 человек: отец, мама, бабушка, я (14-ти лет), сестра 6-ти лет, и полугодовалый брат.

Отец был хорошим кузнецом (его отец, дед и прадед тоже были кузнецами), добросовестным работником. Он вместе со своими помощниками всегда старался своевременно отремонтировать весь сельхозинвентарь, а управляющий отделения Зубенко, как правило, не предоставлял вовремя материала для ремонта.

Однажды отец говорит своим помощникам: "Давайте, ребята, напишем в газету о нашем управляющем". Кто-то донес об этом Зубенко В очередной раз, напившись, управляющий явился в кузницу и пригрозил: "Ну, Засыпкин, я так тебя протяну в газете, что ты вскоре не увидишь больше ни мать, ни жену, ни детей".

Вскоре отец пошел в отпуск и поехал к своей сестре в г. Магнитогорск. Когда он возвращался обратно, его арестовали на железнодорожном вокзале, и больше мы его никогда уже не видели.

Мама ездила в Явленку, в НКВД узнать, где отец, что с ним. Ей ответили, что он "враг народа", осужден на 10 лет без права переписки.

Будучи учительницей, я дважды писала в ГУЛАГ. Меня вызывали в милицию и первый раз сообщили, что отец умер от воспаления легких, а второй раз - что он умер от рака печени. Я спрашивала, где он похоронен, мне ответили, что не знают.

В 1956 году из области нам пришло извещение о том, что наш отец реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Нам, детям, хотелось бы узнать, где погиб и похоронен наш отец, чтобы поклониться его праху.

БЕЗ СЛЕЗ НЕ ВСПОМНИШЬ

Храпова О. П., г. Степняк

Я, Храпова Ольга Петровна, 1907 года рождения, в мае месяце 1931 года с семьей в составе семи человек была выслана на спецпоселение в Казахстан.

Жили мы одной семьей: я, мой муж, пятилетний сын, свекровь, сноха и два деверя. Жили мы в деревне Галдаево Рязанской области. Сослали нас за то, что мы нажили своим трудом одну корову, две лошади, трех баранов, несколько кур. Жили в маленькой избушке. Все это забрали у нас. Одежды никакой не было. В дорогу хотели зарубить кур, и тех забрали.

Выехали в дорогу с мешком картошки и булкой хлеба, больше ничего не разрешили взять. Ехали неделю, куда нас везли - не знали. Вагоны переполненные, мужчины в одном вагоне, женщины - в другом. Потом нас разгрузили в г. Щучинске, как раз была Пасха. В Щучинске дали подводу, и нас, четыре семьи, привезли в Степняк (Пономаревы, Кузнецовы, третью фамилию забыла).

Первую ночь ночевали на улице на пригорке, в районе теперешнего Дома культуры, за Биржан-сала. Затем поселили в барак, где был земляной пол. Я была беременна вторым ребенком по приезде в Степняк, через неделю я родила второго сына. Жить было очень трудно. Не было, что кушать, голодали. Невозможно те дни вспоминать без слез. Жизнь продолжалась. Мы начали строить землянку, построили. Через 5-6 лет купили теленка, три года ждали, пока станет коровой. Муж устроился на работу в шахту. Но пришла опять беда. Умер муж - Храпов Алексей Иванович - в возрасте 28 лет. Я осталась одна с двумя детьми, было младшему сыну тогда только два года. Пришлось идти работать, устроилась на шахту в сортировочную, потом перевели меня на обогатительную фабрику, пережила войну. Дети выросли, сын Храпов Валентин Алексеевич тоже работал на шахте, младший сын Храпов Иван Алексеевич работал шофером. Сейчас дети мои умерли, в возрасте 90 лет живу со снохой. Внуки навещают, помогают. Меня не бросают. Я им благодарна.

"ГОРЕ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ - НА ДВОИХ"

Чечелюк Н.Г., Кызылжарский район

Чечелюк Николай Гаврилович, 1922 года рождения. Родился в панской Польше, в Западной Украине, в с.Студеном Оздютинского района

Волынской области в крестьянской семье, которая занималась хлебопашеством. Работали по 18 часов в сутки. В сентябре 1939 года Западная Украина была освобождена Красной армией. Крестьян стали принудительно загонять в колхозы, много народу несправедливо было посажено в тюрьмы и выселено. 24 июня 1941 года немецкая армия находилась в 40 км от границы, Красная Армия в панике отступила, и мы оказались в оккупации.

Гитлеровцы на оккупированной территории стали наводить свой порядок, забирать зерно, мясо и другие продукты, стали проводить облавы и угонять молодежь в Германию. Молодежь стала уходить в леса. Стали создаваться организации. В частности, украинские националисты создали организацию "Свобода всем порабощенным народам". Создавались небольшие подвижные отряды УПА - "Украинской повстанческой армии", - которые вели борьбу с немцами.

Весной 1944 года нашу местность освободила Красная Армия, началась мобилизация мужчин с 18 до 55 лет. Погрузив в вагоны, привезли нас в Горьковскую область, в лагеря, где обучали и пополняли запасные полки. Это был двухнедельный карантин. По неизвестной мне причине я оказался в числе других в Мурманской тюрьме, где меня стали вызывать на допрос.

Следователь, капитан Нуждин, что только вздумает, то и пишет, заставляя подписываться. Так длилось около двух месяцев. Приписали мне ст.ст. 58-а, 58-2, 58-11, и 29 июня 1944 года я был осужден особым совещанием при НКВД СССР на 10 лет лишения свободы и пять лет высылки. Через неделю нас, трех человек, отправили в Муромскую 11 колонию, в которой были жуткие условия жизни. За 10 км ходили на станковый завод грузить вагоны металлической стружкой. Гоняли на работу на фанерный завод грузить лес. Это настолько каторжная работа, что, ложась спать, думаешь, уснуть бы, да больше не проснуться. Покойников из лагеря не успевали вывозить за ночь.

Тут я "дошел" окончательно. С работы ребята, которые покрепче, приводили меня под руки. В зону прибыл новый врач, к которому я попал на прием. Он положил меня в больницу, где я пролежал полтора месяца. После выписки я в числе "доходяг" попал в другой лагерь, на станции Головино, на отдых на два месяца, после чего меня перевели на север, в Коми АССР, город Ухту. Там я работал плотником. Строил лежневки для прохода. Через некоторое время пришлось строить нефтегазопровод до г.Ухта протяженностью 130 км. На стройке работало более тысячи заключенных. Копали траншеи вручную лопатами на 3 м глубиной.

В 1949 году по лагпункту стали собирать осужденных по 58 статье в Устинскую пересылку, откуда, погрузив в вагоны, отравили более тысячи человек, в том числе около 300 женщин, в Казахстан. Выгрузили в 5 км от г.Балхаш, где был лагерь японских пленных. Японцы построили 8 бараков. В окнах были вставлены металлические решетки. Два крайних барака отвели для женщин. Это был лагерь с тюремным режимом. Сразу заставили нас пришить белые заплатки с присвоенными нам номерами. Мне был присвоен номер С3-291.

В данном лагере жизнь была особо тяжелая. На работу водили в Балхаш, где мы копали траншеи под фундаменты нового строительства. Вскоре женщин отгородили от нас трехметровой дощатой стенкой. При строительстве ее я познакомился с девушкой с соседнего села. Около пяти лет вел с ней переписку, бросая камни с письмами через забор, а ответ получал таким же образом.

Весной 1950 года человек четыреста отобрали и перевели в новый лагпункт на молибденовую шахту, где работали вольнонаемные. Меня определили крепильщиком. Работа была адская. Заключенные стали болеть силикозом, туберкулезом, ежедневно были несчастные случаи, гибли люди. Вот так я дожил до 1 апреля 1954 года, когда пришел день освобождения. Привезли на "Центральную" в г. Балхаш. Написал небольшое письмо своей Надежде, перебросил через забор с надеждой о скорой встрече.

Привезли меня в Петропавловск в "Белую тюрьму" № 19. На другой день передали в спецкомендатуру, откуда я попал в Соколовку. Через полтора года освободилась моя Надежда Филимоновна Ковальчук, ныне Чечелюк.

Вот так и живем с ней до этого времени. Нажили двух сыновей. Как бы ни было, а жизнь продолжается.

На основании ст.1 Закона Украинской ССР "О реабилитации жертв политических репрессий на Украине" от 17 апреля 1991 года гр. Чечелюк Н.Г. и гр-ка Ковальчук Н.Ф. реабилитированы.

"НАДЕЕМСЯ, ЧТО БУДЕТ МИР И СОГЛАСИЕ..."

Бэдер А.Р., пенсионер, с. Поляковка Есильского района СКО

Жили с семьей на Украине, в с. Благовещенка Ворошиловградской области. В 1941 году (мне тогда было 10 лет), в октябре месяце, пришли к нам домой люди и велели срочно собираться. Ничего не объясняли. Нашу семью и еще несколько семей из села погрузили на телеги. В основном это были женщины, дети, старики. Отвезли на станцию. Загнали

в большие неприспособленные вагоны, и целый месяц мы ехали, не зная куда. Кончилась еда, в дороге начали умирать - в первую очередь, дети и больные. Но еще страшнее были бомбежки. До сих пор помню в ушах зловещий свист и грохот разрывающихся бомб. После каждой такой остановки поезда на поле оставались наспех зарытые могилы. Наша семья: мать, две сестры, три племянника - доехали, если так можно сказать, благополучно. Выгрузили нас на станции Мамлютка и привезли в с. Поляковка Ленинского района, где и проживаем до сих пор. Встретили нас дружелюбно, председатель колхоза Афонькин помог устроиться на квартиру.

Мы пошли сразу же в школу, мать - на работу. Рано стали трудиться и мы, дети - выполняли посильную работу в колхозе. В 1950 году выучился на тракториста и проработал в колхозе до 1991 года, оттуда и ушел на пенсию.

Отношение к нам односельчан было спокойное, доброжелательное. Я не помню никаких столкновений с людьми. Но мы постоянно находились под наблюдением. Ежемесячно приезжал специальный человек и отмечал нас, выходить за пределы села без особых разрешений нам не позволялось, могли посадить на 15 суток. Я рано остался без отца. Жить, конечно, нам было тяжело, как и всем. Но я совсем не могу вспомнить отца, мать не любит об этом рассказывать. Его забрали в 1937 году и расстреляли через месяц. До сих пор ничего о нем не знаем, за что его арестовали и расстреляли. В то время такие случаи были не единичными, расстреливали без суда и следствия.

Сейчас с женой мы пенсионеры, вырастили четырех детей и надеемся, что в нашем государстве всегда будут мир и согласие, дружба и взаимопонимание людей разных национальностей.

"ЛЮДИ ЭТО ИЛИ ЖИВОТНЫЕ?.."

Вехтер А.Д., с. Возвышенка, Булаевский район
(записано со слов Вехтера А.Д.)

Место рождения - Крым, Джанкойский район, с. Бесуковче. В семье было трое детей. Александр Данилович в семье младший. Закончил один класс. Отец работал заведующим МТМ. Мать - домохозяйка, занималась с детьми. Однажды вечером, уже слышны были бои, пришли родители с работы и объявили своим детям: завтра в 4 часа утра нам необходимо быть на железнодорожной станции в Джанкое, уезжаем на две недели, а затем вернемся к себе домой. Женщины взялись за стирку, мужчины готовили продукты в дорогу. Всю ночь работали, и кто в чем

был пошли на станцию. На путях стояли грузовые вагоны, в которые погрузили людей: женщин, детей, стариков. Люди были в неведении, что ждало их в пути, как встретят на новом месте. Вагоны с людьми обстреливали, бомбили. Эшелоны останавливались, и все бежали, прятались, кто где мог, прятали детей. После бомбежки возвращались к вагонам и не досчитывались членов семьи, соседей, знакомых. Ехали долго, больше месяца. Тот, кто рассчитывал на недолгую дорогу, не приготовив большого числа запаса продуктов, начинали пухнуть с голода, затем умирали.

После месяца в дороге эшелон прибыл на Кавказ. На Кавказе пробыли месяц. И опять в эшелон, и вновь дорога в неизвестность. Под Новый год прибыли на станцию Булаево. Оттуда на тракторах привезли в Возвышенку. Всех определили в клубе. Затем разводили по квартирам. Многие местные жители прибегали посмотреть: кто же такие немцы, люди это или животные. Многие боялись, многие презирали. Многие просто жалели.

Старший брат Виктор учился в Севастополе в мореходном училище. Из мореходки Виктора в 1941 году забрали на фронт. Погиб Виктор в 1945 году под Будапештом. Сестра Вера вместе с родителями приехала в Возвышенку. В 1942 году забрали в трудармию. Работала на лесоповале. Голод, холод, непосильный труд. В 1947 году Вера вернулась к родителям, вышла замуж. Отец с 1941 года по октябрь 1944 года работал токарем, фрезеровщиком. Мать работала на зернотоку. Это она и прокормила семью. Благодаря ей, выжили. Сам Александр Данилович не смог продолжить учебу. Пошел работать в хлебопекарню. Получал свою хлебную пайку, 200 грамм. Женился Александр Данилович на девушке, которая ехала вместе с ним в одном эшелоне, вместе прятались от взрывов и пуль еще детьми. Эля Петровна родом из Крыма. Детей в семье было пятеро. Все пятеро с родителями приехали в Казахстан. Без слез Эля Петровна не может вспоминать, как во время остановки эшелона все женщины начинали готовить обед, как ждали эти голодные люди возможности съесть этот нехитрый обед, но раздавалась команда “по эшелонам”, все бросали, кидались в вагоны. Ели то, что не расплескали, недоваренное. Не может Эля Петровна до сих пор забыть, как младший братишка упал в спешке в кипящую воду. Как гнил, как болел, как не было надежды на спасение. И как старая цыганка спасла малыша.

До сих пор стоит в с. Бесуковиче дом родителей А.Д. Вехтера, но так и не получилось увидеть вновь отчий дом. И не две недели разлучи-

ли с родиной, а целая жизнь. С ее великими горестями и маленькими радостями.

"...ВИНА В ТОМ, ЧТО ОН БЫЛ НЕМЕЦ"

Вовнова М.И., пенсионерка, с.Зеренда

До войны мы жили на Украине, в с. Солнцево Старобешевского района Донецкой области. В селе была немецко-русско-украинская смешанная школа. 1-2 классы я закончила на немецком языке. Затем немецкие классы закрыли. В 1937 году работники НКВД забрали отца - Шифнера Ивана Ивановича. Он тогда работал ветврачом. Единственная его вина была в том, что он был немец. Ему предъявили обвинение по ст. 58 Уголовного Кодекса и как врага народа осудили на 10 лет. Моего мужа, Циммера Ивана Эдуардовича, арестовали в сентябре 1941 года.

В 1941 году в начале октября всех жителей-немцев собрали у сельсовета и дали полтора часа времени на сборы. Сказали, что фашисты скоро будут здесь и оставаться тут опасно. Нас на машинах повезли на железнодорожную станцию Меньчугово. С собой разрешили взять только самые необходимые вещи. Скот сказали отпускать на волю. Еще говорили, если у кого есть зерно, сдать в сельсовет. Зерно тогда мало у кого было, люди жили бедно и в основном питались кукурузой и тыквой. Только через трое суток нас посадили в телячьи вагоны и повезли. Мы даже не знали, куда нас везут. Вагоны были битком заполнены. Люди умирали по дороге. Ехали под постоянными бомбежками немецкой авиации. Со мной была сестра Лидия и двое моих малолетних детей - старшему 2 года, младшему только 1 месяц. Я не знала, чем их укутывать. На одной из станций (названия не помню), когда эшелон остановился, я увидела такой же состав, который вез депортированных. Я пошла туда с надеждой встретить кого-то из родственников. И мне в этом отношении, можно сказать, повезло. Я встретила свою свекровь. Она дала мне теплые вещи для детей. Их везли в другие места. Потом мы узнали, что их эшелон бомбили. У свекрови оторвало руку. Очень много людей погибло или стало инвалидами. Наш поезд тоже на раз попадал под бомбежки. Я своими глазами видела, как внутренние части людей висели на разбитых вагонах. Это было очень страшно. Тех, кто умирал по дороге, просто снимали с вагонов. Куда их тела потом девались, никто не знал.

Только через месяц мы приехали на ст. Усть-Каменогорск. Затем по Иртышу на пароходе поплыли на пристань Гусиное. Там нас встретили представители колхоза "II Пятилетка". В колхозе, в семье казахов Секе-

новых, которых я никогда не забуду, мы попробовали настоящий хлеб. Мы с сестрой работали в колхозе. Кроме того, она была старшей по десятидворке. Это означало, что к приезду коменданта она должна была собрать всех жителей десяти дворов. В случае невыполнения своих обязанностей комендант имел право сажать ее на 10 суток.

В 1951 году отцу определили ссылку в Кокчетавский район, с. Зеренда. В 1953 году нам разрешили приехать к нему. В феврале этого года сестра Лидия и мама в сопровождении работников НКВД приехали в Кокшетау. Им тут сказали, чтобы они в тот же день были в Зеренде. И они вдвоем дошли до села. Вот так наша семья оказалась в этих краях. И здесь нам было нелегко. Постоянно отмечались в комендатуре. Только в 1956 году нас оправдали. Однако и после этого нам не раз напоминали, что мы выходцы из бывших "врагов народа". Вот один пример: мой старший сын Циммер Анатолий Иванович закончил МГУ. Когда ему была предложена должность в университете, ему напомнили, что он из семьи депортированного. Потом он был вынужден поменять фамилию, и стал Румянцевым (взял фамилию жены). И таких примеров много в нашей жизни.

"...ОБЪЯВИЛИ О ВРЕМЕННОМ ВЫЕЗДЕ"

Гаврилова А.Г., пенсионерка, с. Зеренда

До войны жили в Крыму. Отец погиб во время Гражданской войны. В 1941 году нам объявили о временном выезде, пообещали, что потом, можем вернуться в родные места. Тогда мне было 17 лет. Вывезли меня с двумя сестрами и матерью на Северный Кавказ. Скитались по квартирам, недоедали. Осенью работали на уборке урожая. В тот же год нас отправили в Казахстан. По распределению наша семья приехала в с. Серафимовка Зерендинского района. Здесь нас ожидала та же участь. Нам запрещали выезжать в другие села. Должны были раз в месяц обязательно ходить на отметку в комендатуру. За всем этим строго следили. Только в 1958 году нас оправдали.

Я закончила курсы трактористок. Работала на тракторе. После окончания войны отменили отметку. Создала семью. Родила и воспитала троих детей.

"...СЕМЬЯ ЖИЛА ВПРОГОЛОДЬ"

Гольштейн Ф.Р., п. Смирново, Аккайынский район
(записано со слов Гольштейн Ф. Р.)

До 1941 года семья жила в Ворошиловграде. Фриде Рейнгольдовне было 8 лет, когда ее родителей объявили "врагами народа".

В ноябре 1941 года семью Гольштейн переселили в с. Надежка Бишкульского района Северо-Казахстанской области.

С 1941 года по 1956 год все переселенцы находились под надзором комендатуры. В комендатуру ходили отмечаться в определенное время.

Переселенцев держали как арестантов, без разрешения коменданта нельзя было уходить куда-либо. Нельзя было даже ходить друг к другу в гости.

Один раз произошел такой случай, что Фрида Рейнгольдовна ушла без разрешения в другой поселок за подаянием, так как кушать было нечего, семья жила впроголодь. В это время в дом Гольштейнов приехал комендант и, не обнаружив ее дома, определил тут же наказание: лишение свободы на 5 суток.

Родители работали в колхозе с утра до ночи, оставляя детей одних дома. Денег за работу не давали. Держали мелкое хозяйство: кур, гусей, одну корову, за которыми ухаживали дети - этим и жили. В колхозе кормили баландой и хлебом. Родители ели только баланду, хлеб же несли домой, детям.

В школе не учились, так как нечего было одеть: одни сапоги на троих. Жили так до 1956 года, пока не сняли комендатуру. Потом жизнь стала понемногу налаживаться.

"ГОДЫ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ"

Гуш А.А., Гуш Е.А., с. Тонкошуровка Есильского района

Наша семья в 1920 году переселилась из Саратовской области в Казахстан. Жить здесь было намного лучше, но голодные, тяжелые годы вынудили нас переехать в 1928 году на Украину. Однако долго мы там не задержались. Прожив три года, вернулись в ставшую уже родной Тонкошуровку. В 1933 году поженились с Екатериной Андреевной. Жизнь налаживалась. Мы, молодые, полные энергии и жизненной силы, работали на разных работах. Умели хорошо работать и интересно отдыхать. Будущее казалось нам простым и ясным.

Но все рухнуло в одночасье, Страшное слово "война" и ее лихолетье стали для нас горькой чашей, которую пришлось испить до дна. На фронт нас не брали, резко изменилось отношение односельчан, будто мы стали явными врагами. 22 января 1942 года меня призвали в трудармию, затем, в 1943 году, - жену. Тогда говорили всем, что ненадолго - всего на три месяца, но эти месяцы растянулись на долгие тяжелые годы.

Тринадцать лет лагерной жизни, изоляции от мира, разобщения семьи стали трудным испытанием для всех нас. Особенно тяжело было перенести разрыв с женой. Несколько раз ходатайствовал в Москву о воссоединении с семьей, но только в 1951 году разрешили нам быть вместе.

Никогда не забудутся годы, проведенные за колючей проволокой, унижение, непосильный труд на лесоповале. Но самым страшным для нас, молодых, было постоянное чувство голода. Мы считали, что лучше погибнуть на фронте от пули, чем умереть голодной смертью. Но тщетны были наши просьбы. На фронт таких, как мы, не брали. Умирали, погибали от несчастных случаев мои односельчане. Чудом я остался жив. Из 62 мужчин, ушедших в трудармию из нашего села, домой вернулись только 13. И хотя война давно закончилась, и мы вернулись домой, но еще долго пришлось нам терпеть унижение. Ежемесячно отмечались в комендатуре, а для того, чтобы выехать в соседнее село в гости, приходилось брать разрешение у районного коменданта.

Но и это прошло. Постепенно стираются из памяти лица друзей, забываются фамилии лагерного начальства, слабеет здоровье, но все же остается надежда на лучшее будущее.

Жизнь продолжается в наших четырех детях, которых вырастили мы с Екатериной Андреевной, в наших внуках.

"МАТЬ СОСЛАЛИ, ОТЦА - ЗАБРАЛИ..."

Капис В.О., п. Смирново, Аккайынский район
(записано со слов Каписа В.О.)

Родители Капис Лидия Давыдовна и Капис Отто Андреевич жили в Саратовской области. Когда репрессировали родителей, Валентину Оттовичу было полтора года. Мать сослали в октябре 1941 года, отца - в 1943 году из армии - в Алтайский край, Калининский район, с. Филипповское.

В 1943 году мать вместе с сыном выслали в Алтайский край, Барнаульский район, совхоз УМГБ (трудовая армия). Там были до 1951 года. Отца отправили в Кировскую область на лесозаготовки, где он умер в 1945 году.

В 1951 году мать вместе с сыном были переведены в Барнаульский район, в с. Повалиха. В марте 1955 года были отправлены на целину, в Казахстан, в Советский район, с. Григорьевка, колхоз "Борьба за коммунизм". Мать вышла второй раз замуж. В трудармии родились две сестренки (Том Мария Константиновна и Том Ида Констанитиновна).

Родителям запрещалось выходить за пределы колхоза, за неповиновение - тюрьма. Брали расписку. За выдачу тайны - 10 лет тюрьмы.

Жили плохо, недоедали, коренное население относилось очень плохо к репрессированным. Было запрещено говорить на своем родном языке. Среди репрессированных были поляки, немцы, эстонцы, евреи, были военнопленные немцы, военнопленные японцы.

Репрессированные жили без документов. Паспорта получили лишь в 1957 году, когда сняли комендатуру.

Облегчение наступило в 1953 году, у коменданта стали отчитываться раз в месяц. На пенсию родители ушли с тем, что заработали с 1956 года.

"...МАТЬ ТРОХ ДЕТЕЙ - В ТРУДАРМИЮ"

Карлючеко Э.Я., с. Пресновка, Жамбылский район
(записано со слов Карлюченко Э.Я.)

Карлюченко Эрну Яковлевну воспоминания детства непременно возвращают в Поволжье, в родную Саратовскую область. Их семья жила в то время пусть нелегко, но дружно. Успела окончить только 3 класса школы, как началась война.

Трудно вспоминать Эрне Яковлевне этот день, день отъезда. С собой разрешалось брать 2,5 кг вещей и продуктов, нужно было взять только самое необходимое. Мама закрыла дом на ключ. Не верили, что уезжают надолго, не думали, что навсегда. Погрузили в вагоны и повезли. Отец вырезал в вагоне небольшую щелочку, и дети, старшей из которых была Эрна, ей было 13 лет, а двое ее младше, по очереди смотрели, выглядывали в нее. Куда же их везут?

А попали они в Петровку. Отца сразу же забрали в трудармию, а затем и мать тоже, даже несмотря на то, что у нее на руках трое детей. Эрна Яковлевна вспоминает: "Повезло нам, попался на нашем пути хороший человек - это председатель колхоза Михайлов Михаил Гордеевич. Он помогал нам, выдавал каждый месяц паек, да и люди в Петровке относились к переселенцам хорошо, помогали, чем могли". Эрна с 14 лет уже была звеньевой в животноводстве. Все приходилось делать. Была трактористкой, прицепщиком и пастухом, летом сено заготовляли, осенью урожай убирали. А сколько было радости детям, когда пришла мама...

И здесь тоже не оставил в беде председатель колхоза: 2 года он скрывал маму на плантациях табака от властей. Он же устроил так, что после она могла жить легально, отмечаться в комендатуре.

С 1952 года Эрна Яковлевна живет в Пресновке, 20 лет трудилась в автопарке, а затем до самой пенсии - в пекарне.

"...ПРОВИНИЛИСЬ ТЕМ, ЧТО БЫЛИ НЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ"

Стрельникова М.В., с. Пресновка, Жамбылский район СКО (записано со слов Стрельниковой М.В.)

Живет в селе Пресновка на улице Кирова женщина, которую многие знают. Это - Мария Васильевна Стрельникова. Но мало кто знает, что отца ее звали не Василием, а Вильгельмом, что девичьи фамилия ее Байдин и родом она с Поволжья. До 14 лет росла Мария в деревне Динкель Саратовской области. Мать рано умерла. В семье было еще два брата - Генрих и Петр. Отец женился на женщине, у которой была дочь, тоже Мария. Жили неплохо. Отец работал бригадиром полеводческой бригады в колхозе, был на хорошем счету.

В том памятном 37-м году Вильгельм Петрович приехал в субботний вечер домой и привез свою бригаду, чтобы все помылись в бане, а затем опять спозаранку выехать в поле. Но на работу он больше не вышел. Ночью за ним пришли и увезли в область. Больше о нем ничего не слышали. Родные много писали в разные инстанция, но без толку. Нашелся даже один человек, который сказал, что, вроде бы, видел его в одной тюрьме. Съездили туда. Дальше ворот их не пустили, проводили, не дав никаких сведений. И только недавно, в 1993-м году, на запрос Марии Вильгельмовны из г. Саратова пришел ответ: "Ваш отец Байдин Вильгельм Петрович был арестован 1 декабря 1937 года, 6 декабря постановлением "тройки" НКВД был приговорен к расстрелу по обвинению в проведении антисоветской агитации против колхозного строительства. Постановление приведено в исполнение 9 декабря того же 1937 года в г. Энгельсе". А 23 мая 1989 года отец был реабилитирован. Но это было уже потом...

В 1941 году - новое горе, уже для всех советских немцев - страшное слово - депортация. 1 сентября утром покидали они с узелками свою деревню. Многие надеялись вернуться, ведь им власти обещали. А следом зашли в село эвакуированные из-под Москвы и Ленинграда. На глазах ошеломленных хозяев они ловили кур, свиней, срывали замки с дверей. В общем, люди заселялись.

Местное же население, провинившееся уже в том, что они были немецкой национальности, а стало быть, по мнению правительства, могли быть пособниками фашистов, погрузили в телячьи вагоны, и началась

долгая дорога. Продукты быстро кончились. В пути на больших станциях кормили, но этого не хватало. Многие умирали в вагонах от тесноты, духоты, голода и болезней. Особенно страдали старики и дети. Наконец, станция Петухово. Там всех выгрузили, трое суток жили под открытым небом. Кругом дождь, слякоть. Никто не принял людей, и их повезли до станции Баган. Оттуда семья Байдин, в числе других земляков, отправилась в деревню Тычкино (колхоз им. Чкалова), там еще не был убран хлеб. Работали, кто что мог: скирдовали, молотили, веяли - все вручную. А ночами возили хлеб на элеватор на быках и коровах с флагом и лозунгами "Все для фронта!". Зимой Марию послали ухаживать за скотом: чистила, поила, возила сено со степи, подменяла доярок, когда их не хватало. Весной 42-го - опять на поле. Мужчин всех до одного забрали в трудовую армию. Оставались девчонки и женщины. Пахали на быках и коровах, боронили, сеяли вручную, потом сенокос. Сено возили тоже на коровах. "Бывало, наложишь бричку, - вспоминает Мария Васильевна, - думаешь подъехать, еще копешку положить и поехать дальше, а коровы круто поворачивают, бричка опрокидывается и приходится все снова нагружать. Вот тут тебе и слезы и все. Даже материться научилась". В октябре 1942 после дневной работы женщины нагрузили пшеницу, чтобы везти на элеватор. Тут подъехал бригадир, забрал быков - нужно было срочно перетащить комбайн от одного стога к другому. Женщины встали с обеих сторон комбайна, чтобы подтолкнуть, раскачать комбайн. Быки неожиданно сильно дернули, и правая нога Марии оказалась под задним колесом комбайна. От боли она потеряла сознание, упала. Вместо того, чтобы тут же оттащить ее подальше от комбайна, бригадир командовал продолжать раскачивать комбайн. И еще раз переехала проклятая машина ногу. Стопа была раздавлена, как каша, повезли в больницу, хотели отнять ногу, но Мария отказалась. Месяц продержали, лечить, собственно, было нечем. С такой ногой ее и выписали. Бинтов, конечно, дома не было. Мать разорвала последнюю простынь на бинты. Бригадир принес солидол, и за полгода подлечили ногу, можно было наступать на пятку. Летом работала поваром, учетчиком в полевой бригаде, а к зиме рана совсем зажила, опять скотницей поставили. Все эти годы - в тяжелой, изнурительной работе. И днем, и ночью. "Ночью, - вспоминает Мария Вильгельмовна, - дадут фонарь в руки, и бегу с ним впереди трактора, борозду показываю, так как трактора без света были. А утром опять к котлу - варить. А раз в неделю после работы ходила за 8 км пешком в райцентр отмечаться в комендатуру. И так до 1950 года. Во время войны привезли старшего брата Генриха (Андрея) еле живого, опухшего от голода, с трудармии. Привезли помирать. А родные, соби-

рая зернышки, варили кашу с кружкой молока, которую давала сердобольная соседка, и постепенно выходили, вернули почти с того света брата. А как только он поднялся на ноги, за ним сразу приехали. И опять трудармия!"

Здесь же, в деревне, встретилась Мария со своим будущим мужем Михаилом. В 1946 году он вернулся с войны, работал председателем колхоза. В партию вступил на фронте, когда, казалось, по-другому и быть не могло. А когда в райкоме узнали, что Михаил Стрельников собрался жениться на Марии Байдин, то вызвали "на ковер" и предупредили: "Или немка, или партбилет". Недолго думая, выложил Михаил на стол свой партбилет и ответил: "Вот вам ваш партбилет, а мне - моя немка".

В 50-г годы уехала семья Байдин из Алтайского края в Нижний Тагил по вызову родных. Потом был небольшой город Купино, а в марте 1961 года семья Стрельниковых переехала в Пресновку, где жили два брата и другие родственники Марии.

Здесь Михаила парализовало, мучили старые раны, долго и часто болел. А в семье пятеро детей. Мария Вильгельмовна устроилась в детский сад "Аленушка" и работала там до пенсии сначала няней, потом завхозом.

В 1967 году умер муж. Совхоз "Островский", где последние годы работал Михаил конюхом, выдал денежное пособие в 15 рублей на похороны ветерана войны, награжденного орденами и медалями за участие в знаменитых битвах. С помощью родных похоронили Михаила Дмитриевича. И продолжала жить, растить детей. Младшим детям было 6 и 7 лет. Вышла на пенсию, но сидеть дома долго не пришлось, нужны были деньги, и еще 10 лет проработала в совхозе "Островский" инструментальщицей в МТМ, чтобы дети смогли закончить школу, а дочь - и пединститут. И только потом, тяжело заболев, осталась дома.

"...ТРУПЫ ЛОШАДЬМИ ВЫВОЗИЛИ В ТАЙГУ"

Кизнер В.Э., с. Благовещенка, Жамбылский район

Семья наша состояла из шести человек. Жили мы на Украине в городе Кадиевка Ворошиловградской области, ныне город Стаханов.

Отец работал на химическом заводе начальником машинного отделения. Мать была домохозяйкой, занималась воспитанием четырех детей. Отец до ареста в 1937 году был в рядах членов КПСС (с 1925 года).

В 1937 году как-то вечером пришли люди, произвели обыск, ничего не нашли, отца арестовали и увезли. На прощание он сказал, что это какое-то недоразумение и он скоро вернется.

Остались мы: мать, старший брат Эдуард, который учился в Ворошиловградском сельскохозяйственном институте на 5 курсе, старшая сестра, 1923 года рождения, я - Владимир, 1925 года рождения, младшая сестра, 1930 года рождения. Прошло немного времени, нас выгнали из квартиры, брата Эдуарда хотели выгнать из института, но он писал т. Сталину письмо с просьбой оставить его в институте, чтобы его закончить, ему дали согласие.

Поселились мы с матерью у одного фотографа, и все ждали отца. В то время я учился в четвертом классе, жили плохо. В 1940 году я бросил школу и пошел учиться в Брянское ремесленное училище. Работал один брат. Он жил в Полтавке, недалеко от нашего города, работал агрономом - был нашим кормильцем.

22 нюня 1941 года началась война, об отце не было никаких известий. Не дав окончить ремесленное училище, меня, 15-летнего, вместе со старшим братом по повестке Кадиевского райвоенкомата призвали как бы в армию, а повезли в Свердловскую область на Туринские рудники Карпинского района, поместив в лагерь (их было три) за проволоку, где была военизированная охрана. Работали, как заключенные, на строительстве алюминиевого завода.

Людей, прибывших в эшелоне как допризывников, было много. С первых дней пребывания в лагере ОЛП (так его называли) кормили отвратительно, и с первых же дней начали умирать люди. Хоронили их так: трупы лошадьми вывозили в тайгу, и дальше участь их была неизвестна.

За два месяца пребывания в лагере осталось нас считанное количество, да и те были дистрофиками. Меня как малолетку отпустили, как говорится, демобилизовали, и направили по выбору в Казахстан. Судьба нашей матери и сестер нам была неизвестна, так как город, где я родился, был оккупирован немцами. По приезде в Петропавловск брата направили работать в Приишимский район (Боголюбово) в МТС агрономом. Меня брат устроил жить в с. Архангелке на квартире. Председатель колхоза устроил работать паромщиком.

По запросу о нахождении матери с сестрой узнали, что они были высланы в Кустанайскую область. В октябре 1942 года они приехали в Боголюбово. В ноябре 1942 года меня и старшую сестру по призыву мобилизовали в трудовую армию, где направили: меня - в город Кизел Пермской области, сестру - в Березняковский район.

2 декабря 1942 года прибыл в г. Кизел, где начал строить стекольный завод. В январе 1947 года по болезни я был демобилизован из трудовой армии, прибыл к матери в с. Полудино Северо-Казахстанской области, где поставили меня на спецучет населения.

В июне 1954 года закончил Петропавловский техникум, был направлен в Полудинскую МТС, где работал механиком, инженером по сельскохозяйственным машинам, заведующим базой снабжения.

В 1959 году на основании приказа сельхозуправления назначен главным инженером Полудинской РТС. В 1971 году по приказу был переведен управляющим сельхозтехникой в Джамбульский район, с. Благовещенка, где проработал по январь 1986 года.

23 января 1986 года уволен с должности в связи с уходом на заслуженный отдых по достижении пенсионного возраста.

В 1988 году Бюро обкома Компартии Украины выслало справку о реабилитации Кизнера Эммануила Игнатьевича, моего отца, посмертно. Как теперь стало известно, 15 января 1938 года постановлением особого совещания при НКВД СССР Кизнер Э.И. осужден за антисоветскую пропаганду и приговорен к высшей мере наказания - расстрелу.

"... БЫЛИ СЛУЧАИ - И КРЫС ЕЛИ..."

Киссельман Ф. Ф., г. Явленка

Нашу семью выселили в село Кендыкты Ленинского района с Северного Кавказа в 1941 году, а в 1942 году, когда мне исполнилось 16 лет, мобилизовали в трудармию.

Мужчин-североказахстанцев, будущих трудармейцев, эшелоном отправили по разным лагерям и зонам. Не принято было тогда, чтобы члены семьи, женщины и мужчины, были вместе. Мы попали в деревню Кизел Молотовского района Пермской области, и нас отправили в шахту добывать уголь, где условия были трудные, порой - невыносимые, а остальных - на строительство шахт, заводов.

Работали по 12 часов в сутки, трудились добросовестно, думали о победе. Никто никого не подгонял, в этом не было необходимости. Но мучил голод. 500-600 граммов хлеба, с утра и на целый день, в обед - приварок. Вот и вся еда. Хочешь, сразу ешь, хочешь - растягивай до вечера.

Каждый из подростков мечтал, чтобы его направили на разгрузку товаров на станцию. Там где-нибудь у рельсов, в уголке, можно было найти горсточку просыпавшегося из вагона зерна, мерзлую картошку.

Были случаи - и крыс ели. О выходных, конечно, и речи не могло быть. Первый выходной был объявлен 9 мая 1945 года.

Тогда же трудармейцев накормили праздничным обедом. Этот день врезался в память как один из самых замечательных дней в моей жизни. Дни тянулись, похожие один на другой. Ранний подъем, позднее возвращение в бараки. На работу и с работы - под конвоем.

Были случаи смертей, особенно среди пожилых людей. Сказывалось истощение, да и болезни. Но в целом болели мы очень редко, эпидемий особых не было (бани были регулярно, где тщательно пропаривали одежду). Я порой даже мечтал поболеть, чтобы не вставать утром рано: так хотелось всегда спать.

На разных участках пришлось работать до 1952 года. Вначале - землекопом: в декабрьские дни долбили мерзлую землю для подъездных путей к строящемуся стекольному заводу, потом для него пилили дрова в местных лесных дебрях. Только через 9 лет удалось вернуться в Ленинский район, написав к этому времени три письма Сталину о воссоединении с семьей.

Лишь в 1957 году вышел Указ о реабилитации немцев.

"ЖИЛИ В ПОСТОЯННОМ НАПРЯЖЕНИИ..."

Краус А.Р., п. Смирново, Аккайынский район
(запись со слов Крауса А.Р.)

Отец - Краус Герман, 1901 года рождения, мать - Краус Мария Густавовна, 1901 года рождения. В 1941 году были выселены из Саратовской области в Северо-Казахстанскую область, Марьевский район, с. Коноваловка, Андрею Романовичу было 3 года.

Отца сразу же забрали в трудармию, и больше его не видели. Мать одна воспитывала четверых детей.

Детство было тяжелое, голодное. С 12 лет пошел в колхоз "Трудовик" на работу. Хлеб убирали на быках. С 16 лет пошел на курсы трактористов. Семь лет отработал на колхозном тракторе. Потом закончил курсы шоферов.

С 16 лет нужно было отмечаться в комендатуре. Не разрешалось выезжать за пределы колхоза. Чтобы выехать куда-либо, нужно было отпрашиваться у председателя колхозного сельсовета. Было такое, что если, поехав на поле за сеном, человек переходил границу колхозного поля, его наказывали.

Жили в постоянном напряжении, боясь провиниться. В 1956 году, когда сняли комендатуру, жить стало легче.

"УМЕРШИХ ХОРОНИЛИ В ОБЩИХ ЯМАХ..."
(воспоминания репрессированных, проживающих в с. Бишкуль)

Меркель И.Ф. В 1941 году из Саратовской области с матерью и братом переселили в Северо-Казахстанскую область, Советский район. Отца сразу же забрали, и по настоящее время нет никаких вестей.

До ближайшей станции шли пешком, взяли только необходимые вещи. Везли в товарняках, где, в основном, были женщины с детьми и престарелые люди. Привезли на место, определили по квартирам. Отношение людей к нам, конечно, было недоброе, относились со злобой, но это продолжались недолго. Люди поняли, что какие мы "фашисты", если родились и жили в одной стране.

В 1942 году призвали в трудармию. Лагерь находился на Урале, в г. Александровске. Здесь, конечно, было ужасно. Жили в бараках. Под конвоем ходили на работу. Была большая смертность из-за голода и болезней. Умерших хоронили в общих ямах.

Возвратился из трудармии в 1947 году. Работал бригадиром. Работал с русскими, украинцами, белорусами, казахами, научился разговаривать на казахском. Все люди были доброжелательны. В 1956 году окончательно сняли с учета.

Гейн Л.Я. В 1941 году вместе с матерью нас вывезли из Донецкой области в Павлодарскую область, совхоз "XVIII партсъезда". Работали с матерью в колхозе.

В декабре 1942 года забрали в трудармию в Горьковскую область. Жили в лагере, работали на заготовке леса.

Условия были очень тяжелые, выполняли все вручную. Отношение к нам было враждебное со стороны спецработников.

В 1956 году сняли со спецучета.

Чиркова Э.В. В 1941 году вместе с матерью была переселена из Донецкой области в Акмолинскую область, затем - в Северо-Казахстанскую. Отца забрали в трудармию. Со слов брата, который был с ним, отец умер в лагере.

С 1941 года по 1956 год были под строгим контролем. Не могли выехать даже на учебу.

"ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ - В ТОВАРНЫХ ПОЕЗДАХ..."

Шатило З.А., п. Смирново, Аккайынский район
(записано со слов Шатило З.А.)

Родился в Житомирской области. Житомирский район, с. Вилы. Оттуда в 1936 году родителей отправили в Казахстан, в Кокчетавскую область, Келлеровский район, с. Доброжановка.

Родители: Шатило Филя Викторовна и Шатило Антон Иванович, по национальности поляки.

По воспоминаниям Зифрида Антоновича, человек в военной форме приказал к утру прийти на станцию для отправки в Казахстан. Имущество вывезти не дали. Ехали целый месяц в товарных поездах.

В с. Доброжановке поселили по домам. Так жили год. Летом начали строить дом из пластов. Пласты возили на быках. В этих землянках и жили.

Мать и отец работали в колхозе. Отец работал кузнецом. Умер в 1944 году. В этом же году Зифрида Антоновича заставили погонять быков и лошадь на колхозной мельнице.

В 1946 году председатель колхоза послал его на курсы шоферов. Работал на тракторе-колеснянке.

Обстановка была такой, что нельзя было выехать даже в близлежащую деревню. Отмечаться в конторе у коменданта надо было каждые 10 дней. За нарушение режима - штраф.

За работу начисляли трудодни. Одному человеку нужно было обязательно выработать 360 трудодней. В конце года ничего не давали, лишь объявляли благодарность и в бригадах кормили баландой. Кто не выработал трудодни, исключали из колхоза.

В 1938 году был урожайный год. Тогда всем раздавали зерно за трудодни, потому что его уже некуда было девать. Привозили и вываливали зерно прямо возле дома. Из Петропавловска приезжали казаки, с которыми население производило обмен зерна на одежду, продукты питания. Зерно тогда стоило копейки. Разрешали держать хозяйство. Брат Зифрида Антоновича был охотником и застрелил 4 волка. Колхоз за каждого отстрелянного волка давал 4 барана, но семье Шатило вместо баранов дали корову.

В 1954 году отметки в комендатуре были отменены. Начался подъем целины. Жить стало легче.

"...ЛЮДЕЙ УЖЕ НИКТО НЕ СПАСАЛ"

Шнайдер Г.Я., с. Майбалык, Булаевский район
(запись со слов Шнайдер Г.Я.)

Шнайдер Герта Яковлевна до войны проживала в Ставропольском крае - Курской район, село Надежда, со своими родителями. Мать - Шнайдер Раиса Петровна 1896 года рождения, отец - Шнайдер Яков Авдреевич 1896 года рождения. Мать до войны работала сначала в детском садике, потом - в тракторно-полеводческой бригаде поваром, затем пошла на заработки на хлопок. Тогда еще вся его обработка и уборка шла вручную. Отец работал сначала в магазине продавцом.

Осенью 1941 года, когда уже получили муку и зерно, к нам пришли и сказали, чтобы мы в трехдневный срок собрались и приготовились к отъезду. Собрали нас из села и из других сел очень много. Когда нас вели на станцию, за 60 километров, первые подводы на лошадях въезжали на станцию, а мы еще только выезжали. Когда мы доехали до станции, нас погрузили в товарные вагоны. Потом нас привезли в Астрахань, выгрузили где-то в небольшой деревушке. Мы думали, что там и останемся. Все начали готовить кушать, собирать дрова. В этой деревушке были просто построены какие-то землянки, но через несколько дней нас погрузили на баржи. У нас с собой были только вещи первой необходимости. Все остальное - вещи, мебель - мы оставили, живность всю порезали, часть сдали в совхоз, часть с собой мясом взяли. На барже еще почти все питались тем, что взяли из дома. Но когда у людей кончились запасы, им давали сухари и воду. Когда мы уже уезжали из села и дальше по дороге, уже был обстрел, бомбили. Нас на барже довезли до Каспийского моря. Дальше баржа не шла. Затем подошли пароходы, и нас стали на них перегружать. Переходили по доскам, переложенным с баржи на пароход. Очень много людей упало за борт, так как пароход и доски качались. И людей уже никто не спасал. Мой маленький брат тоже упал, и мы его не смогли спасти. На пароходе мы плыли 25 суток. Ничего, кроме воды, не видели. Затем старые люди увидели птиц мартынов, и все обрадовались, что близко земля. Когда мы вышли на землю, то все, пожилые и молодые, целовали землю, потому что никто даже не верил, что мы куда-нибудь доплывем. На пароходе очень много людей умерло. Им привязывали железо и опускали в воду. Один пароход у нас на глазах стал тонуть. Наш подошел к нему, и стали перегружать людей к нам, а нас и так было много. Варили мы в самоварах. Потом сварим, выливаем себе и отдаем другим варить. На пароходах все были вначале погружены по районам проживания, но потом уже потихоньку

распределялись. Нас привезли в Красноводск и опять погрузили в товарный вагон. В это время шел сильный обстрел. Летали самолеты, нам, детям, сказали, чтобы мы махали белыми платками. И правда, самолеты улетели. Мы не знаем, что это были за самолеты. Возили нас потом еще три месяца. Мы то стояли, то ехали. Привезли нас в Омск. Мы сходили в баню, а потом по сильному морозу отправили на подводах в Булаево. Нас, детей, укутали хорошо, но было очень холодно. Мы вообще не привыкли к таким морозам. Нас довезли до Успенки и выгрузили. Мы там немного пожили, но потом узнали, что в Ворошилове живет наша тетка, и мы туда переехали. Отец с нами был недолго. Он с нами в Успенке прожил три дня, а потом им сказали, чтобы они собирались в трудармию. Отец сильно заплакал и сказал, что больше нас не увидит. Так оно и вышло. В январе 1942 года его забрали, а в марте пришла бумага, что он умер. Потом к нам приходил старик, который рассказал, что ваш отец умер, так как им было тяжело работать, и что питание было очень плохое.

В 1956 году нам разрешили возвращаться на родину. Никаких объяснений ни до этого не давали, ни потом тоже ничего не объясняли. Наша тетка вернулась на родину, и мы тоже съездили туда в 1961 году. Наше село от войны почти не пострадало, только мельница пострадала от обстрела и еще не была восстановлена.

Мы так и прожили в Казахстане. Мать умерла в 1963 году, похоронена здесь, в Казахстане. Я начала работать с 14 лет. Где только не работала... Очень тяжело было работать прицепщицей. Ночью ничего не было видно, и я все время боялась упасть под трактор.

А сейчас я на пенсии, живу со своими детьми, помогаю воспитывать внуков.

"...УМЕРШИХ В ПУТИ ДЕТЕЙ ВЫКИДЫВАЛИ НА ХОДУ..."

Франц Э.И., с. Александровка, Булаевский район
(запись со слов Франца Э.И.)

Вырос в простой рабочей семье. В 1938 году 10 марта отца забрали трое военных, вели под конвоем. Не было от него ни одной весточки. Только в 50-х годах его сестра получила известие о смерти отца.

В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, семью Франц, мать и шестеро детей выслали на Кавказ. На вокзале их встретили как заключенных. Солдаты оцепили всех в плотное кольцо, загнали в вагоны. Везли, как скот, полок не было, все в куче, душно, двери не открывали.

Затем их перебросили в г. Булаево Северо-Казахстанской области. До Булаево добирались целый месяц, умерших в пути детей выкидывали на ходу.

В 1942 году их семью переселили в Екатериновку. Но из-за голода они были вынуждены перебраться в совхоз "Александровский". Каждый месяц они отмечались в комендатуре в Возвышенке. Переезд в соседние области считался как дезертирство.

Люди приняли их по-разному: кто доброжелательно, а кто вслед кидал камни.

В 14 лет Эрвена Иогановича приняли на работу пастухом. Работал целыми днями без выходных. Так всю жизнь он и трудился в этом совхозе. Два раза призывали в трудовую армию, но возвращали, ссылаясь на то, что в деревне тоже нужны рабочие руки.

Сестры разъехались в разные концы бывшего СССР. Сейчас Эрвен Иоганович находится на заслуженном отдыхе, у него взрослые дети: трое сыновей и четверо дочерей.

ЭТАПЫ НЕЛЕГКОЙ ЖИЗНИ

Циглер П.П.

Родился в Республике немцев Поволжья, в с. Келер Добрынского района Саратовской области.

Отец мой, Циглер Петр Николаевич, погиб на гражданской войне в 1920 году, когда мне было 2 года.

В 1929 году, когда началась принудительная сплошная коллективизация, дедушку со всеми сыновьями "загнали" в колхоз. Все работали, а осенью на заработанные в течение лета трудодни получили 11 кг зерна.

Спасаясь от надвигающегося голода, оставив все нажитое имущество, дед со всей большой семьей уехал в Баку. В 1935 году я окончил ФЗУ текстильной промышленности, меня оставили инструктором.

Осенью 1939 года я добровольно ушел в армию. Отправили меня в г. Казань. После принятия присяги меня откомандировали в Ульяновскую полковую школу, а в феврале 1940 года я досрочно ее окончил и мне было присвоено звание старшего сержанта. И сразу же назначили командиром взвода связи 124 стрелкового полка.

В первых числах июля 1941 года наш полк отправили на фронт воевать против фашистской Германии. После погрузки в вагоны, перед самой отправкой, всех солдат и командиров немецкой национальности,

в том числе и меня, сняли с вагонов и оставили в запасной 18-ой дивизии.

12 сентября 1941 года меня и других военнослужащих немецкой национальности демобилизовали "за невозможностью использовать". 18 сентября 1941 года я приехал в Баку. Не успев встать на воинский учет, 21 сентября, совместно с родителями, братьями и сестрами, был насильно депортирован в Семипалатинскую область, село Потаменко Новошульбинского района.

15 января 1942 года все мужское население от 15 до 55 лет было мобилизовано военкоматами в так называемые Трудовые колонны. Наш эшелон отправили в г. Котлас Архангельсткой области на строительство железных дорог и железнодорожного моста через реку Северную Двину длиной один километр.

В Котлас мы прибыли 19 января 1942 года в распоряжение лагерного пункта № 219 НКВД СССР. Здесь для меня, как и для других мобилизованных людей немецкой национальности, началась настоящая эпопея так называемых трудармейцев.

В Котласе в срочном порядке были переоборудованы 18 овощехранилищ в бараки с двух- и трехъярусными сплошными топчанами. Лагерь был опутан тремя рядами колючей проволоки, с вышками по углам, мощными прожекторами и частоколом осветительных столбов - зимой. А летом между рядами "колючки" по натянутой вдоль заграждений проволоке носились овчарки и лениво перезванивались в колокола часовые, отгоняя непрошеный сон. Неусыпно стерегли они загнанных в бараки до крайности уставших людей. Словом, это был образцовый тюремный лагерь для уголовников, со всеми требованиями, оговоренными уставом конвойной службы. В него заперли много тысяч таких, как я, советских граждан, у которых родная власть без всякого суда и следствия и без малейшей вины отобрала не только свободу, доброе имя и честь, но у очень многих - саму жизнь. Причина - война, а повод единственный - национальность немец. Самая страшная зима была с 1942 на 1943 год. Морозы за 30 градусов, а ночевать приходилось в овощехранилищах на голых нарах. Спать было совершенно невозможно, даже если на ноги поверх натянуть рукава фуфайки, накрепко завязать на подбородке уши от шапки.

Весной 1942 года началась эпидемия дизентерии. Люди умирали, как мухи. Из моих близких родных вернулись лишь двое - я и младший брат Адам Циглер. В этом лагере я находился до 31 марта 1949 года.

В марте 1949 года направлен в распоряжение первого отдела управления ИТЛ в г. Ермаково Красноярского края, где я находился на спецучете НКВД.

После смерти Сталина в марте 1953 года строительство дороги было законсервировано, заключенные были амнистированы. А мы, трудармейцы, еще долго находились "под колпаком" комендатуры НКВД.

В ноябре 1953 года меня и еще десять трудармейцев направили в г. Абакан Красноярского края (Хакассия). Я поступил на работу в трест "Запсибнефтестрой", а в декабре 1953 года трест во главе с управляющим и еще 10 человек специалистов были переведены Министерством нефтяной и газовой промышленности в Акмолинск, в трест Нефтегазстрой на целинные и залежные земли, и я был назначен на должность начальника технического отдела треста.

В Акмолинск мы прибыли 5 января 1954 года. В нюне 1957 года трест был ликвидирован, а меня перевели в Северо-Казахстанское управление нефтеснабжения в качестве начальника отдела капитального строительства, а в 1961 году перевели главным инженером управления, где я работал до августа 1987 года, до ухода на пенсию.

Все годы вел большую общественную работу. 15 лет был председателем отраслевого научно-технического общества нефтяной и газовой промышленности, одновременно - членом Совета научно-технического общества Северо-Казахстанской области. Был участником шести союзных съездов научно-технического общества нефтяной и газовой промышленности имени академика И.М. Губкина и являлся членом центрального правления НТО. Участник 11 Международного газового конгресса в Москве в июне 1970 года.

Участвовал в качестве делегата Первого съезда трудармейцев Казахстана в 1995 году. Избран делегатом на II съезд трудармейцев Казахстана.

"В ТРУДАРМИИ БЫЛИ ЛЮДИ ВСЕХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ..."

Шиллер И.Н., пенсионер, с. Заградовка, Есильский район

В трудармию забрали по повестке в 16 лет в 1942 году, где пробыл до 1956 года. Супруга Лидия Ивановна - с Украины. Встретились в 1948 году в п. Гремячинский, проживали в зонах за колючей проволокой, как заключенные, кормили нас очень плохо. Были одеты в спецодежду из белого материала, чтобы могли отличаться от других. В основном работали на шахтах, добывали уголь, так как войне нужен был уголь, строили жилье для шахтеров.

Условия труда были ужасные. Мы должны были работать до тех пор, пока нас не засыплет землей.

В трудармии с нами были люди всех национальностей.

Сколько друзей я потерял и не мог ни одного похоронить, так как их не хоронили, а вывозили в тайгу и выбрасывали на съедение зверям. На фронте были братские могилы, а у нас - ничего.

Работали бесплатно, только с 1953 года стали платить 30 рублей в месяц.

"...ПРОЖИЛИ СТРАШНУЮ, УЖАСНУЮ ЖИЗНЬ"

Шлейдовец А.А., Жамбылский район

Родилась в Саратовской области, Куккуском районе, с. Иост. Родители были рабочими. Отца, Ринга Адама Адамовича, расстреляли Постановлением "тройки" НКВД 18 декабря 1937 года.

Закончила я четыре класса духовно-церковной школы. Вышла замуж, и с мужем работали колхозниками, воспитывали троих детей.

В конце августа 1941 года нас выслали в Северный Казахстан, с. Петровка Пресновского района. Когда уезжали с родины - пришлось все оставить дома, всю живность. С собой были только наскоро прихваченные узелки.

Когда прибыли к месту жительства, то есть в Петровку, люди нас боялись, кричали: "Везите их обратно, или - в озеро". Называли убийцами, никто на квартиру не пускал. Только по распоряжению руководства насильно нас расселили по квартирам. В 1942 году мужа, Шлейдовца Давыда Генриховича, забрали в трудармию в Челябинскметаллургстрой, где был там осужден на 10 лет тюремного заключения. Отбывая срок, он умер, но по свидетельству друзей, его расстреляли. Он по документам реабилитирован.

Когда мужа забрали в трудармию, стали брать и женщин, в том числе и меня. Но я стала скрываться, прятаться в лесах. В общем, на день уходила, а ночью приходила к своим детям, которые были в возрасте 3-х, 4-х и 10 лет. Так я сохранила вместе своих детей. Работала в колхозе днем и ночью, чтобы их прокормить, и пришлось еще мне с детьми работать на хозяйку за квартиру.

С 1941 года по 1956 год с детьми состояла на спецучете, отмечались в сельсовете. Мы не имели права на выезд без разрешения, мы считались как бы осужденными, только на вольном поселении. Не имея своей крыши над головой, начиная с нуля, пережили страшную, ужасную жизнь.

Дети собирали колоски на поле, выкапывали мерзлую картошку после хозяев и кое-как перебивались.

То, что мы пережили, никому не понять. Нас часто называли: "Фрицы, фашисты, убийцы". Дети боялись разговаривать на немецком языке, их также обзывали. Иногда, задумавшись, спрашивала себя: "За что?".

Если бы нас, немцев, выслали снова на родину, я думаю, никто бы и не уехал в Германию.

РАССКАЖИТЕ СВОИМ ДЕТЯМ О СТРАШНОЙ ПРАВДЕ 30-х ГОДОВ

Эрленбуш Е.В.

В душах тысяч моих ровесников репрессии 30-х годов убили детство, 40-х - исковеркали юность.

Светлые детские воспоминания обычно греют человека всю жизнь. У меня их нет, потому что все затмило одно, леденящее: просыпаюсь ночью от того, что папа меня целует, наклонясь над кроваткой. Его глаза... Я вижу их и сегодня. И вижу, как его уводят...

В ту ночь забрали почти всех мужчин в нашем селе. Но плача женского не было слышно: все тогда делалось тихо и страшно. Из домов выходить не разрешалось, но мы, ребятишки, все-таки пробрались довольно близко к "черным воронам". Они не сразу уехали: меняли колесо у одной из машин. До сих пор помню имя и фамилию мальчика, который продырявил резину. Днем до нас дошел слух, будто кто-то из энкавэдэшников сказал: "Это дело рук жен "врагов народа". В следующую ночь жены ждали... Мне мама приготовила "торбочку", в которой были сухари, листок с бабушкиным адресом и деньги на билет. Эта торбочка была у меня наготове, пока мы не уехали в Симферополь. Там было то же. В школе безошибочно по изменившемуся отрешенному взгляду товарища понимали: у него сегодня тоже "взяли". Взяли - и все, "как не жил на свете"... Любые попытки узнать что-то об участи арестованных разбивались о глухую стену.

Только через 30 лет мы получили свидетельство о смерти отца. Прожил он в тюрьме несколько месяцев (а мама ждала всю жизнь). В графе "причина смерти" - прочерк. Стало быть, расстреляли. Скромного, беспартийного учителя. Расстреляли брата мамы, который еще подростком ушел из дома с красными кавалеристами, участвовал в гражданской войне, потом учился в Военной Академии, стал крупным военным специалистом... Расстреляли маминого отца, старого больше-

вика. Верного ленинца, в лучшем смысле этого слова. Его фамилию я нашла в списке 170 расстрелянных политзаключенных Орловской тюрьмы, опубликованном в одном из журналов "Известия ЦК КПСС", 1990, № 11, статья "Трагедия в Медведенском лесу" (в списке № 43, Клепфер Иван Иванович). Там же узнала подробности о последних часах жизни заключенных. С кляпом во рту, в кандалах повезли их в лес на расстрел. Там предварительно были выкопаны деревья - аккуратно, с корнями. А после - посажены на свои места, чтобы крепко хранили зловещую тайну. Сегодня там - большой камень, к которому не зарастает "народная тропа". Приходят не только родственники, но и те, кто до сих пор не знает, где покоятся их родные.

Вот и мы сегодня пришли к "нашему камню", чтобы отдать дань памяти невинно убиенным. Они были достойны другой участи, потому что были такими же патриотами, как все советские люди, так же верили в Советскую власть, готовы были жизнь отдать в бою за Родину. И тогда оставили бы детям право гордиться ими, а не этот непосильный груз вины, которой не было. Я знаю, многие из нас даже детям своим не рассказывали о судьбе своих родителей: щадили детей.

Сегодня к нам пришел день, когда мы можем громко говорить о страшной правде 30-х годов. Так расскажите же о ней своим детям, чтобы поняли и помнили. "Детям детей расскажите, чтобы тоже запомнили"... И это должно стать гарантией того, что такое не повторится!

Депортация. Сегодня, кажется, все знают, что это такое и как это было. Это – эшелоны, эшелоны, увозившие с родных мест целые народы в наказание за несуществующую вину или преступления одиночек. Это – в общем. Но у каждого из подвергнувшихся депортации свой личный счет воспоминаниям, от которых подступает ком к горлу. И не потому, что оставлены и кров, и имущество (в войну это удел миллионов), и не потому, что путь шел под бомбежками и с неимоверными трудностями (это тоже общенародное горе), а потому что, начиная с оскорбительной процедуры погрузки в "телячьи вагоны", потянулась длинная цепь событий и фактов, означавших попрание справедливости, чести и достоинства.

Наш эшелон остановился на станции Токуши. Начинается новый этап моей жизни. Называется он Бугровое. Встретили нас бугровчане, естественно, сдержанно и понимали: люди как люди. Но мы были не только "семьи врагов народа", но еще и немцы! А шла война: в домах, куда нас поселяли, жили жены, матери фронтовиков. Мы понимали, что для них означало само слово "немец". Но (как не вспомнить поэта: "Золото, золото сердце народное") каким-то своим, народным, бабьим

чутьем они поняли нашу боль, боль “без вины виноватых”. И приняли нас. И помогли выжить. Низкий поклон им за это.

Я была одна у матери. Она, сильная, все умеющая, не боящаяся никакого труда, сумела уберечь меня от большого голода. Но многодетные семьи страдали очень. И особенно страшно было видеть возвращавшихся из трудармии: опухшие от голода лица, руки, ноги… помню, кто-то даже не дошел от станции до деревни. Но кто дошел, тому умереть не дали. И опять же с помощью бугровчан, благодарность к которым многие из нас сохранили на всю жизнь. Никто из тех, у кого мы жили, с кем я училась и с кем потом работала, не обидел меня ни словом, ни поступком. Правда, мальчишкам пришлось перенести немало обид от сверстников. Помню, мальчик из близкой нам семьи не раз приходил домой со слезами, и сколько было горького отчаяния в его вопросе: “Мама! За что? Почему они меня называют фрицем!?”.

Настоящие гонения на нас шли “сверху”. Их нес рожденный в годы сталинщины режим спецпоселения с неусыпным надзором МВД через спецкомендатуру – новая форма дискриминации.

Окончила 7 классов – продолжать учебу в райцентре нельзя. Только через четыре года, после войны получила разрешение ехать в город, в педучилище. Какое счастье! Приняли меня без экзаменов, очень доброжелательно. Нашла квартиру. Пошла оформить прописку, и вдруг: “Как так!… почему в первый же день приезда не пришла на отметку в МВД?” - и повели меня под конвоем чуть ли не через весь город – на ул. Пушкина. Правда, когда шли по улице Ленина, милиционер сказал: “Я пойду по мостовой, а ты, девчонка, иди по тротуару за мной”. Привел. Сдал. Помню, повели куда-то вниз. Поставили перед большим стендом, предложили вслух читать Указ, в нем значилось: “…выезд с места поселения карается каторжными работами до 20 лет”. Объяснили: мою неявку можно рассматривать как такой проступок. “У меня же разрешение… мне не объяснили”. “На первый раз простим”. Расписалась. “С указом ознакомлена”. Впервые в жизни в голове родилась крамольная мысль: “Неужели у Наркома иностранных дел тов. Молотова нет более важных дел, чем меня, девчонку, наказывать за то, что учиться хочу?”... (Его подпись была под Указом).

В училище - все отлично. Выполняю комсомольские поручения, но в комсомол мне нельзя.

По окончании училища получила право продолжать учебу. Педсовет рекомендует меня в Ленинградский пединститут. Нельзя. Прошусь в Омский. Нельзя. Мне и диплома не дали. Отнесли его в учительский институт.

И так далее... Примеры можно приводить и приводить. Теперь понимаю: это духовный геноцид. Причем, "тихий". Не случайно названия "провинившихся" национальностей были исключены из реестра "братских народов СССР". Будто их и не было...

Думаю, что поколения советских немцев всей жизнью своей доказали: не бывает преступных народов, бывают преступные вершители судеб людских...

Очень хочется верить, что руководители нашей молодой суверенной республики не допустят, чтобы кто-нибудь из ее граждан стал изгоем в своей стране, что межнациональное согласие будет всегда важнейшим принципом жизни казахстанского народа.

"ЭТО НЕ ЗАБУДЕТСЯ НИКОГДА..."

Зайцева С.К., г. Петропавловск

В 1939 году нашу семью Каменских в товарном вагоне с Украины принудительно привезли в Казахстан. Отец мой, Каменский Карл Филиппович, 1903 года рождения, коммунист, хороший столяр, сапожник, на маслозаводе колхоза "Зерновая фабрика" сколачивал ящики. Его отец - поляк, но по документам писался - украинец. Мать, Каменская Константина Карловна, 1905 года рождения, ее родители - отец из Чехии, мать - немка.

Привезли нас в село Белое и поселили в бывшей бане. 10 июня 1938 года из НКВД подъехала к дому плоская телега на паре белых лошадей. Все перерыли в доме. Отца посадили и увезли, не сказав ни слова, не произнеся ни звука. На второй день мать пешком пошла с женщинами, которых постигло такое же несчастье, в Мамлютку. Там им сказали, что арестованных отправили в Петропавловск. По Сибирскому тракту пешком, взяв продукты, пошла Константина Карловна вновь на свидание с мужем. Но, забрав продукты, свидание не разрешили. А когда на второй раз снова мать попыталась выяснить дело отца, ей ответили: "Осужден на 10 лет без права переписки".

С болью в сердце вспоминаю тяготы своей жизни. Мне было-то тогда 4 года, брату Яну - 2 года, а в 1937 году в Белом родился брат Владимир.

Долгие годы жили под надзором комендатуры. Особенно тяжко было в годы Великой Отечественной войны. Ежемесячно ходили отмечаться в комендатуру.

В 1947 году окончила 7 классов Беловской школы Мамлютского района. Мать очень хотела, чтоб я училась дальше. Она отдала комен-

данту плащ отца, и он дал разрешение на учебу дальше. Из шерсти связала себе юбку, кофту, чулки. Из крашеной простыни сшила платье. В Мамлютке училась вместе с детьми высокопоставленных начальников - Демьяненко, Закирченко, Коротковой. Жила на квартире у Ивановой, тети Тани, муж которой возил горючее, а она сидела дома. За квартиру денег не брали. В мои обязанности входило: все прибрать и с котлована воды натаскать. Когда училась в 10 классе, учитель физики Рассказов пришел ко мне домой и удивился бедности моего уголка. Директор школы Моисеев Никита Матвеевич выделил деньги, чтобы платить за квартиру, и я стала жить у тети Моти Слободиной. Она денег за квартиру не брала, а покупала хлеб на деньги, которые давали от школы. В течение недели хлеб накапливался, и в субботу уносила домой в Белое. По окончании 10 классов поступила в Петропавловский учительский институт. Через два года, после окончания учебы, работала в Сенжарке.

В 1953 году, в апреле, написала письмо в Верховный Совет СССР, чтобы узнать об отце. Получила справку о том, что 4 октября 1938 года он расстрелян. Реабилитирован посмертно. До 1956 года без разрешения комендатуры никуда за пределы населенного пункта выехать было нельзя. Вся жизнь была в страхе. Помню случай, когда работник милиции Афанасенко ночью вызвал мать на улицу, а мы стали смотреть в окно и увидели, как он наставил наган на мать как на жену "врага народа". Я упала в обморок. Детский крик заставил работника НКВД отпустить мать. Прошли годы, но из памяти эти страшные дни не вычеркнуть.

КАК ПОЛЯКИ ОКАЗАЛИСЬ В КАЗАХСТАНЕ

Касонич А. С., г. Кокшетау

Поляки в Казахстане оказались волей судьбы. Мало кто, даже среди нас самих, знает историю о том, как и почему мы здесь очутились. А вывезены были поляки с земли украинской в 1936-1937 годах - из Житомирской, Каменец-Подольской (Хмельницкой), Винницкой и частично других областей.

Для сбора давали от нескольких часов до суток, выгоняли на железную дорогу, формировались товарные вагоны, и неделями, в нечеловеческих условиях людей транспортировали за Урал без каких-либо документов.

Все же большая часть поляков была вывезена в Казахстан в Кокшетаускую область. Попросту высадили их со скромным скарбом в широких степях. Вбивали кол в землю с номером, который обозначал

поселение - "точку". Жили при комендантском режиме. От "точки" нельзя было удаляться более чем на три-пять километров.

Вот что вспоминали мои родители - Виктория и Станислав Тыньковские: "В 1936 году к нам пришел человек, забрал документы и сказал: "Собирайтесь, вашу семью отправляем за Урал". Тут последовали вопросы, правда, много их задавать не пришлось, а ответов так и не последовало. Утром мама собрала маленькую Марию (ей было около двух месяцев) - это моя старшая сестра, кое-что из домашней утвари, одежду, пеленки и пошла на станцию.

А семью моей бабушки уже ликвидировали. Дедушку, Лося Григория, забрали в Житомир в психбольницу. Позднее сообщили, что он умер там, и никто не знает, где он похоронен. Бабушку, Камилю Петровну Лось, с сыном Ярославом Лосем и дочерью Антониной Змеевской выслали кого куда. В родительском доме оставались невысланными Галина 14 лет и Янина - 12-ти. Немного побыв там, они отправились искать свою родню и таким образом попали в Казахстан.

Родилась я спустя неполных четыре года после переселения родителей. А высадили их на точку № 2 в селе Донецкое в Чкаловском районе. Таких точек в этом районе было тринадцать. Отец вместе с соседями вбил кол, и на этом месте мы построили жилье. Люди с собой украдкой привезли иконы и польские молитвенники, по которым учили детей читать. Сохраняли, как могли, свои обычаи, традиции, язык, религию. Родители мои закончили польские школы на Украине. Отец уехал на Урал в надежде быстро возвратиться, но не тут-то было.

Так случилось, что чаще привозили со станции Таинча переселенцев на полуторках или бричках в Чкаловский, Келлеровский районы, в поселок Сухотино (г. Красноармейск). Люди обосновались в палатках, несмотря на холодную погоду. Это было в апреле 1936 года. Разговаривали люди на польско-украинском языке, но вскоре это было запрещено.

Так постепенно строились дома-землянки. Пол был земляной. Появилась русская школа, больница, почта.

В 1936 году на вторую точку, то есть в село Донецкое, привезли около двадцати грудных детей. Но в связи с переменой климата, эпидемией скарлатины в живых осталось только двое - моя сестра Мария и еще один мальчик по фамилии Пено.

Иногда "точка" была расположена недалеко от казахского аула, и нашими соседями были казахи. Сначала они отнеслись к полякам с недоверием, потому что были высланы как "враги народа". Спустя некоторое время постепенно завязалась польско-казахская дружба. Те и другие не знали русского языка, но, тем не менее, находили способ об-

щения, и местные жители оказывали полякам посильную помощь. Налаживалась торговля.

Помню, как отец на лошади уезжал куда-то, а возвращался с подарками. Привозил чай, сахарин, сахар, ткань. А мама пекла большие буханки хлеба, и отец увозил их. Оказывается, около села Донецкое, где я родилась, был поселок Сауле (сейчас его нет), где жили наши друзья-казахи, и отец ездил к ним. С казахами поляки жили мирно, ездили друг к другу в гости.

В 1946-1947 годах, после войны, был разрешен выезд в Польшу. Но у нас не было снято спецпереселение, поэтому возможность уехать имели только те поляки, которые выселялись в 40-е годы, так как во время войны они были гражданами Польши. Также уехали некоторые семьи из числа спецпереселенцев, но таких мало.

До 1956 года спецпереселенцы, как нас называли, жили при комендантском режиме, потом наступила "оттепель".

Польша для поляков Казахстана является исторической родиной. Сейчас дана возможность выбора - репатриировать в Польшу или оставаться в Казахстане. Этот вопрос каждый поляк решает по-своему.

О ЖИЗНИ: "ВЕЗЛО, НЕ ВЕЗЛО"

Лайус А.М., г. Мамлютка

Я родился в семье столяра-краснодеревщика. Отец - Лайус Марто Юрьевич, мать - Паулина Ивановна - медицинский работник.

Нашей семье удалось проживать в городе Ревеле до января 1914 года. За участие в тайном совещании Эстонской большевистской организации РСДРП в Петрограде моему отцу, члену партии с 1905 года, после ареста было запрещено проживание в двух десятках городов российской империи. Семья тайно переехала из Ревеля в Гельсингфорс. На конспиративной квартире, как рассказывала мне мама, собиралась группа эстонских большевиков, и там бывал руководитель Виктор Кингисепп. Здесь 5 февраля 1915 года родилась сестра Арма.

До 1917 года наша семья находилась в Финляндии. В октябре снова вернулись в Ревель. Но 18 февраля 1918 года германская армия оккупировала Эстонию. Сопротивление плохо вооруженных отрядов Красной гвардии было подавлено. Семьи красногвардейцев были эвакуированы в Россию, сначала - в город Ямбург (ныне Кингисепп), а затем - в Петроград. Отец воевал в качестве комиссара на Псковском фронте. В Ямбурге мама с детьми жила до осени 1919 года. Белогвардейские войска

генерала Юденича заняли Ямбург. Они двигались в сторону Петрограда, чтобы подавить революцию. Но очень скоро армия Юденича была разгромлена, а 22 января 1920 года генерал подписал приказ о ликвидации своей армии.

В июне 1920 года вместе с мамой мы прибыли в Петроград. Отец был еще на фронте.

После окончания в 1930 году семи классов "Петершуле" я поступил в том же году в Ленинградский механико-конструкторский техникум им. М.И. Калинина, который окончил в 1933 году.

В ноябре 1933 года я и моя будущая жена Елена Федоровна Гайдарова прибыли в Московскую область на Истьинский механический завод "Двигатель" (филиал Ревельского завода "Двигатель", где когда-то работал отец). Я стал конструктором литейного цеха, а Елена Федоровна - конструктором механического. Здесь мы стали мужем и женой.

В начале августа 1934 года мы с Леной, уволившись с Истьинского завода, снова возвратились в Ленинград. 10 октября родилась первая дочь - Эрна. Я стал работать конструктором, сначала на заводе "Вперед", где изготавливали обувные машины, а с 1936 года - на Невском заводе им. Ленина.

Вечерами учился на II курсе конструкторского отделения Ленинградского института инженеров промышленного транспорта.

Все складывалось в нашей жизни благополучно. И вдруг нанесен жестокий удар...

Поздней осенью 1936 года поздно вечером в квартиру вошли двое мужчин. Один - в гражданской, другой - в военной одежде. Первый сказал моему отцу, что ему следует одеться и поехать вместе с ними. И показал бумагу... Отец оделся и сказал нам - матери, мне и Лене, - что скоро вернется, что это какое-то недоразумение, чтобы мы не волновались. Мама очень переживала. Я тогда еще не знал, что началась волна арестов в основном руководящих работников-коммунистов. Отец работал в Ленэнерго начальником эксплуатационного сектора. Через месяц после ареста мама сказала, что его судили по статье 58 и дали десять лет тюремного заключения без права переписки, увезли в тюрьму на Соловецкие острова... Больше ничего она не узнала. Я не верил, что отец, коммунист с дореволюционным стажем, подвергшийся репрессиям эстонской буржуазии, активно участвовавший в защите революции в Эстонии и на Псковском фронте, вдруг оказался контрреволюционером.

Руководитель конструкторского отдела, которому я рассказал о случившемся с отцом, не придал значения тому, что случилось, посоветовал не беспокоиться: "сын за отца не ответчик". Мы с Леной продол-

жали работать. Были довольны, что успешно наладилось производство лопаток для турбин. Росли заработки. Наши дети, благодаря маме, были сыты и здоровы. И вдруг меня вызывают в отделение милиции и говорят, что нашей семье следует через 96 часов покинуть Ленинград и уехать в ссылку в Тюмень. Ошеломленный, я принес эту весть домой. Мама велела как можно больше вещей продать и взять с собой только необходимое белье. Прибыв в Тюмень, мы узнали в управлении НКВД, что местом ссылки определено село Дубровное Дубровинского сельсовета и района. Путь туда лежал пароходом по Иртышу до города Тобольска, а отсюда автомашиной нас привезли на место ссылки. Здесь нас поселили в доме одной женщины.

В комендатуре нам сказали, что я могу устроиться работать в МТС слесарем, а Лена - учителем в школу и являться на отметку еженедельно. До отъезда из Ленинграда меня в райкоме комсомола исключили из комсомола как сына врага народа.

Мы оба устроились на работу. Лена стала статистом в районо, а я - в МТС слесарем. Началась новая страница "житья-бытья". Лена вошла в курс работы и быстро сошлась с людьми. И у меня в мастерской наладились отношения с ребятами-слесарями. Особых трудностей не испытывал, занимаясь еще в пионерском отряде моделизмом и радиотехникой, я пользовался многими инструментами, разбирался в "болтах и гайках". Конечно, тракторных моторов не разбирал и не ремонтировал. Смекалка и здесь помогала. Ребята-слесаря понимали, хоть рядом с ними и не специалист, но парень, быстро соображающий, что к чему. Конечно, они не знали, что я по специальности конструктор. Я нашел в библиотеке кое-какие книжки по моторам. Это хорошо помогло. Мастер поставил вскоре меня мотористом на нефтяной калоризаторный двигатель, вращавший динамомашину, ток которой освещал мастерскую.

Вскоре меня направили мотористом на молотьбу в колхоз. Поселил меня у себя сам председатель. Молотилку приводил такой же нефтяной двигатель, что и в МТМ. Я несколько дней производил наладку этого агрегата. И начался обмолот хлебных снопов.

В конце августа в обеденный перерыв около молотилки остановилась пролетка, запряженная лошадью, с сиденья опустился на землю оперуполномоченный НКВД, которого я уже знал, приходя на отметку в комендатуру. Он сообщил, что меня вызывает начальник НКВД и что сейчас же поедем в Дубровное. Я сказал помощнику, чтобы он продолжал работать.

Мы вдвоем уселись в пролетку и поехали. Начальник НКВД сказал, что меня вызывают в Тобольск, и что до поездки я буду здесь, в помещении НКВД.

Неделю сижу в КПЗ, три раза кормят и никуда не вызывают, и в Тобольск не везут. Я тогда еще не знал, что такое "арестован". Еще неделя проходит, наконец, вечером выводят в кабинет, где за столом, освещенным лампой, сидит следователь. Слева от него спиной ко мне сидят на стульях какие-то два человека в пальто с высоко поднятыми воротниками. Их лиц не видно. В комнате темновато. Меня посадили на стул в 5 метрах от стола следователя.

Допрос начался с ответов моих о фамилии, имени, отчестве, годе рождения, где родился, составе семьи и судился ли ранее. Потом один за другим эти два "свидетеля", фамилии которых не знаю до сих пор, твердили, что я среди колхозников вел антисоветскую агитацию. Я крикнул, чтобы они отпустили воротники и повернулись ко мне. Хотел подбежать к ним, но конвоир не пустил.

"Свидетели" сразу ушли. Я стал требовать, чтобы следователь вызвал председателя колхоза и колхозников, работавших на току. Я сказал, что все, что наговорили "свидетели", - вранье от начала до конца. Следователь что-то долго писал. Потом подозвал меня к себе и зачитал протокол допроса. Мои ответы и требования оказались записанными в протоколе. Я еще внимательно прочитал и только тогда подписал протокол допроса. На этом допрос закончился. Я снова в КПЗ. Снова кормят исправно, но не вызывают и в Тобольск не везут. И из моей семьи не приходит почему-то никто. Забегая вперед, скажу, что мою мать, жену тоже арестовали и увезли в Тобольскую тюрьму. Но об этом я узнал только через 2,5 года, когда снова оказался дома, в Дубровном.

Через месяц я оказался в Тобольской тюрьме. Попал в камеру вместе с уголовниками. Полгода не вызывали на допросы.

В начале 1938 года, в январе, нас - 30 заключенных - погрузили в грузовую машину с высокими бортами. Я оказался в середине людей. Сверху накрыли брезентом, края которого забили гвоздями по всему борту, и привезли в Тюменскую тюрьму.

В тюрьме познал новые отношения между арестантами, научился перестукиваться по тюремному "телеграфу". И главное, что "зарубил" себе, во-что бы то ни стало - выжить. Летом выводили на работу, физически я был крепок. На левое плечо ставили "подушку" и закрепляли ее веревочками. Двое мужиков брали за концы деревянную железнодорожную шпалу и клали на плечо точно посередине. Я переносил эти шпалы на расстояние около 100 метров и сбрасывал. Так продолжалась эта

работа 6 дней. Однажды положили на плечо шпалу длиннее предыдущих, сделав несколько шагов, я почувствовал, что что-то оборвалось внутри живота, шпала свалилась с плеча, а я упал, было очень больно. Меня увезли в медпункт, с неделю там пролежал, стало лучше, но больше шпалы не таскал. Снова в камере.

Сокамерники относились после этого случая ко мне дружески, подкармливали хлебом, иногда и продуктами из передач с воли.

Вскоре заболела десна. Врач сказал - цинга. Выдал лекарство и велел смазывать зубы и десну.

"Тройка" выносит приговор: 6 лет тюремного заключения и 5 лет поражения в гражданских правах.

Через месяц снова оказываюсь в Тобольской тюрьме. В камере, куда меня привели, лежало на полу человек тридцать мужчин возрастом 35-50 лет. Мне тогда было 25 лет. Уложил свои пожитки на свободное место, почти в середине камеры. Сосед справа оказался, как я вскоре узнал, секретарем Уватского райкома партии Ефремов (имя и отчество, к сожалению, забыл). Вскоре рассказал ему о себе, о семье, отце и что с ним случилось. Стал присматриваться к другим заключенным. Многие снимали с себя одежду, раскладывали на цементный пол и бутылками давили вшей, катая их вперед-назад.

Соседу я сказал, что в Тюменской тюрьме нас раз в месяц водили в баню. Об этом узнали в камере. Потребовали старшего надзирателя, которому сказали, чтобы вызвали прокурора. Последний прибыл через неделю. Заключенные потребовали, чтобы водили в баню и мыли белье, матрасы сенные и подушки. В конце концов, стали водить в баню через одну-две недели.

От Ефремова я узнал, что в камере все бывшие коммунисты, руководители различных учреждений и предприятий. Уголовников не было. У нас утвердился своего рода лекторий: вечером до отбоя час-полтора каждый пересказывал что-то из прочитанных книг, интересные случаи из жизни, истории, анекдоты, байки... вообще, кто что знает. Я за неделю пересказал роман Джованьоли "Спартак".

Ефремова через день вечером выводили на допросы, а утром он появлялся в камере, еле передвигаясь. Я укладывал его на постель и накладывал на синяки водные тряпки-компрессы. Однажды, придя утром, он сказал мне, что ни одного протокола не подписал.

Придя в себя днем, он, лежа на постели, вдруг в стихах выразил свое состояние так:

"Эх-ма, Елена!

Заехали в ухаб,

Грязи по колено,
Не вылезешь никак".

Через несколько дней его вызвали на допрос. Утром в камеру Ефремов не явился. Через три дня разносчик "баланды" тихо сказал мне, что Ефремов умер в больнице. Я сообщил об этом всем сокамерникам.

Старшие товарищи велели мне написать о своем аресте, следствии и приговоре "тройки" протест Генеральному прокурору СССР. И подробно рассказали, как писать протест - они знали мое "дело" хорошо. Я запомнил все. Через день я этот протест написал на двух листах и отдал старшему надзирателю Травникову.

Однажды в камеру вводят новичка. Он оказался общительным, перезнакомился, со всеми заводил разговоры на политические темы. Мне по секрету сказали, чтобы я с ним не откровенничал. Он - доносчик. А через три дня вызвали старшего надзирателя и велели из камеры увести этого "новичка", провокатора-доносчика.

Летом 1939 года меня вызвали на допрос. В комнате, где я очутился, за столом сидел начальник УНКВД Дубровинского района Федоренко. Он спросил: "Вы утверждаете, что не вели агитацию против колхозов и Советской власти?" Я ответил, что да, утверждаю, что никакой агитации не вел, все это ложь. Мои слова в протоколе были записаны так, как я сказал. Прочитав записанное, я поставил свою подпись.

Передо мной лежала толстая папка моего дела. Я попросил Федоренко разрешить прочитать мне, что там написано. Он разрешил. На четвертом листе из Ленинградского НКВД было написано: "Лайус Аксель Мартович знает о контрреволюционной деятельности своего отца. Принять меры к изоляции".

В этот момент в комнату вошел полковник, увидев, что я читаю свое "Дело", он с бранью набросился на Федоренко. Я тотчас закрыл папку и подвинул на старое место. Не скрою - испугался за начальника Дубровинского НКВД. Я заметил, что Федоренко побледнел.

Допрос окончился, и я снова в камере. Выслушав мой рассказ о том, что случилось, старшие товарищи мне сказали: "Ты скоро выйдешь на волю". Мне велели запомнить адрес, куда пойти, если освободят из тюрьмы, и рассказать о всех, кто остался еще в камере. Через 4 месяца, поздней осенью 1939 года, я обрел свободу. Мне выдали документы о прекращении судебного дела ввиду отсутствия состава преступления, но ссылка не отменялась, и следовало вновь прибыть в село Дубровное.

Спустившись с горы, где находилась тюрьма, я нашел улицу и дом, адрес которого дал мне сокамерник-коммунист. Женщины, узнав, откуда я пришел к ним, приняли меня с распростертыми объятиями, хотя

первый раз виделись. Быстро согрели в ванной горячую воду, я помылся, надел новое белье и верхнюю одежду. На столе уже шел пар из обеденных кастрюль. Но мне велели сразу много не есть. После обеда, к вечеру, в квартире собралось много женщин, фамилии мужей которых я раньше назвал хозяйке. Подробно о каждом их родственнике рассказал все, что знал, и попросил передать жене Ефремова - Елене о том, что случилось с ним в тюрьме. Выполнив все наказы сокамерников, через три дня я поехал из Тобольска домой. Женщины обули и одели меня с ног до головы теплой одеждой и снабдили питанием на дальнюю дорогу. Устроили меня сопровождающим развозчика почты до села Дубровное, через двое суток оказался дома. Лена была на работе, дети где-то бегали. Жили они в том же доме, где 2,5 года назад нас поселили. Хозяйка сказала, что Лена уже отчаялась меня увидеть. Слух о моем возвращении дошел до Лены и детей. Мы снова встретились, сколько тут было радости и слез. На следующий день после посещения прокурора мне в МТС выдали деньги за три месяца моей работы согласно особому постановлению правительства. Это было очень кстати. Мы потом приобрели продукты питания на зиму. Я сшил Лене меховую шубу, одели детей. Снова начал работать в МТМ.

Лена рассказала о том, как ее и маму арестовали и увезли в Тобольскую тюрьму. Мама и Лена сидели в разных камерах. Здесь сидела жена первого секретаря ЦК комсомола Косарева, с которой Лена вместе ходила мыть полы и заниматься уборкой каких-то помещений. После допросов через два месяца Лену из тюрьмы выпустили. Маму выпустили через девять месяцев. По выходе из тюрьмы Лене посоветовали переменить фамилию детей с эстонской на русскую. Она перерегистрировала их на свою фамилию. Я не стал ее укорять - время такое непонятное, пусть будет так. Наша жизнь постепенно улучшалась.

Весной 1940 года я перешел работать во вновь образовавшуюся Карагайскую МТС. Войдя в кабинет директора, я чуть не остолбенел. За столом сидел Травников, знакомый старший надзиратель Тобольской тюрьмы. Он, конечно, меня узнал, но тоже виду не подал. Мы поздоровались, как будто впервые друг друга встретили. Забегая вперед, скажу, что тогда я еще не знал, что Ежова расстреляли, а всех работников НКВД уволили. Пришел тогда в эти органы Л. Берия.

Директор сказал мне, что пока я первый слесарь и придется много поработать, чтобы оснастить МТС. Я согласился. Травников обещал устроить жену учительницей в школе.

В МТС я работал до конца Отечественной войны. Освоил множество слесарных работ, токарное, шлифовальное дело, заливку баббитом

подшипников и их расточку и шабрение при сборке с коленвалами тракторных моторов. Весной, летом и осенью работал трактористом и комбайнером, зимой занимался ремонтными работами. Так всю войну.

В августе 1948 года меня вызвали в райком партии в село Дубровное, я удивился, но поехал. Секретарь райкома (фамилию не помню) сказал: "Решено строить межколхозную электростанцию; оборудование уже прибыло. А вас назначили начальником и главным механиком ее". Я пообещал посоветоваться с женой. Все оборудование обследовал, понравилось. Через несколько дней вызвали в НКВД.

Начальник, капитан К. Федоренко, сообщил, что пришло предписание свыше всех ссыльных из Дубровинского района переселить в Северо-Казахстанскую область, в связи с тем, что здесь будут поселены "власовцы".

Вот так снова переворачивалась наладившаяся жизнь. Стали продавать все: скотину, кое-какую мебель. Новое место ссылки - город Петропавловск. Через неделю мы прибыли в Мамлютку, нас устроили на квартиру.

4 ноября 1948 года поступил работать на ремонтный завод. За 48 лет пришлось быть мастером, технологом, начальником литейного цеха - 10 лет, начальником техотдела, главным инженером, а уже будучи на пенсии, возглавлять бригаду по изготовлению новой техники и нестандартной продукции к оборудованию. Семь раз коммунисты избирали меня своим руководителем - секретарем. Награжден медалями за освоение целины, в честь 100-летия со дня рождения Ленина, "Ветеран труда", орденом. Трудового Красного Знамени и медалью "50 лет Победы".

Начало 1957 года ознаменовалось для всей нашей семьи освобождением от "дамоклова меча" политического ссыльного.

11 января 1957 года прокуратура города Ленинграда прислала ответ на наш запрос.

"Сообщаю, что Ваше заявление о реабилитации лично Вас нами направлено для рассмотрения по принадлежности начальнику УМВД ЛО, которое и сообщит результат рассмотрения.

Главная Военная прокуратура нам сообщила, что "дело на Лайуса Марто Юрьевича 18 декабря 1956 года направлено в Верховный суд на предмет его прекращения за отсутствием в действиях осужденного состава преступления. Ст. пом. прокурора гор. Ленинграда по надзору за следствием в органах госбезопасности Ронжин".

А 29 января 1957 года мы с Леной получили две справки: "Выдано гражданину Лайус Акселю Мартовичу, 1913 года рождения, в том, что 26 июня 1937 года был административно выселен из города Ленинграда.

Постановлением УВД Ленинградской области от 28 января 1957 года административная высылка, примененная к Лайусу А.М. в 1937 году, отменена с полной реабилитацией". Точно такая же справка пришла Лене, а потом маме.

Правда и справедливость восторжествовали, мы воспрянули духом.

Я никогда не верил, что мой отец может быть врагом народа. В его честности и порядочности не сомневался. Он для меня был авторитетом. И все, что с отцом и нашей семьей случилось, в этом не вина советского строя. Это творили высокопоставленные чиновники, пролезшие в аппарат госбезопасности, да и в судебные органы.

И желая продолжить путь своего отца, я в сентябре 1958 года стал членом КПСС.

Первую рекомендацию мне дал директор завода товарищ Железнов Н.Г. Членом КП Казахстана являюсь по сегодняшний день. О том, что случилось с партией и СССР после 1985 года, я имею свое мнение. А совсем недавно, в торжественной обстановке мне присвоили звание "Почетный гражданин Мамлютки".

"БЕЗ ПОМОЩИ КАЗАХОВ МЫ БЫ НЕ ВЫЖИЛИ..."

Ульбашев С.Д., г. Степняк

Я - балкарец. Родился в Кабардино-Балкарской АССР, Чегемском районе, пос. Шаурдат. Место очень красивое: горы, водопад рядом. Нас у отца с матерью четверо сыновей было. Я - самый старший. К тому времени, о котором хочу рассказать, мне было восемь лет. Шел 1944 год. Отца с нами уже не было, его забрали на фронт в 1942-м. В праздничный весенний день 8-е марта (хоть и не праздновали - война, а все-таки праздник), в 6 часов утра в наш дом вошли четыре солдата, распорядились за час собраться в дорогу. Один из них, сочувствуя, давал растерявшейся матери советы, что необходимо взять, что нужно было увязать в узлы.

Нас вывозили с родной земли как неблагонадежных. Хороший дом, хозяйство, утварь - все оставалось на произвол судьбы... Уже будучи взрослым, я все пытался выяснить, чем же могла навредить женщина с четырьмя маленькими детьми? Мне объяснили просто: "Некогда сортировать вас было". Я помню, хоть и маленьким был, а помню разговоры о том, что кто-то из земляков ходил встречать немцев хлебом-солью: факт есть факт.

Значит, действительно, вынуждена была власть пойти на такой шаг. Я уважаю Сталина. Это был хороший человек. Думаю, что все-таки не он дал распоряжение увезти меня из дома.

В Казахстане нас встретили хорошо. Помогали настолько, насколько позволяла тяжелая военная жизнь. Без помощи казахов мы бы не выжили. Сразу же по прибытии в Степняк мы три месяца прожили в Доме культуры. Спали на полу. Потом нашим местом жительства были "джукаякские" землянки, похожие на норы, потом - "польские бараки". В 1946 году умерла мама и один из братьев. После их смерти я с братом попал в детский дом. Находился там с 1947 по 1951 годы. Самого маленького определили в ясли. Мы его только по воскресеньям забирали к тете.

Страшно и больно вспоминать о той нашей жизни. Было в ней, кажется, все плохое, что только есть на свете. И все-таки жили. С благодарностью вспоминаю директора бывшего Степняковского детского дома Анатолия Федоровича Егорова. Большой души был человек. Много встречал я и других хороших людей и до сих пор встречаю, но и плохие люди тоже есть. Эти говорят: "Уезжай на свою родину". "Чем мешаю Вам? - спрашиваю, - живу, как все". "Уезжай, и все". Хорошо, что мало таких людей.

С учебой дело шло туго. Некогда было учиться, но пять классов я все-таки закончил, потом в ФЗУ получил профессию электрика. Средний брат по моему требованию учился дальше, а вот младший, когда обстоятельства более-менее позволяли учиться, посещать школу отказался наотрез. Ему было уже тринадцать лет, не хотел сидеть за партой с малышами, стеснялся. Выучил я его профессиям, которыми сам владел, а читать и писать он так и не умеет.

В 1955 году был первый поток призыва в Советскую Армию таких, как я. Раньше ведь тех, кто был под комендатурой, не призывали. А тут "оттепель". Если бы кто знал, как я гордился этим. Человеком полноценным себя почувствовал. Служил до 1957 года, попал под хрущевский указ о сокращении армии. В 1958 году женился. Вот так и живу. Ездил в Кабардино-Балкарию повидать родные места. Моей деревни уже нет на земле. Немцы ее сожгли, разрушили... Я даже не нашел, где наш дом стоял. Если буду переезжать, то другое место искать придется.

"...В 5 ЧАСОВ УТРА ПРИШЛИ СОЛДАТЫ"

Халилева З.Х., участница Великой Отечественной войны, г. Зеренда

Мы жили в Крыму. Я работала в РОНО. Когда сообщили приказ о выселении крымских татар, я проводила совещание. Вначале я не поверила, думала, что будут высылать не всех, а только тех, кто замешан в каких-то связях. А я была в партизанском отряде связистом. Пошла к

первому секретарю райкома партии уточнить, он с сожалением подтвердил. В 5 часов утра пришли солдаты, разрешили взять необходимые вещи и погрузили в вагоны. Моих родителей и сестру забрали из села, поэтому мы попали в разные вагоны. Везли 5 суток, на третьи сутки на одной из стоянок я увидела свою мать и сестру. Охрана из числа солдат даже не разрешила выходить из вагона. Попали мы в Гурьевскую область. Около месяца проживали там, затем нас перебросили в Узбекистан. Оттуда через год мы переехали. Нас оправдали в 1958 году.

IV. СКОРБНАЯ СТАТИСТИКА

Наверное, мало найдется предприятий, учреждений, организаций, куда не дотянулись бы карающие руки УНКВД в годы сталинского режима, повальной охоты за "врагами народа". Кошмарная "цепная реакция" охватила страну, когда на людей всех рангов, званий, положений, сословий заводились миллионы судебных дел. Перед вами список работников областного государственного банка, арестованных только в 1937-1938 годы. Небольшой коллектив служащих только за 2 года потерял 13 человек, начиная от управляющего до рядового консультанта.

Публикуемые далее статистические таблицы по Союзу ССР дают общую полную картину нависшей над страной трагедии.

Чернышева Н.Н.

СПИСОК
работников Государственного банка
Северо-Казахстанской области, репрессированных в 1937-1938 гг.
(взято из приказов по личному составу за 1936-1938 гг.)

1. Панов Алексей Ефимович - управляющий областной конторой Госбанка, 1889 года рождения, из крестьян Тверской губернии. Член партии с 1917 года. В 1905 году - рабочий-булочник. С 1915 - на военной службе. В Красной Армии - в 1917-1920 гг., затем - военком в г.Оренбурге. В 1924 г. - управляющий отделением банка в г. Кустанае. 1925-1927 гг. - управляющий Петропавловским отделением банка. 1929-1930 гг. - работал в Казкомбанке в г. Алма-Ате, учеба в Москве в Академии внешней торговли (1930-1932 гг.). С 1932 г. по 1936 г. -

управляющий Карагандинской областной конторой Госбанка в г. Петропавловске. Приказом Промбанка СССР № 203 от 2.09.1936 г. отстранен от занимаемой должности. Приказом по областной конторе Госбанка № 48 от 8.03.1937 г. исключен из штата как троцкист, арестован.

2. Чернышев Александр Иванович - главный бухгалтер Северо-Казахстанской конторы Госбанка, 1896 года рождения, родился в Петропавловске, родители из Владимирской области. Службу по найму начал в 1912 году конторщиком в торговом доме "Стреловы и К", потом перешел в Петропавловское отделение Русского торгово-промышленного банка. С 1915 года по 1920 год - служба в царской армии, гражданская война, переход в Красную Армию. Один из первых работников организованного в 1922 году Петропавловского отделения Госбанка - заведующий отделом товарных операций, а с 1932 года по 1937 год - главный бухгалтер областной конторы Госбанка. В 1938 году арестован и 3 апреля 1938 года исключен из штата конторы в виду ареста. Была жена и сын.

3. Палий Федот Петрович - ревизор Северо-Казахстанской областной конторы Госбанка. Родился в 1893 году на Полтавщине. Участник первой мировой войны. С 1936 по 1937 гг. - ревизор банка. Арестован 25 января 1938 года. Реабилитирован посмертно.

4. Нестулла Владимир Михайлович - главный бухгалтер городского отдела областной конторы Госбанка, 1891 года рождения. На работе в Госбанке в Петропавловске с 1925 года. Приказом № 25 от 4.02.1938 года исключен из штата в виду ареста. Остались жена-учительница, сын, дочь. Внук - Хонко Василий Владиславович.

5. Фураева Анастасия Никитична, 1894 года рождения - инспектор кредитного отдела Северо-Казахстанской областной конторы Госбанка. На работе в банке с 1925 года. Исключена из штата конторы с 4.02.1938 года ввиду ареста. Была дочь.

6. Лукьянов Василий Гаврилович - управляющий областной конторой Госбанка с марта 1937 года. С 7 мая до 16 мая 1938 года находился в служебной командировке в Алма-Ате, после возвращения сразу был арестован (16 мая 1938 года).

7. Зараманский Сергей Гаврилович, 1897 года рождения, консультант по кредитным вопросам, руководитель сводного плана и статистики. На работе в банке г. Петропавловска с 1929 года. Арестован 10 февраля 1938 года.

8. Люцедорский Георгий Силеверстович, 1905 года рождения, старший инспектор отдела денежного обращения Северо-Казахстанской

конторы Госбанка. Арестован 20 июля 1938 года. Реабилитирован посмертно.

9. Гольцман Вениамин Исаевич, 1899 года рождения, старший кредитный инспектор группы промышленности облконторы Госбанка. Арестован 20 июля 1938 года. Реабилитирован посмертно.

10. Крафт Александр Исаевич, 1898 года рождения, немец. Старший инспектор облконторы Госбанка. Арестован 11 февраля 1938 года.

11. Катубинский Иван Викулович - директор горотдела облконторы Госбанка. Арестован в феврале 1937 года. С 10 февраля 1937 года снят с работы (приказ № 29).

12. Торчиков С.М. - старший инспектор группы наркомпищепрома облконторы Госбанка. Арестован 1 декабря 1936 года. (Приказ от 8.03.1937 года об исключении из штата).

13. Суслов Я.Н. - зав. группой статистики кредитного отдела облконторы Госбанка. Арестован 16 декабря 1936 года. (Приказ от 8.03.1937 года об исключении из штата).

АНАЛИЗИРОВАТЬ И ПОМНИТЬ

Плешаков А. А.

Статья В.П. Попова "Государственный террор в Советской России 1923-1953 гг. (источники и их интерпретация)" в журнале "Отечественные архивы" (1992, № 2, с. 20-31), таблицы из которой приводятся ниже, посвящена анализу судебно-исполнительской деятельности советского государства за годы репрессий (1923-1953) по статистическим данным Минюста СССР, официальным документам из фондов наркоматов (министерств) внутренних дел и юстиции СССР, Прокуратуры СССР.

В.П. Попов дает краткую характеристику немногочисленных и порой противоречивых библиографических источников, имеющихся по этому вопросу, и на основе собственных исследований делает весьма успешную попытку определить общую численность осужденных по РСФСР и СССР за эти годы, пытается объяснить исторические обстоятельства, которые привели к невиданному росту "преступности" в стране.

О характере репрессивной политики государства дает представление динамика численности осужденных. В.П. Попов в своей работе использовал данные за 1923-1953 годы. В оглавлении к таблице автор указывает "Численность... по СССР", "Социальный состав... по СССР", а

в тексте оговаривает, что данные взяты только по РСФСР. В.П.Попов обосновывает выбор данных только по РСФСР, хотя, на наш взгляд, это не совсем правомерно, т.к. судебная машина действовала на всей территории СССР и осужденные в РСФСР зачастую отбывали наказание в других республиках, а из союзных республик масса народа по этапам отправлялась на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток, пополняя лагеря РСФСР. К примеру, КарЛАГ как один из огромных инструментов репрессивной политики объединял в своих бараках представителей не только Казахстана, но и других республик, в том числе и РСФСР.

Весьма показательна цифра "40 млн. осужденных" за годы репрессий, и, хотя автор дает оговорку, что цифра "сильно занижена", учитывая то, что она отражает масштабы репрессий только в Российской Федерации без учета национальных окраин СССР, можно довольно реально представить полную картину того судебно-исполнительского гнета, который существовал в эти годы на всей территории СССР.

Не случайно в тексте статьи указываются расхождения в цифрах различных источников Минюста СССР в связи с изменением в программе отчетности и, вероятнее всего, зачастую выпадали данные по "незначительным" преступлениям с небольшими сроками, но в то же время это явно показательные цифры по искалеченным судьбам живых людей, получивших срок "за колоски" или "три огурца с колхозного поля", о чем также говорит в своей работе В.П. Попов.

Очень убедительно в статье приводится статистика численности населения РСФСР и количество осужденных, из чего следует, что каждый третий дееспособный житель государства получал срок за те или иные противоправные действия. Сегодня мы не имеем в своем распоряжении подобных статистических данных по Казахстану, но вполне можно предположить, что в процентном отношении положение было идентичным, поскольку действовала одна и та же судебно-исполнительская власть на всей территории СССР.

В статье приводятся данные по РСФСР и СССР вперемежку, а значит, сложно подсчитать истинные цифры и масштабы репрессий, не стыкуются данные таблиц 1, 2 и 3 из-за того, что в гражданские суды зачастую попадали дела из НКВД-МГБ-МВД и наоборот, следовательно, есть опасность двойной статистики. Автор совершенно не случайно вступает в полемику с В.Н.Земсковым и другими по поводу цифровых данных.

Вышеперечисленные недостатки скорее не вина, а беда автора, поскольку данная статистика в источниках МВД СССР являлась и подчас является до сих пор "секретной" и "сов. секретной", а также в силу об-

стоятельств, на которые ссылается автор, может быть вполне преднамеренно неточной.

Однако, несмотря на трудности, В.П. Попову удалось выявить по статистическим данным не только размах, но и этапы репрессий. Им рассматриваются три всплеска "борьбы с контрреволюцией". Самый высокий пришелся на 1937 и 1938 гг. - 1,3 млн. человек (33,1% общего числа осужденных за тридцать с лишним лет по данной статье). Из них 682 тыс. - т.е. более половины - были приговорены к высшей мере наказания. Несколько меньший по величине этап был в 30-й год - более 200 тыс. осужденных, большинство из которых составляли "кулаки", и 1933 год - около 240 тыс. осужденных, главным образом, "кулаки-саботажники" хлебозаготовок. Третий этап был в годы войны, когда велась "решительная борьба с агентурой врага в тылу и всякого рода пораженческими элементами". Автор указывает на рост осужденных в 1945-1946 гг.

Все эти репрессии против народа объяснялись этапами "обострения классовой борьбы".

В статье и в таблицах разделены приговоры по гражданским судам и по делам ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД, хотя и по тем и по другим делам, если их рассмотреть с сегодняшних позиций, основная масса осужденных понесла наказания в силу определенных политических условий в стране, устанавливающих массовый террор против своего народа.

За пределами исследований остались репрессии против целых народов. Немцы, корейцы, чеченцы, ингуши, крымские татары - эти народы практически полностью были переселены со своих обжитых мест в нечеловеческие условия - и это не менее трагическая страница в репрессивной политике государства. Сегодня мы знаем, что эти народы сотнями и тысячами умирали от голода, холода и болезней в степях Казахстана, в сибирских и уральских лесах в так называемой "трудармии". Но эта печальная статистика не попала в страшные таблицы, где за каждой цифрой стоят не только те люди, которых они отражают, но и их семьи, лишенные кормильцев. А ведь зачастую семьи "врагов народа" выселялись на Урал, в Сибирь и Казахстан без решения суда и, естественно, попасть в эти трагические статистические данные не могли.

Из таблиц, представленных В.П. Поповым, хорошо видно, что количество осужденных снижается к 1953 году, однако приговоренных гражданскими судами - 818 708 человек - для 1953 года, с его "холодным летом", цифра чрезвычайно огромная.

КОЛИЧЕСТВО ОСУЖДЕННЫХ ПО ДЕЛАМ ОРГАНОВ ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД ЗА 1921-1953 гг.*

Таблица 1

Год	Всего осуждено	В том числе:			
		ВМН	Лагеря и тюрьмы	Ссылка и высылка	Прочие меры
1921	35 829	9 701	21 724	1 817	2 587
1922	6 003	1 962	2 656	166	1 219
1923	4 794	414	2 336	2 044	-
1924	12 425	2 550	4 151	5 724	-
1925	15 995	2 433	6 851	6 274	437
1926	17 804	990	7 547	8 571	696
1927	26 036	2 363	12 267	11 235	171
1928	33 757	869	16 211	15 640	1 037
1929	56 220	2 109	25 853	24 517	3 741
1930	208 069	20 201	114 443	58 816	14 609
1931	180 696	10 651	105 683	63 269	1 093
1932	141 919	2 728	73 946	36 017	29 228
1933	239 664	2 154	138 903	54 262	44 345
1934	78 999	2 056	59 451	5 994	11 498
1935	267 076	1 229	185 846	33 601	46 400
1936	274 670	1 118	219 418	23 719	30 415
1937	790 665	353 074	429 311	1 366	6 914
1938	554 258	328 618	205 509	16 842	3 289
1939	63 889	2 552	54 666	3 783	2 888
1940	71 806	1 649	65 727	2 142	2 288
1941	75 411	8 011	65 000	1 200	1 210
1942	124 406	23 278	88 809	7 070	5 249
1943	78 441	3 579	68 887	4 787	1 188
1944	75 109	3 029	73 610	649	821
1945	123 248	4 252	116 681	1 647	668
1946	123 294	2 896	117 943	1 498	957
1947	78 810	1 105	76 581	666	458
1948	73 269	-	72 552	419	298
1949	75 125	8	64 509	10 316	300
1950	60 641	475	54 466	5 225	475
1951	54 775	1 609	49 142	3 425	599
1952	28 800	1 612	25 824	773	591
1953 (1-е полугодие)	8 403	198	7 894	38	273
1921-1953 гг.	4 060 306	799 455	2 634 397	413 512	215 942
То же в %	100,0	19,7	64,8	10,2	5,3

Таблица 2

Год	Всего осуждено	Кем осуждены			
		Трибуналами и судами	Коллегией ОГПУ	Особым Совещанием	Тройками
1921	35 829	35 829	Кем осуждены, сведений не имеется		
1922	6 003	6 003			
1923	4 794	4 794			
1924	12 425	3 059	-	9 366	-
1925	15 995	-	2 284	9 221	4 490
1926	17 804	-	2 323	13 102	2 379
1927	26 036	-	3 434	15 947	6 655
1928	33 757	-	3 756	25 844	4 157
1929	56 220	-	10 262	37 197	8 761
1930	208 069	-	9 072	19 377	179 620
1931	180 696	-	13 357	14 592	152 747
1932	141 919	49 106	6 604	26 052	60 157
1933	239 664	214 334	-	25 330	-
1934	78 999	32 577	12 588	1 003	32 831
1935	267 076	118 465	-	29 452	119 159
1936	274 670	114 383	-	18 969	141 318
1937	790 665	39 694	45 060	17 911	688 000
1938	554 258	95 057	-	45 768	413 433
1939	63 889		50 868**	13 021	
1940	71 806		28 894**	42 912	
1941	75 411		48 877**	26 534	
1942	124 406		46 858**	77 598	
1943	78 441		53 307**	25 134	
1944	75 109		64 498**	10 611	
1945	123 248		96 667**	26 581	
1946	123 294		114 974**	8 320	
1947	78 810		65 417**	13 393	
1948	73 269		56 012**	17 257	
1949	75 125		36 665**	38 460	
1950	60 641		41 222**	19 419	
1951	54 775		45 699**	9 076	
1952	28 800		27 842**	958	
1953 (1-е полугодие)	8 403		8 199**	204	
1921-1953 гг.	4 060 306		1 608 046**	638 599	1 813 707
То же в %	100,0		39,6	15,8	44,6

* Таблицы составлены на основании справок, подготовленных и.о. начальника 1-го спецотдела МВД СССР полковником Павловым и датированных 11 декабря 1953 г. На документах имеется пометка:

"Послано письмо тов. Маленкову и тов. Хрущеву №26/К от 5.1.54". Буквенный индекс "К" означает, что письмо высшему партийно-правительственному руководству было подписано министром внутренних дел СССР генерал-полковником С.Н. Кругловым. В справках допущены две существенные неточности. В графе 4 таблицы 2 указаны осужденные коллегией ОГПУ в 1937 г., тогда как последнее прекратило свое существование в 1934 г. Численность осужденных Особым Совещанием при НКВД СССР (графа 5 таблицы 2) приводится с 1924 г., однако оно было образовано лишь 5 ноября 1934 года. Следовательно, ошибочно указанные за названные годы осужденные должны быть отнесены на счет действовавших в тот период ОГПУ-НКВД. В одной справке имеется карандашная пометка: "Всего осужденных за 1921-1938 гг. – 2 944 879 чел., из них 30% (1 062 тыс.) – уголовники В этом случае общее число осужденных за "контрреволюционные преступления" составит всего 3 млн. (4,1 млн. – 1,1 млн. = 3 млн.), что значительно меньше цифры в 3,8 млн. человек, как не подлежащей сомнению. Приведенный пример хорошо иллюстрирует необходимость детального критического анализа источников. Расхождения между абсолютными цифрами за 1921-1953 гг. не превышают 0,1% (Прим. автора).

** За 1939-1953 гг. приводится общее число осужденных военными коллегиями, трибуналами и судами. (Прим. автора).

(Таблицы составлена по данным: ЦГАОР. Архивная коллекция).

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ОСУЖДЕННЫХ (ПО ПРИГОВОРАМ ГРАЖДАНСКИХ СУДОВ, ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ) ПО СССР

Год	Социальный состав осужденных					
	Рабочие и члены их семей	Служащие и члены их семей	Колхозники и члены их семей	Крестьяне-единоличники и члены их семей	Кустари и члены их семей	Прочие (нетрудящиеся элементы)
1940 Всего	434 135	239 937	330 048	66 768	39 668	128 621
То же в %	35,0	19,4	26,6	5,4	3,2	10,4
1945 Всего	335 952	140 307	241 965	18 823	1 674	100 288
То же в %	40,0	16,7	28,8	2,2	0,2	11,9
1946 Всего	427 486	185 043	289 943	38 143	2 105	150 657

То же в %	39,1	16,9	26,5	3,5	0,2	13,8
1947 Всего	502 904	236 481	354 875	54 429	2 539	240 558
То же в %	36,1	17,0	25,5	3,9	0,2	17,3
1948 Всего	340 982	237 475	268 469	48 624	2 087	165 749
То же в %	32.1	22,3	25,2	4,6	0,2	15,6
1949 Всего	341 494	237 244	245 777	39 079	3 381	128 871
То же в %	34,3	23,8	24,7	3,9	0,3	12,9
1950 Всего	331 732	226 508	228 520	19 433	2 962	93 101
То же в %	36,8	25,1	25,3	2,2	0,3	10,3
1951 Всего	353 501	199 982	226 179	11 499	2 682	88 813
То же в %	40,0	22,7	25,6	1,3	0,3	10,1
1952 Всего	401 732	214 733	248 502	9 202	2 676	93 098
То же в %	41,1	22,1	25,6	1,0	0,3	9,6
1953 Всего	393 815	141 986	179 402	4 611	2 179	96 414
То же в %	48,1	17,3	21,9	0,6	0,3	11,8

ПАРТИЙНОСТЬ И МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ПО ПРИГОВОРАМ ГРАЖДАНСКИХ СУДОВ, ВСТУПИВШИХ В ЗАКОННУЮ СИЛУ) ПО СССР

Год	Партийность		Место совершения преступления	
	Члены и кандидаты в члены ВКП(б)	Члены и кандидаты в члены ВЛКСМ	Города и рабочие поселки	Сельские местности
1940 Всего	30 537	52 246	636 657	602 420
То же в %	2,5	4,2	51,4	48,6
1945 Всего	21 391	24 112	438 281	400 728
То же в %	2,5	2,9	52,1	47,9
1946 Всего	37 889	31 720	576 699	516 678
То же в %	3,5	2,9	52,7	47,2
1947 Всего	57 286	34 013	728 849	662 937
То же в %	4,1	2,4	52,4	47,6
1948 Всего	57 022	26 256	548 157	515 260
То же в %	5,4	2,5	51,5	48,1
1949 Всего	52 825	28 779	516 352	479 494
То же в %	5,3	2,9	51,9	48,1
1950 Всего	48 698	29 889	458 428	443 828
То же в %	5,4	3,3	50,8	49,2
1951 Всего	41 878	32 703	449 161	433 494
То же в %	4,7	3,7	50,9	49,1
1952 Всего	47 310	39 946	494 356	475 587
То же в %	4,9	4,1	51,0	49,0
1953 Всего	26 589	34 927	452 625	366 083
То же в %	3,2	4,3	55,3	44,7

ЧИСЛЕННОСТЬ, МЕРЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И СОСТАВ ОСУЖДЕННЫХ (ПО ПРИГОВОРАМ ГРАЖДАНСКИХ СУДОВ, ВСТУПИВШИЇ В ЗАКОННУЮ СИЛУ) ПО СССР*

Из статьи Попова В.П. "Государственный террор в советской России 1923-1953 гг. (источники и интерпретация)"

Год	Число осужденных	Меры уголовного наказания, к которым приговорены осужденные						
		Лишение свободы		Исправительные работы		Условное осуждение		
		До 3-х лет включит.	Свыше 3-х - до 5- лет	Свыше 5 до 10 лет	Свыше 10 лет	Итого		
1940	1 239 077	522 265	60 214	26 403	107	608 989	392 003	86 859
Всего	100,0	42,1	4,9	2,1	0,0	49,1	31,6	7,0
То же в %								
1945	840 589	341 691	58 270	29 000	111	429 072	214 445	100
Всего	100,0	40,6	6,9	3,5	0,0	51,0	25,5	606
То же в %								12,0
1946	1 094 002	514 205	83 797	44 391	161	642 554	253 154	103
Всего	100,0	47,0	7,7	4,0	0,0	58,7	23,1	605
То же в %								9,9
1947	1 391 786	550 659	190 362	236 138	16	993 419	225 733	86 315
Всего	100,0	39,6	13,7	17,0	260	71,4	16,2	6,2
То же в %					1,1			
1948	1 063 417	256 386	113 390	260 403	51	681 290	197 313	67 317
Всего	100,0	24,1	10,7	24,5	111	64,1	18,6	6,3
То же в %					4,8			
1949	955 846	243 296	90 513	222 132	61	617 860	177 589	63 089
Всего	100,0	24,4	9,1	22,3	919	62,0	17,8	9,6
То же в %					6,2			
1950	902 256	199 981	73 192	184 483	56	514 627	176 643	56 915
Всего	100,0	22,2	8,1	20,4	917	57,0	19,6	6,3
То же в %					6,3			
1951	882 655	200 204	72 550	156 326	46	476 910	175 160	54 876
Всего	100,0	22,7	8,2	17,7	830	54,0	19,8	6,2
То же в %					5,4			
1952	969 943	217 091	84 514	169 690	51	522 329	189 412	51 395
Всего	100,0	22,4	8,7	17,5	034	53,9	19,5	5,3
То же в %					5,3			
1953	818 708	177 040	106 439	139 442	39	462 320	120 091	35 622
Всего	100,0	21,6	13,3	17,0	399	56,4	14,7	4,4
То же в %					4,8			

Год	Число осужденных	В том числе		
		Женщин	Подростков до 16 лет	Судившихся ранее
1940 Всего	1 239 077	213 077	24 467	205 711
То же в %	100,0	17,2	2,0	16,6
1945 Всего	840 589	331 774	34 589	94 402
То же в %	100,0	39,5	4,1	11,2
1946 Всего	1 094 002	247 827	30 498	108 142
То же в %	100,0	31,8	2,8	9,9
1947 Всего	1 391 786	425 240	29 205	136 624
То же в %	100,0	30,6	2,1	9,8
1948 Всего	1 063 417	333 474	10 801	110 373
То же в %	100,0	31,4	1,0	10,4
1949 Всего	955 846	299 974	9 631	112 340
То же в %	100,0	30,1	1,0	11,3
1950 Всего	902 256	280 593	8 665	114 322
То же в %	100,0	31,1	1,0	12,7
1951 Всего	882 655	281 833	9 298	111 107
То же в %	100,0	31,9	1,1	12,6
1952 Всего	969 943	305 305	10 452	112 638
То же в %	100,0	31,5	1,1	11,6
1953 Всего	818 708	230 990	8 689	72 829
То же в %	100,0	28,2	1,1	8,9

* Из-за резких колебаний по годам Минюст СССР не включал в форму 10 осужденных по указам Президиума Верховного Совета СССР от 26. 06. 40 и 15. 04. 42. Общее число осужденных по названным указам (за прогулы и самовольные уходы с предприятий и учреждений, за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней и уклонение от мобилизации на сельхозработы) составляла: в 1940 году – 2 091 438 чел. (или 62,8% ко всему числу осужденных гражданскими судами), в 1946 г. – 1 207 808 чел. (52,5%), в 1947 г. – 1 048 725 чел. (43,0%), в 1948 г. – 938 842 чел. (46,9%), в 1949 г. – 929 683 чел. (48,3%), в 1950 г. – 845 216 чел. (48,4%), в 1951 г. – 538 147 чел. (37,9%), в 1952 г. – 477492 чел. (33%), в 1953 г. – 308 536 чел. (27,4%). В раздел "меры наказания" не включены: осужденные к расстрелу (до издания указа от 26. 05. 47 об отмене смертной казни было осуждено к расстрелу в 1940 г. – 525 чел., за 1945 – май 1947 гг. – 1 442 чел.), к штрафу, к общественному порицанию, к ссылке. Поэтому суммирование процентных показателей не дает 100%.

Таблица составлена по данным ЦГАОР. Архивная коллекция. (Прим. автора).

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

Оқырманға 3
К читателю 3

I. СТРОГО ДОКУМЕНТАЛЬНО
(исследования историков, краеведов)
Мағазов Қ. Қасірет пен қайғы жылдары 5
Магазов К.М. Годы трагедии и скорби 29
Трусов В.И. Конфискация имущества и выселение баев в Петропавловском округе (1928 г.) 50
Салахова О.А. Анатомия форсированного развития 59
Зайберт В.Ф., Муканова Г.К. Из истории спецпоселений в Казахстане: этнические депортации 30-40-х гг. XX в. 62
Трусов В.И. Из архивных документов 77
Салахова О.А. Насильно переселенные 80
Мелехин М.М. Поляки в Северном Казахстане 83
Салахова О.А. Возвращение на Родину. Реабилитация 87
Шахбиев З. Выселение чеченцев и ингушей 90
Ахметова К.К. Депортация чеченцев и ингушей 93
Сим Ф.А. Так решались проблемы этнических меньшинств в СССР 96

II. О НАШИХ ЗЕМЛЯКАХ
(статьи, очерки краеведов)
Абатурова Р.А., Власова Л.И. Слово, устремленное в будущее 103
Мелехин М.М. Магжан. Неизвестная страница биографии 108
Мұқанов Қ. Алаштың абзал азаматы, ақыны 111
Омаров Қ. О. Ә. Айсарин 127
Магазов К.М. Среди девятнадцати 131
Мағазов Қ. Өшкен шаңырақ 134
Магазов К.М. Подвиг матери 138
Муканов К. Возвращенное имя 141
Құлмағамбетов, Мұқанов Қ. Ыбырай Сандыбаев 147
Любушин В.И. Воскреснувшис из пепла времени 155
Мамытов Н.К. Судьба прокурора 168
Шевченко С.П. Реквием 170
Ғаббасов М. Қасыретті жылдар салқыны 175
Михайлов М.Т. За шпионаж в пользу чехословацкой разведки 180
Трусов В.И. Человек неиссякаемой энергии 181
Магазов К.М. Годы унижения и преследования 184
Мелехин М.М. Федот ... именно тот 187
Мелехин М.М. Человек трагической судьбы 189
Физов А.С. Это нашей истории строки 193
Физов А.С. Начальник политотдела 196
Салахова О.А. За отсутствием состава преступления 199
Абильмажинов С.А. Пусть знают внуки 203
Ильиных Л.В. Где золото роют в горах 207
Алтаева Т. Материалы о репрессированных 211
Дусурупов К. Воспоминания репрессированных, их родственников и земляков 214

Письмо о смягчении наказания И.В. Сталину..... 215

III. СЛОВА ЖИВЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ

Габбасов М.Г. Боль лихолетья 217
Алпысов Т. Воспоминания об отце..... 220
Аубакиров К. Оправдали после смерти 221
Батталова Н. Слово об отце..... 222
Каримов Б.К. Ее называли "декабристкой"..... 224
Кутемгенова М. Двадцать лет с клеймом "враг народа"..... 227
Смагулова К. Не знаю лица отца 227
Таскулов В. Я чуть не дошел по сумасшествия..... 228
Хамитов Б. Забрали, кто попался под руку 231
Эспет Ж. Асыл бейне..... 232
Воронова А.Г. Домой не вернулся. Арестован..... 234
Гришкова П.Д. Воспоминания об отце – Перфильеве Д.С. 235
Догадина А.А. Чтобы не повторилось кошмарное прошлое..... 238
Домбровский Ф. Не только убивали, но еще и грабили..... 238
Ерофеев Н.А. Оправдать невозможно..... 239
Иотов К.Д. Прямо с работы - в "черный воронок"..... 245
Китриж З.С. Ни о чем не спрашивая, объявили срок – 10 лет..... 246
Ошкович Я.Е. Кто возместит моральные страдания..... 247
Першин Н.Н. Никто не судил, за что забрали, не знаю..... 250
Плотникова С.П. Боролся за чистоту православия 251
Салахов И. Свою биографию не пожелал бы пережить никому 252
Сербина З.Г. Поплатились за то, что много работали..... 254
Сечной А.А. Рассказ об отце..... 256
Сидорова А.А. Пока живу, буду помнить..... 257
Токаржевская Е.Н. Выслан как социально опасный элемент..... 259
Филиппова А.М. Был отец кузнецом, блоху мог подковать 259
Фурсова А.М. Поклониться бы праху отца..... 261
Храпова 0.П. Без слез не вспомнишь..... 262
Чечелюк Н.Г. Горе несправедливости на двоих..... 262
Бэдер А.Р. Надеемся, что будет мир и согласие..... 264
Вехтер А.Д. Люди это или животные?..... 265
Вовнова Н.И. Вина в том, что он был немец..... 267
Гаврилова А.Г. Объявили о временном выезде 268
Гольштейн Ф.Р. Семья жила впроголодь..... 268
Гуш А.А. Годы за колючей проволокой 269
Капиз В.О. Мать сослали, отца забрали 270
Карлюченко Э.Я. Мать троих детей – в трудармию 271
Стрельникова М.В. Провинились тем, что были немецкой национальности..... 272
Кизнер В.Э. Трупы лошадьми вывозили в тайгу..... 274
Киссельман Ф.Ф. Были случаи - и крыс ели 276
Краус А.Р. Жили в постоянном напряжении 277
Умерших хоронили в общих ямах..... 278
Шатилов З.А. Целый месяц в товарный поездах 279
Шнайдер Г.Я. Людей уже никто не спасал..... 280
Франц Э.И. Умерших в пути детей выкидывали на ходу..... 281
Циглер П. Этапы нелегкой жизни..... 282
Шиллер И.Н. В трудармии были люди всех национальностей..... 284
Шлейдовец А.А. Прожили страшную, ужасную жизнь 285
Эрленбуш Е.В. Расскажите своим детям правду о 30-х годах 286

Зайцева С.К. Это не забудется никогда 289
Касонич А.С. Как поляки оказались в Казахстане..... 290
Лайус А.М. О жизни: "везло, не везло"..... 292
Ульбашев С. Д. Без помощи казахов мы бы не выжили 300
Халилева З.Х. В 5 часов утра пришли солдаты 301

СКОРБНАЯ СТАТИСТИКА

Чернышова Н.Н. Список работников Госбанка Северо-Казахстанской области, репрессированных в 1937-1938 гг. 302
Плешаков А.А. Анализировать и помнить..... 304

Трагедия и прозрение - Сборник архивных материалов и воспоминаний жертв голода и политических репрессий. – **Петропавловск, 2002 г. - 316 с.**

Заказчик: Акимат Северо-Казахстанской области, Департамент культуры, Областной Совет Ветеранов Северо-Казахстанской области.

Ответственный редактор: А.А. Плешаков.
Ответственные за выпуск: К.М. Магазов А.Е. Ряжских, Е.Т. Джелбулдин, В.М. Трусов,

Макет: Лаборатория "Проблемы археологии Казахстана", СКГУ.
Техническая редакция: И.В. Махначёва, Н.С. Ковшова, С.В. Захаров.
Корректоры: А.Ю. Леонтьева, Ж.Ж. Мокушев.

Отпечатано в ОАО "Полиграфия".
Печать офсетная. Усл. печ. листов 19,75.
Заказ № 4145. Тираж 250.
г. Петропавловск, ул. Конституции, 11.